

Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России

МЕГАТРЕНДЫ

ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI веке

Издание второе, исправленное и дополненное

Под редакцией

доктора политических наук *Т. А. Шаклеиной*
кандидата политических наук *А. А. Байкова*

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов
Российской Федерации по образованию в области
международных отношений в качестве **учебника**
для студентов вузов, обучающихся по направлениям
подготовки (специальностям) «Международные отношения»
и «Зарубежное регионоведение»*

Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
М41

При поддержке Научно-образовательного форума
по международным отношениям

Рецензенты

чл.-корр. РАН *Ж. Т. Тощенко,*
чл.-корр. РАН *А. В. Кузнецов,*
д.полит.н. *А. Д. Воскресенский*

Предисловие к 2-му изданию академика РАН *А. В. Торкунова*

Авторский коллектив

к.полит.н. А. А. Байков (введение, гл. 8, 17, 21), д.полит.н. Э. Я. Баталов (гл. 1, 2, заключение), д.полит.н. А. Д. Богатуров (введение),
к.и.н. И. В. Болгова (гл. 21), к.полит.н. И. В. Данилин (гл. 14),
к.полит.н. Е. С. Зиновьева (гл. 13), д.полит.н. М. В. Ильин (гл. 3),
к.полит.н. Е. В. Колдунова (гл. 18), д.и.н. А. В. Крутских (гл. 13),
М. В. Мамонов (гл. 19), чл.-корр. РАН В. В. Наумкин (гл. 9),
чл.-корр. РАН С. В. Рязанцев (гл. 7), академик РАН Н. А. Симония (гл. 6),
д.полит.н. В. П. Сударев (гл. 20), к.полит.н. А. А. Сушенцов (гл. 11),
к.э.н. И. Р. Томберг (гл. 15), к.и.н. А. В. Фененко (гл. 12, 22),
д.полит.н. Т. А. Шаклеина (введение, гл. 4, 16), д.э.н. Ю. В. Шишков (гл. 5, 10)

Редактор к.полит.н. И. А. Истомин

Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под. ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. . — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 448 с.

ISBN 978–5–7567–0768–7

Авторы книги — ведущие российские специалисты-международники — рассуждают о ключевых тенденциях развития мировой системы: транснационализации политической и экономической жизни государств, новых источниках международной нестабильности и изменении ее природы, этнических началах идентичности и их связи с конфликтностью, эволюции многонациональных государств, о «субъективном» в мировой политике, роли внешних сил в урегулировании внутривнутриполитических проблем отдельных стран, соотношении материальных и нематериальных факторов международных отношений. Особое внимание уделено возникновению новых направлений в науке о международных отношениях, связанных с миграциями и демографией, проблемами лидерства и порядка в мировой политике, анализом взаимоотношений западных и незападных компонентов современной системы международных отношений сквозь призму интересов и восприятия России.

Издание адресовано студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям, научным сотрудникам, а также всем, кто интересуется современной международной жизнью и ключевыми вопросами развития современного мира.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0768–7

© Коллектив авторов, 2017
© МГИМО МИД России, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте www.aspectpress.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Мегатренды: 30 лет спустя. Предисловие к 2-му изданию	5
Введение. «Мегатренды и глобальные проблемы» как учебная дисциплина. Содержание и структура предметного поля	11

Раздел 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Глава 1. Основные направления эволюции современной миросистемы	23
Глава 2. Всемирный идейно-политический кризис	40
Глава 3. Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства	58
Глава 4. Становление нового мирового порядка в 2010-х годах	73
Глава 5. Роль государства в парадигме общественного развития в XXI веке	89
Глава 6. Экономическая глобализация и конкуренция за мировое лидерство	110
Глава 7. Глобальные демографические и миграционные тренды	129

Раздел 2

КЛЮЧЕВЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

Глава 8. Международная интеграция в теоретическом дискурсе	147
Глава 9. Этноконфессиональная разнородность и анклавизация современных обществ	167
Глава 10. Формирование глобального рынка труда: международно-политические последствия	184
Глава 11. Современные конфликты и их особенности	200

Глава 12.	Ядерное сдерживание в современной мировой политике	222
Глава 13.	Фактор науки и технологий в международных взаимодействиях	239
Глава 14.	Глобальная инновационная система: тенденции, свойства, эффекты	253
Глава 15.	Мировые энергетические тренды	268

Раздел 3 ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ

Глава 16.	Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века	287
Глава 17.	Институционализация региональных комплексов в Европе и Тихоокеанской Азии	303
Глава 18.	Конфигурация лидерства в Восточноазиатской подсистеме	325
Глава 19.	Современная внешнеполитическая стратегия КНР ...	343
Глава 20.	Сценарии эволюции межамериканского пространства	361
Глава 21.	Международные отношения в постсоветском ареале	373
Глава 22.	«Новые политические пространства» в структуре междержавных противоречий	393
Вместо заключения.	Прагматизм и этика в мировой политике. Куда мы идем?	418
Рекомендуемая литература	434
Предметный указатель	439
Сведения об авторах	446

МЕГАТРЕНДЫ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ¹

Предисловие к 2-му изданию

Термин «мегатренды» стал давно привычным в научных дискуссиях². Однако не так часто мы задумываемся над тем, как они во всей своей совокупности проявляются на современном этапе мирового развития. В этом смысле только что появившаяся книга «Мегатренды» положительно выделяется стремлением авторов комплексно проанализировать глобальные тренды как феномен сегодняшней действительности. Такой анализ важен и актуален не только для лучшего понимания всего происходящего в мире, но и для адекватного представления о том, чего же мы можем ожидать в будущем, а также что можно (и нужно) сделать для нейтрализации кризисных процессов и угроз разного уровня и направленности.

«Мегатренды» охватывают широкий тематический спектр, связанный как с текущими изменениями международной среды, так и с эволюцией попыток управления этими трансформациями. В этом смысле книга отражает реально присутствующую двойственность объективных и субъективных оснований мирового развития. Авторы не просто разбирают тенденции в традиционных областях международных взаимодействий: в сферах политической организации общественных отношений, безопасности и экономики. Существенное внимание в книге уделено проблематике, которая по-прежнему остается недооцененной в российских исследованиях мировой политики. Речь прежде всего идет о сдвигах в демографической карте мира, политических последствиях глобальных миграционных потоков, влиянии на международные отношения нового этапа научно-технологического развития.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что современную мировую систему характеризуют несколько функциональных трендов. К ним относятся ускорение темпов социального развития, инверсия фундаментальных ценностей, виртуализация общественно-политических отношений, появление новой модели политической власти и управления в отдельных странах.

¹ Торкунов А. В. Мегатренды: 30 лет спустя // Международная жизнь. 2013. № 10.

² В 1982 г. вышла в свет книга американского политолога и футуролога Джона Нэйсбита, ставшая бестселлером в США и за рубежом: *Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. N.Y.: Warner Books, 1982.

Развиваются процессы полицентризации мира, кризиса института глобального лидерства, смещение центра мирового развития на работу. Все это идет на фоне универсализации миграционных потоков. Каждый из указанных трендов сложен и амбивалентен по своему характеру и оказывает двойственное воздействие на мир, подводит человечество к той черте, за которой начнется новая эпоха, мир более жесткий, чем тот, в котором мы живем сейчас. Чтобы адаптироваться к грядущему миру, следует верно оценить последствия и возможности встраивания в этот новый мир как отдельной страны, так и каждого человека.

В монографии «Мегатренды» вопросу миропорядка и роли государства в его функционировании и модификации уделяется особое внимание. И это понятно. Несмотря на рост влияния нестрановых действующих лиц, только у государства-нации остаются пока основные рычаги оказания решающего влияния на происходящее в разных сферах мировой политики. Перефразируя известное высказывание Марка Твена, можно с уверенностью утверждать, что слухи о смерти государства оказались сильно преувеличенными. Аналогичная судьба постигла и дебаты о суверенитете, особенно после того, как нарушение норм международного права со стороны США и Организации Североатлантического договора (гуманитарная военная интервенция или *responsibility to protect*) начало вызывать критику и противодействие со стороны ряда ведущих мировых держав, способных защитить свой суверенитет, но не желающих, чтобы страдали другие страны, полагающиеся на защиту мирового сообщества (ООН).

Сопряженный с проблемами миропорядка вопрос о иерархии в системе международных отношений в XXI веке остается открытым. Единого мнения нет. Мир все дальше уходит от моноцентричного/однополярного мира, не принимает гегемонию сверхдержавы и стремится защититься, не только наращивая военную мощь, но и объединяя усилия на макрорегиональном уровне.

Особое место проблема глобального лидерства занимает в экономической сфере, где кризис 2008–2009 годов выдвинул в центр академических дискуссий и дебатов во время форумов «двадчатки» и других международных экономических объединений проблему соответствия существующих институтов и мер реагирования происходящим процессам и кризисным явлениям. Не утихают споры о роли США и других ведущих держав в мировой финансово-экономической политике¹.

Процессы глобализации мирохозяйственных связей находятся в самой начальной стадии и уже проявили свою диалектическую противоречивость. Современный мир представляет собой структурный симбиоз. Существуют высокоиндустриальные державы с информаци-

¹ Подробнее см.: Симония Н. А., Торкунов А. В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность // Библиотека «Международной жизни». 2013.

онно-технологическим (ИТ) укладом, от которых исходят импульсы модернизации в разные регионы мира; отдельные крупные развивающиеся страны с индустриальной экономикой, в которых развиваются элементы ИТ-уклада; развивающиеся страны на стадии решения задач традиционной индустриализации; группу развивающихся стран с серьезными проблемами, решать которые помогает мировое сообщество (преимущественно Запад); неудавшиеся государства.

Во время переходной фазы, когда происходит столкновение традиционного и современного, нарушается экономическая, социальная и политическая стабильность в отдельных странах, а значит, и в мировой системе.

Хронический характер приобрела безработица, появились проблемы внутреннего порядка в передовой экономике мира — Соединенных Штатах, которые не имеют источников покрытия своих долгов и дефицитов, кроме сокращения внутренних расходов и новых заимствований. Напрашивается вывод, что в процессе современного развития капитализма не просматривается явного лидера, что США прошли пик своего могущества и настойчивые усилия сохранить сверхдержавность только ускоряют их движение по наклонной плоскости. Аналогичные мысли высказывают и отдельные американские политологи, обеспокоенные продолжением политики США по достижению глобального управляющего статуса через гегемонию¹.

Неслучайно авторы книги уделяют большое внимание социально-экономическим проблемам, так как от их решения на глобальном, региональном и страновом уровнях зависит будущее мировой системы, ее прочность и стабильность развития, не говоря уже о судьбах отдельных государств. Экономические тренды взаимосвязаны с демографическими и миграционными процессами, формированием глобального рынка труда, усилением этноконфессиональной разнородности и анклавизацией современных обществ. Новые тренды заметны в сфере развития и институционализации интеграционных структур, которые по-разному действуют и формируются на разных основах на Западе и на Востоке². Встает вопрос о возможности унификации интеграционных моделей, нахождения общего эталона или критерия оценки усилий стран в разных региональных подсистемах: европейской, североамериканской, латиноамериканской, восточноазиатской, «Малой Евразии» (постсоветский ареал).

¹ См., например: *Mandelbaum M. The Frugal Superpower. N.Y.: Public Affairs, 2010; Friedman Th. and Mandelbaum M. That Used to Be US. How America Fell behind in the World It Invented and How We Can Come Back. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011; Moyo D. How the West Was Lost. Fifty Years of Economic Folly and the Choices Ahead. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.*

² См. также: *Байков А. А. Сравнительная интеграция. М.: Аспект Пресс, 2012.*

Как будет соотноситься и пересекаться тренд по формированию крупных подсистем, в том числе трансокеанических, с интеграционными процессами, перераспределением влияния между новыми и старыми центрами силы на глобальном и региональном уровнях? Как вообще будет складываться взаимодействие между ведущими мировыми державами, каким потенциалом мирорегулирования они обладают? Что можно ожидать от Соединенных Штатов? Эти и другие вопросы авторы книги стараются проанализировать в рамках общей методологической парадигмы исследования мегатрендов XXI века.

Нельзя обойти вниманием разделы книги, где рассматриваются фактор науки и технологий в международных взаимодействиях, глобальная инновационная система, мировые энергетические тренды. Следует говорить о системных изменениях технологических основ современной энергетики, стоящей на пороге энергетической революции, в основе которой лежит начавшийся переход от индустриальной энергетики к постиндустриальной. Наиболее заметным признаком такого развития стало развитие возобновляемой энергетики с инновационными технологиями, сделавшей ее одной из наиболее мощно развиваемых отраслей мировой экономики.

Отмечается, что с развитием указанного тренда не может не считаться ни одна ведущая и сверхбогатая ресурсами страна мира, так как именно сфера альтернативной энергетики становится одним из основных поставщиков передовых инновационных технологий. Появляются риски глубокого технологического отставания, так как большая часть происходящих изменений затрагивает неэнергетические секторы.

Сфера обеспечения международной безопасности по-прежнему остается остро проблемной для мирового сообщества и отдельных стран, так как после окончания периода биполярного регулирования пока не просматривается перспектива достижения всестороннего консенсуса между ведущими державами, прежде всего ядерными, в выработке общих норм и правил поведения. Действия США и стран—членов НАТО часто игнорируют положения Устава ООН, внедряемые ими нормы имеют прецедентный и двойственный характер, в большинстве случаев военное вмешательство оставляет после себя разруху и нестабильность в странах — объектах гуманитарных военных интервенций.

Остро стоит вопрос о распространении и применении ядерного оружия (ЯО) и оружия массового уничтожения (ОМУ) вообще, регулирования процесса наращивания обычных вооружений и оружия нового поколения. Многие страны проводят независимую политику в этих вопросах, а последние военно-политические документы администрации Обамы откровенно свидетельствуют о продолжении политики по наращиванию американского военного потенциала и использования «жесткой силы» в одностороннем порядке.

Вынуждены принимать ответные меры и другие державы, включая Россию, Китай, Индию, Бразилию и др. В книге с сожалением констатируется, что на смену «оборонительному сдерживанию», рассматривавшему ядерное оружие как средство предупреждения агрессии, приходит модель «наступательного сдерживания», в рамках которой ограниченное применение ЯО становится частью принуждения оппонента к совершению определенных действий, которые по своей воле он не стал бы совершать. Эта тенденция повышает риск применения ядерного оружия, возрождая забытые с 1980-х годов концепции «ограниченной ядерной войны»¹.

Очень важно, что авторы не оставили без внимания тренд по освоению так называемых «новых политических пространств», где все сильнее разгорается конкурентная борьба не только между ведущими державами, в нее вовлекаются и государства среднего уровня. Речь идет о Мировом океане, приполярных территориях, воздушном и информационном пространствах. Отмечается, что борьба за передел «общих пространств» отражает фундаментальный сдвиг в структуре среды международной безопасности. Понимание пространства вышло за пределы «территориальной» геополитики. Увеличение числа пространств порождает новые формы межгосударственных или даже транснациональных конфликтов. Переход к «сферической» модели парадоксальным образом возрождает теории «жесткой силы» и геополитического соперничества.

Предлагаемая вниманию читателей книга — это подведение итогов изучения и обобщения наиболее актуальных проблем мировой политики ведущими российскими учеными, но одновременно это и задел для дальнейшего анализа и прогнозирования (и моделирования) развития обозначенных мегатрендов. Это очень важно для России, для планирования ее действий во всех сферах мировой политики, где она сохраняет достаточно сильные позиции, несмотря на то, что ее потенциал по отдельным компонентам мощи распределен неравномерно. Большинство развивающихся трендов серьезно затрагивают ее интересы: она остается одной из самых больших и богатых территорий, крупнейшей военной державой и так или иначе вовлечена практически во все значимые процессы на глобальном, макрорегиональном и региональном уровнях.

В соседних с Россией государствах и регионах происходят события, которые усиливают региональную нестабильность, способствуют возникновению новых угроз для безопасности РФ. Seriously затрагивают интересы России и борьба за «освоение» и раздел Арктики, планы

¹ См. также: *Фененко А. В.* Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013.

США по переконфигурации сил в АТР, действия в космической сфере (милитаризация). Неслучайно авторы книги озаглавили ее заключительный раздел «Прагматизм и этика в мировой политике. Куда мы идем?» Действительно, куда движется мировое сообщество, сможем ли мы сохранить то позитивное, что было создано человечеством после окончания разрушительной войны XX века — Второй мировой войны? Сумеет ли прийти к консенсусу по вопросам морали и норм международного права? Все это очень актуальные и важные вопросы. Россия жестко и целенаправленно отстаивает важность сохранения ООН, общих ограничительных норм, не допускающих агрессию и разрушение государств.

Важно также, что в монографии представлены исследования российских авторов с учетом того, как эти вопросы трактуются в новейших исследованиях российских, американских и европейских специалистов-международников. В этом смысле «Мегатренды» — это книга не только о том, *что* происходит, но и о том, *как* реальность описывается и интерпретируется в экспертно-академическом сообществе.

Научная и практическая значимость появившегося научного труда усиливается тем, что это «учебник нового поколения», призванный поднять на более высокий уровень подготовку дипломатов и специалистов-международников. Введение в действие образовательных стандартов нового поколения остро ставит проблему обеспечения учебного процесса качественной и актуальной литературой. Создание учебников и учебных пособий, отражающих основные тенденции развития международной среды и адекватные теоретические подходы к их осмыслению, — насущная и далеко не решенная в полной мере методологическая задача, с которой столкнулось российское научное и педагогическое сообщество. МГИМО — Университет уже выпустил ряд интересных учебников и учебных пособий по международным отношениям и мировой политике, которые широко используются в вузах Российской Федерации и других стран¹. «Мегатренды» стали важным и значимым вкладом в российскую сферу образования.

Анатолий Торкунов
ректор МГИМО, академик РАН

¹ См., например: Современные международные отношения: Учебник для вузов / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012; Современные глобальные проблемы: Учеб. пособие для вузов / Под ред. В. Г. Барановского и А. Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2010 и др.

ВВЕДЕНИЕ

«Мегатренды и глобальные проблемы»
как учебная дисциплина.

Содержание и структура предметного поля

Появление курса «Мегатренды и глобальные проблемы» в базовом компоненте федеральных государственных образовательных стандартов не случайно. «Мегатренды» — «синтетическая», интегральная дисциплина*. В ее предметных полях на базе ранее полученных студентами знаний и умений соединяются важнейшие вопросы теории и практики международных отношений. Их осмысление и адекватный анализ возможны только при условии ознакомления с огромным корпусом литературы и материалами специализированных предметов, а также приобретения студентами панорамного, системного взгляда на международные отношения во всей их сложности и многомерности. В силу этого, данная дисциплина реализуется на принципиально ином — магистерском — уровне образования. Во многих отношениях место «Мегатрендов» в структуре подготовки магистров-международников — одно из центральных.

Главнейшей характеристикой современной эпохи является все более отчетливое осознание представителями разных стран и культур своей принадлежности к формирующемуся глобальному обществу. Складывается особый пласт научной литературы, посвященный всеобщим тенденциям (мегатрендам) и проблемам, затрагивающим человечество в целом.

Мегатренды — это крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы¹.

* Программу курса см. на сайте <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/kpamp/kurs/index.phtml>, а также <http://www.mgimo.ru/files/258668/megatrendy2014.pdf>.

Предисловие

Как отрасль науки о международных отношениях дисциплина «Мегатренды и глобальные проблемы» в качестве своего предмета исследует наиболее общие вопросы (1) текущего *состояния* системы международных отношений в целом, сложившегося мирового порядка, (2) процессов его *изменения* (динамики), а также (3) *регулирования* и *саморегулирования* глобальной системы.

В фокус этой дисциплины попадают действия ведущих государств мира («великих держав») и процессы структурирования на региональном уровне (региональные подсистемы), если они имеют значение с точки зрения *состояния мировой системы в целом*.

Система отношений между всеми субъектами международного взаимодействия по поводу решения вопросов общемирового значения, а также совокупность соответствующих общих или специализированных практик воздействия на планетарные процессы — военно-политические, экономические, идеологические, информационно-психологические, гуманитарные, экологические и иные — образуют **сферу глобальной политики — объект обсуждаемой нами дисциплины**.

В ее рамках прежде всего изучаются *объективные характеристики* экономического и демографического развития, состояние глобальных техногенной, антропогенной и естественно-природной сфер, становление глобального информационного пространства, тенденции научно-технического развития и военно-технологических инноваций, идеологические сдвиги, правовое развитие человечества.

Не менее важны динамика изменений в общем соотношении потенциалов ведущих государств, универсальные вопросы международной политической, экономической и военной конкуренции, международная безопасность, состояние природной среды, ресурсный потенциал мирового развития, глобальная социальная сфера (проблемы бедности, гендерного равенства, этнокультурных различий, этнополитической психологии).

Насущной необходимостью является постижение инструментальных начал регулирования мировой системы: управление рефлексией человека по поводу мировой реальности, философия и антропология международных отношений, проблематика глобальных институтов и инструментария неформального воздействия на ход международных отношений. Важнейшим трендом глобальной политики становится **формирование нового мирового порядка**.

Вопрос об упорядочении мирового развития, его регулировании обычно связывается либо с *добровольным конструктивным сотрудничеством* между ведущими странами мира (в идеале — между всеми), либо с *гегемонией* одной сверхсильной державы, способной проециро-

вать (в том числе навязывать) свою волю другим, прежде всего более слабым игрокам, или убеждать их принять ее условия международного развития, применяя как «жесткую», так и «мягкую» силу. Примеры первого типа регулирования — «европейский концерт» XIX в., ООН и «группа семи» в XX в., а также «группа двадцати» — в последнее десятилетие. Примеры второго — положение нацистской Германии в Европе в 1930-х годах или глобальные позиции США в конце 1940-х годов и с момента распада СССР в 1991 г. до приблизительно середины первого десятилетия XXI века.

В либеральной традиции с «позитивной» идеей регулирования международной системы связываются именно международные институты (формальные и неформальные).

Под **регулированием** понимается рациональное (сознательное и продуманное) воздействие на мировое развитие с целью предупреждения кризисов и войн, даже если стабильность мира в целом достигается за счет интересов безопасности конкретной страны или группы стран.

С течением времени представление о формировании международного порядка меняется. В русле синергетики (теории самоорганизации), например, миропорядок лишь отчасти трактуется как итог продуманных усилий отдельных государств и конкуренции между ними. Скорее он видится как результат внутренних колебаний, присущих глобальной системе, а понимание природы, амплитуды и «тренда» этих колебаний становится крайне важным для правильной оценки порядкаобразующих тенденций.

Источником динамики мировой политической системы с позиций рационализма как метапарадигмы осмысления международных отношений являются исходные устремления стран, народов, групп и индивидов к максимально полной реализации своих интересов или того, что каждый субъект под таковыми понимает.

Это важно

Эти устремления сталкиваются и вызывают конфликты. Во избежание войн или с целью их ограничения субъекты мировой политики вступают между собой в переговоры и дипломатические отношения, задача которых — взаимное приспособление, выработка условий сосуществования или даже интенсивного сближения на базе общих интересов.

Такого рода взаимодействие характеризует прежде всего *доглобальный* уровень. Сегодня же можно говорить о *противоречиях между интересами общемировой стабильности и развития, с одной стороны, и инте-*

ресами государств и негосударственных субъектов — с другой. Существует необходимость постоянно примирять эти интересы, но ресурсы для выполнения этой важнейшей функции примирения находятся преимущественно в руках самих государств и ряда наиболее могущественных корпораций.

Динамика и содержание процессов трансформации мирового порядка определяются взаимодействием всех субъектов международного общения по поводу решения глобальных проблем, но при преимущественном учете национальных интересов ключевых государств. Глобальная политика, таким образом, налагается на традиционную международную конкуренцию между государствами за лидерство, выход на наиболее благоприятные в глобальном разделении труда и преобладающие геополитические позиции.

Это важно

С точки зрения интересов всеобщего мира первостепенными ценностями того или иного мирового порядка в идеале являются способность наиболее мощных держав к самоограничению (сдержанности) и способность мирового сообщества в целом ограничивать действия тех международных субъектов (государств или негосударственных игроков), поведение которых наносит явный ущерб интересам международной безопасности в целом.

Самоограничение и ограничение — ключевые функции поддержания порядка, которые от лица всего международного сообщества пытаются выполнять международные организации, прежде всего ООН, а от своего собственного лица — отдельные наиболее сильные державы. В 1990-х годах это делали США, а в 2000-х и 2010-х в процесс мирорегулирования активно включились как традиционные (старые) «великие державы» — члены «восьмерки», так и «растущие державы» (Китай, Бразилия, Индия).

Условиями функционирования мирового порядка является в первую очередь наличие:

- ясной иерархии возможностей между ведущими державами, признаваемой всеми или явным большинством субъектов международных отношений;
- совокупности принципов и правил внешнеполитического поведения всех мировых игроков;
- системы принятия решений по ключевым международным вопросам, которая может гарантировать представительство интересов низших участников иерархии при принятии решений на ее высших уровнях;

- набора морально допустимых санкций за их нарушения, а также механизмов применения этих санкций;
- форм, методов и приемов реализации принимаемых решений, т.е. режима реализации порядка².

Это важно

Вопрос о глобальной иерархии традиционно связывается в литературе и общественном сознании в целом с понятием полярности в мировой системе. На уровне широкого общественного мнения периодически обсуждается вопрос о соотношении «однополярности» (моноцентричности) и «многополярности» (полицентричности). В методологическом отношении и в контексте общественных дискуссий важно иметь в виду, что **полицентричность предполагает наличие в мире нескольких держав, примерно сопоставимых по совокупности своих возможностей** — экономических, военных, политических, идеологических и организационных.

Важно помнить при этом, что именно государства и конкуренция между ними в первую очередь определяют состояние мировой системы и деятельность общемировых институтов регулирования отношений в сфере решения глобальных проблем.

Из всех субъектов международного взаимодействия именно государства задают тон деятельности ООН, Мирового банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации. Новые групповые регуляторы глобальной экономики и политики — «группа восьми» и «группа двадцати» — тоже состоят из представителей государств. Наконец, союз НАТО, постепенно движущийся в направлении превращения в важнейший орган регулирования глобальной военно-политической сферы, также представляет собой объединение государств.

Разумеется, в *решении глобальных вопросов нет монополии государственного начала*. Помимо государств, большое влияние оказывают разнообразные *негосударственные субъекты* — транснациональные корпорации (ТНК), международные политические, экологические и иные движения и организации, различные сетевые сообщества (в том числе криминальные), группы интересов и др. Однако очевидно, что по сравнению с государствами *этот класс субъектов гораздо более ограничен в своей деятельности* правилами и официальными механизмами международного общения на глобальном, региональном и страновых уровнях. Скорее негосударственные участники выполняют важнейшую роль «агентов общения», своего рода посредников между уровнями взаимодействия, в которых доминирующую роль играют государства.

Предисловие

Авторы предлагаемого учебника исходят из *расширительного толкования современных глобальных трендов*, которые включают в себя *вопросы, относящиеся к общемировому срезу общения между государствами (традиционными) и негосударственными («новыми») субъектами международной жизни*. Вот почему военно-политические, энергетические, финансово-экономические и политико-идеологические аспекты развития человечества заслуживают внимания не меньше, чем природоохранные и социально-гуманитарные.

К началу второго десятилетия XXI в. обращают на себя внимание две крупные тенденции.

Первая — нарастание однородности мира, вторая — параллельное усиление его сложности и даже пестроты, вызванное эффектом перемешивания разнородных составляющих общего мирового пространства посредством интенсифицировавшихся миграционных перетоков.

С одной стороны, появился и расширяется блок общих для всего человечества проблем. Отношения, в которые люди вступают ради решения этих общих проблем, образуют внешний транснациональный контур глобализации, который стягивает человечество в единое целое. Но, с другой стороны, под этим контуром происходит уменьшение очагов однородности.

Укрепление тренда на ускоренное нарастание этнической и культурной разнородности очевидно во многих странах, в том числе в России, Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии, ведущих странах ЕС и даже Японии. Направление потока пришлых этнических групп определяется движением из более бедных стран в более благополучные и связано с *формированием глобального рынка труда и человеческих ресурсов*.

Нарастание разнородности в разных районах мира — результат масштабных миграционных потоков, волна которых стала одним из следствий глобализации. Парадоксальным образом наряду с тенденцией к однородности экономических укладов отдельных стран и народов, к распространению единых стандартов потребления, ведения бизнеса, доступа к информации и в конечном счете прав человека и политической активности глобализация в той же мере выступает питательной средой нарастания в мире «перемешивания», многообразия, разнородности и в итоге анклавизации и порожденной ею внутривнутриполитической конфликтности.

Глобализация — это процесс разрастания в масштабах планеты наднациональной сети-оболочки черт подобия (слово «подобие» в этом контексте ключевое) и отношений взаимозависимости между субъектами международных отношений.

В этом смысле глобализация предстает как сеть отношений, «оплетающих» страны и народы «по поверхности». Внутри отдельных государств и этнических групп при этом продолжают развиваться отношения, нередко существенно иные и даже иногда противоположные тем, которым содействует глобализация. Те и другие при этом способны сосуществовать, образуя конгломераты³ разнородных укладов и моделей поведения в рамках единого международного сообщества, объединяемого по внешнему контуру наличием глобальных проблем, для решения которых требуются усилия всех участников международных отношений.

Важно помнить, что, судя по распространившейся в 1990-х и 2000-х годах научной и публицистической литературе, процесс глобализации сопровождается **опережающим** становлением нового мировосприятия, в основе которого лежат представления о принципиальном единстве частей современного мира (*мироцелостность*) и их неизбежной эволюции к дальнейшему единению (*глобализм*).

В мире XXI в., таким образом, одновременно происходят два взаимосвязанных мегатренда. *Во-первых*, нарастание важности общемировых тенденций и проблем и рост понимания необходимости сотрудничества в интересах их решения ведет к появлению единых правил, стандартов и практик, подчиненных логике сотрудничества в интересах стабильного развития всей планетарной системы. *Во-вторых*, внутри этой «рамки» развивается процесс усложнения, роста многообразия социальных, экономических и политических отношений как в отдельных государствах, так и между ними.

Нельзя абсолютизировать важность глобальных тенденций. Но недостаточно воспринимать происходящее в мире и лишь через призму потребностей своей страны. Российская Федерация — часть мироцелостности. Необходимо понимать, каковы российские национальные интересы. Однако не менее важно сознавать, что внешняя политика России формируется и проводится в реально существующем глобальном контексте, в общемировой политической и экономической среде. Эта среда может создавать новые шансы и возможности для реализации российских интересов, но она накладывает и определенные ограничения на действия нашей страны — точно так же, как и любой другой.

Мастерство дипломата состоит в том, чтобы отыскать механизм оптимального встраивания России в реальные процессы глобального развития, содействуя им в одних случаях и сопротивляясь — в других.

Предисловие

Важно избежать фронтального противостояния с объективно развивающимися глобальными трендами, т.е. теми тенденциями, возникновение и развитие которых обусловлено новыми объективными состояниями мировой системы, возникновением у нее новых качеств и потребностей, а также усложнением конкурентной среды. В противном случае существует угроза «общего перенапряжения» страны, постановки заведомо нереализуемых, не обеспеченных имеющимися ресурсами внешнеполитических задач⁴ и, как следствие, подрыва международных позиций нашей страны.

Предлагаемая вниманию читателя книга призвана служить основой изучения дисциплины «Мегатренды и глобальные проблемы», первая версия которой была разработана и прочитана в МГИМО-Университете в 2007 г. заслуженным деятелем науки Российской Федерации профессором А. Д. Богатуровым. В ее главах авторы анализируют основные тенденции современного мирового развития, его движущие силы, рассматривают варианты развития международной политической ситуации с учетом того, как эти вопросы трактуются в новейших исследованиях российских, американских и европейских специалистов-международников. В этом смысле «Мегатренды» — книга не только о том, что происходит, но и о том, как реальность описывается и интерпретируется в экспертно-академическом сообществе.

Цель учебника — дать понимание того, каким образом функционирует мировая система, какие мегатренды и тренды развиваются и будут оказывать решающее влияние на ее состояние, положение и политику отдельных субъектов. Особую роль авторы книги — ведущие российские специалисты-международники — отводят важным аспектам возникновения новых направлений международных отношений, связанных с экологией, миграциями и демографией, проблемам лидерства и порядка в мировой политике, анализу взаимоотношений западных и незападных компонентов современной системы международных отношений сквозь призму интересов и восприятия России.

Важное внимание в книге уделяется выявлению новой «повестки дня» в изучении проблем трансформации международной системы, международной безопасности и регулирования мировой политики. Именно поэтому предметное поле «Мегатрендов» включает в себя такие вопросы, как транснационализация политической и экономической жизни государств, новые источники международной нестабильности и изменение ее природы, самоопределение и конфликтность, эволюция многонациональных государств, «субъективные» начала

в мировой политике, роль внешних сил в урегулировании внутривнутриполитических проблем отдельных стран, соотношение материальных и нематериальных факторов международных отношений.

Настоящее издание позволит получить представление о понятии и природе мировой политики, протекающих в ее рамках глобальных процессах. Но это — лишь задача-минимум. Наша конечная цель — предлагая неоднозначные, дискуссионные и многовариантные трактовки центральных проблем международных отношений, содействовать развитию у студентов самостоятельных аналитических навыков по осмыслению мегатрендов мирового процесса сквозь призму интересов национального государства; способствовать совершенствованию осмысления политической составляющей мировых экономических и социально-гуманитарных процессов; совершенствовать умение структурировать проблему и выделять основополагающие факторы при анализе конфликтных явлений в различных областях международной жизни.

На протяжении нескольких лет авторы глав размышляли над особенностями современного этапа развития мировой системы, что находило отражение в их публикациях на страницах журнала «Международные процессы», в ходе реализации учебных курсов в МГИМО (У) МИД России, так или иначе связанных с проблематикой данного учебника («Мегатренды и глобальные проблемы», «Региональные подсистемы современных международных отношений», «Великие державы в мировой политике» и др.), в ходе научных конференций, где велись дискуссии по разным аспектам анализируемых в книге проблем.

Не все вопросы получили полномасштабное освещение, остается потребность продолжить изучение того, как будут развиваться обозначенные тренды и мегатренды. Прошло более тридцати лет после появления книги Дж. Нэйсбитта «Мегатренды», а дискуссии по поднятым им вопросам приобретают особую остроту именно сейчас, когда реально происходит оформление нового мирового порядка.

Примечания

¹ Книга Джона Нэйсбитта «Мегатренды» стала национальным бестселлером и вызвала широкие дискуссии в академических и политических кругах не только Соединенных Штатов, но и других стран. Анализируя ситуацию в Америке, предсказывая ее будущее, в частности переход от индустриальной экономики к информационной и сервисной экономике, Дж. Нэйсбитт положил начало новому осмыслению того, что происходило не только в США, но и в мире, того, что следует ожидать и другим странам. Его книгу называли «Дорожная карта»

та в XXI век». См.: *Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. N.Y.: Warner Books, 1982.

² *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997.

³ Подробнее см.: *Современная мировая политика. Прикладной анализ* / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2009. Гл. 2.

⁴ См.: *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008. Гл. 2.

Раздел 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

1. Основные направления эволюции современной миросистемы
2. Всемирный идейно-политический кризис
3. Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства
4. Становление нового мирового порядка в 2010-х годах
5. Роль государства в парадигме общественного развития в XXI веке
6. Экономическая глобализация и конкуренция за мировое лидерство
7. Глобальные демографические и миграционные тренды

После разрушения сложившегося во второй половине XX в. ядра мирорегулирования и поддерживаемой им нормативной системы проблема эффективного глобального управления приобрела актуальность и остроту. До сих пор не прекращается обсуждение того, в каком мировом порядке мы живем. Сохраняются разные суждения и оценки — от полного отрицания существования какого-то порядка (глобальный беспорядок) до упорного отстаивания концепции однополярного мирового порядка (американоцентричного или западно-либерального). Но реальность неумолимо доказывает: порядок сложился и его эволюция продолжается, ибо мировой порядок — это «живой» организм, который развивается под влиянием происходящих в мире процессов — трендов и мегатрендов, зависит от амбиций и действий ведущих мировых держав. Структура мира полицентрична, и формирование институциональных основ мирового порядка происходит при заметном влиянии разных центров силы и разных процессов.

1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ

В опубликованной в 1982 г. американским футурологом Джоном Нэйсбитом книге «Мегатренды», ставшей вскоре национальным, а чуть позднее и мировым бестселлером, автор исследовал «основные направления движения, которые определяют облик и суть» изменяющегося американского общества¹. Эти «основные направления» Нэйсбит и назвал мегатрендами, т.е. «большими тенденциями». Автор книги выделил десять таких тенденций, которые, по его мнению, должны были определить пути развития и облик США, которые, как он считал, превратятся через двадцать лет в совершенно новое общество.

В чем-то Нэйсбитт оказался прав (переход от индустриального общества к постиндустриальному, глобализация мировой экономики, переход от централизации к децентрализации и от иерархических структур к неформальным сетям), а в чем-то ошибся (например, «смерть» репрезентативной демократии). Но со времени публикации «Мегатрендов» и появления многочисленных переводов книги на другие языки само это слово обрело статус термина и прочно вошло в словарь не только футурологов, но и социологов, политологов, исследователей международных отношений и мировой политики. Вот и мы, говоря о глобальных мегатрендах², будем рассматривать «основные направления движения, которые определяют облик и суть» мирового сообщества в начале XXI века.

После распада мировой социалистической системы и развала Советского Союза стало очевидно, что в мире происходят тектонические сдвиги и начинается новая фаза его эволюции. Многим из тех на Западе, кто вместе с Рональдом Рейганом считал СССР «империей зла», в то время казалось, что человечество, ведомое единственной супердержавой — Соединенными Штатами Америки, вступает в царство разума и свободы. Это представление нашло отражение в получившей широкое распространение концепции «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы³.

Крушение одного из столпов мирового порядка оказало глубокое влияние на процессы глобальных изменений, послужив их *катализатором*. С другой стороны, сам распад СССР, этого наследника Рос-

сийской империи, был вызван не только политическими и экономическими причинами, лежавшими на поверхности, но и глубинными глобальными процессами, которые начались до 1991 г. и должны были со временем охватить весь мир. Так и произошло. Но глобальная «перестройка» не завершена. Это, впрочем, не мешает зафиксировать некоторые ставшие очевидными *глобальные тренды* (социальные, политические, экономические, научные, технические, культурные), определяющие основные направления эволюции современного мира и возможное ближайшее будущее человечества.

Ускорение темпа социального развития

Хотя движение общества в пространстве и во времени происходит неравномерно и имеет циклический характер, факты свидетельствуют о том, что социально-политическая история *ускоряется*, или, как предпочитают говорить специалисты в области клиометрии, становится все более интенсивной.

В обобщенном виде это ускорение проявляется в том, что, как пишут Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец, «количество исторических событий, приходящихся на сравнимый период — от столетия к столетию, от одной мировой цивилизации к другой, — увеличивается... Интенсивность исторических событий (в пересчете на пятилетия) увеличилась с 20,6 единицы в 1751–1775 гг. до 213 в 1976–1995 гг. — в 10,3 раза. Даже с учетом неизбежной аберрации во времени повышение интенсивности исторического процесса налицо (хотя она неравномерна и бывают периоды ее ослабления, например в 1826–1850, 1951–1975 гг.)⁴. Это значит, что *аналогичные (однотипные) по масштабам и содержанию события и процессы происходят в течение все более сокращающегося промежутка времени и что равным образом сокращается срок сохранения однотипных равновесных ситуаций (срок сохранения статус-кво)*. При этом измеряются только исторически значимые события, число которых намного меньше числа событий, не значимых для истории, но значимых для отдельных людей, групп и народов. Есть все основания полагать, что интенсивность такого рода событий тоже нарастает.

⇒ Если принять во внимание, что ускорение исторического процесса в прошлом было вызвано факторами, которые сохраняются и сегодня, а именно общим экономическим ростом (кризисы лишь временно притормаживают и корректируют его); возрастанием численности и плотности народонаселения; экономической, политической и военной конкуренцией между странами; увеличением численности политических, экономических и иных субъектов, действующих на мировой сцене; быстрым (и тоже идущим по

нарастающей) развитием науки и техники (в частности, вычислительной), и другими, то логично предположить, что этот тренд будет сохраняться и в дальнейшем.

Отмеченное ускорение прямым и косвенным образом сказывается на жизни всего человечества и каждого человека. Люди часто не успевают угнаться за временем и на новые «вызовы» дают ответы, сформированные ушедшей эпохой. Эти ответы оказываются контрпродуктивными. Например, установка на гиперпотребление, сложившаяся в «обществе массового потребления», сегодня становится разрушительной. Как писал некоторое время назад один из экспертов «Дойче банка», «современный кризис происходит от переизбытка потребления, который порождает такие дисбалансы, как дефицит бюджета, дефицит торгового баланса и рост государственного долга»⁵.

Другой пример — международная жизнь. Критики Организации Объединенных Наций справедливо обращают внимание на то, что она во многом уже не отвечает требованиям времени и потому не в состоянии должным образом справляться с задачами, ради решения которых создавалась. Не отвечает вызовам времени и какая-то часть региональных и глобальных институтов. Не случайно в последние годы предпринимаются попытки отыскать новые механизмы («семерка», «восьмерка», «двадцатка» и пр.) глобального и регионального управления.

Однако самый драматичный разрыв, вызываемый ускорением, — это, пожалуй, разрыв между общественным бытием и общественным сознанием (в том числе общественной психологией). На уровне научного сознания человек располагает более или менее точным (по крайней мере в некоторых аспектах) представлением не только о том, что происходит в мире, но и о том, как следовало бы исходя из имеющихся возможностей реагировать (в том числе и на глобальном уровне) на происходящие изменения. Но морально и психологически люди не готовы подчиниться новым императивам истории. Они продолжают бояться «другого» и, опасаясь, что тот «всадит им нож в спину», вооружаются до зубов и готовятся к войне, хотя война стала смертельно опасным анахронизмом. Они остаются эгоистами, стремящимися прежде всего к удовлетворению собственных интересов (часто за счет интересов других), хотя идеи кооперирования и самоограничения настойчиво стучатся в их двери. Словом, мы ведем себя так, как будто продолжаем жить в старинных особняках, между тем как История все быстрее переселяет нас в большой многоквартирный дом с многочисленными соседями и новыми правилами общежития. И при этом все ускоряет свой «бег».

Глобализация

Хотя процессу глобализации, идущему уже более двадцати лет, посвящена обширная литература, до сих пор не сложилось ни общепризнанного всестороннего представления об этом феномене, ни его определения, которое принималось бы большинством исследователей. Это лишнее свидетельство сложности, динамичности, противоречивости глобализации. Тем не менее если говорить о ее сути, она в принципе достаточно точно определена в комплексном исследовании группы авторов во главе с Дэвидом Хелдом под названием «Глобальные трансформации». По их мнению,

глобализацию следует понимать как объективный нелинейный процесс «возникновения межрегиональных структур и систем взаимодействия и обмена»⁶, захватывающий едва ли не все области общественной жизни, но в силу своей противоречивости и разнонаправленности не тождественный процессу формирования глобального общества или мирового сообщества.

На нынешнем этапе глобализации нарастает интенсивность подключения национальных систем к широким глобальным процессам. Возрастают пространственный охват и плотность глобальных взаимосвязей, усложняется их структура. Происходит дальнейшее сближение внутренних и внешних политических и экономических структур и процессов, а в некоторых случаях и размывание границ между ними. Все более относительными становятся границы между центром и периферией. Возрастает степень взаимосвязи и взаимозависимости стран и народов, что сказывается, в частности, на масштабах и глубине кризисов — как экономических, так и политических. Одновременно происходит «возрастание масштабов властного вмешательства»⁷ и увеличение пространственной протяженности властных органов и структур. Иными словами, властное действие или бездействие в одних точках мира влияет на другие точки, в том числе самые отдаленные.

- ⇒ В последние годы — особенно в связи с нынешним кризисом — стала очевидной *несостоятельность философии той модели глобализации*, в рамках которой она протекала и которая, как показал Дэвид Харви⁸, была сформирована на базе принципов неоллиберализма. Но глобализация — хотим мы того или нет — продолжается, ибо это объективный процесс, и *потребность в ее новой философии*, отвечающей вызовам времени, становится как никогда острой.

Полицентрализация мира

Третий тренд, проявившийся после распада Ялтинско-Потсдамского мирового порядка и продолжающий набирать силу, — это изменение политической структуры мира, а конкретнее — его деполяризация и полицентризация. Мировой порядок, сложившийся во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX в. и определявшийся во многом расстановкой сил в мире после окончания Второй мировой войны, имел двухполюсную структуру, причем в роли полюсов выступали мировая социалистическая система («советский блок», «советский лагерь», «восточный блок», «коммунистические страны») во главе с Советским Союзом и мировая капиталистическая система («западный блок», «капиталистические страны») во главе с США.

«Последнее десятилетие XX в. было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевропейская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы»⁹. Так писал в 1997 г. Збигнев Бжезинский.

Известный политический обозреватель Чарлз Краутхэммер, обобщая укрепившиеся в американском экспертном сообществе представления, бросил сакраментальную фразу: мир стал однополюсным. Ожидалось, писал он в своей нашумевшей статье «Момент однополюсности», что «старый двухполюсный мир породит мир многополюсный», однако случилось иначе: «Мир, каким он предстал сразу после окончания “холодной войны”, — это не многополюсный мир. Это однополюсный мир»¹⁰.

Приверженцы «однополюсного» мировидения, фиксируя реальную победу США¹¹ и их доминирующее положение в мире в первые годы после «холодной войны», допускали серьезную ошибку, которая существенно искажала реальную картину мира и не могла не сказываться на политической и экономической стратегии, избранной Западом. Дело в том, что *полюсом нового мирового порядка, и тем более полюсом единственным, Соединенные Штаты не были и быть не могли.*

В научной литературе неоднократно отмечалась неоправданность отождествления понятий «полюс» и «центр силы». Нельзя не согласиться с Джозефом Ноги, одним из очень немногих западных аналитиков, который еще в 1975 г. говорил, что понятие «полюс» «двус-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

мысленно», а модели, построенные с его использованием, «неточны и туманны». По мнению Дж. Ноги, такого рода модели в принципе не позволяют решить задачу, ради которой и создаются: «предсказывать характеристики или модель поведения системы... предсказывать поведение отдельных наций или служить руководством к формированию политики в реальном мире»¹².

Понятие «полюс» привлекло к себе внимание западных, прежде всего американских, политических аналитиков не случайно. Их всегда интересовал вопрос жизнеспособности той или иной международной системы и характерного для нее порядка. Эту жизнеспособность они напрямую соотносили с ее стабильностью как способностью избегать возникновения разрушительных войн и конфликтов. Стабильность же они связывали в свою очередь с упорядоченностью системы, конфигурацией ее *силового поля*, характером *распределения силы* внутри системы. В такой ситуации использование понятия «полюс» казалось им как нельзя более уместным. Но, как верно заметил Дж. Ноги, ни к чему, кроме путаницы, это не привело.

К сожалению, понятие «полюс» получило крайне широкое распространение в науках, исследующих международные отношения и мировую политику. Более того: оно постоянно воспроизводится в речах официальных лиц едва ли не всех стран. В такой ситуации остается лишь одно: попытаться, обратившись к изначальному смыслу понятия «полюс», ограничить его содержание, закрепив за конкретными международными центрами силы.

«Полюс» — это центр силы. Но не всякий центр силы — это «полюс»¹³ «Полюсы» — это *полярные*, т.е. *контрарные*¹⁴, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, более или менее *симметричные и соизмеримые* по жизненному потенциалу (военному, экономическому, научно-техническому и т.п.) *парные* центры силы. Полюсы образуют *крайние противоположные точки силовой оси*, «стягивающей» воедино всю систему международных отношений. Взаимодействуя друг с другом, полюсы определяют динамику и направление развития системы, придают ей специфический характер.

В рамках глобальной международной системы могут существовать *только два полюса*. Значит, эти системы могут быть либо двухполюсными — а правильнее сказать, просто «полюсными», — либо бесплюсными. В последнем случае мы имеем дело с *моноцентричными и полицентричными* системами, которые неоправданно отождествляются

с системами «однополюсными» и «многополюсными», что искажает реальную картину мира и подталкивает к формированию ошибочных политических и экономических стратегий.

Мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны, когда шла борьба двух военных лагерей, двух социально-политических систем, не имевших конкурентов и во многом определявших судьбу мира, был классическим двухполюсным порядком. Он распался вместе с распадом мировой социалистической системы и Советского Союза. *Сегодня мы живем в бесплюсном мире.*

Кризис института глобального лидерства

После окончания «холодной войны» широкое распространение получило представление о переходе функции глобального лидерства от Евразии к Северной Америке в лице Соединенных Штатов. На наш взгляд, это представление не соответствует действительности и вызвано в немалой степени смещением понятий, обозначающих положение и роль в мире влиятельных стран.

В политическом лексиконе имеется по меньшей мере четыре термина для обозначения особой роли государства на мировой арене: «лидерство» (*leadership*), «господство» (*domination*), «первенствование» (*primacy*), «гегемония» (*hegemony*). Использование их в качестве синонимов лишь затемняет истинное положение дел.

«Лидерство» государства — это способ политического управления, предполагающий: определение этим государством направления, в котором должны двигаться оно само и другие государства; ведение последних за собой на основе их добровольного согласия; наличие у ведущего и ведомых общего интереса и защиту последнего на мировой арене; ответственность лидера перед ведомыми.

Под **«господством»** обычно понимается способ политического управления, основанный на повиновении¹⁵.

«Гегемония» — это, в сущности, не что иное, как монопольное господство¹⁶. Что касается «первенствования», то это, если воспользоваться удачным определением Хантингтона, способность «оказывать большее влияние на поведение большего числа участников по большему кругу вопросов по сравнению с любым другим государством»¹⁷.

После крушения Ялтинско-Потсдамского миропорядка США получили возможность выступать в роли не просто самого мощного государства и лидера западного мира (каковыми они были в годы «холодной

войны»), но и глобального лидера. Тогда, в начале 1990-х, готовность идти за Америкой изъявили даже многие из ее бывших противников, включая Россию и другие государства, возникшие на территории бывшего СССР. Но уже к началу 2000-х годов стало очевидным, что США, сохраняя прежнюю мощь и оставаясь центром притяжения для многих государств, не являются общепризнанным глобальным лидером. Это было вызвано как естественными изменениями структуры мирового порядка (появление нескольких центров силы), так и неконструктивной внешней политикой Америки.

С приходом в Белый дом Барака Обамы надежды на то, что он сумеет вернуть США лидирующую роль, пока не оправдались. Конечно, в ряде сфер Соединенные Штаты сохраняют глобальное первенство. Это касается их военной и научно-технической мощи, экономики, массовой культуры, человеческого капитала. Но сегодня этого недостаточно для обеспечения глобального лидерства.

Ни Евросоюз в целом, ни входящие в него страны, включая ФРГ и Францию, ни страны БРИКС не могут по объективным показателям претендовать на роль глобального лидера. Закономерным следствием из создавшейся ситуации стало появление таких институтов, как «семерка», потом «восьмерка», а затем и «двадцатка». Возможно, это лишь промежуточная фаза поиска новой, а именно *коллективной адхократической формы глобального лидерства*.

«Ориентализация» мирового развития

Еще один глобальный тренд, наметившийся сравнительно недавно, — постепенное, но неуклонное перемещение центра мирового развития с Запада, от США и Европы, на Восток, в направлении Китая, стран Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, других государств, среди которых при благоприятном стечении обстоятельств может оказаться и Россия. Говоря об этом перемещении, мы имеем в виду не только «наблюдаемый ныне беспрецедентный *перенос относительного богатства и экономического влияния с Запада на Восток*»¹⁸, но и *перенос политического влияния*.

Рассматриваемый в контексте диалектики всемирной истории этот процесс может быть истолкован как «*возвращение*» Востока на мировую арену, происходящее через два с лишним века после того, как Запад подмял его под себя (в том числе с помощью военной силы) и стал глобальным гегемоном. Сегодня Китай и Индия, дававшие в середине XVIII в. около половины продуктов мирового производства, заявляют о себе как о силе, которая вскоре вернет (на новой основе) и укрепит

былые позиции. Станем ли мы свидетелями «исторической мести» Востока — неизвестно. Но происходящее перемещение невыгодно Соединенным Штатам, тем более что в рамках самого Запада Европа начинает в некоторых отношениях теснить Америку и занимать более самостоятельную позицию по политическим, экономическим и военным вопросам.

Универсализация миграционных потоков

Продолжаются и наращивают свои масштабы глобальные миграционные потоки, причем они разворачиваются в противоход перемещению центра мирового экономического развития. Если последний сдвигается, как было сказано, с Запада на Восток, то миграционные потоки идут главным образом с Востока на Запад. Сегодня в Европе (в основном Западной) проживает более 35 млн неевропейцев, из которых от 15 до 18 млн — мусульмане.

⇒ В последнее время в Западную Европу прибывало примерно по миллиону иммигрантов в год. По оценкам авторов доклада «Глобальные тенденции — 2025», «Европа по-прежнему будет привлекать мигрантов из более молодых, менее развитых и быстро растущих соседних регионов Африки и Азии»¹⁹. В итоге может сложиться ситуация, при которой «к 2025 г. в Западной Европе будет 25–30 млн мусульман»²⁰. Увеличится численность и других неевропейцев.

Это ведет к неуклонному изменению расово-этнического состава населения Европы, прежде всего Западной. Важно иметь в виду трудности, возникающие в процессе ассимиляции и интеграции иммигрантов и ведущие к тому, что немалая их часть будет чувствовать себя отчужденной от общества, вести обособленное существование и следовать нормам своей религии и национальной культуры. Через два-три поколения это может существенным образом сказаться на западной культуре и западном образе жизни, найдет отражение и в социально-политическом климате, породив новые факторы нестабильности. Многим памятна бунты 2005 г. в предместьях Парижа и драматические события 2011 г., когда на небольшой итальянский остров Лампедуза с населением в 5 тыс. человек прибыли тысячи нелегалов — выходцев из Туниса, Ливии и других стран, бежавших от «арабских революций». Это был, конечно, исключительный случай. Но он высветил серьезные возможные последствия происходящей миграции. Так что *the white man's burden* — «бремя белого человека» — приобретает ныне новый смысл, о котором и помыслить не мог великий «бард колониализма» Редьярд Киплинг.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Своеобразное преломление этот тренд находит в США, где происходит *изменение численности и соотношения расово-этнических групп*. Это не новое явление, но сегодня оно приобретает масштабы, чреватые трансформациями, способными серьезно повлиять на дальнейшее развитие Америки. *В стране становится все больше граждан с небелым и все меньше граждан с белым цветом кожи*. «...Если в 1970 г. белые американцы, являвшиеся потомками европейских колонистов и иммигрантов, которые до этого на протяжении 250 лет активно заселяли и осваивали Североамериканский континент, составляли 83% населения США, то к 2006 г. их доля упала до 67,6%»²¹. Согласно переписи 2010 г., белые ныне составляют около 65% населения, латиноамериканцы — 16%, афроамериканцы — почти 13%, азиаты — около 4,5%.

О Соединенных Штатах долгое время принято было говорить как о «плавильном тигеле». Иммигранты, претендовавшие на обретение «подлинно американской» идентичности, должны были сбросить старую «кожу», переняв господствующую в США систему ценностей, обычаи, традиции и, разумеется, язык, созданные белым большинством. Но с течением времени ситуация стала меняться. «...Иммигранты вливаются не в общее национальное русло, а в родственные им принимающие группы с их специфической субкультурой, значительно отличающейся в своих жизненных ориентациях и установках от общенационального стандарта»²². Анклавный принцип расселения значительной части расово-этнических меньшинств позволяет им ориентироваться на собственные культурные ценности, в том числе на язык, и идентифицировать себя с учетом своих расово-этнических корней.

Многие исследователи считают, что эта тенденция будет неуклонно нарастать и через несколько десятилетий Америка превратится *в общество расово-этнических меньшинств*.

⇒ Согласно прогнозу, опубликованному Бюро переписей США в 2008 г., доля белого населения страны сократится к 2040 г. до 50,8%, а еще через десять лет, в 2050 г., она составит 46,3%²³.

Исторически сложилось так, что в американском обществе расово-этнические меньшинства отличаются друг от друга и от белого населения по уровню образования, уровню дохода, уровню преступности, уровню жизни, образу жизни, продолжительности жизни и ряду других показателей, играющих важную роль в поддержании стабильности общества. Усугубление названных различий повышает потенциальную конфликтность и значительно меняет облик Америки в культурном, социальном и политическом планах.

Инверсия фундаментальных ценностей: «свобода *versus* безопасность»

Изменения в иерархии ценностей особенно отчетливо проявляются в *согласии граждан пойти на ограничение своей свободы во имя обеспечения собственной безопасности*. Готовность людей «обменять» свободу на безопасность наблюдается сегодня и в Европе, и в Америке, притом что граждане последней всегда высоко ценили право на то, что описывается термином «*privacy*», т.е. правом на частную жизнь, не подконтрольную государству или каким-то иным внешним силам. В «*privacy*» они видели гарантию личной свободы. Так было прежде. После 11 сентября 2001 г. ситуация изменилась.

Согласно опросу, проведенному в ноябре 2010 г. газетами *USA Today* и *Gallup Poll*, у 79% американцев не вызвало бы возмущения полное сканирование их тела в аэропорту, причем 57% респондентов заявили, что не испытали бы в связи с этим вообще никакого беспокойства²⁴. Согласно результатам того же опроса, 71% американцев заявили, что «утрата личной приватности» — вполне приемлемый «метод предотвращения террористических актов»²⁵.

Не исключено, что в будущем граждане США согласятся на новые ограничения своей свободы, поскольку они по-прежнему не чувствуют себя в безопасности. Как выяснилось в ходе опроса, проведенного *ABC News* и *Washington Post Poll* в августе—сентябре 2010 г., лишь 48% американцев чувствовали себя в большей безопасности по сравнению с периодом до 11 сентября 2001 г., тогда как в 2003 г. таковых было 67%, а в 2008 г. — 62%. Получается, что на протяжении десяти лет десятки миллионов граждан США не покидает страх за свою жизнь, что открывает перед разными силами возможность целенаправленной игры на этом страхе.

Об изменении ценностных приоритетов, связанных с террористическими угрозами, свидетельствуют и некоторые публикации известных авторов. В 2007 г. вышла в свет книга Амитаи Этциони, название которой говорит само за себя: «*Security First*» — «Безопасность превыше всего». Еще несколько лет назад демократия рассматривалась как высшая ценность, а ее распространение в мире — как миссия Америки. Теперь на первое место выходит обеспечение собственной безопасности. «...Главная причина того, почему право на безопасность важнее всех остальных, заключается в том, — поясняет Этциони, — что все остальные права зависят от защищенности жизни — *в то время как право на безопасность не зависит сходным образом от любых других прав*»²⁶. По-

хоже, что Большой Брат, о котором писал Джордж Оруэлл и местом жительства которого Запад традиционно считал «коммунистические страны», получил «вид на жительство» в большинстве стран мира, и его позиции лишь укрепляются.

Если принять во внимание, что война с террором быстрых успехов не обещает (ибо то, что называют «терроризмом», имеет гораздо более глубокие корни, основания и причины, чем это обычно принято считать) и что дать своим гражданам твердые гарантии безопасности без ограничения их свободы, по-видимому, не сможет ни одно государство, то описанная выше ситуация будет сохраняться и в дальнейшем.

Виртуализация общественно-политических отношений

Все более прогрессирующая техника и технология массовых коммуникаций открывают пути для нарастающей виртуализации общественно-политических отношений. Традиционные непосредственные физические контакты между гражданами, с одной стороны, и между гражданами и властью — с другой, дополняются *виртуальными контактами*. Есть основания полагать, что с течением времени доля и роль последних в общественной жизни будут возрастать.

Особое значение в этом процессе имеет Интернет — глобальное виртуальное пространство, составляющее основу новых информационно-коммуникативных технологий. С его появлением рождаются нетрадиционные формы политических коммуникаций между гражданами и властными структурами (*гражданско-государственная вертикаль*).

⇒ Складываются новые формы участия в политике, именуемые «электронной демократией», «сетевой демократией», «кибердемократией». Формируются новые механизмы государственного управления, известные под названием «электронное правительство».

Особенно интенсивно этот процесс идет в США, Канаде, Великобритании, Сингапуре. Подключаются к нему и другие страны, включая Россию. На международном уровне новые технологии облегчают контакты между странами и государствами, выступая в качестве важного рычага глобального управления (*global governance*).

Все более активную роль начинают играть *социальные сети*, формирующие прямые связи между гражданами (*гражданская горизонталь*). *Не следует, конечно, ожидать, что Facebook заменит собой политические партии, дискуссионные площадки, деловые конференции, массовые уличные митинги. Но он может их дополнить и в какой-то мере потеснить: в борьбе за власть новыми средствами коммуникации сейчас уже активно пользуются и политики*²⁷.

Облегчая вертикальные и горизонтальные общественные связи на всех уровнях — от местного до глобального, — Интернет вкупе с телевидением одновременно создают и новые угрозы.

Это важно

Дематериализуя контакты между гражданами и между гражданами и институтами, они делают более зыбкой грань между реальным и ирреальным, расширяют возможности погружения объекта воздействия в фантастический мир, а значит, и возможности манипулирования сознанием и ведения информационной и психологической войны²⁸.

Новая модель смены политической власти и управления в отдельных странах

События последнего десятилетия наводят на мысль о том, что в условиях усиления глобальной конкуренции, ускорения темпов исторического развития, сокращения срока сохранения однотипных равновесных ситуаций и поддержания статус-кво начинает вырисовываться новая модель смены политической власти и управления в отдельных странах.

Революции и военные перевороты и прежде нередко происходили под воздействием внешних импульсов — иногда очень мощных, вплоть до интервенции.

Но, как показали «арабская весна» и события в ряде стран Центральной Азии, внешнее воздействие, изменившись в качественном (в том числе структурном) и количественном отношениях, стало еще более важным фактором смены власти. В условиях роста взаимозависимости, «сжатия мира», «снижения порога» границ между странами роль внешнего фактора внутренних изменений существенно возрастает. Этому способствуют повышение эффективности использования виртуальных средств воздействия на массы, манипулирования их сознанием, рост потенциала информационных и психологических войн.

Это касается прежде всего тех стран, которые в силу их выгодного геополитического и/или геоэкономического положения и богатого ресурсного потенциала могут представлять интерес для более сильных стран, но при этом не обладают достаточными защитно-оборонительными возможностями.

Снижение степени защищенности человечества как такового

Возрастает степень необеспеченности человеческого существования, растет число угроз существованию как отдельного человека, так

Раздел 1. Характеристики глобального мира

и всего человечества. С какими-то угрозами их жизни люди сталкивались всегда. Но до наступления ядерного века не существовало очевидной угрозы гибели не отдельных групп и народов, а *всего человечества*. «Атом» — мирный и немирный — сделал ее вполне реальной. Уже несколько десятков лет *ядерная угроза* нависает над человечеством. Но появились и новые опасности. Давно ведутся разговоры об *экологической угрозе*, порождаемой загрязнением и разрушением окружающей среды, которые ухудшают качество среды обитания человека. Идет дальнейшее *истощение невозобновляемых природных ресурсов*. В последние несколько лет люди, живущие в разных концах земли, «на собственной шкуре» убедились в том, что в мире происходят не вполне понятные, но губительные *климатические изменения*. Минувшее десятилетие отмечено появлением такой угрозы, как *международный терроризм*. Названы не все угрозы²⁹, с которыми столкнулись жители планеты, но и перечисленное подталкивает к выводу о том, что *степень обеспеченности человеческого существования в последние десятилетия в целом устойчиво понижалась*. И ничто пока не говорит о том, что в обозримом будущем ситуация изменится к лучшему.

* * *

Охватив *мир в целом* и оказывая влияние на жизнь *мирового сообщества*, обозначенные выше глобальные мегатренды проявляются в *разных его частях с разной полнотой и интенсивностью*. При этом действуют они не в «едином пакете», а в разных «наборах» и сочетаниях. Существуют и «мертвые зоны», в которых рассмотренные мегатренды вообще не проявляются напрямую (пока, по крайней мере) или проявляются лишь как «слабые токи».

Срок действия любых трендов ограничен, и на смену им раньше или позже придут уже зарождающиеся альтернативные тренды (альтернативы), при этом какие-то из действующих трендов будут сохранять свою силу дольше других. Но пока характер мировых процессов и облик мирового порядка будут определять именно названные процессы и черты.

Очевидно, что рассмотренные тенденции *амбивалентны*: они оказывают *двойственное воздействие* на мир, подводя человечество к той черте, за которой начнется принципиально новая эпоха в его истории. При этом они вводят нас в мир более жесткий, чем тот, в котором мы жили еще десять лет назад, и бросают серьезные вызовы всем субъектам, действующим на мировой арене: государствам, международным организациям, ТНК — вплоть до отдельных политиков.

Эти тренды требуют изменить привычную внешнюю и внутреннюю политику, стратегию и тактику ведения народного хозяйства, повседневный образ жизни и поведения, отношения между народами и государствами, а также между отдельными группами людей и индивидами. Неготовность предложить адекватные отзывы на эти требования уже стала одной из причин того всеобъемлющего кризиса, который мир переживает последние несколько лет. Если вызовы, бросааемые глобальными трендами, и дальше не будут получать адекватного ответа, кризис может приобрести почти перманентный характер.

Необходимость адаптации к миру, формируемому новыми трендами, требует от человека *более гибкого сознания*, способного оперативно и адекватно отвечать на все новые вызовы. Прогностические возможности человечества ограничены, и подготовиться к новым реальным вызовам трудно. Но уже само стремление к *отказу от догматизма и излишней самоуверенности в собственной правоте* — это шаг в правильном направлении.

Ключевые слова

Миропорядок, бесполусный мир, однополярность, многополярность, полицентричность, глобальные вызовы, глобализация.

Контрольные вопросы

1. В чем выражается ускорение общественного развития в настоящее время и к каким последствиям оно приводит?
2. В каких терминах описывается преобладание в международной системе и в чем различие между ними?
3. Каковы особенности полюсной организации мировой системы? По каким параметрам современный мир ей не соответствует?
4. Почему ценностные ориентиры обеспечения безопасности в настоящее время выходят на первый план?
5. Каким образом развитие информационно-коммуникационных технологий видоизменяет характер политических взаимодействий?

Примечания

¹ *Нэйсбитт Д.* Мегатренды / Пер. с англ. М., 2003. С. 9.

² Слова «тренд» и «мегатренд» используются в этом тексте как взаимозаменяемые.

³ См.: *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. Summer 1989. Фукуяма заимствовал представление о «конце истории» у Гегеля. Гегель считал, что «история есть только то, что составляет существенную эпоху в развитии духа» (*Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л., 1935. С. 135), а «субстанцией, сущностью духа является свобода» (Там же. С. 17).

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Так что «всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы» (*Гегель Г. В. Ф.* Указ. соч. С. 422). Фукуяма утверждал, что гибель коммунизма привела к повсеместному торжеству либеральной демократии, которая и есть воплощение свободы. Значит, наступил «конец истории».

⁴ *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. Т. II: Будущее цивилизаций и гецивилизационные измерения. М., 2006. С. 227.

⁵ *Лисоволик Я.* Иеремия Бентам и мировой кризис. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.smoney.ru/print.shtml?2009/04/13/10763>.

⁶ *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Пер. с англ. М., 2004. С. 31. Для сравнения можно привести определение глобализации, предложенное А. Д. Богатуровым: «Глобализация — это процесс разрастания в масштабах планеты наднациональной сети-оболочки отношений асимметричной взаимозависимости между всеми субъектами международного взаимодействия — включая государства, а также межгосударственных, надгосударственных и негосударственных игроков» (Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2009. С. 44). Эти определения во многом совпадают по сути.

⁷ *Хелд Д., Гольдблатт, Макгрю Э., Перратон Дж.* Указ. соч. С. 33.

⁸ *Харви Д.* Краткая история неолиберализма / Пер. с англ. М., 2007.

⁹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М., 1998. С. 11.

¹⁰ *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990. Vol. 70. No 1. P. 23.

¹¹ На мой взгляд, правильнее говорить о победе США не в «холодной войне», как это обычно делается, а в *противостоянии двух мировых социально-политических и экономических систем*, частью которого и была «холодная война», охватывавшая лишь определенный период (около сорока лет) этого исторического противостояния.

¹² *Nogee J.* Polarity: An Ambiguous Concept // Orbis. Winter 1975. No 18. P. 1193—1194.

¹³ О соотношении «полюсов» и «центров силы» см.: *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005. Гл. 3.

¹⁴ Речь идет прежде всего о позиционной (структурной) противоположности, обуславливающей взаимоотношение полюсов. Но она может дополняться, как это было во второй половине XX в., противоположностью политической (режим), социально-структурной, идеологической и даже цивилизационной. Это только усиливает полюсный характер системы, т.е. делает специфические характеристики полюсов более контрастными.

¹⁵ По словам Макса Вебера, глубоко исследовавшего эту проблему, «господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу» (*Weber M.* Staatssoziologie. В., 1966. S. 9). Иными словами, господство того или иного субъекта, будь то вождь, государство или кто-то еще, над определенной

Глава 1. Основные направления эволюции современной миросистемы

социальной общностью, группой, государством и т.п. предполагает, что последние будут выполнять волю этого субъекта.

¹⁶ По словам И. Валлерстайна, «гегемония означает по определению, что существует одна держава, обладающая столь весомыми геополитическими преимуществами, что может навязывать устойчивую систему социального распределения власти всем остальным» (*Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире* / Пер. с англ. СПб., 2001. С. 347).

¹⁷ *Huntington S. Why International Primacy Matters // International Security*. Spring. 1993. Vol. 17. No 4. P. 68.

¹⁸ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / Пер. с англ. М., 2009. С. 8. (В русском переводе название доклада изменено. В оригинале оно выглядит следующим образом: *Global Trends 2025: A Transformed World*.)

¹⁹ Там же. С. 60.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ *Травкина Н. М. Особенности демографической ситуации в США // США: ключевые сферы и направления социальной политики*. М., 2008. С. 34.

²² *Червонная С. Этнический фактор в политической системе // Политическая система США: актуальные изменения*. М., 2000. С. 278.

²³ U.S. Census Bureau. Percent of the Projected Population by Race and Hispanic Origin for the United States: 2010 to 2050 (NP 2008-T6). August 14, 2008.

²⁴ *Terrorism Gallup Poll*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pollingreport.com/terror.htm>.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Этциони А. Безопасность превыше всего. За мужественную и нравственную внешнюю политику* / Пер. с англ. М., 2010. С. 29.

²⁷ На президентских выборах 1992 г. в США ни один из кандидатов не имел своего официального веб-сайта, а в 2004 г. персональные веб-сайты широко использовались даже на местном уровне. См.: *Fiorina M., Peterson P., Voss S., Johnson B. America's New Democracy*. N.Y., 2007. P. 130.

²⁸ На эту двойственную роль телекоммуникаций обращает внимание один из старейших исследователей демократии Роберт Даль. Он считает, что «интерактивные системы коммуникаций» могут быть использованы для уменьшения разрыва между элитами и демосом (*Даль Р. Демократия и ее критики* / Пер. с англ. М., 2003. С. 514). Но тут же предупреждает, что «новые технологии могут быть использованы для нанесения ущерба демократическому процессу» (Там же. С. 515).

²⁹ См., например, опубликованный недавно документ — Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.

2

ВСЕМИРНЫЙ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Начавшийся в 2008 г. и поразивший едва ли не все страны кризис обычно характеризуют как «мировой» и «экономический» («финансово-экономический»). Но это, как представляется, неполные характеристики. В условиях глобализации, охватившей, пусть и в разной степени, весь мир, *мировой* кризис неизбежно становится кризисом *глобальным*. Он приобретает глобальные масштабы, бьет по глобальной экономике, разрушает глобальные связи. В этом смысле нельзя не учитывать, что финансово-экономическая политика США, которых часто называют главным виновником кризиса, осуществлялась в глобальном контексте, т.е. поддерживалась, а где-то и провоцировалась финансово-экономической политикой других стран — и не только развитых. Как напоминает в этой связи отечественный экономист В. Иноземцев, развивающиеся страны активно поучаствовали в надувании американского финансового пузыря, «накопив за 1999—2007 гг. 4,7 трлн долл. резервов, и до последнего поддерживали нарастание торговых и платежных дисбалансов, собственно, и спровоцировавших кризис»¹. Иными словами, начавшийся несколько лет назад кризис стал итогом интегральной, хотя во многом и хаотичной, деятельности множества стран мира (включая Россию и Китай), пусть их «вклад» в формирование кризисных процессов был далеко не одинаков и несопоставим с «вкладом» Америки. Выход из кризиса, по-видимому, тоже возможен не иначе как через совместную согласованную деятельность ключевых стран мира.

По-видимому, каждая страна будет искать свой путь выхода из кризиса, сообразующийся с ее внутренними особенностями, положением на международной арене и т.п. Однако при этом чрезвычайно важно *согласовывать* избираемые планы и маневры, *договариваться* о каких-то общих шагах, правилах, принципах «игры», устанавливать общие табу. *Глобальный кризис побуждает к глобальным, скоординированным поискам путей выхода из него.*

Поражающий общество кризис — это всегда не только кризис сложившихся в нем институтов и избранных стратегий. Это еще и (а в не-

которых случаях — прежде всего) *кризис идей, представлений, ориентаций, установок* — словом, того, что мы обобщенно именуем сознанием и что нередко находит отражение в идеологиях — официальных и неофициальных.

Перед нами не просто кризис финансово-экономических структур и практик, сложившихся в основном либо на базе опыта первых лет после «холодной войны», либо даже на базе опыта периода «холодной войны». Перед нами еще и *кризис экономического сознания*, сформировавшегося в те же годы и материализовавшегося в этих структурах и практиках.

Глобальный кризис начала нового века не ограничивается экономикой и финансами. Он распространяется на другие сферы общественной жизни, причем и на институциональном уровне, и на уровне общественного, в том числе массового, сознания.

Это важно

Мы являемся свидетелями кризиса действующих моделей глобализации, мирового порядка и управления глобальными процессами; кризиса модели взаимодействия государства и рынка, действующей в большинстве развитых стран мира; кризиса стратегии природопользования и взаимодействия с окружающей средой и т.п. Но одновременно мы являемся свидетелями кризиса современного политического, правового и нравственного сознания (получившего отражение в неолиберальной и неоконсервативной идеологиях, хотя и не только в них), которое породило и легитимизировало эти модели и стратегии.

Проявления нынешнего кризиса в разных сферах и на разных уровнях тесно переплетены друг с другом, дополняют и обуславливают друг друга.

Феномен кризиса

«Кризис» — не строгая универсалистская категория, призванная зафиксировать общие глубинные константы знания, раскрывающие сущность рассматриваемого феномена. Экономисты, социологи, культурологи, философы, специалисты в области политической науки вкладывают в понятие «кризис» неодинаковое содержание. И интерпретируется оно нередко по-разному в зависимости от вида кризиса.

Как понимают экономисты «финансовый кризис»? Как «*глубокое расстройство* государственных финансов, вызванное войнами или другими чрезвычайными экономическими и политическими событиями»². «Кризисы денежно-кредитные» описываются как «*потрясения...*

Раздел 1. Характеристики глобального мира

кредитно-денежной системы...»³, а «кризис экономический» — как «*резкое ухудшение* экономического состояния страны...»⁴.

Для политологов «кризис власти» — это «*резкий крутой поворот в развитии* власти и ее судьбах, *тяжелое переходное состояние*», «*резкое обострение трудностей в деятельности* того или иного властителя, системы или органа власти...»⁵. «Кризис политический» определяется как «*особое состояние* в развитии и функционировании политической системы общества и, прежде всего, ее государственно-властных структур, характеризующееся *нестабильностью, разбалансированностью деятельности* политических институтов, *снижением уровня управляемости* всеми сферами жизни общества, нарастанием социально-политической активности масс»⁶.

Другие авторы описывают «кризис политический» как «*неспособность* политической системы в целом или отдельных ее структур и элементов к изменению в соответствии с новыми формами политического участия и социально-экономическими требованиями населения»⁷. «Кризис в политике — *перерыв в нормальном функционировании* какой-либо подсистемы в политической системе общества или всей системы в результате такого воздействия внешних или внутренних факторов, которое *делает неадекватным (невозможным) дальнейшее функционирование системы*»⁸.

Как трактуют «кризис» зарубежные авторы? Из «Политического словаря» Уолтера Рэймонда мы узнаем, что «на политическом языке *внезапное нарушение (sudden disruption)* правительственного процесса (вследствие революции, восстания, смерти, отставки или смещения правителей), равно как и роспуск правительства (по причине недоверия к нему или в результате распада коалиции) могут означать правительственный кризис»⁹. Андре Конт-Спонвиль, автор популярного во Франции «Философского словаря», определяет «кризис» как «резкое изменение, происходящее помимо нашей воли»¹⁰. «Сердечный криз, экономический, политический или нервный кризис, — поясняет философ, — характеризуется нарушением равновесия, разрывом ранее существовавших связей»¹¹.

Понятие «кризис» используется применительно к *самым разным объектам* — политической системе, экономической системе, банковской системе, правительству, парламенту. Можно добавить, что рассматриваемое понятие используется в искусстве, медицине, да практически во всех сферах деятельности человека. И при этом характеризует *состояние* этих объектов, описываемое — напомним — с помощью таких понятий, как «*глубокое расстройство*», «*резкое ухудшение*», «*разба-*

лансированность», «снижение уровня управляемости», «нарушение процесса», «перерыв в нормальном функционировании».

Разумеется, это не вполне тождественные состояния. Но нет ли между ними внутренней связи, которая давала бы исследователю право идентифицировать все эти состояния как *кризисы*? Джеймс А. Робинсон, автор статьи «*Crisis*» в авторитетном издании *International Encyclopedia of Social Sciences*, утверждает, что «“кризис” — это непрофессиональный термин, пребывающий в поисках научного значения. Одни ученые используют его как синоним стресса, паники, катастрофы, бедствия, насилия или потенциального насилия. Другие, прибегая к медицинской коннотации, рассматривают его как “поворотный пункт” между благоприятным и неблагоприятным изменением в состоянии организма»¹². Вывод неутешителен: «Из-за различия значений термин “кризис” не является полезным при построении “систематического знания” о социальных феноменах»¹³.

Наверное, при такой разногласии было бы лучше вообще исключить слово «кризис» из научного лексикона. Но сделать это невозможно, как невозможно освободиться от других широко распространенных «зонтичных» понятий — «культура», «миф» и т.п. Остается одно: пытаться выявить общие смысловые значения в различных толкованиях «кризиса» и, опираясь на эти значения, выходить на обобщающие определения.

Практически во всех приведенных описаниях «кризиса» прямо отмечается или подразумевается один важный момент: *функционирование (на должном уровне) объекта кризиса прерывается*: банки лишаются возможности совершать необходимые операции, власть оказывается неспособной принимать необходимые решения, промышленные предприятия останавливаются, человеческий организм действует с перебоями и т.д. Отсюда напрашивается и выглядит естественным *определение «кризиса» как дисфункции объекта* (института, системы, сети и т.п.).

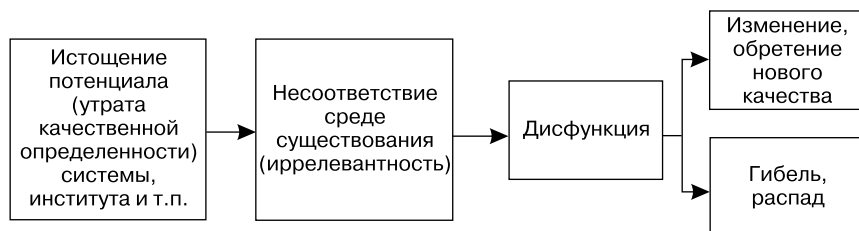
К слову, в энциклопедическом словаре «Политология» кризис определяется именно как *«перерыв в функционировании какой-либо системы с позитивным для нее или негативным исходом»*¹⁴. Идентификация кризиса как *дисфункции* системы, сети, института и т.п. выглядит вполне обоснованной. При более внимательном взгляде нельзя не заметить, что дисфункция — это то, что лежит на поверхности и легко верифицируется, но является при этом видимым знаком чего-то невидимого, хотя и объективно существующего, следствием какого-то глубинного процесса или события, которое и порождает дисфункцию. Этот процесс-событие — *истощение (исчерпание) заложенного в объекте*

Раздел 1. Характеристики глобального мира

потенциала (ресурса), утрата ранее присущей ему качественной определенности: экономической, политической, психологической и пр.¹⁵.

Исходя из сказанного выше,

мы можем определить **кризис** как истощение (исчерпание) креативного потенциала (ресурса) объекта, которое делает его irrelevantным (не соответствующим требованиям среды существования), что порождает его дисфункцию и ведет либо к обретению нового потенциала и нового качества (через отвечающие императивам времени преобразования), либо к распаду (уничтожению).

Кризис «однополюсного» мировидения

Идейно-политическая основа нынешнего кризиса — это *кризис общего мировидения*, т.е. политической и экономической картины мира, сложившейся на Западе, прежде всего в США, после окончания «холодной войны». Один из главных элементов этого мировидения — *представление о системообразующей роли Соединенных Штатов Америки в современном мире*.

«На заре нового тысячелетия Америка вкушает плоды своего могущества, превосходящего мощь величайших империй прошлого. От военной сферы до бизнеса, от науки до технологий, от высшего образования до массовой культуры Америка господствует в мире в беспрецедентных масштабах», — утверждал американский политический «тяжеловес» Генри Киссинджер. Можно ли, однако, назвать современный мир американоцентричным? В 1990-х годах минувшего века такая точка зрения, по-видимому, отражала существующую реальность, ибо и в экономическом, и в политическом, и тем более в военном отношении Соединенные Штаты не имели себе равных, и влияние их было весьма велико. Однако уже в первые годы XXI в. положение начинает меняться, что и было отмечено рядом наблюдателей, включая американских. «...Сила, — писал известный заокеанский аналитик Джозеф Най-млад-

ший, — распределена сегодня между странами таким образом, что это напоминает сложную игру в шахматы одновременно на трех досках (*a complex three-dimensional chess game*). На верхней доске локализация военной силы является в основном однополюсной... на средней доске распределение экономической силы носит многополюсный характер: Соединенным Штатам, Европе и Японии принадлежит две трети мирового продукта, а впечатляющие успехи Китая позволяют предположить, что в начале века он станет одним из крупных игроков»¹⁶. Что касается нижней доски, то на ней действуют разные субъекты (включая транснациональные корпорации, террористов, хакеров и т.п.), и «на этой нижней доске сила широко расплывлена, и тут нет смысла говорить об однополюсности, многополюсности или гегемонии»¹⁷.

На протяжении всего первого десятилетия нового века тенденция к умножению и диверсификации центров силы продолжала нарастать.

Это важно

Нынешний кризис, продемонстрировавший, что помимо Соединенных Штатов есть еще и Евросоюз, и Япония, и Китай, и Индия, и Россия, и другие страны, у каждой из которых своя сила, свое влияние, не считается с которыми невозможно, убедительно подтвердил: моноцентричное видение современного мира — анахронизм: оно не соответствует реальному положению вещей, и базировавшаяся на нем стратегия стала одним из идейно-политических источников нынешнего финансово-экономического кризиса.

Сегодня тенденция к умножению центров силы в мире зафиксирована в целом ряде документов, включая два последних доклада, выпущенные американским Национальным разведывательным советом США: «*Global Trends 2025: A Transformed World*» и «*Global Trends 2030: Alternative Worlds*», а также «Стратегический глобальный прогноз 2030», подготовленный специалистами ИМЭМО РАН в 2011 году. «Хотя Соединенные Штаты, — говорится в первом докладе, — вероятно, останутся единственным сильнейшим актором, относительная сила Соединенных Штатов — даже в военной сфере — пойдет на спад, и система рычагов [находящихся в руках] США станет более скованной»¹⁸. Допуская, что Соединенные Штаты будут и дальше играть важную роль в мировых делах, авторы доклада вместе с тем подчеркивают: «К 2025 году США окажутся лишь одним из важных акторов на мировой арене, хотя пока еще самым сильным... возможность Соединенных Штатов задавать тон без поддержки сильных партнеров станет более ограниченной»¹⁹. Примерно такая же ситуация сохранится, по мнению авторов второго доклада, и к 2030 г.: ни одна страна, включая США и Китай, не будет доминировать в мире.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

С несостоятельным представлением о моноцентричном мире связана была и проводившаяся Дж. Бушем-младшим на международной арене политика военно-политического унилатерализма, т.е. односторонних действий Соединенных Штатов, не согласованных с союзниками или даже противоречащих их интересам. Провальный характер этого курса стал очевиден еще до возникновения нынешнего кризиса. И сегодня уже не может быть сомнений, что проводить унилатералистскую стратегию в экономике, т.е. пытаться преодолеть кризис в одиночку, опираясь исключительно на национальную экономическую базу, Америке, как, впрочем, и другим странам, не удастся. «...Не стоит убаюкиваться ассоциациями с Великой депрессией и Новым курсом Ф. Рузвельта, решавшим проблемы в пределах национальной экономики. В условиях глобальной экономики все основные элементы стратегии администрации Обамы — налоговое стимулирование, инвестиции и развитие инфраструктурных отраслей, выкуп проблемных активов финансовых учреждений... — будут являться не более чем “козырными картами” в глобальной финансовой игре, исход которой будет решаться на мировых финансовых форумах стран “группы двадцати”»²⁰.

Это важно

Но преодоление установки на унилатерализм предполагает отказ не только от односторонних действий, но и от стремления и попыток воспользоваться в одностороннем порядке плодами совместных действий. Речь идет если не о преодолении, то по крайней мере об ограничении национального эгоизма, предполагающем умение и готовность умерить супердержавные и великодержавные амбиции и поступиться в общих интересах хотя бы частью интересов национальных.

Сделать это гораздо труднее, чем отказаться от односторонних действий, особенно Соединенным Штатам, традиционно исходившим из представлений о себе (сложившихся в совершенно иных условиях) как об «исключительной» стране, которой предначертано Богом стать «Градом на холме».

Почти три четверти века назад, в феврале 1941 г., на страницах популярного в те годы американского журнала *Life* было опубликовано обширное эссе (изданное вскоре отдельной брошюрой) «Американский век» («*American Century*»), принадлежавшее перу Генри Люса — владельца журнала, сына миссионера и миссионера по духу — и отражавшее представления заокеанского истеблишмента о роли и исторической миссии США в XX веке. «Возьмем XX век, — писал Люс. — Это наш век не только в том смысле, что нам довелось жить в этом веке; он наш еще и потому, что это первый для Америки век,

когда она выступает как держава, доминирующая в мире»²¹. «Америке, и только Америке, — убеждал Люс, — предстоит определить, будет или не будет система свободного предпринимательства как экономический порядок, совместимый со свободой и прогрессом, преобладать в этом веке»²². Америка должна выступить в качестве «главного гаранта свободы морей» и «динамичного лидера мировой торговли»²³. Америка должна стать для мира источником различного рода знаний и умений, «мастерской идеалов свободы и справедливости»...²⁴

Много лет спустя, 3 июня 1997 г., группа видных американских неоконсерваторов выступила с программным документом, перекликавшимся с манифестом Генри Люса. Его название говорило само за себя: «Проект Нового Американского века. Заявление о принципах». «...Мы не можем уклоняться от ответственности и издержек, связанных с глобальным лидерством... Мы должны взять на себя ответственность за особую роль Америки в сохранении и распространении международного порядка, благоприятного для *нашей* безопасности, *нашего* процветания и *наших* принципов»²⁵.

По прошествии шестнадцати лет со времени публикации этого документа очевидно, что представление о «Новом американском веке» расходилось с реальными историческими трендами, а базировавшаяся на нем внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия стала прологом к серьезному кризису. Очевидно и другое: XXI век — по крайней мере в обозримой перспективе — не будет ни «американским», ни «китайским», ни «российским», ни «индийским».

Кризис неолиберальной модели глобализации

Многие аналитики склонны рассматривать нынешний кризис (по крайней мере до известной степени) как *продукт действующей (примерно с середины 90-х годов прошлого века) модели глобализации*. О ее несоответствии императивам новой эпохи давно говорят не только антиглобалисты, отвергающие глобализацию как таковую, но и альтерглобалисты, которые, не отрицая значимости и закономерного характера этого процесса, выступают за его альтернативные варианты.

Глобализация — процесс объективно неизбежный. Однако протекать он может по-разному. Что-то в нем не подвластно человеку, что-то, напротив, зависит от вовлеченных в него субъектов — государств, корпораций, отдельных групп. Глобализация в ее нынешнем виде протекает таким образом, что, как отмечает Энтони Гидденс, деятельность отдельных *локальных* групп и сообществ и принимаемые ими решения могут иметь *глобальные* последствия²⁶. Понятно, что речь идет прежде

всего о наиболее влиятельных игроках, в число которых входят крупнейшие ТНК и руководство ведущих государств мира, *защищающие частные интересы — корпоративные и/или национальные*. Иначе говоря, это недемократический процесс, в результате которого одни выигрывают больше, чем другие, а положение дел в мире определяют силы, которые никто не выбирал и которые ни перед кем не несут ответственности за свои действия.

⇒ Таким образом, как справедливо подчеркивают альтерглобалисты (С. Амин, К. Агитон, А. Бузгалин и др.), реализуется неолиберальный «сценарий» глобализации, представляющий, по словам А. Бузгалина, «социопространственное измерение тотальной гегемонии корпоративного капитала», который привел к созданию такой системы глобального производства, обмена и потребления, такого глобально интегрированного финансового рынка, которые отвечают прежде всего интересам акторов, представляющих «золотой миллиард»²⁷.

Нынешний финансово-экономический кризис был во многом спровоцирован глобальной деятельностью корпоративного капитала. Еще десять с лишним лет назад эксперты обращали внимание на то, что «весьма значительная часть глобальной финансовой деятельности является спекулятивной и порождает такие колебания цен или курсов ценных бумаг (облигаций, акций, фьючерсов и т.д.), которые выходят далеко за рамки лежащей в основе стоимости активов динамики так называемых *fundamentals* (*fundamentals* — общеэкономические или фундаментальные факторы реального состояния хозяйства и тенденций его развития. — Прим. ред.)»²⁸. С тех пор масштабы глобальных спекуляций лишь возрастали, чему немало способствовал прогресс в сфере глобальных коммуникаций и компьютерных технологий.

Кризис власти традиционной «мировой элиты»

Кризис убедительно продемонстрировал, что *узкий круг крупнейших традиционных мировых игроков в лице лидеров нескольких наций-государств*, который на протяжении второй половины XX — начала XXI в. оказывал более или менее существенное влияние на ход мировых событий, *не в состоянии справиться с новыми вызовами эпохи*.

На протяжении большей части периода «холодной войны» структура мирового порядка, его состояние и положение дел в мире во многом определялись взаимодействием двух мировых систем (двух блоков, двух лагерей), которое включало элементы сотрудничества по довольно широкому кругу вопросов — прежде всего политических и военных. Если принять во внимание, что во главе каждой из противоборствую-

ющих сторон стоял бесспорный мощный лидер в лице США и СССР, то можно сказать, что в течение нескольких десятков лет мир если и не управлялся, то направлялся своеобразным сдвоенным центром, который условно можно назвать G-2, «группой двух».

⇒ После окончания «холодной войны» и фактической маргинализации России на первый план вышла G-7, или «группа семи», включавшая Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Германию, Францию, Италию, Канаду и Японию. Будучи ограниченной в своих полномочиях и не имевшей возможности реального применения силы, она была на самом деле слабее «Группы двух». Конечно, как своеобразный клуб, включавший лидеров наиболее мощных в экономическом, военном и политическом отношении стран мира, G-7 выполняла позитивную роль консультативно-координационного центра, оказывавшего определенное влияние на положение дел в мировой политике и экономике. Но судьбы мира не определяла. Тем более что к концу XX в. на глобальном горизонте уже начали вырисовываться такие сильные потенциальные соперники, как Китай, Индия, некоторые другие страны.

Ситуация не претерпела принципиальных изменений и после преобразования G-7 в G-8, или «группу восьми», за счет включения в нее несколько окрепшей России. Многие серьезные аналитики по-прежнему смотрели на эту организацию не столько как на жизненно необходимый и эффективный орган глобального управления (каковым ее хотели бы видеть некоторые ее члены), сколько как на закрытый элитный клуб, членство в котором является не реальным критерием силы, а скорее символом принадлежности к сильным мира сего и даже своеобразной привилегией.

«Восьмерка» не сумела не только смягчить назревавший кризис (предотвратить его она была не в состоянии), но даже разглядеть его приближение. Это было не столько свидетельством банкротства самой идеи существования международного органа, способного осуществлять функцию глобального менеджмента, сколько свидетельством неэффективности конкретной структуры.

Кризис показал, во-первых, что *мир остро нуждается в эффективной координационно-консультативной площадке*, на которой можно было бы обсуждать актуальные проблемы мировой политики и экономики и принимать согласованные решения если не обязывающего, то рекомендательного характера. И, во-вторых, что *круг стран, лидеры которых могли бы с пользой для общего дела участвовать в деятельности такого рода координационно-консультативных органов, должен быть расширен*.

Поиски нового формата организации и нового состава «глобальной элиты» ведутся со второй половины 2008 г., когда в Вашингтоне состо-

ялся первый саммит «группы двадцати». Они были продолжены в апреле 2009 г. в Лондоне и позднее в Аквиле (Италия), куда для работы были приглашены несколько десятков лидеров других стран, включая, естественно, тех, кто не входил даже в «двадцатку». При этом заседания оперативно меняли свой формат в зависимости от обсуждавшегося круга вопросов: то к «восьмерке» присоединялась некая «пятерка», то заседания проходили в еще более широком кругу, включавшем чуть ли не тридцать стран.

Это были спонтанные, лихорадочные поиски новых организационных структур, порожденные острейшей потребностью нахождения путей выхода из кризиса, — структур, которые могли бы реально способствовать решению этой задачи. И вот что примечательно: поиски эти происходили путем подключения к «восьмерке» не просто новых стран, а стран преимущественно незападных, часть из которых еще сравнительно недавно причислялась к так называемому третьему миру и на которые Запад тогда взирал свысока.

По сути, это означало молчаливое признание неспособности традиционной западной «мировой элиты» (в G-8 входит только одна восточная страна — Япония, которую многие давно причисляют в некоторых отношениях к Западу) решать в условиях XXI в. глобальные проблемы без других и за других.

Перед нами лишнее подтверждение идеи, которая еще несколько лет назад высказывалась некоторыми европейскими аналитиками, в частности английским историком Тимоти Эшем, утверждавшим с горечью и страхом, что «через 20 лет Запад больше не сможет устанавливать повестку мировой политики так, как он это делает последние 400 лет»²⁹. Это было сказано восемь лет назад. А составители «*Global Trends 2025*» прямо заявили о происходящем смещении центра экономического могущества и богатства с Запада на Восток как устойчивым глобальным трендом³⁰. Тренде, который подкрепляется реальной мировой динамикой.

Кризис идеи всеобщего свободного рынка

Экономические и социально-политические события последних лет выявили *кризис* активно продвигавшейся неолибералами идеи *свободного рынка* не только как *абсолютного* механизма регулирования хозяйственных отношений, но и как *универсального* механизма регулирования общественной жизни. Речь идет, разумеется, не о рыночном механизме как таковом. Он сохраняет свою значимость в современном обществе, влияя не только на хозяйственную жизнь, но и на формирование определенных политических и социальных структур и ценностей, политического и культурного климата, типа личности и массового со-

знания. Речь идет об *абсолютизации* роли рынка, или, как предпочитают говорить некоторые аналитики, о *рыночном фундаментализме*, обратная сторона которого — *минимизация роли государства в экономике*, отказ от прямого государственного вмешательства в финансово-экономические процессы, *монетаризм* как использование денежной массы в качестве регулятора экономических процессов. Именно этот рыночный фундаментализм и обнаружил свою несостоятельность в условиях кризиса.

Неолиберальная идея всемогущества свободного рынка была продолжением традиционной для либерализма *laissez faire* линии на ограничение роли государства в экономической и социальной сферах. Но, как подчеркивает американский эксперт Дэвид Харви, автор книги «Краткая история неолиберализма», в условиях так называемого встроенного либерализма, сложившегося после Второй мировой войны, само ограничение роли государства было ограниченным. По словам Харви, «либерализм того времени был призван создать... баланс между государственной властью, бизнесом и общественными институтами... В его рамках рыночные процессы и деятельность большого бизнеса и любых коммерческих организаций ограничиваются социальными и политическими рамками, контролируруемыми государством. Государство не только занималось планированием, но и владело многими отраслями промышленности, активно вмешивалось в промышленную политику и определяло уровень социального благополучия, широко использовалась кейнсианская фискальная и монетарная политика»³¹.

Это важно

Неолибералы нарушили баланс между государством, обществом и бизнесом, встав на путь освобождения последнего от существенных ограничений со стороны государственных и общественных институтов. В неолиберальном проекте роль рынка как финансово-экономического механизма не просто возросла — она оказалась *гипертрофированной*.

Насколько эффективно проявила себя эта модель в недавнем прошлом; была ли у нее работоспособная альтернатива; когда конкретно она начала давать сбой — эти и другие вопросы того же ряда широко обсуждаются экспертным сообществом и заслуживают отдельного разговора. Фиаско рынка усугубляется *неоправданным ослаблением роли государственных и общественных институтов в экономике*. Кризис выявил *несостоятельность не только радикалистской ориентации на рынок, но и нигилистического отношения к государству как механизму социально-экономического регулирования и стратегического планирования*.

Это остро почувствовала на себе Россия — страна, в жизни которой государство всегда играло центральную роль. Как пишет акаде-

мик Н. П. Шмелев, одна из причин кризиса, накрывшего Россию, заключается в том, что «за истекшие два десятилетия роль государства в экономике была абсолютно неоправданно ослаблена, причем как в количественном, так и особенно в качественном смысле. В реальности российское государство добровольно отказалось от одной из своих наиважнейших функций — стратегического планирования, выработки структурной политики и прямой предпринимательской деятельности, предоставив хаосу промышленность, сельское хозяйство, инфраструктурное развитие, подготовку кадров, миграционные и переселенческие процессы, социальную жизнь страны»³².

Характеризуя меры, принимавшиеся начиная с 2008 г. большинством государств для выхода из кризиса, Н. П. Шмелев справедливо отмечает, что все они «имеют сегодня одну общую принципиальную черту: отступление от непорочно чистой либеральной модели экономики и резкое усиление прямого вмешательства (и прямого участия) государства в экономическую жизнь общества».

Это важно

Похоже, мир (и развитый, и развивающийся) ждет нечто третье, где рыночный механизм и конкуренция будут дополнены активной управленческой и предпринимательской деятельностью государства, а социальная помощь, социальная солидарность общества, формируемые вне действия рыночного механизма, станут нормой во всех ведущих странах мира»³³.

Императивы нового сознания

Минует какое-то время — и мир преодолеет нынешний глобальный кризис. Возобновится рост экономики. Возможно, будут внесены коррективы в стратегию глобализации, родятся новые идеи и будут сформулированы новые концепции и теории, позволяющие глубже понимать, оценивать и регулировать национальные и мировые экономические процессы и финансовые потоки.

Но если не будет преодолен идейно-политический и нравственный кризис, сопровождающий, а отчасти и породивший глобальный финансово-экономический кризис начала века, то будет сохраняться и реальная опасность нового глобального потрясения.

Это важно

Такое преодоление сопряжено с появлением *человека иного типа*, наделенного *иным сознанием*, способного исповедовать *иные нравственные нормы и принципы*, адекватно отражающие императивы новой эпохи, и действовать в соответствии с ними.

Попытки формирования иного (нового) человека предпринимались в истории не единожды. Речь не идет о формировании человека с идеальными качествами, радикально отличающегося от его современников, — планах, которые предлагали в разное время реформаторы-романтики. Речь идет о формировании *нового исторического социального типа (социального характера)*, т.е. обычного массового человека, который отличался бы от других типов наличием у него *элементов обновленного сознания*: по-новому бы воспринимал мир, придерживался новых социополитических и культурных ориентаций и установок, а значит, следовал новой линии поведения.

Смена социальных типов (социальных характеров) происходила по ходу истории неоднократно. Ренессансный человек отличался по своей политической «оптике» (мировидению) и социокультурной сенсорике (мироощущению) от своих предшественников. Буржуа отличался от средневекового рыцаря. Америка сформировала новый социальный тип, который был описан Алексисом де Токвилем. Но еще в 1782 г., всего через шесть лет (!) после провозглашения Декларации независимости, американизовавшийся француз, автор получивших впоследствии известность «Писем американского фермера» Сент Джон де Кревекер писал, что здесь, в Америке, можно «наблюдать самое начало и общие контуры человеческого общества, коих ныне не сыскать нигде, кроме как в сей части света», и эти контуры воплощены в образе американца. Не был мифом и советский человек. Он, конечно, выглядел не так, как его описывала официальная пропаганда, но это был новый исторический социальный тип. Подобных примеров немало.

Нынешний мир нуждается в человеке (это относится в первую очередь к тем, кто принимает решения на высоком уровне, но не только к ним), который *понимал бы и чувствовал взаимосвязанность мировых процессов и взаимозависимость всех стран и народов мира* и исходил в своей деятельности из этого миропонимания и мироощущения, т.е. *мыслил и чувствовал глобально*. В обыденном сознании это может проявляться в представлении о том, что на земле живет много народов и от того, что происходит в моей стране, зависит жизнь других людей, и наоборот.

Новое сознание предполагает *ориентацию на кооперативное поведение*, призванное если не исключить (что маловероятно), то хотя бы несколько ограничить национальный, групповой и региональный эгоизм как заботу исключительно о собственных интересах в ущерб интересам других. Эта ориентация предполагает как *совместные, коллективные акции* (востребованность которых в условиях глобализирующегося

Раздел 1. Характеристики глобального мира

мира возрастает), так и *согласованные* индивидуальные действия в тех случаях, когда деятельность одних затрагивает интересы других. Безнравственно и опасно сбрасывать ядовитые отходы химического производства в воды реки, протекающей по территории нескольких стран, не только не согласовав с ними эту акцию, но даже не сообщив им, что за вещество сброшено в реку. Безнравственно и опасно противопоставлять интересы «золотого миллиарда» интересам тех, кто в него не входит.

Разумная и эффективная кооперация индивидов, групп, народов невозможна без поддержания постоянного диалога между сотрудничающими субъектами, причем это должен быть диалог если и не равных, то *равноправных и равноценных* субъектов. Иначе говоря, новое сознание должно быть *диалогическим*.

Мир XXI в. нуждается в человеке с *повышенной толерантностью* — расово-этнической, религиозной, культурной, цивилизационной. Сегодня уже никого не смущает требование проявлять политкорректность. Но политкорректность — это всего лишь внешняя оболочка определенной поведенческой модели, которая может и не предполагать внутреннюю толерантность.

Подлинная, устойчивая толерантность требует развития такого качества, как *эмпатия*. Психологи определяют ее как проникновение в эмоциональный мир другого человека, сопереживание ему. В более широком смысле эмпатию можно охарактеризовать как умение войти в положение другого, что очень важно для всех людей нашей маленькой планеты.

Органическое дополнение толерантности — *этика мультикультурализма*, ориентирующая если не на признание эквивалентности (равноценности) культур, цивилизаций и жизненных укладов разных народов земли, то по меньшей мере на их мирное сосуществование. Попытки той или иной страны, сколь бы ни была она влиятельна в культурном отношении, выдать свои ценности за универсальные (общечеловеческие), а тем более навязать их другому силой становятся в нынешних условиях не просто контрпродуктивными, но и конфликтными, а значит, чрезвычайно опасными.

Это важно

Существенный элемент нового сознания — *этика потребительского самоограничения*, ориентирующая на жизнь по средствам и рассмотрение престижного потребления и гиперпотребления не только как расточительного, но и безнравственного.

Отсюда — необходимость *бережного отношения к окружающей среде*, которая всегда платит взаимностью. В прошлом «платеж» мог быть отложен во времени. Сегодня антропогенная нагрузка на биосферу близка к предельной. «...В настоящее время воздействия человека на окружающую среду уже не гасятся и не поглощаются ею, а практически немедленно “возвращаются” человеку в виде соответствующих природных реакций... Следовательно, антропогенная нагрузка на биосферу приближается к своему пределу: ее дальнейшее механическое наращивание может привести к непредсказуемым по своему масштабу и характеру обратным реакциям. В том числе и в результате дестабилизации или даже слома сформировавшихся механизмов поддержания экологического равновесия»³⁴.

В число важнейших характеристик нового сознания входит установка на *рачительное отношение к природным ресурсам* — прежде всего невозобновляемым, борьба за которые становится все более острой, чтобы не сказать жестокой и чреватой серьезными международными конфликтами и попытками «передела мира».

* * *

Смена одного исторического социального типа другим, одного сознания другим — процесс естественный и обычно длительный, даже в условиях ускорения хода истории. Он тесно связан со сменой поколений, с изменением условий социализации (особенно ранней) и качества ее так называемых агентов (семьи, школы, трудового коллектива и т.п.). Но культурные силы общества, представленные образовательными институтами, СМИ, институтами гражданского общества, государственными структурами ведущих стран мира, могли бы способствовать разумному ускорению этого процесса. Для начала важно *осознать необходимость таких действий*.

Ключевые слова

Глобальный кризис, глобальное управление, мировой порядок, мировая элита, неолиберальная модель глобализации, финансово-экономический кризис.

Контрольные вопросы

1. Как в современных социальных науках определяется понятие «кризис»?
2. В чем проявились недостатки политики унилатерализма в первом десятилетии XXI века?
3. Какие альтернативы предлагаются неолиберальной модели глобализации?

Раздел 1. Характеристики глобального мира

4. Как меняются представления о мировой элите в современном мире?
5. Почему в современном мире растет отторжение модели свободного рынка?
6. Какие требования современной мирополитическая среда предъявляет к социальному типу человека?

Примечания

- ¹ *Иноземцев В.* Без компаса и парусов // Независимая газета. 02.02.2009.
- ² Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А. М. Румянцев. М., 1975. Т. 2. С. 311.
- ³ Там же. С. 312.
- ⁴ *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М., 1998. С. 175.
- ⁵ Политическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. М., 1999. Т. 1. С. 590. Курсив мой. — Э. Б.
- ⁶ Там же. С. 590. Курсив мой. — Э. Б.
- ⁷ Введение в политологию: Словарь-справочник / Сост. Г. Л. Купряшин, Т. П. Лебедева, Г. И. Марченко и др.; Под ред. В. П. Пугачева. М., 1996. С. 102. Курсив мой. — Э. Б.
- ⁸ *Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. М.; Екатеринбург, 2002. С. 224. Курсив мой. — Э. Б.
- ⁹ *Raymond W. J.* Dictionary of Politics. Brunswick, 1992. P. 111. Курсив мой. — Э. Б.
- ¹⁰ *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь / Пер. с франц. М., 2012. С. 266.
- ¹¹ Там же. С. 267.
- ¹² International Encyclopedia of Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 1. P. 510.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 148.
- ¹⁵ Надо заметить, что автор статьи о кризисе в «Политологии», истолковывая его как дисфункцию, признает тем не менее связь кризиса с истощением ресурсов объекта. «Кризис во всех случаях означает, — пишет он, — что существующая тем или иным образом... система... достигает предела, дальше которого она существовать или двигаться не может, исчерпала ресурсы и смысл существования... или наталкивается на сплошное сопротивление извне, либо препятствие...» (Там же).
- ¹⁶ *Nye J. Jr.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford, 2002. P. 39.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Global Trends 2025: A Transformed World. Wash. D.C., 2008. P. VI.
- ¹⁹ Ibid. P. XI.
- ²⁰ *Васильев В. С., Роговский Е. А.* Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы — Т. Гейтнера // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 4. С. 28.
- ²¹ *Luce H.* The American Century / With Comments by D. Thompson, Q. Howe, J. Chamberlain, R. G. Shivak, R. E. Sherwood. N.Y.; Toronto, 1941. P. 27.

Глава 2. Всемирный идейно-политический кризис

²² Ibid. P. 35–36.

²³ Ibid. P. 36.

²⁴ Ibid. P. 39.

²⁵ Project for the New American Century, Statement of Principles. 1997. June 3. Документ приводится в книге: *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004. С. 20–22. Курсив мой. — Э. Б.

²⁶ *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.

²⁷ Альтерглобализм: теория и практика антиглобалистского движения / Под ред. А. В. Бузгалина. М., 2003.

²⁸ *Хелд Д.* Трансформация политического сообщества: переосмысливая демократию в контексте глобализации // Теория и практика демократии: Избр. тексты / Пер. с англ. М., 2006. С. 450.

²⁹ The Washington Times. 07.02.2005.

³⁰ Global Trends 2025: A Transformed World. Wash. D.C., 2008.

³¹ *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://revbel.org/wp-content/uploads/>.

³² *Шмелев Н. П.* Россия и мировой кризис: назревшие перемены // Современная Европа. 2009. Июль–сентябрь. № 3. С. 6.

³³ Там же. С. 12.

³⁴ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М. Г. Делягина. М., 2000. С. 34–35.

3

ГОСУДАРСТВО-НАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО УСТРОЙСТВА

В политологии формирование государств нередко сводится к созданию законодателем тех или иных институтов, а затем к их закреплению в практике государственного управления. Подобный подход заметно ограничивает и обедняет как само понятие государства¹, так и фактическое функционирование политий (политических систем), образующих категорию государств². Самодовлеющее значение приобретает воля законодателя, фактически отождествляемая с волей государства. Государство как будто возникает и развивается в лабораторных условиях в полной изоляции от привносимых международной средой «помех».

С методологической точки зрения подобное аналитическое изолирование допустимо и даже оказывается плодотворным для выделения ряда существенных черт, которые по своей природе непосредственно не связаны со средой. Однако в случае с государствами такой ход исследования заведомо даст неполные результаты, поскольку само предназначение государства заключается в эффективном взаимодействии со своими внутри- и внешнеполитическими партнерами. Более того, базовым нормативным и эмпирическим условием самого возникновения государства-суверена является его признание, с одной стороны, другими суверенными государствами, а с другой — собственными гражданами или подданными.

Это важно

Государства возникают и функционируют лишь в составе объединяющих их международных систем. Условием возникновения и функционирования суверенных государств является не только монополизация власти в рамках отчетливо очерченной территории, но и признание права на подобную монополию со стороны аналогичных монополистов за пределами их территории и со стороны различных политических субъектов внутри их территории.

Влияние конкретно-исторических особенностей института государства на характер господствующей международной системы

Один из создателей традиции изучения государственного строительства Чарлз Тилли прямо отмечал, что международные системы выступают в качестве фактора формирования и развития государств: «Возможно, Вестфальский мир (1648) в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные (*distinct*) и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями. В последующие три столетия европейцы и их потомки смогли распространить подобную систему государств на весь мир. Недавняя волна деколонизации почти завершила территориальное размежевание (*mapping*) планеты в виде подобной системы»³. По мнению Ч. Тилли, недостатком исследований государственного строительства является дефицит внимания к международным факторам: «Большинство существующих объяснений не срабатывает, поскольку игнорируют тот факт, что различные типы государств стали действительными на различных этапах европейской истории, а также поскольку они связывают объяснение разнообразия государств (*state-to-state variation*) скорее с индивидуальными характеристиками государств, чем с отношениями между ними»⁴.

Тилли обращает внимание на то, что присоединение политий к международным системам не просто оборачивается их признанием другими суверенами, но также воздействует на процессы государственного строительства в новых членах международных систем и на трансформацию старых, поскольку конгломерация системы государств существенно ограничивала более поздних участников государственного строительства»⁵. Иными словами, то, когда и как та или иная полиция вступила в сообщество государств, какое место в нем заняла, какие образцы были предложены или даже навязаны международной системой, — все это существенным образом сказывается на государственном строительстве.

Намеченная Ч. Тилли проблематика не привлекла пока должного внимания. Все еще остается неисследованной связь между созданием и закреплением государственных институтов и динамикой международных систем. Важным аспектом данной исследовательской проблемы является вопрос о влиянии международного признания на государственное строительство. В настоящей главе дается обзор основных фактов включения политий в международные системы с учетом смены

Раздел 1. Характеристики глобального мира

поколений⁶ этих систем. При этом выделяются три большие эпохи — Ранний (с середины XV до рубежа XVIII и XIX вв.), Средний (примерно XIX в.) и Зрелый модерн (со времен Первой мировой войны до наших дней). В рамках этих эпох выделяются фазы консолидации международного политического порядка и контрфазы его кризисов.

Разумеется, недопустимо сводить смену поколений политической организации вообще и государств в международных системах в частности к простой череде следующих друг за другом эпизодов и фаз исторического развития. Подобный подход характерен и для политической истории отдельных стран, и для истории международных отношений. Он мешает «увидеть за деревьями лес», разглядеть за фактами и деталями качественные изменения политической организации.

Равным образом недостаточно лишь нормативно обосновать последовательность институциональных схем внешней или внутренней политики, чем грешат теоретики международных отношений вкупе с теоретиками государства. В этом случае редукция грозит появлением умозрительных схем, где международные отношения образуются некими «бильярдными шарами» без свойств и собственной жизни, а суверенитет государства предстает как полный произвол верховного властителя или, в лучшем случае, иных выразителей «воли народа», «интересов страны».

Необходим эмпирический подход, позволяющий выявить и обобщить данные, касающиеся функционирования институтов, принадлежащих взаимодействующим и взаимно влияющим друг на друга государствам, а также установить корреляции между этими данными. На такой основе возможно проведение сравнительных исследований, позволяющих установить как место отдельных государств в их сообществах, так и специфику сопоставимых друг с другом институтов отдельных государств. Фактически речь идет о необходимости междисциплинарного синтеза сравнительной политологии и международных отношений.

Отдельные поколения международных систем и составляющих их политий консолидируются благодаря распространению и признанию определенных принципов политической организации. Эти принципы реализуются на практике далеко не всеми государствами и далеко не в полной мере. Наряду с ними существуют также альтернативные принципы, которые либо сохранились с прошлых времен, либо остаются новациями, спецификами, а то и патологиями отдельных стран или даже более мелких политических образований. Фактически можно говорить лишь об относительном преобладании неких моделей и мо-

дальностей политического поведения и взаимодействия. Вместе с тем и относительного преобладания порой бывает довольно, чтобы сделать тот или иной набор принципов интегратором определенного поколения политической организации. При этом нередко возникают альтернативные наборы принципов, противоречивое столкновение которых позволяет образовать конфликтные системы — международные, национальные и даже локальные.

Смена поколений международных систем и образующих их государств сопряжена с рассогласованностью или — в терминах Стэнфордского проекта⁷ — диссинхронизацией принципов взаимодействия, а также с эскалацией нереалистических требований и ожиданий. Накопление подобных явлений ведет к нарушению порядка и нарастанию кризиса. Только образование победной коалиции и осуществленный ею прорыв открывают путь к формированию следующего поколения международных систем и составляющих их государств.

Общие ритмы смены поколений политической организации достаточно отчетливо проявляются в большинстве стран, синхронизирующих международную систему. В то же время отдельные страны, группы стран и даже некоторые части самой системы далеко не полностью затрагиваются общей синхронизацией и могут следовать альтернативной логике политической организации. Однако подобного рода отклонениями, важными для систематического анализа, можно пренебречь в данной главе, претендующей лишь на то, чтобы представить основную фактуру смены поколений международных систем и государственного строительства.

Международная система эпохи Раннего модерна

В ходе первоначальной модернизации, начавшейся с середины XV в., протекает несколько взаимосвязанных процессов на международном, страновом и локальном уровнях. Все они так или иначе связаны с общим трендом распространения современных по характеру практик из первоначального ядра внутренней двойной европейской периферии в виде так называемого пояса городов⁸ сначала в прилегающие, а затем в более удаленные регионы прежней *Respublica Christiana*. Постепенно зона модернизации охватывает все европейское пространство.

По мере развертывания модернизации возникшие еще в период позднего Средневековья разномасштабные и разноплановые политии-статусы консолидируются внутри себя, а также вовне, образуя системы синергетического институционального строительства в региональных, а затем в европейских масштабах. Эти разноплановые политии-статусы

Раздел 1. Характеристики глобального мира

(территориальные и династические государства, городские и территориальные республики, сословия) сближает использование принципа устойчивой интеграции властных полномочий по модели состояния-статуса. Та же модель применяется и для консолидации микромасштабных состояний-статусов в виде поместий, коммерческих начинаний. Характерно широкое использование латинского слова *status* (*status*), а также его новоевропейских версий (*state, estate* — англ.; *Staat, Stand* — нем.) для обозначений устойчивых политических состояний. Сами международные системы также исходно концептуализировались как устойчивые мирные состояния.

Уже на этом этапе процессы строительства политий-статусов и более масштабных наций подкрепляются созданием международных систем. Новые статусы возникают коллективно, во многом за счет своего взаимодействия друг с другом. Это связано с характерными для Раннего модерна процессами мультипликации и приватизации общеевропейской сакральной вертикали. В своих отношениях друг с другом они создают сообщества пэров, выступая в качестве суверенов.

Собственно современными можно считать политики, создавшие во второй половине XV столетия прообраз международной системы, так называемую Итальянскую лигу (*Lega Italica*), или, по выражению современного исследователя Гэррета Мэттингли, «итальянский концерт»⁹. Само создание Итальянской лиги было построено на механизме признания результатов мира между Венецией и Миланом, основными протагонистами так называемых Ломбардских войн (1423–1454), другими участниками этой малой «тридцатилетней войны», а также прочими властителями итальянских «состояний». Одновременно это признание дополнялось симметричным ему признанием основными державами остальных центров силы как своих партнеров по поддержанию мира.

⇒ Эта логика прослеживается в динамике становления Итальянской лиги. Мир между Венецией и Миланом был заключен 9 апреля 1454 года. Двустороннее мирное соглашение было превращено в трехстороннее после присоединения к нему Флоренции и подписания 30 августа 1454 г. в Венеции соответствующего договора. К концу года окончательно сформировалась своего рода «пентархия» основных центров силы — Венеции, Флоренции, Милана, «Состояний Церкви» (*Stati della Chiesa*), обычно именуемых у нас Папской областью, и Неаполитанского королевства. Они действовали от имени своих союзников, которые также могли формально вступить в договор. Тем самым создавалась общеитальянская система мирного политического порядка, основанного на балансе сил. Формально создание Лиги было провозглашено 2 марта 1455 г. в Риме.

Система была лишь поверхностно разрушена в ходе кризиса, связанного с Итальянскими войнами (1494–1559). По сути, найденные на итальянской почве принципы были перенесены в более широкие европейские пространства. Это особенно проявилось на последнем этапе Итальянских войн, связанном с соперничеством Франции и Священной Римской империи за контроль над всем протяжением пояса городов от Падании до Нидерландов. Десятки мирных договоров и перемирий от Камбрейского мира 1517 г. до Като-Камбрейского мира 1559 г. создавали все более плотную сеть взаимных признаний и территориальных размежеваний. При этом способность заключить мир или перемирие стала важным критерием отбора в число суверенов.

Последовавшая вслед за кризисом эпоха конфессий отмечена взаимным признанием соперничающих христианских конфессий, утверждением принципа «чья земля, того и вера», попытками поддержания хрупкого баланса, постоянно нарушавшегося вспышками религиозных войн. Сложившаяся система, которую можно назвать Аугсбургской по заключенному в 1555 г. религиозному миру, оказалась весьма неустойчивой в силу расплывчатости и зыбкости взаимных признаний.

Постепенно нарастал кризис. Началось все во Франции, затем нидерландская религиозная война — фактически война в нижнерейнском сегменте «пояса городов» — перерастает в общеимперскую религиозную войну, а та спустя еще десятилетие становится западноевропейской. Обе войны — и Семидесятилетняя, и Тридцатилетняя — завершились одновременно, в 1648 году. Именно тогда возникают контуры европейского политического порядка. Он очерчен сложной системой договоров: двух мюнстерских, снабрюкского и несколько отсроченного — на десятилетие — пиренейского. При этом число участников каждого из них было велико, статусы весьма различны, а условия сохранения мира еще более разнообразны. И все же было сделано главное. Господствовавший до тех пор алгоритм фактических признаний начал дополняться признаниями формальными. Тем самым *критерий признания был положен в основу европейского политического порядка. Одновременно этот критерий стал также отправным моментом выстраивания суверенной власти внутри территориальных состояний.*

Международная система Среднего модерна

Принцип признания постепенно закрепляется в дипломатической практике и в международном праве. Признание формализуется, начинает отделяться от признания фактического. Своего рода поворотным моментом можно считать Венский конгресс 1815 г. и, шире, послена-

полеоновскую реконструкцию. Они характеризовались острым конфликтом между принципами легитимизма¹⁰ и самоопределения, за которыми угадываются формальное и фактическое признание. Впервые такой конфликт проявился уже в 1814 г., когда свободное самоопределение Норвегии было пресечено великими державами, настоявшими на ее унии со Швецией.

Сам по себе принцип самоопределения был далеко не нов. Вестфальский мир стал прецедентом признания самоконституировавшихся государств — Соединенных провинций Нидерландов и Швейцарского клятвенного сотоварищества — суверенными и полноправными участниками международной системы. Последующие прецеденты самоконституирования (самоопределения) государств в рамках международных систем были созданы США, республиками Латинской Америки, Бразильской империей. При рассмотрении распространения данного принципа в Европе важно отметить два особых примера отступления от принципа легитимизма — Бельгия и Греция.

Прототипический характер бельгийского казуса проявился в сложном переплетении внешних и внутренних факторов формирования государства. Начало освободительной борьбы связано с событиями 25 августа 1830 г., когда после оперного представления сотни брюссельцев вышли на улицы. За этим последовал серьезный политический кризис, главными вехами которого стали предложения 1 сентября об административном разделении Соединенного королевства Нидерландов, а затем бои на улицах Брюсселя 23–26 сентября 1830 года.

Новый этап открыл созыв 26 сентября Национального конгресса, 4 октября 1830 г. принявшего Декларацию независимости. На данном этапе существенную роль сыграла позиция Франции и Великобритании, которые повлияли на принятие многих «внутренних» решений. Важнейшим событием стала Лондонская конференция 1830 г., 20 декабря объявившая Соединенное королевство Нидерландов распущенным, а через месяц признавшая независимость Бельгии.

Это открыло путь институциональному и конституционному строительству нового государства. 7 февраля 1831 г. принята конституция, в которой конституционная монархия закрепляется как форма правления Бельгии. Король избран 4 июня, 26 июня он вступил на трон. В этих условиях 2 августа 1831 г. Нидерланды начали военную операцию против Бельгии. Последовавшая десятидневная война была остановлена вмешательством Франции. Великие державы, и прежде всего Великобритания, принуждают Нидерланды к фактическому примирению с Бельгией. 14 октября 1831 г. между Бельгией и Нидерландами

был заключен Договор восьмидесяти статей, регулировавший практические отношения между ними, хотя Нидерландами Бельгия продолжала оставаться непризнанной. Лондонская конвенция 21 мая 1833 г. и новый двусторонний договор, заключенный 18 ноября 1833 г. в Зонхове, стали этапами фактического признания Бельгии при формальном отказе Нидерландов признавать ее независимость.

Лондонская конференция и подписание Лондонского договора 19 апреля 1839 г. завершили данный процесс. Бельгия была наконец признана Нидерландами.

Не менее прототипическим является греческий пример. Несмотря на то что освободительная экспедиция Александра Ипсиланти весной 1821 г. и последовавшее восстание в Греции вызвали негативную реакцию Священного союза и лично Александра I, новое греческое государство смогло закрепиться на Пелопоннесе. В январе 1822 г. в Эпидавре было созвано национальное собрание, принявшее «органический статут», т.е. конституцию. В условиях противодействия летицистского Священного союза греки вынуждены были провозгласить создание президентской республики.

Признание Великобританией в 1823 г. Греции в качестве воюющей державы способствовало успеху освободительной борьбы греков. В 1824 г. освобождаются Афины и Наварин. Серьезный удар греческой республике нанесла экспедиция Мухаммеда Али. В этих условиях важную роль сыграли англо-русский протокол 1826 г., трехсторонняя конвенция России, Великобритании и Франции, а также «протокол о бескорыстии». Наваринское морское сражение 1827 г. и последовавшие военные экспедиции России, Великобритании и Франции привели к заключению в 1829 г. Андрианопольского мира. Окончательное признание независимости Греции произошло на Лондонской конференции 1830 года.

После Венского конгресса качественно повысился уровень организованности международной системы. Стал реализовываться принцип мультилатерализма¹¹. Были созданы подобию постоянных режимов в виде «европейского концерта» или даже зародыши международных организаций — Священный союз с его системой конгрессов, постоянных консультаций и гарантий великих держав, например нейтралитета Швейцарии, последнего прямого продолжения средневекового пояса городов. Тем самым *усиливалась роль международного права, что способствовало укреплению правовых порядков во внутренней политике стран.*

Усиливалась суверенность и отдельных государств. Она не только формально признавалась международным правом и сообществом су-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

веренов, но и гарантировалась великими державами. Однако эти гарантии носили отпечаток прежних порядков. Нередко они выливались в прямое вмешательство великих держав и восстановление суверенности власти силовым способом, как это было в случае с Неаполитанским королевством.

Главным достижением промежуточного периода модернизации стало быстрое и уверенное распространение принципов представительства.

Это важно

Во внутренней политике это привело к появлению систем представительного правления, кабинетной системы, ответственного правительства. Во внешней политике развитие дипломатической службы, а также повышение регулярности и уровня содержательности дипломатических и консульских отношений также определенным образом укрепили принципы представительности вообще и, что особенно показательно, принципы представления государствами и их органами как общих, так и частных интересов.

В конечном счете XIX столетие стало периодом появления целого поколения политик развития, которые можно охарактеризовать как политики освобождения (*liberation policies*), затрагивающие его различные аспекты. Это и деколонизация Запада в сочетании, однако, с колонизацией Западом, в том числе и неевропейским, не-Запада. При этом в качестве «колонизаторов» выступали осколки «старых режимов», а также старые империи¹².

Это и прочие формы эмансипации, включая предоставление избирательных и других прав все большему числу представителей «непросвещенных классов». Это, наконец, расширение пространства духовной и культурной свободы (прежде всего современная наука с ее требованиями независимой критики и доказательности, соответствующие формы образования и т.п.) одновременно с ее углублением, что стало важнейшим фактором развития западного мира, а с ним и всего человечества.

В целом международная система, оформленная на Венском конгрессе 1815 г., достаточно успешно функционировала на протяжении столетия. Благодаря этой системе удалось более или менее согласовать по принципу «европейского концерта» политики развития как европейских держав, так и «деколонизовавшихся» субъектов за пределами Европы или на ее дальней периферии. Вместо прежней топорной «подгонки» суверенитета с помощью разного рода «войн за чье-то наследство» Священный союз ввел практику вмешательства в целях консолидации суверенитета — дальнюю предшественницу нынешних «развивающих» политик гуманитарной интервенции.

Корпоративные политики были интегрированы «внутри» национальных политик, ост-индские компании национализированы, а межкорпоративное соревнование перенесено в плоскость рыночных отношений, патронируемых государствами коллективно.

На исходе XIX в. империалистическая модель экстенсивной модернизации за счет колонизации государствами своих «сред» — заморских ли «дикарей», собственных ли социальных периферий — и сосуществования с этими «средами» по большей части исчерпала свои возможности. Внешние и внутренние колонии перестали быть простым привеском для импорта ресурсов и экспорта проблем компактных наций-государств. Старые государства-попечители оказались перед необходимостью интенсивно осваивать уже экстенсивно включенные в государственные рамки немодернизованные периферии, переделать их из колоний в свои интегральные составляющие.

Международная система Зрелого модерна

Ведущей тенденцией периода Зрелого модерна в XX в. стала демократизация политического порядка внутри как отдельных государств, так и международных отношений в целом. Этот процесс развертывался, однако, весьма противоречивым образом. XX столетие — это не только страшные бедствия, разрушенные иллюзии и лихорадочные метания, но и ценнейшие достижения. Достаточно указать на замечательный опыт включения в политику огромных масс людей. Это и четыре волны демократизации на основе распространения западных стандартов институтов, и героический эксперимент с демократией Советов, с прыжком из царства необходимости в царство свободы. В обоих случаях были допущены ошибки и просчеты, обнаружилась ограниченность функциональности и дисфункциональность тех или иных институциональных решений. В первом случае это разнообразные, но относительно частные решения, во втором — решения с претензией на их всемирно-историческую значимость. Соответственно различается и масштаб проявившихся дисфункций. Эти и другие эволюционные проблемы становятся яснее в контексте динамики XX столетия.

Это важно

Основным противоречием этого этапа развития (примерно первая половина XX в.) стала в первую очередь проблема участия «несовременных» и нередко неготовых к восприятию стандартов модерна масс населения (неполитических классов), образованных экстенсивным освоением немодернизованных периферий еще на предыдущей стадии развития.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Во внутривполитическом отношении решение проблемы заключалось в институциональном утверждении современной демократии как формы массового политического участия и как способа формирования из политических и неполитических классов единой политической нации, а тем самым преодоления — хотя бы в теории — раскола на управляемых и управляющих. Во внешнеполитическом отношении решение проблемы связано с развитием разноуровневого и разномасштабного включения в мировую политику ушедших под сень государств альтернативных форм политической организации (корпорации, сообщества), а также новых политических субъектов.

С идеологической точки зрения *ведущей тенденцией XX столетия можно назвать демократизацию внутривполитических и международных сфер*. Более точным описанием этой тенденции может быть «поиск институциональных, процедурных и идейных возможностей эффективного политического участия». В международном плане данная тенденция выражалась в переходе ко все более широким и инклюзивным международным системам. Сообразно этому сменялись и стоящие за этими системами организации: Лига Наций, ООН разных поколений, СБСЕ, ОБСЕ. Во внутривполитическом плане соответствующая тенденция проявилась в форме четырех волн демократизации отдельных стран.

Показательно, что и внешнеполитические, и внутривполитические процессы были синхронизованы. Фактически приходится иметь дело с четырьмя отдельными историческими периодами, которые с большей или меньшей точностью могут быть помещены на хронологическую шкалу. Аналитически эти периоды можно очертить соединением фаз относительного политического порядка и контрфаз кризиса, связанных с переходом к новому периоду.

Первый период охватывает два с половиной десятилетия — условно от 1920 до 1945 г., т.е. время от начала послевоенной реконструкции до конца Второй мировой войны. Он состоит из фазы относительно успешного функционирования Лиги Наций и первой волны демократизации (1920-е годы с отклонениями для ряда стран) и контрфазы краха системы коллективной безопасности и усиления тоталитарных и авторитарных тенденций (1930-е годы с соответствующими отклонениями), завершившихся катастрофой Второй мировой войны (самый конец 1930-х — первая половина 1940-х годов). Аналитическая логика фаз более отчетлива для системы в целом и ее ядра, тогда как на перифериях отклонения и по соотношению фаз, и по их рубежам, и по

темпам и интенсивности проявления восходящих и нисходящих тенденций проявляются весьма сильно.

В этот период основным механизмом признания новых политий было их включение в систему послевоенных договоров, а затем и в Лигу Наций. Существенно, что проблемные с точки зрения победителей страны — от Германии до СССР — получали неполное или запоздалое признание. Некоторые государства, например США, отказались от вступления или вышли из Лиги Наций. Это свидетельствовало о разрыве между фактическим и формальным признанием.

Второй период условно приходится на 1945–1975 годы. Эти три десятилетия охватывают фазу консолидации системы ООН и второй волны демократизации с контрфазой кризиса 1960-х годов, вызванного деколонизацией, нагнетанием противоречий биполярной системы и внутриполитического развития в ядрах этой системы. *Происходит поляризация признания. Оно превращается в средство политической борьбы.* Тем самым основания фактического признания и критерии формального признания все более проблематизируются. Возникает большое число квазигосударств, формально признанных, но обладающих лишь ограниченной государственной состоятельностью¹³. Одновременно появляется множество непризнанных или полупризнанных претендентов на создание государств, как правило, это различные освободительные движения.

Третий период, заметно более короткий, условно охватывает 1975–1989 годы. Развитие более интенсивное, но одновременно более противоречивое и в основном не получившее логических и отчетливых результатов. Аналитически этот период формируется фазой так называемого хельсинкского процесса и третьей волны демократизации с короткой контрфазой кризиса рубежа 1980–1990-х годов.

В международных делах существенно усиливается принцип суверенного равенства и ослабляется иерархический принцип великодержавия. Это ведет к формированию СБСЕ, трансформации институтов и практик ООН, включая снижение роли и изменение функций Совета Безопасности. При этом одновременно возникает группа шести, а затем семи ведущих стран. Тем самым пара сверхдержав заменяется отчасти демократизируемым клубом великих держав за вычетом СССР, который фактически остается теневым партнерским центром.

На данный период приходится третья волна демократизации. Ее функциональный смысл в значительной степени связан с развитием практик пактирования и с созданием соответствующих институтов, например, картельных партийных систем.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

С точки зрения признания происходит некоторое сокращение разрыва между фактическим и формальным признанием.

Четвертый период начинается с 1990-х годов и продолжается до настоящего времени. Аналитически он включает в себя фазу спонтанного формирования моноцентричной системы при гегемонии США и четвертой волны режимных трансформаций с контрфазой кризиса американской гегемонии и проблематизацией режимов национальной гегемонии во многих странах мира.

В международных делах формируется моноцентричная структура, построенная на принципах гегемонии. Это развитие сопровождается кризисом ООН, ОБСЕ и других международных структур, акцентирующих принципы суверенного равенства государств.

Данный период характеризуется миросистемными, региональными и национальными преобразованиями, вызванными советской перестройкой, ликвидацией «социалистического лагеря» и распадом СССР. На этот период приходится «четвертая волна демократизации» (К. фон Бойме, М. Шмидт). Хотя стержнем этого движения остаются постсоветские и посткоммунистические трансформации, последняя волна охватывает различные регионы мира. Импульс преобразований затрагивает также юг Африки, Ближний Восток и другие зоны прежнего противоборства двух сверхдержав. Внутриполитические преобразования связаны со становлением институционально демократических режимов, предполагающих политическую ответственность властных авторитетов, субстанционально осуществляющих при этом внутринациональную гегемонию, и их легитимацию.

В этот период возникает новое поколение альтернативных стратегий развития. Они включают антиглобализм и альтерглобализм, сетевые проекты развития.

Как реакция на политику обеспечения глобального и регионально-го развития за счет сбрасывания его проблем и издержек в «заповедники неразвитости» получают развитие глобальный терроризм и сходные явления регионального и даже локального характера. Их активизация в первое десятилетие XXI столетия становится симптомом контрфазы кризиса американской гегемонии. Происходит создание новых международных и региональных организаций, включая, например, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), а также преобразование уже существующих.

Внутриполитическая контрфаза развития связана с кризисом демократических институтов подотчетности и легитимации с одновременной проблематизацией внутринациональной гегемонии.

* * *

Общие тенденции развития на протяжении XX в. демонстрируют системную логику. Происходит нарастание разных форм политического участия на разных уровнях — от индивидуального до глобального. Накапливаются и получают применение институты контроля над политическими процессами, включая процессы развития — также в разных формах и на разных уровнях. При этом проявляется и общая логика чередования основных периодов развития. Акцентирование суверенного равенства во времена Лиги Наций сменилось в Ялтинско-Потсдамскую эпоху выдвиганием на первый план гегемонии сверхдержав, а Хельсинкский процесс с новым акцентом на суверенное равенство сменила система гегемонии США.

Ключевые слова

Государство, суверенитет, международно-правовое признание, международные системы, полития, модерн, модернизация, политическая трансформация.

Контрольные вопросы

1. Какую роль международное признание играет в процессе государство-строительства?
2. Какие условия смены поколений международных систем вы можете назвать?
3. Каковы последствия размежевания формального и фактического признания?
4. Существует ли взаимосвязь между демократизацией внутренней и международной среды? В чем она может заключаться?
5. Чем обусловлено признание в современной международной системе?

Примечания

¹ Концептуально государство оказывается аналитической конструкцией, изолированной от своей внутренней и внешней среды.

² За скобки невольно выносятся многие важные характеристики эмпирически сравниваемых политий, касающиеся, например, их взаимодействия с гражданским обществом и, шире, со своими внутривнутриполитическими партнерами, а также с международным сообществом и образующими его суверенными государствами-партнерами.

³ *Tilly Ch.* Western State-Making and Theories of Political Transformation / Ed. Ch. Tilly. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. P. 45.

⁴ *Tilly Ch.* Reflections on the History of European State-Making / Ed. Ch. Tilly. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. P. 11.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

⁵ Tilly Ch. *Western State-Making and Theories of Political Transformation* / Ed. Ch. Tilly. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975. P. 46.

⁶ Использование метафорического образа *смены поколений*, предполагающего наследование, отнюдь не равнозначно метафоре полной *замены*, предполагающей уничтожение одного другим. В эволюционной морфологии политики, или в хронополитике, действует принцип «вместе, а не вместо». Иными словами, новации не заменяют уже утвердившиеся формы, а надстраиваются над ними, частично их оттесняя, а частично вбирая в себя путем *снятия* (*Aufheben*). Гегель писал: «*Aufheben* имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*. Само сохранение уже включает в себе отрицательное в том смысле, что для того, чтобы удержать нечто, его лишают непосредственности и тем самым наличного бытия, открытого для внешних воздействий. Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено». Точно таким же образом можно сказать, что метафорическая категория смены поколений предполагает уход одного поколения, но при этом наследующее поколение получает и сохраняет все то, что ему оставлено предыдущим.

⁷ Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development / Eds. G. A. Almond, S. Flanagan and R. Mundt. Boston, 1973.

⁸ Rokkan S. *Cities, States, and Nations* // *Building States and Nations* / Eds. S. N. Eisenstadt & S. Rokkan. Beverly Hills (CA); L., 1973. Vol. 1; *Idem*. *Dimensions of State Formation and Nation-Building: A Possible Paradigm for Research, on Variations within Europe* // *The Formation of National States in Western Europe* / Ed. Ch. Tilly. Princeton, 1975; *Idem*. *Territories, Centres, and Peripheries: Toward a Geoethnic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation Within Western Europe* // *Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics* / Ed. J. Gottmann. Beverly Hills (CA); L., 1980.

⁹ Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. N.Y., 1988. P. 78–86.

¹⁰ Легитимизм — политическая доктрина, сложившаяся в Западной Европе после Наполеоновских войн (преимущественно во Франции) и постулирующая исторически законное право монархических династий устанавливать основополагающие принципы государственного устройства. — *Прим. ред.*

¹¹ Wight M. *Systems of States*. Leicester, 1977.

¹² Любопытно, что своеобразную деколонизацию осуществили Германия и Италия с весьма парадоксальными результатами: они создали имперские по сути дела структуры, уже в следующем столетии оказавшиеся склонными к тоталитарным дисфункциям и ввергшие весь мир в череду катастроф.

¹³ Jackson R. H. *Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world*. Cambridge, 1990.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В 2010-Х ГОДАХ

Более двадцати лет постепенно демонтируются и/или модифицируются основы мирового порядка XX века. Мы спорим, отвергаем или принимаем новые «правила игры», стараясь сохранить то, что, на наш взгляд, создавало благоприятные условия для международного развития и развития отдельных стран. Однако, учитывая несовпадение интересов и целей разных игроков, незавершенность процесса формирования центрично-силовой структуры мира, пока рано говорить о том, что мировой порядок сложился. Можно сказать, что *главнейший тренд XXI в. — это строительство и закрепление нового мирового порядка.*

Мировое сообщество меняется

В рамках общего порядкообразующего мегатренда существуют отдельные тренды, которые заслуживают специального рассмотрения.

Это важно

Прежде всего речь может идти о **тренде территориальной переконфигурации мира**, когда одни государства распадаются под влиянием внутренних и внешних факторов, образуются новые страны или территории (не признанные в качестве самостоятельных государств), которые могут закрепить новый статус, но могут также войти в состав более сильных государств, как федеративных, так и конфедеративных или унитарных.

Для новых стран или территорий очень часто характерны внутренняя нестабильность и незавершенность формирования властных институтов, неспособных в надлежащей форме решить социально-экономические проблемы, обеспечить безопасность, в том числе от дальнейшего территориального распада или поглощения другим государством. Своим существованием и политикой они нередко негативно влияют на региональные ситуации, а в совокупности — на мировую обстановку. Такие субъекты нуждаются в помощи извне, в том числе в форме их включения в те или иные соглашения и организации (если речь идет о признанных государствах), членство в которых обеспечивает им условия для выживания или нейтрализует их дестабилизирующие

Раздел 1. Характеристики глобального мира

действия и влияния. В других случаях требуется внешнее прямое или не прямое вмешательство (военное, полувоенное, информационно-политическое, экономическое).

Указанный тренд на территориальную переконфигурацию объясняется наличием в составе многих государств территориальных образований (в виде республик, областей, округов или иных административных образований компактного проживания представителей одной национальности и т.п.), сформировавшихся на основе той или иной титульной нации. Это, например, республики бывшего СССР, национальные республики в составе Российской Федерации, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет в Китае, республики бывшей Югославии, Приднестровская республика в Молдавии, Абхазия и Южная Осетия в составе Грузии — до 2008 г., Кашмир в Индии и т.д. Особо следует отметить существование территорий с компактным проживанием той или иной национальности, пока не имеющих субъектного оформления в рамках государства, но претендующих на большую автономию. Среди них — баски в Испании, узбеки в Киргизии, крымские татары в Крыму, курды в Турции и Ираке и т.д.

Это важно

Роспуск Советского Союза не только положил конец биполярному порядку, но и стимулировал тренд к дроблению федеративных и полисубъектных государств. Можно констатировать, что распад государств или переход от федеративного к квазиконфедеративному устройству, образование новых менее сильных и хуже управляемых стран или территорий — характерная черта XXI столетия.

Это означает, что мы можем столкнуться с большим числом конфликтов разной интенсивности и масштабов. Требуется разработка нормативной базы для оформления происходящего (признание права отдельных субъектов международных отношений на те или иные действия, отношение к суверенитету и территориальной целостности и т.д.), а также для выработки правил поведения внешних игроков, своими действиями поощряющих или препятствующих процессу распада одних стран и образованию новых. Последнее имеет прямое отношение к мировому порядку, так как затрагивает международно-правовые основы, заложенные в Уставе ООН, и зависит от внешнеполитических стратегий большинства крупных¹.

Это важно

Таким образом, тренд по созданию новых норм и организаций, обеспечивающих их выполнение, вместе с модификацией старых является частью общего порядкаобразующего мегатренда.

Главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что между государствами разного уровня нет консенсуса относительно того, какими должны быть новые нормы. Вопрос стоит еще более радикально: нуждается ли мировое сообщество в каких-то общих правилах? Должны ли мы стремиться к введению жестких норм, за невыполнение которых будем наказывать? Какие санкции следует применять к нарушителям порядка в зависимости от характера нарушений? Будут ли именно сильнейшие игроки — великие державы XXI в. — ставить точку в разрешении той или иной проблемы, того или иного конфликта, заставлять несогласных или нарушающих, с их точки зрения, подчиняться тем или иным нормам?

Какие нормы нам нужны

В конце 1980-х и в начале 1990-х годов, когда «зашаталась» биполярная структура, отдельные политологи предупреждали, что отказ от жестких союзов и жестких обязательств (в то время имелись в виду прежде всего НАТО и ОВД, реже — ООН и СБСЕ) может быть чреват непредсказуемыми последствиями, вплоть до большого конфликта между державами². Несмотря на это, получила распространение идея важности создания нежестких временных объединений для решения конкретных проблем мировой политики — коалиций *ad hoc*³.

Изменения коснулись и нормативной основы порядка — договоров и соглашений, которые накладывали обязательства на участников мировой политики и требовали от них выполнения условий и обязательств договоров, как коллективных, так и двусторонних. В 1990-х годах обязательность выполнения положений Устава ООН все чаще ставилась под сомнение рядом государств, прежде всего Соединенными Штатами. Одни международные договоры так и оставались полностью нератифицированными (например, ДВЗЯИ), другие важные договоры не поддерживались рядом влиятельных игроков или игнорировались странами — нарушителями нормативного порядка (например, Киотский протокол, ДНЯО). Получили развитие своеобразные «отклонения» от крупных договоров в виде двусторонних соглашений по конкретным вопросам, позволявшим оставаться вне рамок международных договоров (например, ситуация с режимом нераспространения ОМП).

В результате система организаций и договоров существенно расширилась, усложнилась, раздробилась, и стало труднее создавать и поддерживать режимы в сфере безопасности, в том числе решать глобальные проблемы: контроля над эксплуатацией космоса и перенесения туда военных объектов; защиты экологии Арктики, Антарктиды, Мирового

Раздел 1. Характеристики глобального мира

океана, лесных и водных богатств; добычи и транспортировки энергоносителей и др. Сохраняется амбивалентность в регулировании отношений между субъектами разного уровня, в том числе между ведущими державами, между государствами и ТНК, между разными ТНК, в то время как существующие негосударственные, особенно криминальные участники мировых взаимодействий, вообще играют по своим правилам.

Приходится пожинать плоды двойственных подходов к исполнению действующих международных норм и введения новых, подчас прецедентных норм. Разные государства начали по-своему, в зависимости от ситуации, своих интересов и возможностей проводить национально ориентированную политику, а также поддерживать действия тех стран, кому они патронируют и хотят видеть в числе своих союзников.

Это важно

«Двойные стандарты», или «стандарты *ad hoc*», стали частью формирования нового порядка, и есть опасения, что эта практика может сохраниться, поскольку Соединенные Штаты Америки и их союзники в деле порядкостроительства будут продолжать движение к созданию либерально-демократического, во многом моноцентричного порядка, и на переходном этапе они не смогут обойтись без «норм *ad hoc*».

Из-за разности подходов к категории национального суверенитета, когда противопоставляются право на неприкосновенность суверенитета страны и новая норма «ответственность по защите» со стороны внешних сил с помощью внешней гуманитарной интервенции, мы имеем дело с множественными конфликтными ситуациями. Их исход не всегда предсказуем и не удовлетворяет всех участников внутреннего конфликта, приводит к слабо управляемым ситуациям не только в отдельных странах — объектах интервенции, но и в регионах.

Это важно

Отсутствует общепринятая или хотя бы принятая среди ведущих мировых держав понятийная база в определении основных опасностей и угроз.

Когда речь идет о терроризме и сепаратизме, разные страны по-разному характеризуют действия тех или иных оппозиционных группировок, действующих внутри отдельных государств и часто использующих террористические методы ведения борьбы. В каждом отдельном случае принимаются разные решения и используются разные аргументы в оправдание или осуждение происходящего. В одних случаях движение граждан страны (точнее, определенной части населения, при этом не всегда большинства) воспринимается как борьба за независимость,

требующая поддержки извне (республики бывшей Югославии, Косово, Чечня, Тибет, Синьцзян-Уйгурский автономный район и т.д.), в других случаях аналогичные движения рассматриваются как сепаратизм, с которым надо бороться (Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье, Кашмир, движения в Крыму, национальные движения в европейских странах и т.д.). Такая же двойственность прослеживается в квалификации действий отдельных оппозиционных и воинственных групп, которые в одних случаях трактуются как терроризм, а в других — как борьба за независимость. «Двойной» стандарт в определении терроризма снижает эффективность борьбы с ним и лишь создает благоприятные условия для его сохранения и даже роста.

При наличии прямо противоположных подходов к оценке и разрешению проблемы сохранения или распада государств вряд ли удастся создать какую-то правовую базу, на которую можно было бы опереться. Положения Устава ООН постоянно критикуются, но подобного ему документа пока нет. Можно предположить, что *двойственная оценка конкретных ситуаций и движений будет лишь подхлестывать тренд к фрагментации отдельных государств.*

Отсутствие четкой и согласованной нормативной базы и нормативного лексикона затрудняет поддержание стабильности в мировой системе и в региональных подсистемах, создает новые проблемы для обеспечения международной и региональной безопасности и безопасности отдельных стран. Как можно говорить о создании эффективного режима по контролю над ядерным оружием и над вооружениями в целом, когда ведущая страна мира — Соединенные Штаты, а значит, и НАТО, ядром которого они являются, открыто и масштабно идет по пути наращивания мощи на основе вооружений новых поколений и активно использует военную силу для достижения своих внешнеполитических целей? В этих условиях идея «ядерного нуля» вряд ли осуществима, так как другие державы также продолжают (и уже продолжают) технологическую и военную гонку доступными для них средствами, в частности с помощью ядерных технологий. Как могут эффективно действовать ДНЯО и МАГАТЭ в условиях, когда вне поля их действия остаются отдельные ядерные державы (например, признанная ядерная держава Индия и непризнанная — Израиль), а также страны, находящиеся в пороговом статусе (Иран, КНДР)?

Надо признать, что создание эффективных режимов и выработка общих правил — дело нелегкое, но и не безнадежное. Вопрос состоит в том, чтобы ведущие мировые державы пришли к консенсусу в оценке реальных угроз, устраняясь от идеологизации существующих проблем.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Анализ деятельности государств разного уровня показывает, что существующая международно-правовая амбивалентность устраивает многих — не только Соединенные Штаты и других влиятельных игроков Запада и Востока, но и большинство малых стран. Последние усматривают в такой ситуации возможность для себя выбирать и действовать на разных полях, особенно играть против тех, кто сильнее их, присоединяясь к более сильному оппоненту конкурирующего с ними игрока. Такая ситуация наблюдалась и в прошлом, однако присоединение к политике той или иной державы происходило в условиях существования довольно жестких договоров и союзов.

⇒ В XXI в. многие страны не особенно стремятся связывать себя жесткими договорами, вступая в организации и покидая их в зависимости от обстоятельств, «кочуют» между разными объединениями. Это характерно прежде всего для средних и малых стран, которые пытаются найти наиболее выгодные позиции и получить как можно больше преимуществ в процессе маневра.

В краткосрочной перспективе некоторым странам это удастся (речь идет прежде всего о так называемых новых или растущих игроках, чья самостоятельная или активная деятельность началась после окончания биполярного порядка). Но в среднесрочной и долгосрочной перспективах они могут оказаться в невыгодной для себя ситуации, так как ведущие мировые и региональные державы все-таки заинтересованы в том, чтобы лучше контролировать региональные ситуации и конкретные сферы мировой и региональной политики, обеспечивая наиболее выгодные условия для использования своих возможностей и ресурсов.

Вследствие того, что к середине 2010-х годов ведущие мировые державы не смогли (или не были заинтересованы) договориться о новых «правилах игры» и продолжают конкурировать в конструировании мирового порядка и региональных режимов, «перетягивая» на свою сторону отдельные страны, в том числе в рамках разных организаций или коалиций по решению конкретных проблем, мы не можем говорить об эффективно действующей нормативной базе в разных сферах мировой политики. Это касается не только сферы безопасности, где пока не решена проблема всестороннего контроля за распространением ОМУ, нет единства в оценке роли военной силы в мировой политике, продолжается гонка вооружений. Рано пока говорить об эффективной борьбе с криминальными сетями и международным терроризмом; существуют разногласия по вопросу о создании много-

сторонних структур и заключении всеобъемлющих договоренностей по контролю над информационными потоками и сетями (киберпреступность, информационные войны); остается опасность военного освоения космоса; пиратство является пока слабо контролируемой угрозой.

Возможно ли достижение консенсуса

Что может привести нас к общему знаменателю? С американской точки зрения таким общим знаменателем могла бы стать демократия, точнее, соответствие того или иного государства и его политики принципам западной демократии. Одна из главных задач американской политики как раз заключается в демократизации мира и в создании новых объединяющих структур на основе принципа соответствия демократии. Хотя администрация Б. Обамы постаралась уйти от постоянного и прямого упоминания усилий США по демократизации мира, приверженность цели — добиваться принятия универсальных ценностей со стороны всех государств — сохраняется⁴. В стратегии НАТО 2010 г. отмечается, что возможность членства в альянсе не в последнюю очередь будет определяться соответствием демократическим основам⁵. Прием, например, России в ВТО увязывался с ее соответствием демократии. Принцип демократичности вторгся во все сферы: и в экономику, и в политику, и в безопасность.

А каким видят общий знаменатель другие державы?

Это важно

Россия предлагает сохранить ООН, хотя нельзя забывать, что ООН XXI в. отличается от ООН середины и конца XX века. Под сильным влиянием США и ряда европейских держав отдельные положения Устава ООН меняются не в пользу сохранения базовых основ, на которых создавалась и существовала эта организация.

Россия предлагает уклоняться от силовых методов решения конфликтных ситуаций, особенно когда речь идет об угрозе распада государств, о начале гражданских войн и гуманитарных катастрофах. Она выступает за приоритет дипломатических средств и призывает сохранить уважение и бережное отношение к целостности государств, отказаться от нагнетания внутривнутриполитических противоречий извне, в том числе с помощью информационных и иных кампаний и действий. Правда, Россия, не наблюдая какой-либо готовности США и стран НАТО к принятию во внимание ее позиции и заботясь о защите своих границ и интересов, воспользовалась «правом на защиту» и активно

Раздел 1. Характеристики глобального мира

вмешалась в конфликт между Грузией и Южной Осетией. О праве отстаивать свою целостность и защищать ее любыми средствами заявляли Китай, Индия, Турция.

Нельзя сказать, что Россия имеет много реальных сторонников своей позиции, так как в отличие от нее, имеющей и старающейся реализовать свой мирорегулирующий потенциал, отдельные крупные державы или не хотят, или не могут пока реально участвовать в этом процессе. Даже такие государства, как Китай⁶, Индия и Бразилия, до конца не продемонстрировали активной позиции по вопросам мирового порядка, тем самым давая возможность Соединенным Штатам, их союзникам и сторонникам действовать масштабно и с немалым успехом. Время уходит, и, если оппоненты утверждающегося порядка не осознают всей серьезности момента, они вряд ли смогут что-то реально изменить в будущем, и им придется с большими потерями действовать в условиях новых «правил игры». Это понимает, например, Турция, которая старается обустроить свое новое место в региональной и мировой политике, демонстрируя активную позицию в решении конфликтных ситуаций в Центральной Азии, в Северной Африке, на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Посмотрим, как мы можем охарактеризовать позиции пяти ведущих мировых держав и Евросоюза по вопросу своей безопасности и защиты целостности (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Позиции ведущих мировых держав и Евросоюза

	Национальный суверенитет	Распад федеративных государств	Этнический сепаратизм / борьба за независимость	Статус-кво
США	Наступательная оборона	Наступательный селективный подход	Наступательный селективный подход	Селективный подход; введение и использование прецедентных норм
Россия	Оборона	Оборонительный подход, невмешательство	Оборонительный селективный подход	Признание статус-кво, Хартии ООН
Китай	Оборона	Оборонительный подход, невмешательство	Оборонительный подход, невмешательство	Признание статус-кво, Хартии ООН

Глава 4. Становление нового мирового порядка в 2010-х годах

Окончание табл. 4.1

	Национальный суверенитет	Распад федеративных государств	Этнический сепаратизм / борьба за независимость	Статус-кво
Индия	Оборона	Оборонительный подход, нейтралитет	Оборонительный селективный подход	Амбивалентная позиция
Турция	Оборона	Оборонительно-наступательный подход	Оборонительно-наступательный подход	Признание статус-кво, Хартии ООН
Европейский Союз		Наступательный селективный подход	Наступательный селективный подход	Селективный подход; введение и использование прецедентных норм

Анализ подходов ведущих мировых держав к обеспечению своей и международной безопасности, действий по реализации их планов и интересов, в том числе в деле создания нового мирового порядка, показывает, что каждая из них намерена претворить в жизнь свое видение порядка, отстоять новое место в раскладе сил. Помимо этих шести центров силы есть еще и другие, в том числе нестрановые игроки (например, НАТО), а также пока не так активно действующие государства, которые оставляют поле деятельности для великих держав. Однако следует признать, что именно *Соединенные Штаты вместе с их влиятельными европейскими союзниками демонстрируют наибольшую степень активности и обладают мощным ресурсом порядкостроительства.*

Итоги деятельности США хорошо изучены и проанализированы американскими аналитиками. Их мнения расходятся. Одни полагают, что действия Америки привели к серьезной позитивной модификации старого порядка, но останавливаться не следует. К такому мнению склоняются большинство правящей элиты и членов экспертного сообщества. Меньшинство считают, что политика США вряд ли приведет к созданию стабильного порядка, основанного на консенсусе разных участников мирового процесса. Их беспокоит, что в результате проводившейся политики был нанесен ущерб самой Америке и это может привести к сокращению ее влияния и упадку глобального могущества⁷.

⇒ Неолиберал консервативного толка Т. Карозерс, у которого немало союзников из числа республиканцев и демократов, обратил внимание на то, что американская администрация, объявившая о политике демократизации (одним из авторов которой он является), фактически проводит традиционную для XX в. политику расширения влияния (военного и экономического) в мире, что свидетельствует о реалистской политике, политике «баланса сил»⁸.

После окончания периода биполярного порядка у США появилась возможность «освоить» страны, которые раньше были частью или под контролем СССР, а также территории так называемого Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии, где влияние СССР исчезло, а влияние КНР, Турции и Индии еще не приобрело должных масштабов, чтобы помешать США и их союзникам.

Реалист Э. Басевич, у которого союзников среди представителей истеблишмента не так много, с тревогой обращает внимание на то, что Соединенные Штаты продолжают традиционную исторически сложившуюся политику, основанную на тройственном кредо: поддержание глобального военного присутствия, обеспечение глобального проецирования своего влияния и отражение существующих или возможных угроз путем проведения политики глобального интервенционизма⁹.

Аналитик Дж. Фридман делает более тревожные (для России) выводы. Он считает, что международная стратегия Соединенных Штатов — это стратегия войны, что в XXI в. страна постоянно находилась в состоянии войны, что воинственность составляет основу американского опыта и имеет тенденцию к росту. По его мнению, она является частью американской культуры и американской геополитики¹⁰. Аналогичный вывод делает российский политолог Э. Я. Баталов, заявляя, что США находятся в состоянии непрекращающейся войны¹¹.

И хотя именно американцы развивают теорию «мягкой» и «умной» силы, постоянно делают акцент на значимости дипломатии, преемственность в реализации глобальной стратегии сохраняется. Это означает, что активная порядкоформирующая деятельность США продолжится, в том числе с использованием «жесткой» силы.

Можно, наверное, выделить в отдельный тренд в рамках указанного мегатренда по полной замене старого порядка на новый *деятельность США по закреплению американского доминирования во всех мировых процессах, во всех сферах международной деятельности, в принятии всех решений глобального и регионального характера*. Удастся ли им этого добиться, что станет решающим фактором в создании нового мирового порядка, не в последнюю очередь будет зависеть от позиции ведущих мировых центров силы, которые пока могут воспрепятствовать такой тенденции, а сейчас стараются этот тренд затормозить.

Очень важно, как смогут договориться ведущие мировые державы относительно дальнейшей реализации важнейшей составляющей порядкообразующего мегатренда: продолжить ли и в какой форме и масштабах изменение территориальной карты мира, прежде всего Евразии? Возможны следующие варианты:

- 1) США, страны—члены НАТО и ЕС сумеют полностью нейтрализовать влияние России и КНР на дальнейшее развитие институциональных основ мирового порядка, в том числе в случаях, когда речь идет о территориальной целостности государства и новых нормативных подходах к национальному суверенитету;
- 2) Россия и Китай, объединив усилия и создав общую платформу, добьются компромисса с США и НАТО в вопросах мирорегулирования, что сохранит нормы Устава ООН, в той или иной мере ограничит возможности США и НАТО, в том числе по вмешательству в дела отдельных государств, и оставит поле для маневра другим ведущим державам;
- 3) КНР добьется от США нейтрального отношения к своим внутренним территориально-этническим проблемам в обмен на поддержку или нейтралитет со стороны Китая в отношении политики США и НАТО в других регионах мира (например, в отношении государств постсоветского пространства).

Какой из сценариев будет реализован, сказать трудно. Пока что действия Соединенных Штатов направлены на реализацию первого из сценариев. Более того, США прикладывают немало усилий для продвижения еще одного, можно сказать, глобального тренда в рамках порядкообразующего мегатренда.

Это важно

Речь идет о стремлении и планах по формированию *крупных межконтинентальных подсистем*, подобных трансатлантической (или евро-американской). В Западном полушарии это усилия Соединенных Штатов по формированию межамериканской системы, что в масштабах глобальной политики можно определить как *всеамериканскую подсистему*. В Азиатско-Тихоокеанском регионе речь может идти о формировании *транстихоокеанской подсистемы*, в которую помимо США и Канады могут войти отдельные страны Латинской Америки, Республика Корея, Япония и другие страны региона.

В научном дискурсе после окончания периода биполярного порядка стали гораздо реже говорить в реалистских терминах. Причиной этого были такие изменения, как увеличение числа разных субъектов мировой политики, смена основ порядка, изменения в группе ведущих

Раздел 1. Характеристики глобального мира

мировых держав, особое положение США и ряд других, требовавших новых объяснений и обоснований. Хотя реализм в политике практически всех стран сохранился, он был отодвинут во внешнеполитических документах и в научном дискурсе на задний план, даже говорили о конце школы реализма и полном преобладании идеализма. Правда, к середине 2010-х годов становилось все более очевидным, что в реальности практический интерес и идея идут рядом и в большинстве случаев идейный компонент не перевешивает прагматический.

В период теоретической турбулентности и пересмотра понятийного багажа категория подсистемы употреблялась американскими политологами все реже, требовались новые термины для описания переформируемой карты мира. Появились так называемые большие пространства, которые характеристиками подсистемы не обладали, а значит, становились полем деятельности для разных игроков, среди которых Соединенные Штаты были самыми сильными. Рассуждая о подсистемах и пространствах, мы исходим из следующего определения подсистемы.

Региональная подсистема — это совокупность государств, объединяемых географическим фактором (как близостью на материке, так и просторами океана); стремлением к деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов (организаций и норм) в сфере экономики, торговли, безопасности, иногда в политической сфере, в том числе по вопросам мирорегулирования (с целью превращения подсистемы в коллективный центр влияния в мировой политике); близостью исторического опыта и культуры (хотя наметилась тенденция к снижению значимости последнего фактора). Для прочной и перспективной подсистемы необходимо наличие ядра, которым могут быть как одно наиболее сильное (по параметрам ведущей державы) и креативное государство, так и система общепризнанных институтов.

Существование страны-лидера из числа входящих в подсистему субъектов (региональной сверхдержавы или самой крупной региональной державы) может стать определяющим для развития стран, входящих в подсистему. Отсутствие такого лидера может привести к дезорганизации регионального пространства и сделает возможным появление внерегионального игрока, который будет влиять на развитие отдельных стран и региона в целом. *Без внутререгионального лидера-ядра подсистемы нет, а есть пространство, которое в перспективе может стать подсистемой с внешним управляющим лидером.*

Не случайно появились такие термины, как «постсоветское пространство», Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия, Большая Восточная Азия, Арктическое пространство и т.д. Подчас трудно разобраться, что объединяет те или иные страны в большие пространства, кроме географии, как там выстраивать отношения между разными странами, часто находящимися в конфликте или острой конкуренции. В этом же ряду стоят глобальное интернет-пространство, информационное пространство, космическое пространство. При таком подходе речь может идти в основном о глобальных управляющих институтах или макрорегиональных управляющих структурах, для которых подсистемы не важны и не нужны.

Это важно

Такой пространственный взгляд на карту мира и пространственно-формирующий тренд будет продолжаться и по объективным причинам развития и диверсификации горизонтальных связей и взаимодействий, и по субъективным причинам до тех пор, пока трансатлантическая группа во главе с США будет концептуально и во внешнеполитической практике поддерживать именно такую переконфигурацию мира.

В то же время с увеличением в XXI в. числа ведущих мировых держав, с постепенным ростом политического, экономического и военного потенциалов КНР, Индии, России, Турции, Бразилии и ряда других стран сохраняется возможность создания подсистем, в центре которых будут самые крупные и мощные игроки макрорегионального уровня, часть из которых претендует и на глобальное регулирование.

Соединенные Штаты пока сохраняют *североамериканскую подсистему*, оставаясь ее ядром-лидером, пытаются расширить ее, в том числе до масштабов всеамериканской. Это встречает противодействие со стороны Бразилии, которая, все более осознавая себя в качестве «великой» державы XXI в., прилагает немалые усилия к формированию и закреплению *южноамериканской подсистемы*, которая сохраняла бы определенную автономность и «крутилась» вокруг Бразилии-центра. Хотя между странами Латиноамериканского континента сохраняется немало противоречий и препятствий к консолидации подсистемы, приданию ей более устойчивого характера, возможность ее существования также сохраняется, в том числе благодаря серьезному отвлечению США на более масштабные трансокеанические проекты.

Не оставляет усилий по расширению *европейской подсистемы* Европейский Союз, который выступает как единое целое, как единый центр силы. ЕС как часть трансатлантического сообщества в перспективе может остаться в рамках трансатлантической подсистемы, если

Раздел 1. Характеристики глобального мира

тренд к формированию трансокеанических подсистем продолжится успешно и США удастся удержать глобальные управляющие рычаги в своих руках. Однако пока ЕС не отказывается и от обустройства своей отдельной подсистемы, расширяя ее на страны Восточной Европы, Закавказья, Средиземноморья и даже Северной Африки. Амбициозная программа, исход которой пока до конца неясен.

Хотела бы стать центром контролируемой подсистемы Турция, однако у нее есть серьезные конкуренты на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Закавказье, регионе Персидского залива. Не до конца обозначились планы и возможности Индии и Китая, хотя можно предположить, что они хотели бы иметь контроль и быть в центре своих подсистем. Деятельность азиатских ведущих держав, включая Россию, затруднена тем, что «большие пространства» Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Северной Африки сильно дезорганизованы, дестабилизированы, лишены лидеров и фактической управляющей силой здесь пока выступают внешние игроки — США, ЕС, НАТО.

Россия пока удерживает свою подсистему, оставаясь центром-лидером в «Малой Евразии», объединяющей часть государств, ранее входивших в Советский Союз¹². Для внешних игроков она остается «постсоветским пространством», которое можно разорвать, однако лишь часть постсоветских стран, относимых к Восточной Европе, имеет перспективу присоединения к более-менее стабильной подсистеме, хотя ее перспективы также неясны. Что касается азиатских государств, то рядом с ними таких подсистем пока нет, и им лучше оставаться в организованной подсистеме.

На пространственно-подсистемный тренд в рамках общего порядка-кообразующего мегатренда следует обратить особое внимание. С окончанием периода биполярного порядка Соединенные Штаты усилили глобализм своей политики.

⇒ Например, активизация американской политики в АТР в 2000-х и 2010-х годах, а если шире — то планы по созданию новых больших геополитических пространств, где США хотели бы сохранить доминирующее положение, подталкивает ведущие азиатские державы, прежде всего Китай и Индию, а также Россию к выбору: или продолжать разрозненную политику, тем самым давая другим игрокам возможность реализовать свои планы, или начать сближение и консолидировать усилия по сохранению определенной автономии (что возможно, несмотря на существующую глобальную и региональную взаимозависимость) для каждой из них и для всех вместе.

В этом случае вновь встает вопрос о дееспособности группы БРИКС как реального субъекта мировой политики. От выбора ее членов зависит многое.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что какие-то мегатренды и тренды будут поступательно развиваться, требуя от членов мирового сообщества поэтапного реагирования на возникающие проблемы. Но если говорить о мегатренде по формированию нового мирового порядка, то к середине XXI в. могут появиться ответы на главные вопросы: сделали ли США и их союзники процесс создания либерально-демократического порядка необратимым? Появились ли основы нового биполярного порядка или закрепились основы полицентричного порядка? Каково соотношение между управляющими функциями глобальных, в том числе наднациональных, структур и региональных подсистемных объединений, где ведущие мировые державы сохраняют свой регулирующий потенциал, дополняя или ограничивая работу глобальных организаций и объединений?

Ключевые слова

Мировой порядок, региональные подсистемы, нормативные основы мирового порядка, национальный суверенитет, национальная безопасность.

Контрольные вопросы

1. В чем выражается территориальная переконфигурация мира в настоящее время?
2. В каком состоянии сегодня находятся нормативные основы формирующегося мирового порядка?
3. Почему растущее число стран отдает предпочтение гибким механизмам перед устойчивыми альянсами?
4. Какие коалиции и оси противоречий можно выделить среди великих держав в связи с проблемами целостности существующих стран и значимости глобальных институтов?
5. Какие противоречия можно обозначить в процессе оформления региональных подсистем?
6. Какие элементы нового мирового порядка уже приобрели достаточно устойчивый характер, а какие пока наблюдаются только в тенденции?

Примечания

¹ Политика отдельных государств, прежде всего ведущих держав и сверхдержав, считается одним из важнейших элементов мирового порядка. В частности, так полагает А. Д. Богатуров, разработавший всестороннее определение мирового порядка в середине 1990-х годов, которое не утратило своей значимости при анализе порядкообразующей ситуации в 2010-х годах. См.: *Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане*. М., 1996. С. 40.

² *Kegley Ch. W. Jr. and Raymond G. A. When Trust Breaks Down. Alliance Norms and World Politics*. Columbia (S. Ca.), 1990.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

³ The Global Agenda. Issues and Perspectives / Eds. Ch. W. Kegley, Jr. and E. R. Wittkopf. N.Y., 1995.

⁴ National Security Strategy of the United States of America. The White House. Washington. D.C. May 2010 / URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2010>.

⁵ Active Engagement, Modern Defense. Strategic Concept for the Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization adopted by Heads of State and Government in Lisbon. Lisbon, Portugal. 19–20 November 2010 / URL: http://ww.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm.

⁶ После смены руководства КНР в 2013 г. наметилась тенденция к активизации мирорегулирующей деятельности Китая, что очень важно для будущего развития тренда по строительству мирового порядка.

⁷ Подробно по этому вопросу см.: *Шаклеина Т. А.* Россия и США в мировой политике. М., 2012. Разд. 1.

⁸ See: *Carothers Th.* U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C., 2007. URL: <http://www.ceip.org>.

⁹ *Bacevich A.* Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y., 2010. P. 14, 16.

¹⁰ *Friedman G.* The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N.Y., 2010. P. 39–46.

¹¹ См.: *Баталов Э. Я.* Русская идея и Американская мечта. М., 2009.

¹² Термин «Малая Евразия» введен автором в 2006 г., когда в МГИМО был разработан учебный курс «Региональные подсистемы современных международных отношений», в рамках которого рассматривались подсистемы Запада (Т. А. Шаклеина) и Востока (А. Д. Воскресенский). В процессе преподавания выяснилось, что существуют разные, часто взаимоисключающие подходы к объяснению подсистемной структуры мира. Наметились расхождения в определениях подсистем политологов-международников и регионоведов, что потребовало более детального изучения вопроса и систематизации имеющихся научных подходов. См., например: «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2010; *Сударев В. П.* Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. М., 2012; *Шаклеина Т. А.* Россия и США в мировой политике. М., 2012.

5

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПАРАДИГМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

В литературе по-прежнему широко обсуждаются судьбы государства. Многие тысячи лет первобытное общество обходилось без такой структуры. Но после аграрной революции экономические и социальные отношения качественно изменились, и для их регулирования потребовался эффективный управленческий механизм. Им и стало государство. В условиях деления мирового социума на множество ячеек — государств — удалось перейти от аграрного способа производства к индустриальному и начать движение к постиндустриальной экономике знаний, стирающей государственные границы. Производительные силы перестали уместаться в рамки отдельных стран, а государственный управленческий механизм закономерно стал терять свою эффективность. Его историческая роль приблизилась к исчерпанию. Человечество столкнулось с вопросом о том, чем и как его заменить.

Государство как исторический феномен

Между первыми поселениями непосредственных предков человека — кроманьонцев (около 40 тыс. лет назад) и началом формирования государственных институтов (10–12 тыс. лет назад) лежит гигантский период истории протяженностью 28–30 тыс. лет, когда человечество вполне обходилось без государства. Это была эпоха присваивающего (собирающего) хозяйства, когда люди существовали за счет сбора плодов и корней растений, охоты и рыболовства с использованием примитивных кремневых, костяных и/или деревянных орудий труда. Основой социальной организации на протяжении всего этого времени была семейная община, объединявшая несколько поколений: родителей, их многочисленных детей разного возраста и еще более многочисленных внуков. Со временем в родовой общине сложились властные институты в лице вождей, предводителей, советов старейшин¹. Порядок в родовой общине поддерживался авторитетом старейшин, но в случае необходимости — и с помощью одобряемых общиной наказа-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

ний, вплоть до смертной казни. Споры разрешались разными способами: в форме состязания самих спорщиков либо судом родственников или совета старейшин. Эти эмбриональные формы будущих органов государства существовали почти без изменений на протяжении тысячелетий, пока экологический кризис, сопровождавшийся вымиранием привычной дикой фауны, не заставил людей в поисках способов выживания изменить образ жизни.

Это важно

Этот первый в истории человечества гигантский переворот — аграрная (неополитическая) революция, растянувшаяся на много столетий, — завершился к 4–3 тыс. до н. э. переходом человечества от потребляющей экономики к производящей.

Изменения в способе производства потребовали более рациональной организации общества для продуктивной эксплуатации главной в то время производительной силы — земли. В регионах поливного земледелия для получения больших урожаев были необходимы масштабные общественные работы — строительство и поддержание в рабочем состоянии ирригационных сооружений. Организация таких работ и потребовала перехода к крупномасштабной политической организации общества — государству. В других регионах, где не было нужды в таких работах, земледелие и скотоводство давало неодинаковые доходы разным группам населения. Это приводило к социальному расслоению общества и конфликтам. Требовалась властная структура, способная эффективно управлять социально неоднородным обществом.

Власть концентрировалась в руках двух институтов: высшего правителя и жрецов. Светская администрация осуществляла управление общинным землевладением и земледелием, взимание налогов, продуктообмен с другими городами-государствами, создавала общественные резервные фонды. Помимо этих организационных и экономических функций в пределах своей территории первобытное государство увеличивало саму территорию как основной источник существования населения или защищало его от набегов извне. К концу становления неолита (3-е тыс. до н. э.) численность людей на планете повысилась примерно до 50 млн человек². Конечно, им еще не было тесно, но потребность в продовольствии и сырье для домашнего промысла росла все быстрее, а источником и того и другого оставалась земля с лесами, лугами и водными ресурсами. Удовлетворить растущие потребности было возможно двумя путями: либо через увеличение территории (как вариант — переселение на новую территорию), либо посредством дол-

гой и не гарантировавшей успеха селекции домашних животных и пищевых растений в целях повышения их продуктивности. Второй путь при тогдашнем уровне знаний земледельцев и скотоводов был долгим и весьма проблематичным. Первый — более скорым и надежным. У протогосударства появилась военная функция — захват «ничейных» и чужих территорий и защита собственной.

На новой производственной базе мировое сообщество продолжало расти и развиваться. По приблизительным оценкам демографов, к началу новой эры численность населения Земли составила 230,8 млн человек, тысячу лет спустя — 268,3 млн, а в 1500 г. — 437,8 млн³. В военной роли государству приходилось выступать в гипертрофированных масштабах. Вспомним формирование гигантской империи Александра Македонского (в 334–329 гг. до н. э.) от Балкан до Индостана или Монгольскую империю (1206–1368) от Дуная до Японского моря. *Войны становились основной формой взаимоотношений между государствами.*

В этих условиях возникла потребность во взаимном признании принципов территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, юридически закрепленных в Вестфальских соглашениях 1648 года. Первоначально эти соглашения относились только к подписавшим их европейским государствам, но со временем распространились и на все остальные. Правда, закрепленный в них принцип суверенитета не исключал войну как арбитра последней инстанции в территориальных и иных межгосударственных спорах. Но за неимением лучшего этот принцип сохранился как норма международного права и в послевоенный период. Принятый в 1945 г. Устав ООН подтвердил положение о «невмешательстве во внутреннюю компетенцию любого государства».

Становление государства современного типа и экономическое развитие человечества

С приходом капитализма в отдельных государствах начались изменения в производительных силах. Такой поворот был во многом обусловлен тем, что их развитие перешло из-под коллективной (цеховой, городской, государственной) опеки в руки частных предпринимателей, намного более динамичных и склонных к риску. На рубеже XVIII–XIX вв. это привело к перелому, названному впоследствии промышленной революцией⁴.

С этого времени в истории экономики начинается отсчет технологических укладов, предшествующие же этапы технико-экономического развития мирового сообщества оказались незаслуженно забытыми.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Понятие **«технологический уклад»** означает складывающиеся на разных этапах технического прогресса целостные системы сопряженных технологий в энергетике, характере двигателей, способах обработки сырых материалов, добыче самого этого сырья, получении конструкционных материалов и средствах транспортировки грузов и пассажиров.

Речь, по существу, идет о внутренней целостной самоподдерживающейся и саморазвивающейся технико-экономической системе, состоящей из технологически совместимых компонентов, связанных вертикальными и горизонтальными потоками материальных, финансовых и кадровых ресурсов. В результате каждому технологическому укладу присуща своя отраслевая структура производства, свой специфический облик производственной, финансовой, транспортной и бытовой инфраструктуры. Более того, каждый уклад имеет свой тип потребления, стиль жизни населения, свой уровень профессиональной подготовки кадров и свою экономическую культуру.

При всей размытости содержательных и хронологических границ этого понятия современные исследователи идентифицируют пять технологических укладов⁵.

Первый (1770–1830-е годы). В Британии, Бельгии, Франции на основе водяного двигателя получила развитие механизированная текстильная промышленность, повлекшая за собой выплавку чугуна и железа, интенсификацию речных и морских перевозок, но пока еще на традиционных парусных судах.

Второй (1830–1890-е годы). В ведущих западноевропейских странах и США на основе парового двигателя, работавшего на угле, бурно развиваются машиностроение, черная металлургия, угледобыча. Началось развитие железнодорожного транспорта, парусный флот постепенно вытесняется парходами. Однако внедрение паровых двигателей остановилось на пороге сельского хозяйства, что стало одной из основных причин общего отставания аграрного сектора от промышленности⁶. Начала развиваться неорганическая химия. Крупное фабричное производство стало нормой, порождая урбанизацию со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Третий (1890–1940-е годы). В тех же странах изобретение электродвигателя (сначала постоянного, а потом переменного тока) и двигателя внутреннего сгорания (1885), а затем и дизеля, работающего на тяжелом жидком топливе (1892), привело к электрификации производства и быта, развитию автомобильного транспорта, авиации, к качественным сдвигам в железнодорожном и водном транспорте.

Активно развивались электроэнергетика и электротехника, разные направления неорганической химии. На рынке энергоресурсов началось вытеснение угля нефтью и нефтепродуктами. Ведущим конструкционным материалом стала сталь. Электрификация производства создала возможности для технологического применения достижений науки. Это усилило прикладную направленность естественных наук и ускорило технический прогресс. Общее и специальное образование стало массовым.

Четвертый (1940–1980-е годы). В странах ЕЭС, Швеции, США, Канаде, Японии, Австралии механизация производства охватила основные и вспомогательные производственные процессы, что привело к формированию автоматизированной системы машин. Такие системы сложились сначала в химической, бумажной, мукомольной промышленности, позднее распространились на различные отрасли машино- и приборостроения. Началось массовое производство стандартизированных изделий обрабатывающей промышленности, выходящее далеко за пределы внутреннего рынка страны-производителя. В годы Второй мировой войны были изобретены реактивные двигатели, преобразившие авиацию и некоторые другие виды транспорта, а главное — позволившие начать освоение ближнего космического пространства.

Экономика почти полностью переключилась на нефть, нефтепродукты и электричество. Начали развиваться гидроэнергетика и атомная энергетика. Переработка жидкого топлива вызвала к жизни нефтехимию и органическую химию в целом. В результате к 70-м годам XX в. было получено около трех миллионов разнообразных синтетических красителей, полимеров, новых видов жидкого топлива и других органических соединений. Развивалось производство пластмасс и новых конструкционных материалов. Успехи электроники и запуск искусственных спутников Земли позволили создать глобальную сеть телефонной и радиосвязи. В этих условиях сложился новый тип потребления, характеризующийся массовым спросом на товары длительного пользования.

Пятый (1980–1990-е годы). В развитых странах мира, а также в новых индустриальных странах (НИС) стала быстро прогрессировать микроэлектроника, что привело к кардинальным сдвигам в производстве и потреблении. На передний край технического прогресса вышли электронная промышленность, компьютерные и информационные технологии, телекоммуникации, оптоэлектроника. Сформировалась глобальная информационная сеть Интернет. В обрабатывающей промышленности стали развиваться гибкие автоматизированные производства, что существенно расширило разнообразие выпускаемой про-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

дукции и позволило быстро менять ее модели. Параллельно все шире внедрялась робототехника. Появились новые конструкционные материалы, развивались микробиология и созданные на ее основе биотехнологии. Быстро прогрессировали тонкие химические технологии. Внедрялись ветряные и солнечные источники энергии.

В 2000-х годах появились признаки формирования шестого технологического уклада. Он представляется основанным на синтезе компьютерных технологий с нанотехнологиями и биотехнологиями. Пятый и шестой уклады различаются глубиной проникновения в структуры материи и масштабами обработки информации. Пятый уклад основывается на применении достижений микроэлектроники в управлении физическими процессами на микронном уровне, а шестой — на использовании нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной доли метра. На наноуровне появилась возможность менять молекулярную структуру вещества, придавать ему целевым образом принципиально новые свойства, проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя их. Развитие nanoиндустрии перспективно для получения новых конструкционных материалов, полупроводниковых приборов, устройств для записи и передачи информации, фармацевтических препаратов. Понятно, что этот уклад предполагает высокий уровень научных знаний и активное участие интеллекта на всех этапах разработки и реализации производственных процессов.

Вместе с тем погружение в биотехнологии и нанотехнологии требует скоростной обработки огромных массивов информации, что стало возможным благодаря стремительному прогрессу компьютерной технологии.

⇒ Новые поколения суперкомпьютеров могут обрабатывать данные со скоростью 100 трлн и более операций в секунду. Это многократно увеличивает интеллектуальный потенциал, ускоряет добывание знаний. Из всего их объема, накопленного человечеством, 90% получено в последние 30 лет⁷.

Все это многократно увеличило производительность труда, личные и общественные доходы и, соответственно, уровень благосостояния в технологически развитых государствах. Но главное не в этом. Развитие информационных и компьютерных технологий создало качественно новую среду для процветания науки и ее практического применения.

Это важно

На рубеже XX—XXI вв. человечество начало вступать не только в шестой технологический уклад, но и предположительно в новый способ производства материальных благ и услуг — в экономику знаний⁸. Если в эпоху про-

мышленной революции главной производительной силой стали созданные человеком машины, оттеснившие на задний план природные ресурсы, то теперь на первое место выходит сам интеллект человека, освобожденный от информационных и физических ограничений (в частности, благодаря многократно возросшей скорости компьютерной обработки информации).

Эта новая экономика обладает тремя принципиальными особенностями. Первая состоит в том, что полученное знание, в отличие от материальных благ и услуг, не исчезает после того, как его потребили десять, сто или многие тысячи раз. Знание — это постоянно накапливаемое общественное благо, которое в принципе общедоступно. Государство, в котором было получено то или иное конкретное знание, может в некоторых случаях взимать ренту от его распространения, но не может сделать его своей исключительной собственностью. Знание — это такая производительная сила, которая с момента своего рождения выходит за пределы любого, даже самого крупного государства.

Это материя, отличающаяся высокой способностью к диффузии. Знания почти бесконтрольно растекаются за пределы страны происхождения в лучшем случае как запатентованные, но в основном безвозмездно и бесконтрольно. К растеканию знаний по планете причастны и массовое обучение студентов менее развитых стран в вузах США, Британии, Германии, Японии и других государств мирового авангарда, и система дистанционного образования с помощью Интернета, и вынос транснациональными корпорациями (ТНК) далеко за рубеж своих филиалов, в том числе исследовательских центров, и, наконец, просто средства массовой информации, разносящие научные и технические новинки по всему миру.

Это важно

Знания как главная производительная сила не умещаются в границах отдельных государств. В отличие от природных ресурсов и материальных ценностей, расположенных на территории страны, их нельзя удержать в пределах государства. Все ссылки на суверенитет бессильны. Именно в этом смысле государство как основная организационно-политическая ячейка общества утрачивает смысл.

Вторая особенность экономики знаний состоит в том, что самым большим национальным богатством государства становятся не только его природные ресурсы, территория и расположенные на ней производственные мощности, а интеллектуальный потенциал страны, т.е. жители страны, обладающие соответствующим образованием. В этой связи представляется, что оборонительно-наступательная функция го-

сударства в некотором смысле ослабевают. Границы становятся проницаемыми, а государство, например в России, ничего не может сделать для защиты своего интеллектуального потенциала, если в зарубежных научных центрах в наши дни вполне законно работают от 500 до 800 тыс. молодых и не очень молодых российских ученых, наращивающих интеллектуальный потенциал других стран. При этом уезжают специалисты самых ценных профессий, в том числе связанных с обороной. Много ли проку от призыва «земли не отдавать ни пяди», когда обороноспособность страны в виде профессиональных мозгов утекает за границу? Это не только российская проблема.

Нельзя игнорировать и еще одну косвенно сопряженную с названной проблемой: выдвигание знаний на первое место в системе производительных сил меняет отношение к человеку как их носителю.

Это важно

На нынешнем этапе цивилизации человеческая жизнь — теоретически и по крайней мере в ряде случаев — идеологически начинает цениться выше принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Более надежную обоснованность приобретает право (и обязанность) международного сообщества на гуманитарную интервенцию в страну, где происходит геноцид или иное массовое уничтожение людей.

Вспомним, с каким равнодушием в 1920–1940-х годах великие державы взирали на массовые репрессии и расстрелы без суда и следствия граждан Советского Союза, геноцид евреев в нацистской Германии. Даже после того, как ООН в 1948 г. признала геноцид международным преступлением, «красные кхмеры» в 1975–1978 гг. беспрепятственно уничтожили около 3 млн жителей Камбоджи, а в 1994 г. межплеменная вражда в Руанде унесла жизнь 800 тыс. представителей племен тутси и хуту⁹. Правда, в вопросе о гуманитарной интервенции многое предстоит тщательно регламентировать и подчинить международному контролю, чтобы не позволить использовать право на гуманитарную интервенцию в чисто политических целях, как это сделали США и их союзники в 1999 г. в Югославии.

Третья характерная черта экономики знаний — высокий уровень образования населения. Это неперемutable условие, без которого ни одна страна не может воспользоваться знаниями, которыми располагает человечество, а тем более создать условия для реализации интеллектуального потенциала своих собственных изобретателей, инноваторов и потенциальных гениев.

Из сферы материального производства интернационализация перебралась в сферу услуг (например, медицинских). Хирурги с помо-

щью телевизионной связи консультируют в реальном масштабе времени своих зарубежных коллег, как бы далеко те ни находились. Есть и более экзотические примеры. Так, некоторые врачи при осмотре пациентов в Вашингтоне диктуют свои записи в их истории болезни машинисткам, находящимся в Индии. Эта вспомогательная работа обходится вдвое дешевле, чем при диктовке машинистке, сидящей рядом с врачом¹⁰.

Эпицентрами рождения новых укладов являются страны, наиболее передовые в технико-экономическом плане. От них, как круги по воде, технологические, экономические и социальные новшества распространяются по миру. Поэтому мировое экономическое пространство не имеет ни единого технологического уклада, ни синхронной смены таких укладов.

Государства в условиях глобализации

Развитие производственной кооперации постепенно вышло за пределы отдельных стран. Становится меньше товаров, с начала и до конца произведенных в пределах одной страны¹¹.

Международные производственные связи плотной сетью покрывают большую часть мирового экономического пространства. Мировой импорт полуфабрикатов, частей и компонентов увеличивается, значительно опережая импорт готовых изделий.

Международные потоки полупродуктов обязаны своим происхождением транснациональным корпорациям, которые в поисках оптимальных издержек производства выносят производственные мощности за рубеж. Но так поступают многие ТНК, в том числе конкурирующие друг с другом. Если их филиалы оказываются в одной и той же зарубежной стране, то они в одинаковой мере избавлены от тарифной накрутки к цене товара и соревнуются напрямую по уровню базовой цены и по качеству своего товара. За рубеж выносятся отдельные составляющие производственного цикла. В таких условиях главной движущей силой транснационализации производства становится конкуренция на внешних рынках между зарубежными филиалами разных ТНК. Приходится изыскивать более утонченные методы борьбы за внешние рынки. Для крупных ТНК государственные границы имеют второстепенное значение. Важнее пределы рынка сбыта продукции.

Если в прошлом даже крупный частный бизнес должен был адаптироваться к действующим в той или иной стране порядкам, то теперь филиалы ТНК оказывают воздействие на структуру ее экономики, за-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

нятость, оплату труда, предъявляют требования к уровню квалификации местных кадров.

Это важно

Правительства попавших в международную производственную сеть стран вынуждены ориентироваться на эти привнесенные извне условия и приспособляться к ним. Каждая страна встроена в глобальную сеть валютно-финансовых отношений.

Современные средства коммуникации позволяют перемещать массы денег с одного континента на другой с такой скоростью, что национальная денежная политика вынуждена приспособляться прежде всего к положению на мировых финансовых рынках и лишь потом заботиться о рынке своей страны. Ни одно правительство не может регулировать эту сферу без оглядки на поведение валютных и фондовых рынков Нью-Йорка, Лондона, Франкфурта-на-Майне или Токио. Но главное — и частный сектор, и правительства сегодня широко пользуются иностранными кредитами. В результате почти все страны являются кредиторами или должниками друг друга.

Кризис 2008–2010 г. показал, насколько глобализация подточила финансовую базу государственного регулирования экономики и социальной сферы — бюджет, на 85% формируемый за счет налогов на бизнес и население. В бюджетах образовалась прореха, через которую уплывает часть налоговых поступлений. Крупные компании переносят штаб-квартиры в так называемые налоговые гавани и офшорные центры. В первых иностранным компаниям предоставляются налоговые и другие льготы, в последних — такие льготы получают лишь те из них, которые осуществляют операции с нерезидентами. Используя свободу вывоза активов, в такие гавани и офшоры перемещают активы (как правило, в форме холдингов) сотни тысяч иностранных компаний. В Лихтенштейне их около 20 тыс., в Швейцарии — примерно 10 тыс., в Люксембурге — до 2 тыс. Всего же сегодня существует около полусотни налоговых убежищ, включая Мальту, остров Мэн, Бермуды, Коста-Рику, Макао, Уругвай, Малайзию, Филиппины. Для некоторых видов финансовых операций такие «укромные местечки» есть в Австралии, Австрии, Бельгии, Ирландии, Нидерландах. В результате государства ежегодно теряют не менее 100 млрд долл. налоговых поступлений, что, естественно, сужает их регулирующие возможности. Прекратить утечки трудно. Такая попытка была предпринята в апреле 2009 г. на Лондонском саммите «группы двадцати». Ее результаты, впрочем, пока сомнительны.

Глобальные проблемы и императив глобального регулирования

По оценкам демографов, темпы ежегодного прироста жителей Земли ускорились с 1930-х годов. Еще быстрее их число стало расти с 1960-х годов. Хотя пик темпов прироста (2,04% в год) был пройден во второй половине 1960-х годов, а пик абсолютного прироста (86 млн человек в год) — в конце 1980-х, общая масса населения планеты столь велика, что даже при убывающих темпах ее роста она продолжает увеличиваться. В 2005–2010 гг. она ежегодно росла в среднем на 79 млн человек. Общая динамика этого процесса за сто лет представлена на рис. 5.1.

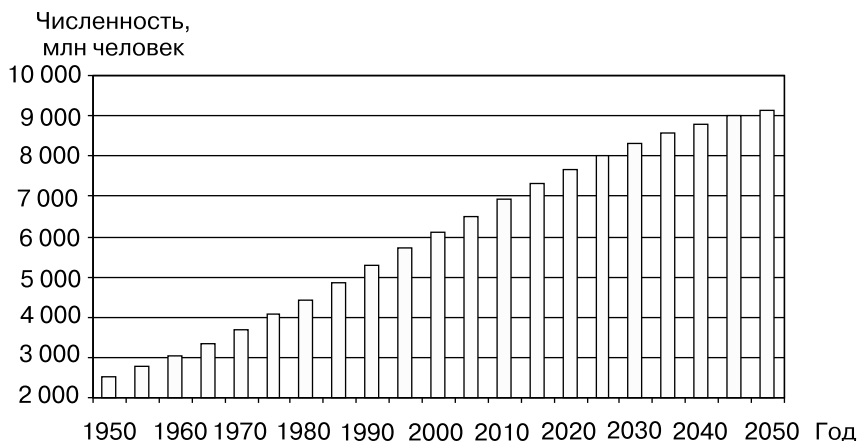

Рис. 5.1. Динамика численности мирового населения

Увеличивается **демографическая нагрузка на планету**. В 1950 г. на 1 кв. км приходилось в среднем 19 человек, в 1975 г. — 30, в 2000 г. — 45, в 2010 г. — 51, а в 2050 г. ожидается 67 человек¹². Нагрузка на природные ресурсы Земли и ее экологию становится запредельной.

По оценкам экспертов ООН, потребность человечества в продовольствии к 2050 г. может возрасти по сравнению с 1999 г. в 2,6 раза, в энергоресурсах — в 2 раза, в пресной воде — в 1,5 раза¹³. Для нормального питания одного человека растительной пищей без использования пестицидов и других химических препаратов необходимо в среднем не менее 0,07 га пашни. В целом посевных площадей на Земле пока хватает, и мировое сельское хозяйство производит в расчете на душу населения сегодня на 17% больше калорий, чем 30 лет назад, хотя население

Раздел 1. Характеристики глобального мира

Земли за это время увеличилось на 70%¹⁴. Сложность в том, что распределены эти площади неравномерно. В 1975 г. население стран, испытывавших нехватку пашни, составляло 175 млн человек. К 2000 г. это число возросло до 450 млн, а к 2025 г. оно может достигнуть от 557 млн до более чем миллиарда человек¹⁵. Им приходится ввозить все больший объем сельскохозяйственных продуктов. Но импорт обходится слишком дорого, и значительная часть населения таких стран оказывается лишенной возможности нормально питаться. Если в середине 1990-х годов во всем мире голодали 830 млн человек, то в дальнейшем их число стало неуклонно расти, и в 2009 г. на $\frac{1}{5}$ превысило уровень 1995–1997 гг. (рис. 5.2).

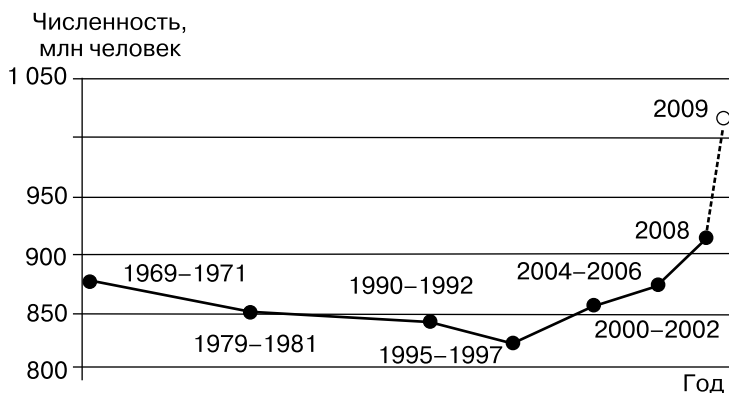

Рис. 5.2. Динамика численности голодающих в мире в 1969–2009 гг.

⇒ От голода ежедневно умирает почти 16 тыс. детей, по одному ребенку — каждые пять минут. В то же время многие жители США и других развитых стран страдают от ожирения, много еды выбрасывается.

Нельзя сказать, что богатые страны не обращают внимания на бедственное положение полумиллиарда жителей планеты. Финансовая и техническая помощь оказывается по линии созданного странами ОЭСР в 1960 г. Комитета помощи развитию (ДАС). Кроме того, заметную помощь оказывают и богатые нефтедобывающие страны: Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт. Но размеры этой официальной помощи до неприличия малы. В 2006 г. для стран со средними доходами она составила в среднем 9 долл. на одного жителя, для стран с низкими доходами — 35 долл., а средне-

взвешенная цена такой помощи по всем развивающимся странам не превысила 10 долл. на душу населения в год¹⁶. Намного ли это отличается от средневековых порядков, когда состоятельные горожане подавали милостыню нищим? И верным стражем этих порядков, как и прежде, остается государство, уже более 350 лет прикрывающееся, казалось бы, цивилизованным принципом невмешательства во внутренние дела.

Другой жизненно необходимый ресурс — **пресная вода**. Для нормальной жизнедеятельности каждому человеку на планете необходимо ежегодно как минимум 1700 кубометров пресной воды. Если обеспеченность водой становится ниже этого уровня, страна испытывает трудности и оказывается перед выбором между сельским хозяйством, промышленностью, здоровьем населения и бытовыми потребностями. Это в свою очередь тормозит нормальное экономическое, социальное и культурное развитие.

Нехватку пресной воды пытаются компенсировать добытием грунтовых вод. Сегодня от этого источника водоснабжения зависит около трети населения планеты. Однако уже сейчас Саудовская Аравия, Израиль и вся Северная Африка от Египта до Мавритании выкачивают такие воды быстрее, чем они восполняются. Из-за растущего водозабора постепенно мелеют такие великие реки, тысячелетиями кормившие миллионы людей, как Нил, Хуанхэ, Колорадо. По той же причине на всех континентах понижается уровень грунтовых вод, особенно быстро — в Северном Китае, Индии, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на западе США.

Расчеты показывают, что при росте населения Земли по усредненному сценарию к 2050 г. нехватку воды будут испытывать до 4 млрд человек¹⁷, главным образом в Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на севере Китая. Это значит, что многие развивающиеся страны, для населения которых орошаемое земледелие служит основным источником существования, должны будут значительно сократить площади орошаемых земель, а следовательно, и производство аграрных продуктов. Проблема усугубляется тем, что многие страны получают воду от соседей, расположенных выше по течению рек. Строя плотины и другие гидросооружения, такие соседи уменьшают сток воды к странам, расположенным ниже по течению.

Серьезный вызов человечеству — **глобальное потепление и вызванное им изменение климата**. Климатические сдвиги последних десятилетий уже стали причиной невыносимой летней жары, наводнений, засух и лесных пожаров, которые в совокупности ежегодно уносят 300 тыс.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

человеческих жизней. К 2030 г. число жертв этих аномалий может увеличиться до 500 тыс. Кроме того, погодные аномалии могут привести к нищете, голоду, болезни и потере жилья 4 млрд жителей планеты.

⇒ Если в ближайшие 25 лет эмиссия парниковых газов не будет поставлена под контроль, предупреждают эксперты, количество людей, живущих в нищете, увеличится еще на 20 млн, число изгнанных из родных мест возрастет на 75 млн, здоровье ухудшится в связи с изменениями климата еще у 310 млн человек¹⁸.

Наибольший ущерб климатические сдвиги нанесут системе водоснабжения, а это — угроза производству продовольствия, ухудшение санитарии, помехи экономическому развитию и нанесение вреда экосистемам.

Перечисленные проблемы глобальны и по масштабам, и по способам решения. Даже самое крупное государство не в состоянии самостоятельно справиться, скажем, с вырубкой лесов, или с истощением мировых запасов ископаемого топлива, или с растущим выбросом в атмосферу двуокиси углерода и других парниковых газов. При попытках найти коллективный подход к решению этих проблем государство, как правило, заботится прежде всего о собственных интересах.

Международное сообщество подошло к тому состоянию, когда созданные 5–6 тыс. лет назад механизмы управления социумом, разгороженные государственными границами, утрачивают эффективность, а порой и становятся помехой в решении неотложных глобальных проблем. «Мы находимся на опасном стыке истории человечества, где институты и механизмы, которые мы создали для управления планетой Земля, оказались под угрозой коллапса, — считает канадский политолог Кимон Валаскакис. — Эта угроза все более приводит в растерянность, поскольку мы живем в эпоху беспрецедентного изобилия и процветания. Недостает обновленной системы глобального управления, чтобы задействовать огромные перспективы, открываемые глобализацией и техническими сдвигами»¹⁹.

Мировое сообщество на протяжении почти столетия пытается на коллективной основе регулировать некоторые аспекты экономической и политической жизни в мировом масштабе. С этой целью в 1919 г. была учреждена Лига Наций, имевшая целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира». Ее миссия полностью провалилась. В 1945 г. ей на смену пришла Организация Объединенных Наций с многочисленными специализированными учреждениями, призванными содействовать международному сотрудничеству в са-

мых разных областях — от промышленности до культуры, образования и науки (ЮНКТАД, ЮНИДО, ЮНЕСКО и др.). Тогда же были созданы Бреттон-Вудские институты — Мировой банк, Международный валютный фонд (МВФ), а также Генеральное соглашение по тарифам и торговле, на смену которому в 1990-х годах пришла Всемирная торговая организация.

Это важно

Как показал мировой финансовый кризис конца 2000-х годов, начавшийся с краха крупного банка, затем перекинувшийся на фондовые рынки и, наконец, охвативший реальный сектор экономики большинства стран, **названные организации оказались не способны справиться с современной экономикой, не признающей государственных границ.**

Им не удастся остановить ни рост численности голодающих, ни загрязнение атмосферы парниковыми газами, ни рост наркоторговли, ни распространение инфекционных болезней, ни разгул терроризма. Нынешние механизмы управления экономической, политической и культурной жизнью мирового сообщества не могут эффективно ответить на вызовы глобализации. **Нужны новые всемирные механизмы.** Высказывается немало различных представлений о том, какими они должны быть.

Самая незамысловатая и вместе с тем самая утопическая модель глобального управления — *создание мирового правительства*. По сути, это проекция государствоцентричной модели на всю планету. В разное время ее выдвигали люди, несомненно талантливые в своих областях науки, но далекие от государственного управления и международного права, — Фердинанд Теннис, Торнстейн Веблен, Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, Андрей Сахаров. Они плохо представляли себе процесс трансформации множества государств в единую мировую державу и обретения ею всемирной легитимности.

Менее фантастическая гипотеза будущего *глобального управления* основывается на *идеях федерализма*. Первая заявка такого рода — проект всемирной конституции — была опубликована в 1948 году. Двадцать лет спустя, в 1968 г., появился новый проект конституции Федерации Земли. За ним последовали десятки подобных проектов. Все они предполагают разделение властных полномочий между субнациональными (областными, районными, муниципальными), государственными и надгосударственными структурами²⁰. Одно из последних предложений такого рода прозвучало в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция».

Раздел 1. Характеристики глобального мира

⇒ «Чтобы добиться управления, основанного на балансе интересов, — пишут его авторы А. Кинг и Б. Шнайдер, — представляется важным сформировать многоступенчатую систему принятия решений, важнейшим принципом которой было бы обсуждение вопроса и разработка решения на уровне, ближайшем к тому слою общества, который в наибольшей степени испытывает на себе благоприятные или неблагоприятные последствия этого решения»²¹.

К такому варианту подталкивает опыт Европейского Союза, где успешно внедрен принцип subsidiarity — передачи управления на те административные уровни, где экономические и социальные проблемы могут быть решены наиболее эффективно. Однако Евросоюз объединяет развитые и тесно интегрированные страны. Ни в одном другом региональном интеграционном объединении (даже в НАФТА) повторить этот эксперимент не пытались. В глобальном масштабе, где большинство государств — слаборазвитые или среднеразвитые страны, это тем более неосуществимо.

Еще одно направление поисков модели глобального управления — модернизация действующей системы ООН и Бреттон-Вудских институтов. В 2004 г. лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц предложил восемь мер:

- 1) демократизировать управление Мировым банком и МВФ;
- 2) улучшить управление Всемирной торговой организацией;
- 3) трансформировать «группу восьми» в «группу двадцати четырех»;
- 4) усилить роль Экономического и социального совета ООН;
- 5) создать международный фонд финансирования глобальных общественных благ;
- 6) наладить управление глобальными природными ресурсами, в том числе мировым океаном и атмосферой;
- 7) обеспечить реальную защиту глобальных знаний;
- 8) создать глобальную «правовую инфраструктуру» для защиты деловых контрактов, единых правил конкуренции и банкротства²².

Многие из этих предложений представляются полезными. Но они годятся лишь для начальных этапов пути к созданию механизма регулирующего функционирование глобального сообщества. Все или большинство этих проектов отталкивается от нынешней системы государственных и надгосударственных институтов. Их предлагают достроить, надстроить, в лучшем случае перестроить, но на основе, сформированной не позднее 40–60-х годов прошлого столетия²³.

Параллельно с государственными и надгосударственными управленческими структурами сложились другие международные институты, оказывающие все большее влияние на различные аспекты глобализации. Речь идет о транснациональных корпорациях, реальная власть которых нередко превосходит власть национальных государств, и о гражданском обществе, реагирующем на новые глобальные процессы оперативнее, чем государственно-надгосударственная иерархия. Открываются возможности для сетевого управления. ТНК, раскинувшие по всему миру зарубежные филиалы, во многом определяют глобальную структуру прямых инвестиций, направления и темпы научно-технических инноваций, спрос на трудовые ресурсы определенной квалификации. Их инвестиционная стратегия ощутимо влияет на политику принимающих государств (не всегда в лучшую сторону) в сфере образования, охраны окружающей среды, энергосбережения.

Альтернативой как государственной политике, так и стратегии ТНК выступает гражданское общество: неправительственные организации (НПО), правозащитные объединения, профсоюзы. Некоторые институты гражданского общества включают независимых экспертов, обладающих обширными знаниями в экономике, здравоохранении, экологии. Такие институты реагируют на опасные глобальные явления быстрее и точнее, чем официальные правительственные структуры.

Проблемы, связанные с переходом к экономике знаний и глобализацией, быстро усложняются, а время для их решения сжимается. «Поэтому завтра, — считает Ж.-Ф. Ришар, — правительство (федеральное, региональное, местное) уже не сможет в одиночку решить сложные проблемы без существенной поддержки со стороны двух других общественных секторов. Складывается совершенно новая реальность: партнерство политики, бизнеса и гражданского общества. Следует ожидать, что такое трехстороннее партнерство в ближайшие двадцать лет станет процветать на любом уровне — глобальном, региональном, местном... Именно в такие времена неустоявшиеся понятия сетевого управления и решения глобальных проблем по сетевому принципу становятся жизнеспособными»²⁴.

Прогноз Ж.-Ф. Ришара может оказаться ближе всех к реальному будущему мирового социума. Формируются управленческие альянсы, в которых государства взаимодействуют с НПО и частным бизнесом. Так или иначе, при любом варианте формирования глобального регулирования человечеству предстоит преодолеть два трудных препятствия: одно — материальное, другое — психологическое. Первое — само существование государства со всей присущей ему атрибутикой.

Оно так прочно вросло в фундамент цивилизации, что без него последняя кажется немислимой. Что же будет с этим наследием прошлого, которое многим нынешним поколениям представляется естественной и неотъемлемой частью повседневности?

Радикально мыслящие исследователи считают, что, утратив способность эффективно решать внутренние, а тем более глобальные проблемы, государство обречено на отмирание. «Поскольку национальное государство больше не гарантирует безопасность своих граждан и не может действовать самостоятельно в решении своих внутренних проблем, то суверенитет у него отсутствует, — считает, например, голландский политолог Офпан Бадахшани. — Так что глобализация постепенно приведет к кончине национального государства и его суверенитета»²⁵.

Другие, напротив, полагают, что в условиях глобализации государства должны окрепнуть. «Вряд ли национальным государствам грозит полная утрата суверенитета в отношении своей экономики в пользу наднациональных или международных организаций, — считает О. Т. Богомолов. — Национальные государства не отомрут, а наоборот, будут укреплять себя и добиваться демократизации глобальной экономической среды»²⁶. Третьи, более осторожные, полагают, что государство, конечно, утрачивает свою прежнюю роль, но хоронить его не стоит. Так, американский политолог Стивен Краснер пишет: «Те, кто провозглашает смерть суверенитета, плохо читали историю. Национальное государство имеет сильный инстинкт выживания и пока адаптируется к новым вызовам, даже к вызовам глобализации»²⁷. Оглядываться на историю, конечно, полезно. Но нельзя забывать, что по уровню технико-экономического развития до последних десятилетий у человечества была совсем другая история. Прилагать инстинкт самосохранения государства к качественно новой материальной базе и качественно новой взаимозависимости стран неосмотрительно. Пока государство адаптируется к новым условиям. Но никто не знает, когда истечет время этого «пока».

Второе препятствие — глубоко укоренившееся в общественном сознании выделение «национальных» интересов на фоне всех остальных. С глубокой древности повелось делать то, что выгодно моей стране, игнорируя интересы остальных. Это вновь наглядно проявилось в спорах об ограничении выбросов в атмосферу двуокиси углерода. Предстоит решить гигантскую задачу — выработать и закрепить новое мышление, кредо которого — делать не то, что выгодно только моей стране, а то, что выгодно всему мировому сообществу (в том числе и моей стране).

* * *

Государство понадобилось человечеству в условиях, когда последнее могло самоорганизовываться лишь в пределах ограниченных по размеру территорий. Материальными предпосылками формирования таких территориальных организационно-политических структур — государств — были более или менее единый уровень технико-экономического развития проживавших на их территории людей, один язык внутригосударственного общения, один образ жизни и тип мировосприятия. Данная пространственно ограниченная модель самоорганизации социума позволила в течение 6–7 тыс. лет, развивая и совершенствуя производительные силы, осуществить сначала аграрную, а потом промышленную революцию и, шаг за шагом взбираясь по ступеням технологических укладов, вплотную подойти к новому способу производства — экономике знаний.

Параллельно с развитием производительных сил внутри государств разрастались и усложнялись экономические, культурные и научные межстрановые связи. Перешагнув через границы отдельных государств, эти связи стали трудноуправляемыми, а совершенствовавшиеся веками механизмы государственного внутривнутристранового регулирования хозяйственной и общественной жизни в пределах своих границ — малопригодными. Но вовсе беспомощными они оказались перед лицом глобальных проблем (экологический кризис, распространение инфекционных заболеваний, международный терроризм и т.п.), для которых государственные границы не существуют. В этих сферах роль государства как регулирующего механизма стремительно меняется.

Ключевые слова

Глобальное управление, государство, производительные силы, технологические уклады, производственная кооперация, рост населения.

Контрольные вопросы

1. Какие функции закреплялись за государством на разных исторических этапах?
2. Как технологическое развитие влияло на эволюцию государств?
3. В чем отличие экономики знаний от предыдущих стадий хозяйственного развития?
4. Согласны ли вы с тем, что в настоящее время эффективность государств как механизмов управления обществом снижается? В чем это проявляется?
5. Каким образом государства противостоят глобальным проблемам?
6. Какие модели глобального управления выдвигаются в настоящее время? Какое место в них отводится государствам?

Примечания

¹ Здесь и далее использованы материалы сайта: Происхождение государства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polkaknig.ru.

² *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 239.

³ *Maddison A.* The World Economy. A Millennial Perspective. OECD. Paris, 2001. P. 231.

⁴ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956. С. 288.

⁵ См., в частности: *Глазьев С.* Экономическая теория технологического развития. М., 1990; *Он же.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

⁶ Здесь и далее использованы некоторые идеи А. И. Анчишкина (см.: *Анчишкин А. И.* Наука, техника, экономика. М., 1986. Гл. 2. С. 181).

⁷ *Макаров В. А.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. № 5. С. 450.

⁸ Среди исследователей встречается и другая точка зрения. См., например: *Дынкин А.* Экономика знаний — менее очевидное явление // Международные процессы. 2007. Январь—апрель. Т. 5. № 1 (13).

⁹ Убийства иноплеменников в Руанде отличались исключительной жестокостью. Иногда с помощью мачете или топоров сначала отрезали пальцы рук и ног, потом кисти и стопы, затем руки и ноги и лишь после этого отрезали голову. Скорость расправ в пять раз превышала скорость уничтожения узников немецких концлагерей. — Геноцид в Руанде. Википедия. 2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

¹⁰ *Пушар Ж. Ф.* Двадцать лет спустя // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru>.

¹¹ *Tempest R.* Barbie and the World Economy // Los Angeles Times. 1996. September 22.

¹² UN. World Population Prospects. The 2008 Revision Population Database. URL: <http://esa.un.org/wpp/>.

¹³ Global Environment Outlook. N.Y., 2000. Ch. 1. Part 1. P. 2.

¹⁴ World Hunger Facts. 2009. P. 2. URL: berkmarapes.wikispaces.com/file/view/World%2520Hunger%2520Facts%25202009.doc/377367590/World%2520Hunger%2520Facts%25202009.doc.

¹⁵ The State of the Environment: Past, Present, Future? // UNEP Press Release. 22.05.2003. P. 5.

¹⁶ World Development Report 2009. Wash., 2009. P. 359.

¹⁷ Глобальная экономическая перспектива. Обзор ГЭП-2000. С. 2.

¹⁸ Global Warming Causes 300 000 Deaths a Year // Guardian. 29.05.2009.

¹⁹ *Valaskakis K.* Long-term Trends in Global Governance: from «Westphalia» to «Seattle» // Governance in 21 Century. OECD. 2001. P. 45.

²⁰ См. подробнее: *Вебер А. Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Мир глобализации. 2009. № 1. С. 10–13.

²¹ *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991. С. 247.

Глава 5. Роль государства в парадигме общественного развития

²² *Stigliz J.* The Future of Global Governance // Institute for Policy Dialog / Working Papers. 2004. P. 12–13.

²³ *Пушар Ж. Ф.* Двадцать лет спустя // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru>.

²⁴ Там же.

²⁵ *Badakhshani O.* Globalization: The End of Sovereignty // Free University of Amsterdam. 2005. URL: www.khorasazameen.net/zws/gws/1e/.

²⁶ *Богомолов О. Т.* Моя летопись переходного периода. М., 2000. С. 346.

²⁷ *Krasner S.* Sovereignty // Foreign Policy. 2001. No 122. P. 20.

6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ ЗА МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО

Определений понятия «глобализация» множество, но большинство из них отличается статистическим, а не сущностным подходом. О наличии феномена глобализации судят по росту объемов товарооборота между государствами или по удельному весу ТНК в мирохозяйственном производстве и обмене. Упускается из виду главный научный критерий — качественные социально-экономические характеристики феномена глобализации, отличающие ее от предшествующих этапов интернационализации мировой экономики.

Глобализация представляет собой третий этап интернационализации мирового хозяйства, в основе которого лежит возникновение информационно-технологического уклада и формирование постиндустриальных производительных сил.

Исторические этапы интернационализации

Первая историческая фаза интернационализации связана с деятельностью торгового купеческого капитала и Великими географическими открытиями середины XV—XVII вв. — открытиями новых торговых путей и стран. При этом уровень производительных сил и транспортных средств (парусные суда) европейских государств был довольно низким. Важное отличие этого этапа завязывания торговых связей заключалось не в завоевании территорий и покорении народов, а в получении того, что впоследствии стали называть колониальным товаром, — шелка, фарфора, пряностей, чая, драгоценных камней и металлов, а также и других местных традиционных товаров. В лучшем случае на новых территориях создавались торговые фактории.

Принципиальный сдвиг в процессе интернационализации отмечается с началом промышленной революции в Европе (в XVIII—XIX вв.), в ходе которой произошел скачок в развитии производительных сил — переход от мануфактуры к машинному производству. Тогда же нача-

лись и колониальные завоевания, так как фабрикам нужны были сырье и рынки сбыта, а машинное производство требовало регулярности поставок и, соответственно, более совершенных средств доставки (пароходы, паровозы).

Интернационализация мирового хозяйства стала приобретать системный характер. Система, лежащая в ее основе, — «метрополия—колония» — была основана на эксплуатации одних народов другими и жесткой привязке сырьевой колониальной экономики к промышленной метрополии. После Второй мировой войны с развалом колониальной системы развивающиеся страны стали политически независимыми, но старое разделение труда в мировом масштабе сохранялось в течение длительного переходного периода, получившего название неокOLONИализм.

Капитализм развивался в мире неравномерно. Как общественно-экономическая формация он складывался первоначально в сравнительно узкой группе европейских стран, и по мере его перехода от фазы к фазе эпицентр перемещался от одной из этих стран к другой. Это и породило феномен догоняющего развития, который вплоть до середины XIX в. наблюдался в основном в рамках передовой группы стран (Нидерланды, Англия, Франция). С 60-х годов XIX в. началось запоздалое, стимулируемое и направляемое государством развитие капитализма в еще одной группе стран (Германия, Италия, Россия, Япония). По сути, это и явилось одной из главнейших глубинных причин возникновения Первой и Второй мировых войн.

В ходе послевоенного восстановительного периода, осуществлявшегося под эгидой США, в Западной Европе началось постепенное стирание граней между первичной и вторичной моделями капитализма с последующей экономической консолидацией их в рамках Европейских сообществ, а потом и Союза.

Однако превращение США в подлинного формационного лидера началось в 1960-х — начале 1970-х годов с формированием в этой стране *информационно-технологического (ИТ) уклада*. Условной точкой отсчета в этом смысле можно полагать 1971 г., когда корпорация «Интел» (*Intel*) разработала интегрированную схему — компьютерный чип, положивший начало широкому распространению информационных технологий.

К. Маркс в «Капитале» блестяще проанализировал, как с каждой новой фазой и стадией развития капитализма расширялись рамки *непосредственно общественного труда*, оставаясь, правда, в частнособственной оболочке. Но, разумеется, ни К. Маркс, ни даже Ф. Энгельс, доживший до эпохи зарождения монополистической фазы, не могли себе представить того высокого уровня развития производительных

сил, который сегодня олицетворяют информационные технологии (ИТ) и который создал реальные предпосылки для максимального расширения рамок непосредственно общественного труда (НОТ), причем не только в национальных, но и в транснациональных масштабах. И до этого времени ряд крупнейших западных монополий действовал одновременно во многих странах мира, в связи с чем и появился термин «многонациональные корпорации» (МНК). Но они были всего лишь высшей формой развитого индустриализма. Эти корпорации просто создавали в других странах автономные филиалы однотипных производств.

⇒ В этом и заключается принципиальное отличие ИТ-производительных сил: они впервые создали широкие и эффективные возможности организации НОТ на трансграничной основе через использование различных форм *аутсорсинга*. Отсюда и их название — транснациональные (трансграничные) корпорации (ТНК).

Возникновение ИТ-уклада в стране-лидере капитализма США прошло ряд этапов. На этапе *зарождения* (послевоенный период вплоть до начала 1970-х годов) это был «уклад в себе», анклав, изолированный (даже географически — Кремниевая долина¹) от остального массива высокоиндустриализированной экономики США. На этапе *становления* в качестве одной из активнейших структур американской экономики (начиная с 1970-х годов) этот уклад начал стремительно проникать сначала в наиболее «удобные», легкодоступные и восприимчивые сферы услуг — связь, финансы, торговлю. Труднее всего протекало это проникновение в промышленность, отягощенную массивными капитальными инвестициями. Но когда информационно-технологический, или постиндустриальный, уклад сформировался и над ним даже возникла собственная виртуальная надстройка — биржа НАСДАК (*NASDAQ*), Америку захлестнула волна всеобщей эйфории. Значительная часть экономистов и СМИ об американской экономике иначе как о «новой» и «постиндустриальной» не писали (что не всегда соответствовало действительности). В результате такого ажиотажа на виртуальной площадке НАСДАК в 1990-х годах стал надуваться огромный «пузырь», который в 2001 г. лопнул. Тогдашняя рецессия сопровождалась спадом экономического роста и снижением производительности труда.

Несмотря на серьезную структурную перестройку американской экономики, она продолжает оставаться *двухслойной*. Если судить по чисто экономическим показателям «долларового» вклада нового уклада в ВВП, то он быстро рос в последние годы и, безусловно, преобладал над вкладом традиционной, т.е. индустриальной, части экономики США. Это в долларовом исчислении. Но есть и *социальная* сторона

проблемы. В традиционной (индустриальной) американской экономике, где производится немалая часть продукции страны, удовлетворяющей потребностям основной массы американского населения, сосредоточены огромные трудовые ресурсы.

Конечно, в этих традиционных секторах американской экономики происходит модернизация, в том числе и с использованием компьютерной техники. Между тем важно отличать инновационную, «новую» экономику от модернизации индустриальных структур².

Рассуждая о глобализации, нельзя, очевидно, поддаваться чрезмерной эйфории. *Процессы глобализации мирохозяйственных связей находятся пока в начальной стадии и уже проявили свою диалектическую противоречивость. Современный мир представляет собой структурный симбиоз (конгломерат)*. Если судить по степени вовлеченности или причастности к процессам глобализации, то в нем можно условно выделить следующие группы стран:

- 1) высокоиндустриальные страны, где уже существует или ускоренно формируется ИТ-уклад, от которого идут импульсы разной степени интенсивности в другие районы мира;
- 2) некоторые крупные развивающиеся страны, которые весьма успешно развиваются в рамках индустриальной парадигмы и в которых уже возникают «вторичные» (заимствованные) элементы будущего ИТ-уклада;
- 3) обширная группа развивающихся стран (РС), занятых решением задач традиционной индустриализации;
- 4) значительная часть РС, которые все еще сталкиваются с проблемами выживания и которым со стороны Запада оказывается «официальная помощь развитию»;
- 5) неудавшиеся государства (*failed states*), которым не удалось решить проблему консолидации своей государственности (Афганистан, Сомали, Йемен и др.).

Как видно, для большинства членов мирового сообщества насущными являются проблемы модернизации индустриального типа, а не собственно глобализация, влияние которой ощущается ими косвенным образом.

Сущность, характер и противоречия современных процессов интернационализации

Диалектическая противоречивость глобализации наиболее наглядно проявляется в последние годы в Соединенных Штатах, положив-

ших, как уже отмечалось, начало качественно новому витку научно-технического прогресса в мире. Парадоксально, но чем больше США втягиваются в процесс глобализации, тем более неустойчивой становится ситуация внутри их собственной экономики. Чем больше успехи в формировании ИТ-уклада «переплескиваются» через национальные границы США в другие страны и районы, тем сильнее проявляются негативные тенденции в самом американском обществе и тем быстрее тускнеет в мире «образец» Америки.

Мы стали свидетелями объективной закономерности, проявлявшейся во всех обществах, вступивших в переходную фазу развития, во время которой происходило столкновение традиционного и современного, нарушалась экономическая, социальная и политическая стабильность.

Перу профессора Принстонского университета и лауреата Нобелевской премии по экономике за 2008 г. Пола Кругмана принадлежит книга «Кредо либерала», в которой многие негативные структурные изменения в социально-экономическом развитии в США описаны весьма убедительно³. Кругман приходит к выводу, что за последние три десятилетия страна вернулась к уровню неравенства, характерному для худших лет раннего индустриализма, а благами экономического роста Америки в основном воспользовалось наиболее богатое меньшинство, тогда как остальные оказались на обочине экономического прогресса. Из-за высокой степени неравенства США превратились в государство с заметно ослабевшим средним классом. Прибыли корпораций демонстрируют стремительный рост (они достигли рекордной доли в ВВП за все время после 1929 г.), зато рост заработной платы большинства наемных работников едва поспевает за инфляцией. Один из наглядных результатов нарастания неравенства в американском обществе — «непропорциональное» (относительно общего роста населения страны) увеличение числа миллиардеров в США: в 1968 г. их было всего 13, а сорок лет спустя, в 2008-м, уже 160. Причем в отличие от предыдущего поколения миллиардеров, строивших всеми правдами и неправдами индустриальную Америку и поэтому имевших все же некоторые серьезные основания сказать «Все, что хорошо для Форда, хорошо для Америки», новые миллиардеры в большинстве своем заняты в финансовой сфере.

Впрочем, средний американец все еще воспринимает драматические изменения в своей стране сквозь призму старых стереотипов и воспоминаний о прошлом. Изменения в психологии масс запаздывают в сравнении с экономическими, социальными и политическими

сдвигами. Этим и объясняется устойчивость американского общества и сильное влияние в нем изоляционистских настроений. В этой связи небезынтересно недавнее исследование двух американских психологов — Дана Ариели и Майкла Нортона, выполненное на основе опросов американского населения и обзоров американских социологов и экономистов на предмет выяснения их представлений о расслоении в американском обществе. В среднем преобладало мнение о том, что 20% наиболее состоятельных американцев владеют 59% национального богатства, в то время как по официальной статистике на эту группу приходится 84% всего национального богатства. Еще больше заблуждались опрошенные по поводу 20% наиболее бедных слоев, предполагая, что они владеют 3,7% национального богатства, тогда как реально этот показатель не превышал 0,1%. США стоят на втором месте (после Великобритании) в мире по самой низкой мобильности доходов между поколениями.

До недавнего времени средний американец жил в своих мечтах об «американском образе жизни» благодаря дешевым банковским кредитам и еще более дешевым товарам из Китая. Все это маскировало подспудно зреющий структурный кризис, который прорвался наружу в 2007–2010 гг. в форме ипотечного, финансового и экономического кризисов и разрушил иллюзорное благополучие.

Важной негативной тенденцией, связанной с возникновением ИТ-уклада и сопутствующим ему структурным кризисом, является специфический характер безработицы. Она стала *хронической*. В предшествующей фазе капитализма по завершении кризисов и возобновлении экономического роста восстанавливались и рабочие места. Кризис конца 2000-х годов, особенно после начала выхода из рецессии, показал иную картину: прибыли крупнейших корпораций в ИТ-секторе начали неуклонно расти, но вместе с тем росла и безработица, достигшая к концу 2010 г. рекордных 9,8%.

⇒ Общий потенциал двухслойной американской экономики крупнейший в мире⁴, но ИТ-уклад и в целом сектор «новой экономики», основанный на научном знании и высокой производительности труда, уже не нуждается в существующей массе индустриальных производительных сил.

Переподготовка рабочей силы требует значительных расходов и времени. Поэтому высокотехнологические корпорации предпочитают решать свои кадровые проблемы двумя путями: а) частично привлекать квалифицированных работников-иммигрантов; б) частично выносить компоненты производственного цикла за рубеж, где они зарабатывают основную часть своих растущих прибылей.

Бывший министр труда США и автор книги «*Aftershock: The Next Economy and American Future*» Роберт Рич (*Robert Reich*) опубликовал в «Интернешнл Геральд Трибьюн» статью, в которой вынес в качестве эпиграфа свой главный вывод: «Более высокие корпоративные прибыли больше не ведут к повышению занятости». В статье констатируется, что к середине 2010 г. американские корпорации уже вернули почти 90% того, что они потеряли во время кризиса. Во II квартале 2010 г. 500 крупнейших нефинансовых фирм имели около 1 трлн долл., и эта сумма продолжала расти. Но росла и безработица. Рич указывает на три причины. Первая заключается в том, что корпорации инвестируют за рубежом и оттуда поступает значительная часть их прибылей. «Дженерал Моторс» продает больше своих машин в Китае, чем в США. На ее предприятиях в КНР занято 32 тыс. постоянных рабочих, а в Штатах — лишь 52 тыс., в то время как в 1970 г. на эту корпорацию работали 468 тыс. человек. Корпорация инвестировала в Китае 250 млн долл. в создание современного технологического центра, специализирующегося на производстве электробатарей и других альтернативных источников энергии. (Рич напоминает, что администрация Б. Обамы выделила во время кризиса деньги налогоплательщиков для сохранения рабочих мест в США.)

Вторая причина, по мнению автора, заключается в том, что корпорации инвестируют свои деньги в США в трудосберегающие технологии ради более высокой производительности, но не увеличения заработной платы. Корпорация «Форд», например, уже преодолела более $\frac{2}{3}$ пути к своим рекордным (1999) прибылям, но вследствие внедрения трудосберегающих технологий она в течение десяти лет «уполовинила» своих наемных работников. И, наконец, третья причина: корпорации, несмотря на кризис, тратят свои прибыли на выплату дивидендов и на выкуп собственных акций, способствуя росту цен на них⁵.

В обстановке растущей безработицы и других неурядиц рядовых американцев не убеждает аргумент демократов и самого Б. Обамы о том, что, если бы не предпринятые администрацией и конгрессом «специальные меры» в отношении крупнейших финансовых и прочих корпораций, ситуация в стране была бы еще хуже.

Однако не только высокотехнологические промышленные корпорации, но и корпорации собственно ядра ИТ-сектора устремились за рубеж, желая оптимизировать свой бизнес через механизм аутсорсинга за счет как дешевизны квалифицированных работников, так и доступа к обширным рынкам для своей продукции. К 2000 г. издержки, связанные со стремительным ростом зарплаты персонала и расходов на

здравоохранение, с одной стороны, и открытие китайской экономики, связанной со вступлением этой страны в ВТО, — с другой, побудили американские ИТ-корпорации к перенесению части производственных процессов и даже сегментов инжиниринга сначала на Тайвань, а позже и на материковый Китай⁶. В итоге с 2000 г. в США закрылось 49 фабрик по производству чипов, а в производстве компьютеров сегодня занято около 166 тыс. человек, т.е. намного меньше, чем в 1975 г., когда был собран первый персональный компьютер «*MITS Altair 2800*». За это же время в Азии возникла индустрия по производству компьютеров, в которой теперь занято 1,5 млн человек. Разумеется, это были по существу не национальные предприятия, а составные части глобальной системы, которые производили для крупнейших западных ИТ-корпораций компоненты: компьютеры (для «Дэлл» и «Хьюлетт Пакард»), сотовые телефоны (для «Нокиа») и другие технологические изделия для «Майкрософт» и «Интел». В Китае над производством технологических изделий для корпорации «Эппл» работают 250 тыс. человек, т.е. в десять раз больше, чем в самих Соединенных Штатах⁷.

Разумеется, большая часть прибылей в такой глобализированной системе достается западным корпорациям. Они же являются источником почти всех стратегических технологических инноваций (прежде всего программного обеспечения). На долю азиатских партнеров в подобной системе пока остается только производство собственно оборудования (*hardware*), а также инноваций по части дизайнерского оформления продукта, адаптации его к местным потребительским вкусам на азиатских рынках. Для самих США растущие инвестиции в такой глобальный бизнес оборачиваются сокращением рабочих мест. Более того, некоторые экономисты и в Штатах, и за пределами Америки обеспокоены тем, что **подобная ускоренная деиндустриализация** зашла настолько далеко, что может возникнуть вопрос об угрозе национальной безопасности, особенно в странах англосаксонской либеральной модели⁸.

Либеральная модель капиталистического развития, исторически сформировавшаяся в США, а также Бреттон-Вудские соглашения 1944 г., закрепившие ведущие позиции Америки в мировых финансовых организациях, ее статус главного мирового кредитора, сыграли злую «шутку» со всеми американскими администрациями в переходный период начавшегося структурного кризиса. Обычно в такие периоды влияние государства, его регулирующая роль в финансово-экономической сфере по объективной необходимости должна возрастать. Государственное вмешательство необходимо для разрешения и смяг-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

чения противоречий, неизбежно возникающих между традиционными и современными структурами общества, обеспечения плавной смены укладов (в данном случае индустриальных и постиндустриальных производительных сил).

Все американские администрации последних сорока лет уповали на то, что родившаяся в их стране глобализация закрепит доминирующее положение США в мировом хозяйстве. Они надеялись на чудодейственную силу свободного рынка и крупнейшие американские корпорации. Их главной заботой было наращивание военно-политического могущества и внешнеполитической гегемонии Америки. Результаты подобного стратегического курса известны: после сокрушительного поражения во Вьетнаме США не смогли толком реализовать до конца ни одной вооруженной интервенции. Между тем такая стратегия требовала чудовищных финансовых расходов. Так началось превращение главного кредитора мира в главного должника. Во время последнего кризиса доля США в общемировой задолженности составила 22,6%. Вместе со своим союзником по англосаксонской модели — Великобританией — эта доля увеличилась еще на 14,8%, составив 37,4%. Они были единственными странами в мире с двузначными процентными показателями задолженности. Эти два государства выделяются среди других стран также по процентному показателю отношения внешней задолженности к экспорту — соответственно 1182 и 2079%. Отношение госдолга к ВВП у США составляет, по разным оценкам, от 95,2 до 96,8% (у Великобритании — рекордные 404,34%).

❖ США — страна всевозможных дефицитов. Хронический торговый дефицит вынудил администрацию США выступить в октябре 2010 г. (перед саммитом «двадцатки» в Сеуле) с антилиберальной инициативой. Ссылаясь на угрозу росту мировой экономики, руководитель Казначейства США Тимоти Гайтнер обратился к МВФ с требованием провести расследование в странах с хроническим торговым профицитом и предпринять меры к его ограничению.

Позднее в Сеуле Гайтнер конкретизировал свое предложение — ограничить положительное сальдо таких стран 4% от их валового годового продукта. Журнал *Bloomberg Businessweek* сравнил эти требования Гайтнера с позицией всемирно известного британского экономиста Джона Мэйнарда Кейнса, который в 40-х годах прошлого века в ходе подготовки Бреттон-Вудских соглашений высказывался в аналогичном духе, спасая ослабленную войной и страдающую от хронического торгового дефицита Великобританию⁹. Но времена изменились, и «группа двад-

цати» во главе с Китаем и Германией решительно отвергла предложение Америки, нарушающее и принципы свободной торговли, и правила ВТО¹⁰.

У Соединенных Штатов практически нет источников для покрытия гигантских долгов и дефицитов, кроме решительного сокращения своих непомерно раздувшихся внутренних и внешних расходов, повышения налогов (в первую очередь корпоративных) и новых заимствований. США уже приступили к трансформации своих финансовых обязательств в тридцатилетние облигации. Впервые в истории Америки министерство финансов начало продавать казначейские облигации с отрицательной ставкой (минус 0,55% годовых), а банк «Голдман Сакс» осуществил дебютный выпуск бондов со сроком обращения 50 лет. Все это типичные примеры перекладывания бремени долгов на будущие поколения.

В списке развитых и переходных стран, обладающих сколько-нибудь значительными валютными резервами, США стоят на последнем месте. Возглавляет этот список Китай. До недавнего времени Америке эти резервы были не нужны. Ведь она ничем не ограничена в эмиссии долларов (как она сделала это в декабре 2010 г., вызвав гневные комментарии по всему свету). Такая ситуация представляет собой явный «пережиток» финансовой системы, чрезмерно зависящей от доллара (на него приходится 62% всех валютных резервов мира) на фоне зарождающейся многополярной финансовой системы.

Процесс становления ИТ-уклада в США легче всего проникал в сферу услуг, в том числе финансовых. Позитивные плоды компьютеризации этого сектора ощутили сотни миллионов людей во многих странах мира. Но после кризиса 2008–2010 гг. стало очевидно, что в условиях англосаксонской либеральной модели компьютеризация финансовой сферы может оказаться грозным оружием массового финансово-экономического разрушения. Одной из институциональных жертв сплошной компьютеризации стали биржи — *товарные и фондовые*. Эти некогда полезные механизмы, существенно облегчавшие и расширявшие кругооборот товаров и денег в ходе развития капитализма, в итоге в таких странах, как США и Великобритания, в период становления постиндустриализма стали выходить из-под какого-либо разумного контроля. Начался все более зримый отрыв бирж от реальной экономики и превращение их в механизмы автономного приращивания спекулятивного финансового капитала. Биржи в этих странах стали площадками, на которых сегодня совершаются сделки преимущественно не по реальным, а по виртуальным товарам и активам. Вмес-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

то реализации физических товаров на них заключаются фьючерсные сделки по разного рода деривативам. При этом брокеры и дилеры, хедж-фонды, инвестиционные банки и даже пенсионные фонды оправдывают свою спекулятивную активность на бирже необходимостью хеджировать свои доходы от колебаний курсов, цен на сырье, процентных ставок по заемным капиталам, но не хотят официально фиксировать сделки, избегая их прозрачности. Биржа стала неподконтрольной не только общественности, но и государству.

Не случайно наибольшее количество спекулятивных банков и фондов в мире находится в странах с либеральной финансовой моделью. На США и Великобританию (не считая офшорные центры) приходится 67,7% их, а в материковой Европе одна только Швейцария почти сопоставима по этому показателю со всем ЕС.

Тем не менее никакие деривативы, никакое хеджирование с использованием специальных компьютерных программных продуктов не предотвратило сокрушительного краха всей этой вышедшей из-под контроля финансовой системы в 2008 году. Было бы наивным упрощением заниматься поиском персональных виновников или конкретных институциональных финансовых организаций, ответственных за случившееся. Все дело в исторически сложившейся либеральной финансовой системе, при которой государство практически отстранилось от исполнения необходимых контрольных функций, особенно в сложный переходный к новой экономике период. Не то чтобы в США вовсе не было регулирующих деятельность биржи органов. Еще в рамках «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта, пришедшего к власти на волне Великой депрессии 1929–1933 гг., в США была создана в 1934 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам (*SEC — Securities & Exchange Commission*). После энергетических шоков начала 1970-х в 1974 г. была создана также Комиссия по срочной биржевой торговле — независимое федеральное агентство для регулирования срочных биржевых операций — фьючерсов, опционов. Однако именно в сложнейший период начавшегося процесса компьютеризации бирж эти комиссии не только оказались неспособными выполнять свои основные функции, но и фактически содействовали все более полной бесконтрольности их деятельности (возможно, по причине отсутствия «второго Рузвельта»).

Накануне кризисных 2008–2010 гг. рынок деривативов превратился в один из самых крупных в мире. По оценке Банка международных расчетов в Базеле, номинальная стоимость контрактов, проходящих по всей мировой системе, оценивалась к началу 2010-х годов более чем в 636,4 трлн долл. Но только 3,4% этой суммы проходит через биржи.

Остальные 614,67 трлн, что эквивалентно десяти годовым валовым продуктам всего мира, торгуются на частных рынках непосредственно между покупателями и продавцами в форме небиржевых деривативов¹¹. *Можно констатировать, что мировой финансовый рынок фактически ушел из залов традиционных бирж в компьютерные сети.* Глядя на демонстрируемую по телевизору картинку, изображающую Нью-Йоркскую биржу с ее залом, переполненным кричащими и размахивающими руками брокерами и дилерами, мы должны ощущать себя некими «телевизионными туристами», разглядывающими экзотическую ретрoкартинку.

Понадобился оглушительный раскат «грома» — глобального кризиса, чтобы в американском конгрессе и администрации приняли решение в июле 2010 г. о биржевой реформе. Обеим комиссиям — SEC и CFTC — было поручено подготовить законопроект, регулирующий деятельность бирж и защищающий потребителей. Какковы будут результаты реформы, предсказывать трудно.

Глобализация и перегруппировка сил в мирoсистеме

О грядущем экономическом лидерстве Китая заговорили даже в США. Расхождения по этому вопросу существуют лишь по поводу сроков (одни говорят — через 10–12, другие — через 20–30 лет). Пока главным аргументом служат статистические данные. Китай действительно стремительно наращивает ВВП и по этому показателю вышел на второе место в мире. Происходит быстрый рост среднего класса и, следовательно, потребления предметов длительного пользования. Китай обладает самыми крупными золотовалютными резервами в мире, вышел на второе место по иностранным инвестициям и, несмотря на кризис, выдал иностранным государствам и компаниям кредитов на 110 млрд долл. (кредиты Мирового банка в том же 2010 г. составили 100 млрд долл.)¹².

⇒ До последнего времени первенство в разработке и изготовлении сверхбыстрых компьютеров монополично принадлежало Соединенным Штатам. В 2005 г. китайское руководство поставило задачу нарушить эту монополию. Спустя пять лет, в октябре 2010 г., был представлен суперкомпьютер «Tianhe-1A». На данный момент это самый быстрый в мире суперкомпьютер с рекордным показателем в 2,507 петафлопс (1 петафлопс = 1 тыс. трлн операций в секунду). Компьютер был создан в Национальном университете оборонных технологий (г. Тяньцзинь).

Важно понимать при этом, что сам по себе большой объем ВВП соответствует самому крупному в мире населению страны (более 1,3 млрд

Раздел 1. Характеристики глобального мира

человек), и поэтому на душу китайского населения приходится не такая уж и большая сумма, которая больше, чем в Индии, но намного меньше, чем в Бразилии и России, и неизмеримо ниже, чем в Японии, Германии и США. Когда упоминается опережающий рост потребления энергии в КНР, необходимо учитывать, что «отставание» США и особенно Германии и Японии связано с большими успехами в этих странах в сфере энергии сбережения и энергоэффективности. Успехи Китая в создании суперкомпьютеров основаны, в частности, на использовании графических процессоров «*NVIDIA Tesla*» американской корпорации *Intel*. *В целом значительная часть китайских достижений в производстве и экспорте высокотехнологичной продукции является производной от различных форм — прямых и опосредованных — технологического заимствования у иностранных корпораций; 55% общего объема экспорта страны приходится на компании с участием иностранного капитала и 22% общей суммы сбора налогов — на долю иностранных компаний.* Существен и вклад предприятий с иностранным участием в решение проблем нехватки профессиональных кадров. На таких предприятиях занято более 45 млн человек.

Это важно

Мы подошли к определению главного критерия, по которому можно судить о возможных шансах на лидерство в процессе дальнейшего формационного развития капитализма в условиях глобализации, т.е. формирования экономических структур на основе информационных технологий. Таких критериев, по существу, два: уровень формирующегося в государственных рамках ИТ-уклада и масштабы позитивного воздействия этого уклада на формирование глобальных транснациональных структур НОТ. Как с этим обстоит в Китае?

Китайское руководство давно (по крайней мере с 1980-х годов) оценило значение информационных технологий для решения гигантских задач в стратегии догоняющего развития. После долгих дискуссий оно, судя по всему, остановилось на модели открытости Китая мировому рынку (ВТО), интенсивного технологического сотрудничества с зарубежными ТНК, создания исследовательских центров в области высоких технологий и максимального использования ресурсов ареала Большого Китая, т.е. Гонконга и Тайваня, а также китайской диаспоры (так называемые хуацяо) в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Индонезия) и по всему миру (но особенно в Кремниевой долине в США). Самые крупные технологические центры были созданы в Ланфане — городе-спутнике Пекина (*Zhongguancun Science Park*),

в Шанхае (в районе Пудона — *Zhangjiang High-Teck Park*) и в Особой экономической зоне Шэньчжэня (на границе с Гонконгом). Эти центры представляют собой интегрированные научно-производственные кластеры, охватывающие ряд университетов, исследовательских институтов и предприятий ИТ-продукции.

⇒ Например, пекинский *ZGC* включает 7100 ИТ-компаний, 39 университетов и 200 исследовательских институтов¹³.

В объеме достигнутых успехов по части налаживания высокотехнологичных производств и выпуска экспортной продукции главную роль на начальном этапе сыграл Гонконг, а затем, после открытия доступа для тайваньского бизнеса на материк, основной вклад внесли ИТ-компании Тайваня.

На материковом Китае тайваньские ИТ-компании сыграли своеобразную роль «компрадоров XXI века». В эпоху колониализма местные ростовщики и купцы в некоторых странах Азии выполняли функцию посредников — компрадоров — между западным капиталом и местным населением. Накопив капиталы и опыт, компрадоры впоследствии стали заниматься собственным бизнесом. В дальнейшем из их рядов вышли первые представители национальной буржуазии.

Тайваньские ИТ-компании в свое время при поддержке правительства основывались теми тайваньцами, которые учились и работали в Кремниевой долине, сохранили связи с тамошними ТНК и, вернувшись на родину, создавали компании, *имитировавшие* продукцию ТНК. Инновации, которые они приносили в свой бизнес, были маргинальными, касались дизайна, адаптации к местным рынкам, ускорения производства и доставки на рынок, но не создания *нового продукта*. Тем не менее некоторые из них добились региональной или даже всемирной известности (бренда). Тайваньский рынок был быстро освоен, стоимость рабочей силы также росла, и при первой же возможности этот бизнес ринулся осваивать материковый рынок. В каждом технопарке и во многих крупных городах юго-восточной «приморской полосы» Китая они создавали свои предприятия, доминируя не только на местных рынках, но и в экспорте компьютеров, мобильных телефонов, чипов со встроенными микропроцессорами. По подсчетам тайваньского Института информационной индустрии, около 80% тайваньского «железа» (*hardware*, т.е. собственно электронной аппаратуры, в отличие от *software* — программного продукта) производилось в Китае; в свою очередь до 60% стоимости «железной продукции» Китая производилось тайваньским бизнесом на материке¹⁴. Для этого феномена появился даже броский,

но далекий от реальности термин «Кремниевый треугольник», состоящий из звеньев «Кремниевая долина — Синьчжу (город-техноград на Тайване) — Шанхай». Если это и был треугольник, то явно не равнобедренный. Главные прибыли доставались первому звену — источнику технологии, значительная прибыль и слава присваивались второму звену, остатки прибыли и облегченные налоговые поступления приходились на Китай, поставляющий дешевую рабочую силу.

ТНК действуют в Китае и без тайваньских посредников: 480 из 500 крупнейших транснациональных корпораций мира создали свои филиалы в Китае, в том числе 90 из 100 ИТ-корпораций. Однако необходимо иметь в виду, что в последнем случае на этих предприятиях происходит лишь *сборка* готовой продукции, компоненты, содержащие программное обеспечение (чипы с микропроцессорами, телевизионные панели, жесткие диски), поступают из Японии, США, Южной Кореи и того же Тайваня. Поэтому хотя Китай уже в 2006 г. вышел на второе (после США) место по экспорту электронной продукции (342 млрд долл.), но 75% этого экспорта включал в себя предварительный импорт этих компонентов. В итоге реально добавленная стоимость в самом Китае составляла всего 85 млрд долл.¹⁵

В 2009–2010 гг. ТНК в целях «оптимизации» своих расходов стали переносить активы в Китай, Индию и некоторые другие развивающиеся страны в сфере НИОКР, создавая там при своих предприятиях исследовательские центры. Помимо значительного уменьшения (в 3–4 раза) оплаты труда квалифицированных работников ставилась задача сбора и утечки инновационных идей местных кадров в центральный офис ТНК. Но круг исследовательских разработок ограничивался рамками оборудования, а не программного обеспечения. *Не случайно преобладающая часть производства полупроводников в Китае базируется на технологиях старых поколений, а более 80% патентов из этой области индустрии, зарегистрированных в Китае, приходится на ТНК.* Китайские фирмы пока сфокусированы на периферийной продукции. Сказанное применимо и к индийским ИТ-корпорациям, созданным «возвращенцами» из США, где они ранее работали в американских ТНК. Эти компании не хотят заниматься рискованными ИТ-разработками и берутся за исследовательские проекты только по заказу западных ТНК)¹⁶.

Это важно

Китай или Индия подключались к контролируемому ТНК процессу глобализации, но в качестве второго или третьего маргинального звена. Это имитационная модель, и инновации носят соответствующий характер: можно сделать продукцию лучше, красивее, удобнее в употреблении и даже быстрее

и больше по количеству, но это в принципе будет тот же самый продукт, который не требует рискованных расходов на исследования и приобретение нового оборудования и усилий по созданию принципиально нового товара.

В формационном плане Китай всецело находится в фазе догоняющего развития (не говоря уже о латентном противоречии между коммунистической политической надстройкой и стремительно расширяющимся капиталистическим базисом).

Важнейшим препятствием для развивающихся и переходных стран, предпринимающих усилия по формированию ИТ-уклада, является проблема реформирования традиционной системы образования. «Индустриальное чудо» в таких странах, как Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Китай, в немалой степени опиралось на синтез современного (заимствованного у Запада) и традиционного конфуцианского наследия с его специфическими социальными установками. Но формирование полноценного национального ИТ-уклада оказалось невозможным без широкого и глубокого реформирования традиционной системы социальных отношений в обществе, сковывающих полет творческой мысли — основы инновационной ИТ-экономики.

Японии и Южной Корее на осознание этого потребовались десятилетия. Оказалось, что нельзя вот так просто заимствовать и перенять образец модели из чужого опыта. Полезно посмотреть на один из примеров такой попытки. Речь идет о компании «Леново» (прежнее название *Legend*), которая была «отпрыском» Академии наук Китая. Вначале она занималась в основном торговлей продукцией американских ИТ-ТНК. Но в декабре 2004 г. решила купить за 1,75 млрд долл. подразделение *IBM*, производящее персональные компьютеры. Эта сделка была сенсационной, так как ни до, ни после этого Комитет по иностранным инвестициям США (*US Committee on Foreign Investment*) не баловал претендентов приобретениями такого рода. В данном случае это подразделение *IBM* было убыточным, и корпорация легко рассталась с ним, тем более что контакты и сотрудничество с «Леново» продолжались много лет. «Леново» удалось привести в порядок дела купленного предприятия и занять существенное место на мировом рынке персональных компьютеров¹⁷. Но «Леново» не удалось изменить «ментальное наследие» ее академического прошлого и приспособиться к конкурентной динамике инновационного стиля. В середине января 2011 г. в СМИ появилось сообщение о начавшемся партнерстве «Леново» с японской ИТ-компанией.

Китайскому руководству видна необходимость пополнения будущего ИТ-сектора поколением по-новому мыслящих людей. Для того

Раздел 1. Характеристики глобального мира

чтобы заполнить эту «брешью», оно разработало целую систему опеки и привлечения китайских студентов и аспирантов, обучающихся за рубежом. Не все из них готовы вернуться, но все-таки это значительный источник накапливания необходимого нового человеческого потенциала.

* * *

В процессе современного развития капитализма не просматривается явного лидера. США прошли пик своего могущества, и настойчивые усилия сохранить сверхдержавность только ускоряют их движение по наклонной плоскости. Американский экономист из Северо-Западного университета Роберт Гордон опубликовал в 2010 г. исследование тенденций экономического развития Америки, в котором отметил затухающую тенденцию роста ВВП на душу населения. В период 1928–1972 гг. среднегодовой рост этого показателя составлял 2,44%, в 1972–2007 гг. он сократился до 1,93%. Гордон предполагает, что в течение 20 лет (2007–2027 гг.) этот индикатор снизится до 1,5%¹⁸. Очевидно, что нынешнее состояние американской экономики не может вызвать большого оптимизма. В то же время и нарастающий оптимизм некоторых ученых и политиков по поводу внушительных экономических успехов Китая вряд ли оправдан.

Россия также включилась в процесс догоняющего развития. Но она не может быть отнесена ни к какой категории из догоняющих стран. Многие отечественные и зарубежные аналитики скептически воспринимают рассуждения о своеобразии России. Но факт остается фактом. Япония или Южная Корея, не имея нефти и природного газа, сумели совершить индустриальное чудо и создать вторую и одиннадцатую экономики мира. Россия, обладая огромным потенциалом энергетических ресурсов, умудрилась не распорядиться по-хозяйски этим богатством для создания высокотехнологической экономики, как это сделали Норвегия или Голландия. Более того, Россия за последние три-четыре десятилетия превратилась в крупнейшего экспортера интеллектуального потенциала. Однако в отличие от Китая России не нужно прилагать большие усилия по возвращению уехавших за рубеж студентов и молодых ученых. Она все еще способна генерировать талантливую молодежь.

Думается, что сложившаяся в мире ситуация не случайна. В ней просматривается определенная закономерность в развитии человеческого общества. Глобализации имманентно присуще неприятие «единоличного» лидерства. В начале прошлого века много говорилось и писалось о «пробуждении Азии». Вследствие глобализации сегодня

«пробуждаются» все народы мира. На начальном этапе глобализации прохождение через ступени многополярности, а также сложный процесс преодоления глобальных вызовов и великих перемен неизбежны. Но ведь историческое развитие никогда не было легким.

Ключевые слова

Глобализация, информационно-технологический уклад, капитализм, инновации, модернизация, мировое лидерство, мировой финансово-экономический кризис.

Контрольные вопросы

1. В чем особенность нынешнего этапа интернационализации мирового хозяйства?
2. Какие структурные дисбалансы ослабляют экономическое положение США?
3. Какие факторы определяют перегруппировку сил в мировой системе?
4. С чем связана переоценка потенциала экономического подъема Китая?
5. К каким недостаткам приводит догоняющий тип развития в современном мире?
6. Как Россия может улучшить собственные позиции в процессе глобализации мировой экономики?

Примечания

¹ Термины «Кремниевая долина» и «Силиконовая долина» часто используются как синонимы.

² Понятие *модернизация* подразумевает, что существует передовой образец, к которому следует подтягивать устаревшее оборудование и/или технологический процесс, в то время как *инновация* — это технологическое новшество, которое нигде пока не существовало и не применялось.

³ *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа, 2009.

⁴ В 2010 г. он оценивался в 14,5 трлн долл. (Bloomberg Businessweek. 18–24.10.2010. P. 13).

⁵ International Herald Tribune. 30.07.2010. См. также во многом совпадающие взгляды обозревателя Филиппа Стефенса в: Financial Times. 05.11.2010.

⁶ Старший советник корпорации «Интел» А. Гроув (*Andy Grove*), занимавший в ней в 1987–2005 гг. посты исполнительного менеджера или председателя, подсчитал, что в первые годы существования Силиконовой долины создание одного рабочего места обходилось в несколько тысяч долларов, а сегодня — в несколько сотен тысяч долларов (Bloomberg Businessweek. 05–11.07.2010. P. 51).

⁷ Idid. P. 50–54; Financial Times. 28.01.2011.

⁸ География мирового развития // Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 2010. С. 33.

⁹ Bloomberg Businessweek. 01–07.11.2010. P. 42–48.

Раздел 1. Характеристики глобального мира

¹⁰ Она, кстати говоря, занимает в мировом экспорте четвертое место после ЕС, Китая, Германии (Bloomberg Businessweek. 20–26.09. 2010. P. 14).

¹¹ Financial Times. 12.08 2010; Bloomberg Businessweek. 24–30.05. 2010. P. 52–55.

¹² Ведомости. 12.01.2011. ; Financial Times. 17.01.2011.

¹³ Greater China's Quest for Innovation / Ed. by H. S. Rowen, M. G. Hancock and W. F. Miller. Stanford, CA, 2008. P. 159–160.

¹⁴ Ibid. P. 147.

¹⁵ Greater China's Quest for Innovation. P. 9.

¹⁶ Ibid. P. 198, 345, 359.

¹⁷ Ibid. P. 204–209.

¹⁸ Bloomberg Businessweek. 4–10.10. 2010. P. 11–12.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ

В современных условиях миграция стала одним из характерных глобальных трендов. В классическом понимании **миграция** — это *перемещения людей, связанные с переселением на постоянное место жительства в другой регион или страну*. И вплоть до XX в. так в основном и было: люди мигрировали, как правило, основательно, на долгий срок, оставались в принимающих странах на постоянное место жительства. Однако реалии современной жизни в условиях глобализации таковы, что люди стали перемещаться не только более активно, но и более интенсивно, многие передвижения стали временными. Все это приводит к тому, что необходимо расширить понимание миграции, включив в него временные перемещения населения. Например, это передвижения, связанные с работой, учебой, туризмом, коммерческой деятельностью, религиозными обрядами и другими видами деятельности. Миграции осуществляются теперь на более значительные расстояния, в них включено большинство стран и регионов мира. Миграции существенно меняют облик многих регионов и обществ, оказывая социально-экономическое, демографическое, культурное воздействие на самые отдаленные территории. Роль миграции в формировании населения и развитии экономики усиливается. В этой связи XXI в. можно назвать веком глобальной миграции.

К глобальным миграционным потокам можно отнести территориальные движения населения, значительные по объемам (как правило, в них вовлечены сотни тысяч и даже миллионы человек), происходящие между несколькими странами и континентами, оказывающие существенное влияние на социально-экономическое, демографическое, культурное развитие территорий и обществ.

Факторы глобальной миграции

Традиционно считалось, что в подавляющем большинстве случаев на принятие человеком решения о миграции влияют экономические

Раздел 1. Характеристики глобального мира

факторы. Эти факторы могли быть как «выталкивающими» в стране происхождения мигрантов (безработица, низкая зарплата, невозможность реализации на рынке труда), так и «притягивающими» в принимающем государстве (лучшие условия труда и более высокая зарплата, более квалифицированная занятость). Конечно, экономические факторы и сейчас определяют глобальные миграционные процессы. По-прежнему большинство мигрантов в мире являются трудовыми, перемещаются в поисках работы или более выгодных условий труда.

Однако в эпоху глобализации усилилась роль и других факторов. Например, социальный фактор миграции, который представляет собой стремление людей получать образование или повышать квалификацию за границей, заключение браков с иностранными гражданами. Еще одним фактором глобальной миграции стало развитие транспорта — прежде всего это доступность авиационных перелетов, что дало возможность людям перемещаться достаточно быстро на значительные расстояния. Значимым для формирования миграционных потоков в эпоху глобализации стал информационный фактор. Распространение информации через телевидение и Интернет об экономических возможностях в других странах привело к тому, что потенциальные мигранты не просто осознали себя бедными, а поняли, что можно изменить свое положение через миграцию в более развитые государства.

Важнейшим фактором, обуславливающим современные глобальные миграции, стали диспропорции в демографическом развитии. Мировое население на протяжении 2000–2010 гг. продолжало интенсивно увеличиваться. Согласно данным ООН, к началу 2012 г. оно составило 7 млрд человек, в том числе более 82% людей проживали в развивающихся странах. Сейчас наиболее населенными регионами мира являются Азия (более 4 млрд человек) и Африка (более 1 млрд человек).

⇒ В числе 15 стран-лидеров по численности населения насчитывалось 12 развивающихся стран, среди них наиболее крупные — Китай и Индия, в которых живут соответственно 1,4 и 1,2 млрд человек. Также огромное население сосредоточено в Индонезии (238 млн человек), Бразилии (199 млн), Пакистане (190 млн), Нигерии (170 млн), Бангладеш (161 млн), Мексике (115 млн), Филиппинах (104 млн), Вьетнаме (92 млн), Эфиопии (91 млн), Египте (84 млн).

В условиях ограниченности природных ресурсов и отсутствия свободных земель во многих развивающихся странах растет плотность населения, все острее ощущается нехватка жилья, воды и продовольствия, распространяются заболевания. Прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе демографические диспропорции

в мире будут нарастать. В частности, будет происходить увеличение доли населения в развивающихся странах, а в развитых государствах — сокращаться. В 2050 г. в мире будет проживать уже 9,5 млрд человек, в том числе в развивающихся странах — более 86% населения мира. В наиболее бедных развивающихся странах в ближайшие двадцать лет население может удвоиться за счет высокой рождаемости.

Самая крупная из экономически развитых стран по численности населения — США (314 млн человек), здесь рост населения менее интенсивный (0,899%), происходит, как за счет естественного движения, так и за счет миграции. Благодаря восходящей динамике численности населения США сохраняют третье место в мире по численности населения вплоть до 2050 года. Во многих экономически развитых странах численность населения начала сокращаться или начнет сокращаться в обозримой перспективе. Например, в Японии население сократится на 16 млн человек в ближайшие двадцать лет. Аналогичные тенденции отмечаются в странах Западной Европы. Население Германии уменьшится на 4 млн человек. Также сократится население в Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Греции, Италии, Нидерландах, Португалии, Испании, Швейцарии. Конечно, в некоторых из экономически развитых стран будет отмечаться небольшой рост населения (например, в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Дании, Исландии, Ирландии, Израиле, Люксембурге, Мальте, Норвегии, Сингапуре, ЮАР и Швеции). Однако в целом в экономически развитых странах численность населения будет уменьшаться, что вызвано сокращением рождаемости.

Это важно

Снижение рождаемости обусловлено изменением установок на детей и снижением ценности в детях, изменением образа жизни людей и большей вовлеченностью женщин в общественную жизнь.

Все эти факторы действуют в комплексе и имеют определенную специфику по странам. На них накладываются отпечаток традиции, религиозные установки, нормы морали. Рождаемость может сильно отличаться в религиозных, расовых и этнических группах в пределах одного государства и региона. Однако в большинстве экономически развитых стран рождаемость стала достаточно низкой. Если в среднем в мире на одну женщину репродуктивного возраста приходится 2,7 ребенка, то в странах Европейского Союза этот показатель значительно ниже — всего 1,5 ребенка. Все экономически развитые государства находятся ниже среднемирового уровня рождаемости. Наиболее высокой среди

Раздел 1. Характеристики глобального мира

экономически развитых стран рождаемость остается в США — 2,1 ребенка на одну женщину. Исследования показывают, что в США рождаемость выше за счет латиноамериканцев, афроамериканцев и выходцев из стран Азии. Во Франции рождаемость составляет 2 ребенка на одну женщину, здесь значительный вклад в показатель дают выходцы из арабских стран, а также меры социальной поддержки семьи, которые активно предпринимает на протяжении нескольких лет правительство.

Сокращение рождаемости на фоне увеличения продолжительности жизни привело к изменению возрастной структуры населения. В экономически развитых странах на пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше приходилось 21% населения. В мире этот показатель составлял всего 11%, а в развивающихся странах — немногим более 8%. К самым «старым» странам мира можно отнести Японию, Италию, Германию, Швецию, Грецию, Австрию. Увеличение доли людей старших возрастов создает дополнительную нагрузку на пенсионные и социальные системы стран, что может привести к серьезным социально-экономическим кризисам. Процесс старения населения характерен для многих экономически развитых стран, к тому же он сопровождается снижением доли молодежи. Это отражается на системе образования, которая недополучает привычное число школьников и студентов. Для сохранения сети образовательных учреждений возможно привлечение на обучение иностранных школьников и студентов из других регионов и стран. Именно этим путем пошли сейчас многие экономически развитые страны, которые развернули программы привлечения иностранных учебных мигрантов.

Население России в настоящее время стремительно сокращается. По данным 2011 г., Россия занимает девятое место в мире по численности населения (142 млн человек). Но к 2050 г. Россия будет занимать семнадцатое место с населением 112 млн человек. Хотя расчеты показывают, что на территории России при равномерном расселении в благоприятных районах комфортно могло бы разместиться не менее 500 млн человек. Для России сокращение населения чревато прежде всего геополитическими рисками. Слабозаселенные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет очень сложно, в условиях, когда рядом находятся очень плотно населенные страны (прежде всего Китай), которые будут нуждаться в ресурсах и новых территориях. Кроме того, имеются экономические аспекты этой проблемы — страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения.

Сложившаяся динамика демографических процессов в перспективе изменит список стран-лидеров по численности населения. В середине XXI в. в число наиболее населенных стран имеют все шансы войти Турция, Египет, Иран, Таиланд и Конго. Сами по себе подобные изменения, возможно, и не представляли бы какой-то значимой угрозы для мировой цивилизации, если бы не увеличивающаяся экономическая пропасть между экономически развитыми и развивающимися странами. Значительный рост населения в наиболее отсталых странах усугубит проблемы голода, эпидемий, бедности, безработицы, межнациональных конфликтов в этом регионе. Это может обострить конфликт между «бедным Югом» и «богатым Севером», вызвать неконтролируемые потоки миграции.

Увеличивающаяся экономическая пропасть и демографические диспропорции между странами «бедного Юга» и «богатого Севера» в сочетании с другими перечисленными факторами привели к формированию крупных миграционных потоков, ориентированных в направлении более развитых стран. С достаточной степенью условности страны и регионы по результативности миграции разделились на отдающие, принимающие и транзитные. Например, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, страны Западной Европы можно назвать принимающими государствами, они привлекают достаточно большое число трудовых мигрантов, иностранных студентов, беженцев. Страны Азии, Африки, Латинской Америки, как правило, являются отдающими мигрантов странами. Хотя и внутри отдающих регионов есть страны, которые привлекают мигрантов. Например, ЮАР — в Африке, Сингапур, Гонконг, Таиланд и Малайзия — в Восточной и Юго-Восточной Азии, страны-нефтеэкспортеры — на Ближнем Востоке.

Новые характеристики глобальной миграции

В условиях глобализации миграции приобрели существенные отличия от миграций в предыдущие периоды развития человеческого общества.

Во-первых, *существенно возросли масштабы миграции как между странами и континентами, так и внутри отдельных государств*. По прогнозам Международной организации по миграции (МОМ), в 2050 г. в мире будет насчитываться 230 млн мигрантов. Данная тенденция касается и отдельных стран. Например, в США во внутренних миграциях ежегодно участвует около 15% населения страны. Существенно увеличилась миграционная подвижность населения внутри Европейского Союза после открытия границ и рынков труда. Стало гораздо бо-

лее подвижным население даже в таких ранее «оседлых» странах, как государства Центральной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. В России эта цифра составляет около 1–2%, если учитывать миграцию, связанную со сменой места жительства, или 5–6% с учетом различных форм временной миграции. Масштабы глобальной миграции велики и имеют стабильную тенденцию к росту. География миграций расширяется, вовлекая в себя все новые и новые страны и регионы.

Во-вторых, *в глобальные миграции оказались вовлеченными новые социально-демографические группы населения, которые ранее были малоподвижными*. Традиционно в миграционных потоках была мала доля людей с низким уровнем образования и квалификации, женщин, детей и подростков. В настоящее время эти слои населения также «пришли в движение». В эпоху глобализации появилось явление «феминизации миграции» — рост доли женщин в потоках, востребованных в некоторых сегментах рынка труда (уход за престарелыми и больными, детьми, сектор развлечений, проституция). Молодежь также стала активно вовлекаться в трудовую и учебную миграцию.

В-третьих, *появились новые формы миграции, существенно возросли масштабы незначительных ранее миграционных потоков*. Например, усилилась деловая миграция (бизнес-миграция). Появилась налоговая миграция, когда некоторые люди используют переезд в другие страны с целью уменьшения налогов. Расширилась инвестиционная миграция (миграция инвесторов) — переезд людей, желающих вложить деньги в создание предприятий за рубежом. Выгоды от этой миграции используют некоторые страны — США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Они привлекают мигрантов-инвесторов, предоставляя им при определенных условиях в упрощенном порядке вид на жительство и гражданство. Развивается брачная миграция. Некоторые страны стимулируют такую миграцию, открывают специальные визы (например, в США и Франции существуют визы «невесты»). Крупным миграционным потоком стало религиозное паломничество. Например, считается, что каждый мусульманин в своей жизни должен совершить паломничество в Мекку и Медину (Саудовская Аравия) — хадж. Колоссально увеличились масштабы туризма — перемещение людей из места постоянного проживания в другую страну или местность для отдыха, с оздоровительной, гостевой, познавательной или профессионально-деловой целью без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте. Наиболее посещаемые страны — Испания, Франция, Италия, Германия, Великобритания и Китай. По прогнозу, к 2020 г. количество туристов может приблизиться к 1,6 млрд человек.

В-четвертых, *миграционные потоки начали использоваться транснациональной преступностью, а мигранты стали средством и жертвами криминальных групп.*

Появилось явление **трэфика** — перемещений, организованных преступными группами или отдельными преступниками с целью использования мигранта как товара для последующей перепродажи или эксплуатации.

Эксперты вполне обоснованно считают такое явление современной формой рабства. В настоящее время трэфик — одна из прибыльных сфер криминальной экономики, поставленная преступными группами на четкую организационную основу.

Главный географический вектор этого вида «бизнеса» — трэфик нелегальных мигрантов из развивающихся стран и стран с переходной экономикой (в том числе СНГ и Балтии) в экономически развитые государства (США, Западную Европу, Японию, Корею, на Ближний Восток). В настоящее время сложился целый сектор криминальной экономики, связанный с трэфиком мигрантов. Многие из них платят за услуги по перевозке посредникам, причем немалые деньги.

В-пятых, *проявление негативных последствий «замещающей» миграции и изменение национальных миграционных политик.* Как показал опыт последних десятилетий, последствия глобальной миграции могут быть неоднозначными. С одной стороны, миграция может представлять собой живительную основу, а с другой — разрушительную силу. Конечно, разумно регулируемая миграция приносит позитивные эффекты для экономики, демографической ситуации, социального развития и культурной жизни отдающих и принимающих стран. Регулируемые миграционные потоки могут компенсировать недостаток трудовых ресурсов и стимулировать освоение незаселенных территорий, позитивным образом изменять половозрастную структуру населения и вносить разнообразие в культурную жизнь, тем самым способствуя социально-экономическому развитию государств. Нерегулируемая миграция, напротив, может стимулировать рост теневой экономики и преступности, сокращать заработную плату местных работников, усиливать межнациональную напряженность.

Многие экономически развитые страны долгое время пытались механически восполнять численность населения мигрантами, прежде всего трудовыми. Возник даже термин «замещающая миграция», который обозначал миграционные потоки, компенсировавшие сокращение численности населения или отдельных возрастных континген-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

тов населения. Однако масштабная замещающая миграция принесла с собой массу культурных, социальных и даже политических проблем. В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме того, все большее внимание эти страны уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. Большинство экономически развитых стран, вступивших в полосу демографического кризиса, осуществляет демографическую политику, преследующую цель повышения рождаемости.

В-шестых, *глобальные миграции привели к формированию крупных диаспор и «диаспоризации» экономики многих стран.* XXI век можно назвать «веком диаспор», которые значительно разрослись и начинают играть все более значимую культурную, социально-экономическую роль и являются весомым ресурсом. Представители диаспор пересылают и инвестируют в экономику своей родины значительные средства, формируют имидж страны происхождения, а порой лоббируют интересы своей родины. Учитывая растущую роль диаспор в некоторых государствах, в последнее время существенно активизировалась политика поддержки эмиграции и диаспоры, даже были назначены специальные министры по делам диаспоры (например, в Марокко, Армении и пр.). В современной научной литературе понятие «диаспора» уже не соответствует его классическому эквиваленту.

В условиях глобальной миграции **диаспору** нужно рассматривать не только как часть народа, проживающего за пределами своей страны, имеющего с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящегося к поддержанию разнообразных контактов с исторической родиной (т.е. с традиционных позиций), но и как транснациональную сеть, находящуюся в стадии становления, но содержащую социально-экономический, культурный и общественно-политический потенциал.

Таким образом, в условиях глобализации существенно увеличились масштабы глобальных миграций и появились новые формы миграционных процессов. И хотя экономические факторы предопределяют миграционные потоки, в условиях глобализации возрастает значение социальных факторов миграции. Глобальные миграции стали важным фактором социально-экономического и демографического развития государств современного мира.

Последствия глобальной миграции для стран и регионов, посылающих и принимающих мигрантов

Экономические последствия, равно как и предпосылки, миграции являются наиболее значимыми, «лежащими на поверхности», поскольку они наиболее ощутимы для общества в краткосрочной перспективе. Хотя многие из них можно измерить в денежном выражении, банковская статистика не отражает всех денежных переводов рабочих, не все работодатели платят социальные отчисления за рабочих-мигрантов, не все мигранты заявляют о своих реальных доходах и полностью платят налоги. Экономические эффекты приносит прежде всего трудовая миграция, представляющая собой одну из важнейших составляющих глобальных миграционных потоков.

Трудовая миграция при разумных масштабах и успешном регулировании имеет двусторонние эффекты. С одной стороны, она способствует экономическому процветанию принимающих стран, где мигранты создают валовой внутренний продукт. С другой — значительных размеров достигают денежные переводы трудовых мигрантов на родину, которые помогают выживать семьям, сокращают бедность, стимулируют развитие потребительского рынка и малого бизнеса, способствуют росту экономики.

Однако не следует идеализировать эффекты международной трудовой миграции. В отдающих странах из-за чрезмерного выезда за границу трудоспособного населения возникают необратимые потери демографического потенциала. И наоборот, в принимающих странах чрезмерный приток нелегальных трудовых мигрантов приводит к демпингу заработной платы, росту межнациональной напряженности, тормозит модернизацию производства.

В *посылающих странах* прямой экономический эффект имеют денежные переводы. Хотя они тратятся домохозяйствами мигрантов на текущее потребление, это стимулирует рост некоторых отраслей национальной экономики. В большинстве своем это отрасли, производящие товары повседневного спроса (пищевая отрасль, сектор услуг) или ориентированные на строительство жилья. Из опыта разных стран известно, что «эффект цунами» денежных переводов краткосрочен и его нужно рационально использовать. Максимальный эффект от денежных переводов страна может получить в долгосрочной перспективе, если сможет направить «цунами денежных переводов» в реальный сектор национальной экономики. В Индии мигрантам предоставляются таможенные льготы при импорте оборудования и сырья для вновь

создаваемого бизнеса. В Пакистане, кроме того, даются еще и льготы при инвестировании этих денег в предприятия экспортно ориентированных зон. В Мексике существует система привлечения средств «ассоциаций мигрантов» для реконструкции инфраструктуры их родных городов и сел. Во многих странах эти средства к взаимной выгоде направляются на строительство жилья (Марокко, Индонезия, Филиппины). Имеется и негативный опыт — в Бангладеш введение 15%-ного налога с денежных переводов из-за рубежа сразу же увело их значительную часть в тень.

Другим экономическим эффектом для стран экспорта рабочей силы может считаться увеличение возможностей внедрения трудосберегающих технологий без каких-либо негативных социальных последствий. Процесс этот сложный, поскольку требует затрат со стороны владельцев предприятий и встречает сопротивление и порой противодействие со стороны профсоюзов и других социальных структур.

Это важно

Трудовая миграция за рубеж дает шанс странам перейти на новые модели с точки зрения затрат на труд как один из основных видов экономических ресурсов. Государство может создать привлекательные условия для инвестиций в этот вид технологий и производств путем налоговых преференций предпринимателям и инвесторам, готовым вкладывать в новое оборудование, покупать станки с программным управлением, передовую технику и т.п.

Прямым экономическим эффектом могут считаться поступления за счет деятельности фирм по организации трудоустройства за рубежом. Государство может напрямую получать определенную плату (процент) по результатам их деятельности, подвергая этот вид деятельности лицензированию. В иных случаях государства получают плату за трудоустройство непосредственно с мигранта.

Среди экономических издержек трудовой миграции для посылающих стран можно назвать зависимость страны от экспорта рабочей силы. Наглядным образом это проявляется через взаимосвязь рынка недвижимости и миграции в странах с высоким уровнем трудовой эмиграции (страны Африки, Азии, Молдова, Армения и пр.). В ситуации притока значительных средств из-за рубежа спрос на квартиры и жилье в целом возрос, так как у населения появились деньги. Это должно стимулировать развитие строительства. Но пока в большей степени это приводит к росту цен на недвижимость, причем значительными темпами. Это в свою очередь приводит к тому, что люди, у которых нет денежного притока из-за рубежа, оказываются в крайне

неблагоприятной ситуации, так как для них покупка жилья становится недоступной. Им приходится идти по следам трудовых мигрантов для обеспечения себя и своей семьи. Таким образом, возникает замкнутый круг: миграция стимулирует миграцию. При этом страна оказывается «в ловушке»: не развиваются другие отрасли производства, а экспортировать остается только рабочую силу. Возникает проблема излишнего укрепления национальной валюты, но не за счет внутренних факторов, а за счет крупного притока валюты из-за рубежа. Это приводит к росту зависимости от внешних экономических факторов, делает национальную экономику подверженной колебаниям в валютной и финансовой сферах. Прежде всего в стране растут цены. Никто не желает вкладывать деньги в производство, инвестируют только в потребление, опасаясь потери сбережений.

В *принимающих обществах* имеются экономические эффекты миграции, которыми в разное время уже воспользовались многие страны, а некоторые пользуются сейчас. К сожалению, не все страны мира еще осознали те возможности, которые предоставляет приток трудовых мигрантов из-за рубежа. За счет миграции можно решать проблему снятия региональных диспропорций в социально-экономическом развитии и так называемых региональных сдвигов. Методы миграционной политики позволяют привлекать не только временных мигрантов, но и мигрантов-инвесторов, готовых вкладывать в экономику страны деньги. Разумное размещение инвестиций и капиталов в пределах страны позволяет решать не только проблему привлечения инвестиций в принципе, но и массу социально-экономических проблем, связанных с занятостью населения и повышением уровня жизни в некоторых регионах, а также с модернизацией отдельных отраслей и предприятий за счет иностранных инвесторов.

В принимающих странах возникают и экономические издержки. Прежде всего у предпринимателей и предприятий в условиях притока большого количества дешевой рабочей силы теряются стимулы к развитию и внедрению ресурсосберегающих технологий. Особенно сильно эта зависимость проявляется в условиях притока нелегальной рабочей силы.

⇒ Современная ситуация в российской строительной отрасли весьма наглядное тому подтверждение. Для того чтобы вырыть котлован и построить дом, строительной компании гораздо выгоднее не покупать новую технику и оборудование, а нанять десятки нелегальных трудовых мигрантов, которые будут копать и строить гораздо дешевле. Им можно заплатить значительно меньше, уволить в любое время и нанять новых работников.

В этой ситуации государственные инструменты должны быть направлены на пресечение нелегальной занятости путем усиления контроля над работодателями и ужесточения наказаний. Кроме того, необходимы экономические инструменты стимулирования вложений в инновационные технологии (например, освобождение от налогов и т.п.). Страна, принимающая мигрантов, может нести экономические издержки по социальному обеспечению мигрантов. Хотя на практике эти издержки сейчас минимальны. В большинстве своем в России трудовая миграция нелегальна, а поэтому трудовые мигранты практически не пользуются социальными благами за счет государства. Экономические выгоды вступают в противоречие с базисным принципом трудовой миграции — она должна быть легальна. Поэтому такой временной экономической выгодой необходимо пожертвовать, чтобы не получить различных издержек от незаконной трудовой миграции в будущем.

Это важно

Главный политический эффект, который несет миграция как для посылающих, так и для принимающих стран, — это возможность реально углубить интеграцию между государствами за счет интеграции их рынков труда (наиболее наглядно этот эффект проявился на примере стран Евросоюза).

Посылающие мигрантов страны получают в качестве политического эффекта стабильность в странах происхождения мигрантов за счет повышения уровня доходов мигрантских домохозяйств. Отсутствие конфликтов и социально-экономических проблем, особенно в пограничных странах, для принимающего государства является ощутимым, но пока недостаточно оцененным ресурсом. Принимающая страна приобретает в лице мигрантов «агентов влияния» на власти стран их происхождения. При должной организации интеграции мигрантов в общество этим ресурсом также можно пользоваться. Существует, правда, и другая опасность — формирование «этнических лобби», которые будут чрезмерно влиять на политику страны в отношении своего государства.

Принимающие мигрантов страны при разумной политике с помощью мигрантов могут заселить и освоить пустующие и требующие хозяйственного освоения территории. Подобный опыт в истории использовали США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Аргентина и другие страны. Миграция представляет собой не только источник компенсации дефицита трудовых ресурсов; она может помочь частично решить вопросы пополнения численности населения и равномерности заселения территории государства. Среди издержек

миграции для принимающих стран можно назвать также рост рисков приграничных споров. Такие примеры в истории известны, когда присоединение пограничных территорий осуществлялось после постепенного изменения этнического состава населения путем миграции. В качестве примера можно привести Техас, Калифорнию и другие штаты, которые были отторгнуты США у Мексики в XIX в. после изменения там этнического состава населения. Подобные риски для России существуют в приграничных районах с Китаем, что следует учитывать при формировании миграционной политики страны в части расселения мигрантов.

Ряд стран мира столкнулись с проблемой формирования на своей территории замкнутых зон, населенных отдельными этническими группами иммигрантов, в которых затруднена интеграция мигрантов, существуют потенциальные риски для сепаратизма, распространения преступности. В условиях, когда неэффективно работают модели интеграции, мигранты предпочитают селиться компактно. Этническая локализация мигрантов порой выливается в рост антимигрантских настроений и ксенофобии, а иногда выражается в открытых конфликтах и противостоянии между мигрантами и местным населением. Не в интересах государства иметь на своей территории такие «этнические анклавы». С ними нужно бороться не только с помощью депортации нелегальных мигрантов, но и за счет культурной интеграции этнических меньшинств в общество. Арсенал этих методов включает обязательное изучение языка и культуры, рассеянное расселение мигрантов по территории всей страны, обучение детей мигрантов в школах совместно с местными детьми, проведение праздников национальной культуры.

В условиях глобальной миграции кардинально изменяется этнический состав населения и этногенетические коды многих стран и крупных городов. В первую очередь это касается экономически развитых стран. Наиболее яркий пример — США. Сегодня каждый четвертый американец — латиноамериканец или «небелый». Если современные тенденции в области миграции и естественного движения сохранятся, латиноамериканское и «небелое» население увеличится к 2020 г. до 115 млн человек (достигнув почти 35% населения), в то время как белое население почти не увеличится.

- ⇒ К 2056 г. «небелое» население составит около 50% жителей США. В этнической структуре Нью-Йорка доля белого населения сократится с 45 до 29%, афроамериканцев — 27 до 25%, выходцев из азиатских стран — напротив, увеличится с 10 до 20%, а метисов и представителей других рас — с 18 до 26%.

Сходные процессы происходят в Европе. В странах Евросоюза (до объединения) проживало около 19 млн иммигрантов, или примерно 5% населения. Однако если принимать во внимание нелегальных иммигрантов и натурализовавшихся иностранцев, то, по оценкам *Centre for European Policy Studies (CEPS)*, эта цифра будет больше по крайней мере на 40–60%, т.е. примерно 25–29 млн человек. В Лондоне доля белого населения сократится с 72 до 45%, африканцев — с 11 до 9%, в то же время доля выходцев из Южной Азии увеличится с 10 до 26%, китайцев — с 3 до 6%, метисов — с 4 до 14%.

Изменение этнического состава населения крупных городов и стран — результат не только глобальной миграции, но и воспроизводства населения. Даже если предположить, что в один момент прекратится миграция, это уже не остановит процесс трансформации этнической структуры населения, поскольку показатели естественного движения дифференцированы по расовым и этническим группам. Миграция выступает в роли своеобразного катализатора, процесса трансформации этнического состава населения.

В этих условиях не исключается, что на фоне продолжающейся смены этнического состава населения даже конфликты, вызванные нерасовыми причинами, будут усиливаться и осложняться межрасовой напряженностью. Например, диспропорция по возрасту в США в XXI в. примет ярко выраженный расовый характер — большинство пенсионеров будут белыми, в то время как большинство работающих — «небелыми», что чревато конфликтами в пенсионной и трудовой сферах.

Попытки и стратегии регулирования глобальной миграции

В условиях глобализации требуется пересмотреть стратегию миграционной политики¹. Реализуемая в экономически развитых странах миграционная политика дает существенные сбои. Она, с одной стороны, направлена на ограничение миграционных потоков из бедных стран на основе различных критериев (образовательных, социальных, географических, этнических), а с другой — пытается привести этнокультурное многообразие иммигрантов к общему знаменателю (идея «плавильного тигля», или ассимиляции). Однако самые надежные и считавшиеся идеальными «плавильные котлы» дают трещины — они не способны переплавить все этническое многообразие до полностью однородной массы, и в них все чаще происходят межрасовые и межэтнические конфликты. При этом даже воплощение идеи расширения традиционных (европейских) ценностей для развитых стран (на кото-

ром настаивает американец Т. Бендер) за счет включения в них «небелых» и «нехристианских» культур, скорее всего не поможет окончательно разрешить существующие противоречия.

Запретительных мер на границах уже недостаточно для сдерживания миграции; нужно создавать условия для развития бедных стран и регионов — основных поставщиков мигрантов, в том числе вкладывать деньги в образование, планирование семьи, новые медицинские и информационные технологии, развитие медицинской и социальной инфраструктуры. Это поможет повысить в таких государствах стандарты жизни и уровень общественного оптимизма, снизит внешнюю миграцию в развитые государства. Современная ситуация в глобальном масштабе накладывает ответственность за безопасность на экономически развитые страны — это своеобразная плата за ту огромную дистанцию, которая возникла в результате неравномерного развития и их резкого отрыва от беднейших стран на протяжении последних десятилетий. Стратегическим направлением должны стать экономические рычаги ограничения миграции — инвестиции в экономику развивающихся стран, продуцирующих потоки мигрантов. В настоящее время назрела острая необходимость сократить пропасть в экономическом развитии между «богатым Севером» и «бедным Югом».

Генеральная Ассамблея ООН по рекомендации Экономического и социального совета в 2000 г. провозгласила 18 декабря Международным днем мигрантов.

⇒ В послании Генерального секретаря ООН К. Аннана говорилось, что «Международный день мигрантов дает возможность признать огромный вклад, который эти люди внесли на протяжении столетий в экономическое, социальное и культурное развитие всех стран мира и продолжают вносить сегодня. Население каждого государства включает в себя мигрантов. Деятельность, направленная на усиление и защиту прав мигрантов, касается каждого из нас»².

Генеральный секретарь ООН призвал все государства сотрудничать с Комитетом по защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, а также признать право Комитета принимать и рассматривать обращения лиц, права которых были нарушены. Со стороны ООН и Глобальной комиссии по международной миграции была высказана идея о необходимости создания Глобального агентства по решению миграционных проблем. Несколько стран (Швеция, Швейцария, Бразилия, Марокко и Филиппины) возглавили международные усилия в этом направлении, впоследствии к ним присоединилось еще несколько государств. В ито-

Раздел 1. Характеристики глобального мира

ге было создано ядро из 22 стран с целью рассмотрения миграционных проблем на равной основе между развивающимися и развитыми государствами. Однако со стороны некоторых крупных держав эти подходы не находят понимания. Например, США скептически настроены относительно способности ООН эффективно решать на глобальном уровне миграционные проблемы. В то же время США заинтересованы в усилиях по развитию миграционного режима, основанного на соблюдении прав человека. Для реализации этого подхода была создана Международная организация по миграции (МОМ). Но очевидно, что мир в вопросах регулирования миграции стоит на пороге больших перемен.

Ключевые слова

Глобальные миграции, характеристики глобальной миграции, стратегии миграционной политики, демография, «диаспоризация» экономики, посылающие страны, принимающие общества.

Контрольные вопросы

1. Как демографические изменения влияют на состояние политических отношений между странами?
2. В чем отличие современной миграции от процессов перемещения населения в прошлом?
3. Какие угрозы миграция создает для посылающих и принимающих стран?
4. Какое место занимает Россия в мировых миграционных потоках?
5. Каким образом будет меняться демографическая картина мира в ближайшие десятилетия?
6. Почему политика регулирования миграции развитых стран дает сбой?

Примечания

¹ Атлас демографического развития России. Научный совет по Программе Президиума фундаментальных исследований РАН «Экономика и социология знания» / Под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М.: Экономическое образование, 2009; Демографические перспективы России / Под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М.: Экон-информ, 2008; *Рязанцев С. В., Хорие Н.* Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. Экономико-социологическое исследование. М.: Научный мир, 2011; *Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф.* Мировой рынок труда и международная миграция. М.: Экономика, 2010; *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007; *Рязанцев С. В.* России нужна новая миграционная политика // Международные процессы. 2012. Январь—апрель. № 1 (28). С. 11—117.

² *Аннан К.* Международная миграция и развитие: Доклад Генерального секретаря ООН на 16-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2006.

Раздел 2

КЛЮЧЕВЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

8. Международная интеграция в теоретическом дискурсе
9. Этноконфессиональная разнородность и анклавизация современных обществ
10. Формирование глобального рынка труда: международно-политические последствия
11. Современные конфликты и их особенности
12. Ядерное сдерживание в современной мировой политике
13. Фактор науки и технологий в международных взаимодействиях
14. Глобальная инновационная система: тенденции, свойства, эффекты
15. Мировые энергетические тренды

Многие процессы и проблемы стали глобальными, коснувшись интересов и безопасности подавляющего большинства стран. Изменились масштабы и характер миграционных потоков, обострились этноконфессиональные противоречия, иными стали конфликты и реакция на них со стороны международного сообщества и отдельных держав. В центре полемики оказался вопрос о правомерности интернационализации конфликтов и их урегулирования, о праве на защиту национального суверенитета и территориальной целостности. Особое внимание привлекли вопросы глобальной инновационной системы и науки. Новый импульс получило развитие интеграционных практик, потребовался пересмотр подходов к оценке эффективности моделей международного сотрудничества в ключевых регионах мира. Одной из самых тревожных стала проблема распространения ядерного оружия и технологий. Важно обозначить ключевые проблемы XXI века и их особенности, так как прочность мирового порядка и его эффективность будут не в последнюю очередь определяться коллективным успехом в нейтрализации возникающих угроз.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интеграция — один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. С одной стороны, он связан с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с другой — с добровольным самоограничением свободы действий государств посредством преференциального сотрудничества.

Начавшись как смелый эксперимент в Западной Европе в 50-х годах XX в., в 1980–1990-х интеграция вышла далеко за рамки Европы и породила интеграционные блоки в Северной и Латинской Америке, Восточной и Южной Азии и на пространстве СНГ. Глобальный тренд стал для исследователей стимулом к столь же глобальному осмыслению.

Истоки интеграционных концепций

В исследованиях ряда российских специалистов¹ истоки современных интерпретаций интеграции возводятся к общественным наукам XIX в., хотя в те годы о межгосударственном сращивании в его нынешнем понимании речь не шла. Тем не менее протоинтеграционные концепции существовали. У них было два источника.

Во-первых, термин «интеграция» был заимствован у естественных наук. Их интервенция в научное знание о человеке и обществе произошла на волне увлечения гипотезой Ч. Дарвина (1809–1882) о происхождении видов². Работа с одноименным названием была опубликована в 1859 г. и представляла собой канонический с точки зрения методологии проведения естественно-научного исследования труд. Колоссальный массив эмпирических данных, накопленных в ходе многолетних полевых наблюдений, дополнялся фундаментальными теоретическими обобщениями. Однако наибольший резонанс работа Ч. Дарвина возымела в связи со своей отчетливой социальной ориентацией. Рассуждая о происхождении видов вообще, Дарвин не проводил принципиального различия между животными, растениями и человеком. Более того, возможно, одним из первых он применил в качестве способа познания

социальной реальности принцип изоморфизма — признания наличия элементов логического подобия между естественными и общественными явлениями, допустив, что развитие человека протекает по тем же алгоритмам, что и развитие всех других живых существ.

⇒ Дарвинизм, обнаружив способность объяснять явления, которые до него трактовались в духе религиозной картины мира, на десятилетия превратился в матрицу мышления просвещенных слоев западноевропейского общества.

Подобно фрейдизму, который из сферы психоаналитики вскоре поспешили спроецировать на все области общественных отношений, дарвинизм разошелся на аксиомы и метафоры, достоверность которых предпочитали не ставить под сомнение и в социальных науках, о которых Ч. Дарвин, создавая свое сочинение, задумывался мало.

Отталкиваясь от дарвинистской аксиоматики, интеграцию государств, близких или сближающихся по своим внутрисистемным характеристикам, стали мыслить по аналогии с интеграцией близких или сближающихся по биогенетическим признакам видов из мира живой природы. В ходе этого процесса и проявляли себя со всей жесткостью дарвиновской логики отмеченные явления. На стадии **селекции** происходил отбор наиболее жизнеспособных к слиянию единиц, на стадии **адаптации** наблюдалось сглаживание вариативности черт. **Интеграция** предусматривала целесообразную внешнюю и внутреннюю гомогенизацию субъектов процесса вплоть до превращения их в новый вид³.

Научная фундированность интеграционной идеи в таком ее понимании вызывала сомнения. Она возводила свою генеалогию к исследованию объектов из мира живой природы, а не социальной реальности, которой являются общество и государство. В ней слышались отголоски популярного тогда «образа роста», родившегося из тезиса Ч. Дарвина о том, что человек принципиально не отличается от других форм существования живой материи. Данное положение было по умолчанию экстраполировано на поведение обществ и государств. Как отмечали исследователи дарвинизма, язык «Происхождения видов» побуждал прикладывать изложенные в этом труде концепции к человеческому обществу, т.е. изначально нес идеологическую нагрузку⁴.

Во-вторых, источником интеграции как идейного конструкта стали модернистские представления о государственном строительстве, совпавшие с процессом выделения «национальных государств» в Западной Европе⁵. Возникла социополитическая трактовка интеграции: интеграция как проект создания «национального государства», нацеленный на решение задач модернизации⁶.

Предполагалось, **модернизация** мыслилась как процесс, при котором в результате появления центрального правительства, оформления внутреннего рынка, единого правового пространства и проведения общей экономической политики исчезнут локальные культурные барьеры, уступив место общему культурному и языковому (бездиалектальному) пространству.

Органичным элементом этого процесса выступает переориентация идентичности сообщества с местного уровня на общенациональный, обеспечивая его легитимность. Подобное толкование интеграции по-прежнему актуально: политика адаптации этнических меньшинств в многокультурных обществах в западноевропейских государствах сегодня тоже именуется интеграцией.

В таком ключе развивали концепцию интеграции М. Вебер и Э. Дюркгейм. Они первыми обратились к разработке и уточнению таких принципиальных для понятия интеграции аспектов, как социальная, экономическая и политическая интеграция. Они же впервые поставили как научную задачу и конкретно рассмотрели нормативное, рациональное и коммуникативное измерения интеграции. Однако оба мыслителя применяли свои построения к интеграции первой ступени, или, как стали не совсем точно говорить позже, «национальной интеграции».

Наследие естественно-научного и социального теоретизирования XIX в. и для сегодняшнего понимания интеграции громадно. Особенно ценно оно в методологической части. Разрабатываемые в рамках эволюционных воззрений понятия изменчивости, адаптивности, усложнения задали нормативную рамку последующего понимания (не всегда корректного) поведения государств на стадии государственной и надгосударственной интеграции. Идея развития, выведившаяся из метафоры роста, стала предтечей современных стадийных теорий интеграции, наиболее известной из которых по-прежнему остается выдвинутая более полувека назад теория экономической интеграции Беллы Балаши⁷. Но не только она. Деление регионализмов на поколения⁸ — еще одно подтверждение «биологических» корней понимания интеграционных теорий, которые, как и все неточные общественные науки, стремятся походить на науки точные, но в действительности часто ограничиваются лишь заимствованием их понятийного аппарата.

Первым теоретиком собственно межгосударственной интеграции классического (линейно-стадийного) направления был Дж. Винер⁹. Позднее его разработки обогащались новыми построениями¹⁰. У теоретиков данной школы была ограниченная эмпирическая база: Евро-

пейские сообщества еще не прошли все этапы развития, а до политического союза им было далеко. Поэтому в качестве основных методов анализа эта группа авторов применяла логико-интуитивный метод и метод аналогии: в качестве исторической точки опоры для создания модели политического союза (последней фазы интеграции) ими были избраны примеры США и Германии.

⇒ Несмотря на методологические ограничения, применение стадальной схемы и сегодня может подвести к интересным обобщениям и неожиданным параллелям. Так, вопреки распространенному мнению, евро — не единственный пример коллективной валюты или хотя бы тесной финансовой интеграции. У нее есть как минимум два примерных аналога: зона франка ФКА (Французские колонии в Африке; *Colonies françaises d'Afrique*), включающая в себя несколько государств Западной и Центральной Африки; и система «своповых» соглашений среди АПТ («АСЕАН плюс три») в Тихоокеанской Азии.

Общеинтеллектуальное значение классических парадигм анализа интеграции не всегда означает их универсальную объяснительную способность. Ввиду того что современные теории интеграции наполовину родом из естественных наук, они страдают недооценкой социальных факторов интеграции — прежде всего роли общественно-экономических укладов и политико-правовых традиций разных стран и регионов. Ведь с точки зрения естественно-научной логики перед законами эволюции равны все.

Появление учения Дарвина¹¹, Ламарка¹² и их последователей и оппонентов¹³ о происхождении видов совпало с торжеством идей Просвещения, наступлением эпохи модерна и присущей ему веры в прогресс и развитие, а также с появлением первых свидетельств о преимуществах социальной инженерии, продуктом которой стали государства. То, что открытие законов селекции и распространение модернистских взглядов на общественную организацию сошлись во времени и в пространстве (в Европе XVIII–XX вв.), можно считать исторической случайностью, хотя такой вывод и выглядит упрощением: усвоение обществом этих открытий было немислимо без соответствующего социального фона и уровня общественной мысли. Тем не менее то обстоятельство, что подобных совпадений не произошло вне Европы, определенно свидетельствует против универсальности принципа изоморфизма в мировой социальной реальности.

Линейность, развитие, стадальность — превращенные ментальные конструкты естественно-научного происхождения, которые вряд ли могут считаться исчерпывающими или даже достаточными инстру-

ментами при анализе современных интеграционных экспериментов в разных частях мировой системы во втором десятилетии XXI века. В самом деле, уподобление межгосударственного объединения биологическому организму неизбежно вызовет ассоциации в духе возрастной диагностики — отставание, запоздалое развитие, уместные лишь в том случае, если исследуемые феномены начинают развитие в идентичных стартовых условиях.

Состояние общественной мысли, вера в прогресс или ее отсутствие — одно из таких условий. Линейный прогресс на Западе и золотой век на Востоке, «стрела времени» в Европе и цикличность восприятия времени на Востоке — расхождения, несовместимые с тезисом об универсальности «образа роста» применительно к динамике социальных процессов.

Социальная теория XIX — начала XX в., представленная М. Вебером, Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом, оказала на теории интеграции не столь заметный, но не менее значимый эффект. Она пояснила, каким образом достижима интеграция, раскрыла механизм интегрирования.

Соответственно, отцы-основатели европейской, североамериканской и восточноазиатской версий интеграции исходили из необходимости разделения труда и сближения уровня развития обществ, включая культурный и языковой компоненты. Руководствуясь их же идеями, сторонники интеграции, особенно в Западной Европе и Восточной Азии, уделяют значительное внимание символической (нормативной) интеграции, созданию общей идентичности.

Более того, по существу именно к работам классиков социологии XIX в. восходит современная типология интеграции. В соответствии с ней

под **экономической интеграцией** понимается сращивание рынков, под **социальной** — сближение и унификация обществ, а под **политической** — создание надгосударства, воспроизводящего на своем уровне модель «государства вообще» или создание политического сообщества со сложно организованной формой соуправления (*governance*)¹⁴.

К условно классическому можно причислить направление интеграционных исследований, выросших из этнологии. В некотором смысле это попытка, с одной стороны, теоретически оправдать дарвинизм с его идеей биологической эволюции, а с другой — углубить концепции Э. Дюркгейма с введенным им понятием групповой солидарности. Их синтезом и одновременно проекцией на интеграционную теорию стал примордиализм, старейшее в науке течение, занимающееся проблематикой этничности.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

В основание примордиализма положена точка зрения на этносы как на сообщества, пронизанные общими кровнородственными (биогенетическими) узлами. Примордиализм — сравнительно традиционный подход. Он возник в конце XIX — начале XX в. и оформился в работах К. Кауцкого и О. Бауэра, приверженцев так называемого австромарксизма. Позднее он получил развитие в США в трудах исследователя голландского происхождения П. ван ден Берга¹⁵. Среди ученых-антропологов, открыто признававших себя примордиалистами, были также Р. Шоу, Ю. Вонг, К. Гирц, Э. Шилз, Х. Айзеке.

В СССР разработкой идей, намеченных в примордиалистской школе, занимался академик Ю. В. Бромлей, директор Института этнографии АН СССР. Им, в частности, было выделено три исторических типа этноса — племя, народность, нация. Критерии такого деления были определены исчерпывающе. Особенно интересно сопоставление последних двух элементов триады. На стадии трансформации народности в нацию наблюдается стремление к внутренней ограниченности, к территориальной, экономической и политической замкнутости, которая выражается в формировании внутреннего рынка с наличием самодостаточного народно-хозяйственного комплекса, разветвленной транспортной инфраструктуры, а также единого политического руководства. На этом этапе среди представителей этноса рождается чувство национального самосознания (идеология), в рамках которого идентификация осуществляется преимущественно по политическому основанию¹⁶.

Сторонником примордиализма М. А. Хрусталевым была сконструирована матрица межэтнических и внутриэтнических процессов, параметром классификации которых служила их направленность — дивергентная (разъединение) и конвергентная (сближение):

Процессы	Направленность	
	Конвергенция	Дивергенция
Внутриэтнические	Консолидация	Сепарация Партиция
Межэтнические	Интеграция Ассимиляция Миксация	Диверсификация

На пересечении межэтнической и конвергентной переменных оказались миксация (между народностями), ассимиляция (между нацией и народностью) и интеграция (между нациями). Как определяет последнюю сам М. А. Хрусталев,

интеграция — это встречное движение двух самостоятельных, зрелых этносов, сближающихся по своим характеристикам, но не достигающих полного слияния¹⁷. Близкая по звучанию концепция развивается директором Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая академиком В. А. Тишковым¹⁸.

Как очевидно, примордиалистский подход к интеграции с некоторыми вариациями развивает дарвинизм и солидаризм XIX в. и в этом смысле является их относительно успешной и аналитически полезной доработкой, с той, правда, оговоркой, что он воспроизводит в неявной форме идеи развития и метафору роста, присущую теории Ч. Дарвина. В этом смысле он «предназначает» интеграцию лишь зрелым государствам, преодолевшим в развитии локальную этничность.

Однако этот подход не затрагивает проблему нарушения пропорций этнического состава (или распада) уже сложившихся «государств-наций» и в этом смысле явно недостаточен для исследования современных реалий, например в ЕС.

Методологическое значение классических интеграционных парадигм при всей их значимости становится ограниченным в свете бурного роста многообразия регионального интеграционного опыта в последние 20–25 лет. Более или менее успешно «работая» на материале интеграционных процессов в Евросоюзе, классические концепции могут служить в лучшем случае лишь «отправными точками» при анализе современных вариантов интеграции, например, в Латинской Америке и еще меньше — в Тихоокеанской Азии. Причиной ограниченности этих концепций являются, как отмечается в литературе, их почти полная сосредоточенность на анализе европейского регионального материала и инерция мышления естественно-научными аналогиями.

Опыт осмысления реальных интеграционных процессов

Впервые в мире реальным явлением международной политики интеграция стала в Западной Европе после Второй мировой войны. Научные представления об интеграционном процессе во многом фокусировались на идее построения однородного интегрирующегося пространства на базе единства культурных символов, институциональной системы и экономического комплекса. Эта логика была заложена в основание исторически, географически и культурно конкретного проекта интеграции для Западной Европы. Но вследствие стечения обстоятельств, главным из которых была несколько десятилетий сохранявшаяся «единственность», уникальность западноевропейского ин-

теграционного очага, опыт интеграции в Западной Европе «явочным порядком» почти до конца XX в. предопределял в литературе понимание международной интеграции в целом.

«Ревизионизм» в теории интеграции достаточно громко заявил о себе только в 2000-х годах. Авторы этого десятилетия уже отчетливо формулировали положение о том, что аналитические подходы, выработанные на материале изучения только западноевропейского опыта, имеют ограниченную познавательную и объяснительную полезность. Например, известный британский специалист, профессор Йоркского университета Марк Бисон, исследовавший опыт интеграции в Восточной Азии, довольно категорично написал: «Нет никаких оснований утверждать, что европейский опыт определяет единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия или что успех любого регионального объединения должен оцениваться исключительно по его способности воспроизвести структуры и практики ЕС»¹⁹. В специальной литературе стал быстро нарастать плюрализм научных взглядов и даже школ исследования региональных интеграционных процессов.

Это важно

Для нового поколения зарубежных исследователей стало типичным признание множественности интеграционного опыта, региональных траекторий интеграционных процессов, многообразия форм их институционального и внеинституционального регулирования.

В литературе стала чаще мелькать крамольная мысль о том, что западноевропейская интеграционная активность представляет собой важный, но в известном смысле «случайный» историко-политический феномен, порожденный взаимным наложением специфических исторических, культурных и персональных факторов. Достоинство европейской интеграции и ее отличие от других интеграционных инициатив в том, что она впитала в себя глубоко проработанные теоретические построения ученых и общественных деятелей, веками грезивших о европейском единстве²⁰. Задав своего рода канон «оценки на соответствие», она одновременно сама была «жертвой канона»: ее творцы в силу давности идеи европейского единства всегда испытывали на себе существенное влияние умозрительной нормативности этого единства.

В итоге на исторически довольно длительном отрезке мирового развития конкретный опыт Европейских сообществ, а позднее Европейского Союза стал отождествляться с феноменом интеграции вооб-

ще. Успехи интеграционных процессов в любой точке планеты стали «автоматически» оцениваться сквозь призму того, чего и как сумел или не сумел достичь в ходе своей эволюции Европейский Союз.

Еще одна особенность аналитического дискурса по интеграции — это множественность и смысловая подвижность терминов, к главным из которых относятся понятия «интеграция», «регионализм» и «регионализация». В 1970–1980-х годах в зарубежной литературе, посвященной описанию опыта межгосударственного сближения в Юго-Восточной Азии, проявился своего рода «страх словоупотребления». Понятие «интеграция» было к тому времени монополизировано учеными-европеистами, а для характеристики аналогичных процессов в незападных ареалах стали искать другие способы словесного обозначения, в частности «регионализация» и «регионализм». Применяя эти термины, авторы-неевропеисты ограждали себя от критики со стороны европеистов, долгое время твердо стоявших на том, что нигде вне Западной Европы интеграции нет, а потому употребление слова «интеграция» по отношению к другим регионам неуместно. Понятия «регионализм» и «регионализация» в контексте этой «войны за термины» воплощали временный компромисс, достигнутый с преобладанием понимания европеистов.

В 2000-х годах описанный синдром страха перед употреблением слова «интеграция» в региональных исследованиях неевропеистов «проник» и в отечественную науку. Вероятно, поэтому об интеграции в Азии российские ученые писали редко и осторожно, предпочитая прятаться за понятием регионализации, интерпретации которой становились все более широкими и двусмысленными. «Регионализация» во многом оказывалась эвфемизмом интеграции для обозначения интеграционных процессов вне ЕС. Вал публикаций на тему регионализации и регионализма пришелся на конец XX — первые годы XXI века²¹.

Под **регионализацией** при этом в литературе стало принято понимать совокупность процессов, способствующих нарастанию экономической однородности того или иного региона в результате углубления разделения труда²² и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами²³.

При этом имелось в виду, что, когда интенсивное развитие региональных связей достигает высокого уровня, а сама регионализация становится достаточно зрелой, возникает потребность начать ею управлять, в том числе на многосторонней основе²⁴. Это порождает пот-

ребность в институционализации интеграционных тенденций, систематизации усилий по их регулированию. «Управляемую интеграцию» (институционализованную) в литературе стали называть **регионализмом** — в отличие от «неуправляемой» (неинституционализованной), которая ассоциировалась с регионализацией. При таком словоупотреблении регионализация выглядела своего рода ранней фазой и «объективной предпосылкой» регионализма.

В некоторых работах оговаривалось, что регионализация отражает преимущественно деятельность частного сектора, а регионализм — соединение «низовой» экономической активности предпринимательского капитала с целенаправленными действиями государства.

Между тем анализ словоупотребления, предпринятый на базе сопоставления обширного круга публикаций 2000-х годов, показывает, что фактически при описании ситуации вне Европы большинство авторов применяют термины «регионализация» и «регионализм» для обозначения той же группы процессов и явлений, которые в европейских исследованиях относят к комплексу проблем интеграции.

До 1990-х годов вслед за учеными и политиками неевропейских стран (например, в Восточной Азии) предпочитали избегать термина «интеграция», бывшего в ходу в послевоенной Западной Европе. Возможно, потому, что термин «интеграция» в интерпретации европейцев довольно жестко постулировал движение к наднациональности, а наднациональность не нравилась жителям Азии, так как ассоциировалась с властью «не своего правительства» и, соответственно, с колониальным прошлым.

Страны Азии или Латинской Америки были склонны желать совмещения идеи регионального сотрудничества с идеей сильного собственного государства, а экономическую либерализацию — с экономическим национализмом. В начале XXI в., правда, синдром боязни термина «интеграция» повсюду вне Европы был преодолен, и этот термин стал регулярно встречаться не только в научных исследованиях, но и в выступлениях и официальных документах применительно к процессам в самых разных частях мира — в Восточной Азии, Латинской и Северной Америке и даже в Африке.

Важно отметить, что в научной литературе 2000-х годов не видно попыток отождествить, т.е. указать на их одинаковость, интеграционные процессы в ЕС и другие интеграционные объединения. Напротив, практически все исследователи региональных версий интеграции обстоятельно и глубоко анализируют их различия с интеграцией в Евросоюзе.

Это важно

Новизна библиографической ситуации состоит в том, что (пользуясь естественно-научной логикой) региональные разновидности интеграции перестали рассматриваться как разнородные явления. Следовательно, стал наконец нормально формироваться общенаучный контекст региональных исследований, в котором североамериканская, восточноазиатская и латиноамериканская модели интеграционного развития смогут быть поняты как действительно общемировой и общенаучный феномен, пусть и имеющий ярко выраженные особенности региональных проявлений²⁵.

Новые интеграционные теории

На рубеже XX и XXI вв. в специальной литературе произошел довольно мощный «выброс» индивидуальных и коллективных работ, в которых ведущие зарубежные специалисты по интеграции, в том числе европейской²⁶, по сути отказались от идеи об универсальной объяснительной ценности теорий, основанных на евросоюзовском опыте²⁷. Довольно многочисленная группа зарубежных ученых²⁸ приступила к осторожному конструированию концепций, нацеленных на осмысление уникального европейского опыта в контексте интеграционного развития других частей мира²⁹. Речь, конечно, не шла о попытках «принизить» значение европейского интеграционного феномена. Но авторы явно стремились включить в фокус «науки об интеграции» явления из других частей планеты.

Выросший в 1990-х годах на основе этих выводов пласт литературы и содержащихся в них гипотез, наблюдений и объяснений получил общее название «теорий нового регионализма» (ТНР). Отталкиваясь от анализа терминов «регионализм», «регионализация» и «интеграция», они указали на сущностную близость этих понятий, подчеркнув принципиальную однородность описываемых ими процессов, и наметили возможности сравнительного анализа опыта межгосударственного сотрудничества в разных частях мира. С таких позиций *интеграция в ЕС стала выглядеть как частный случай регионализма*. Западноевропейский опыт, как указывается в литературе, «утратил характеристики нормативной модели, став ориентиром для частных усилий некоторых межгосударственных группировок в области институционального строительства»³⁰.

В аргументации приверженцев «теорий нового регионализма» можно выделить две основные группы доводов. *Во-первых*, регионализм, будучи сугубо эндогенным процессом, в каждой части света обретает свой неповторимый облик под влиянием экономических, социокультурных,

политических и исторических особенностей конкретного региона³¹. *Во-вторых*, мир второй половины прошлого века, в котором зародилась западноевропейская интеграция, радикально отличается от современного мира, в котором похожие ситуации невоспроизводимы³².

Из трудов данного направления выделяются оригинальные работы шведского автора Б. Хеттне³³, посвященные азиатским интеграционным процессам³⁴. Подход Б. Хеттне существенно снижает нормативную жесткость критериев интеграции, которые обычно постулируются в старых европейских теориях. В параллель ему видный отечественный специалист по европейской интеграции О. В. Буторина указывает, что если оценивать региональную интеграцию с точки зрения критериев евроинтеграции, то «...НАФТА беспомощно застряла на начальном этапе, а АСЕАН только приближается к нему»³⁵.

Наряду с трудами Б. Хеттне стоит назвать фундаментальную коллективную работу под редакцией профессора Корнелльского университета (США) Т. Дж. Пемпела³⁶, в которой предпринята попытка систематизировать признаки интеграции, сомкнув экономический, историко-политический и культурно-психологический аспекты анализа региональных форматов многостороннего сотрудничества. Авторы указывают на «уникальные, несравнимые геополитические условия, в которых зарождались региональные интеграционные импульсы» в Европе и Азии, но настаивают на необходимости осмысления обоих примеров интеграции как родственных или как минимум параллельных, теоретически совместимых, допускающих их рассмотрение в едином аналитическом контексте.

Это важно

В литературе 2000-х годов произошел отказ от абсолютизации «нормативности» европейского интеграционного опыта. НАФТА, АСЕАН, а иногда и МЕРКОСУР рассматриваются в них в одном ряду с ЕС, хотя никто не ставит под сомнение количественное и качественное превосходство, степень зрелости европейской интеграционной формы («интеграционного вида»).

Из массы других новых публикаций следует выделить свежую по интерпретациям работу уже упоминавшегося исследователя М. Бисона³⁷, развивающего подход Б. Хеттне. Стоит также назвать превосходную по логике, хотя несколько обрывочную по манере изложения сводную историю тихоокеанских интеграционных инициатив, написанную американской исследовательницей Э. Фрост. В ряду наиболее интересных книг также следует упомянуть работу П. Катценштайна³⁸, в которой автор полемизирует с изложенной еще в 1961 г. «классической» пяти-

членной схемой американского теоретика венгерского происхождения Б. Балаши о последовательной эволюции от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к полной экономической и политической интеграции³⁹. Конечно, важно отдать должное прогностическому дару Балаши, который на момент публикации своей книги не увидел основных плодов интеграции в Западной Европе. В то же время нельзя не заметить, что, формально претендуя на создание общей теории интеграции, в начале 1960-х годов, до первых результатов выполнения Римских договоров 1957 г., он не мог выйти на действительно универсальные обобщения. Чрезмерная увлеченность его последователей стадийным детерминизмом во многом парализовала как становление общей теории интеграции, так и научное осмысление ее региональных разновидностей. «Пятичленка» Балаши так понравилась исследователям, что они словно перестали замечать несоответствие ее положений реальному опыту ЕС (не говоря уже о других очагах интеграционности). Она и сегодня, спустя почти 50 лет, остается наиболее разработанной версией региональной экономической интеграции. Детерминизму Балаши П. Катценштайн противопоставляет более гибкий критериальный комплекс. Подход Катценштайна в большой степени свободен от формализма и «экономического крена». Он значительно раздвигает границы сравнения и увеличивает возможность увидеть в регионально-специфических феноменах черты универсальных тенденций.

С библиографической точки зрения оценки, изложенные в отмеченных трудах, свидетельствуют о том, что, несмотря на обилие книг, издаваемых в странах Европейского Союза и сфокусированных на анализе его интеграционного опыта, внутри школы интеграционных исследований в целом сложилась довольно многочисленная группа ученых, включая авторов европейского происхождения (Б. Хеттне, М. Бисон), преодолевающих методологические ограничения евроцентричной парадигмы анализа. Авторы этой группы рассматривают феномен межгосударственного сближения, например в Восточной Азии, как вариант интеграции, хотя и отличного от европейского типа. Судя по литературе последних двадцати лет, интеграция вне Европы — не просто реальность, но и реальность довольно хорошо изученная в ее многих конкретных аспектах, правда, не осмысленная в русле общей «регионально-интеграционной» концепции. Региональные виды и подвиды интеграции не только возможны, утверждают исследователи и обозреватели. Они складываются в своеобразные модели и развиваются в соответствии с ними, принося реальные плоды с точки зрения стабилизации регионального порядка и экономического процветания народов.

Это важно

«Интеллектуальная монополия» ЕС на понимание и интерпретацию интеграции вне ЕС разрушается. В общем потоке научных трудов о феномене межгосударственной интеграции работы по Евросоюзу составляют сегодня только часть, хотя и весомую.

Объектом изучения гораздо чаще выступает не столько степень воспроизведения европейских институтов или соотношение наднациональности и межправительственного подхода (то и другое — уникальное европейское явление, малопродуктивное для межрегиональных сравнений), сколько эффективность местных форм интегрирования и механизмов управления ими.

В содержательном плане исходным моментом «теорий нового регионализма» является разграничение типов интеграции в зависимости от сферы сближения и обоснование различия в подходах к их оценке⁴⁰. Обычно речь идет об экономической, политической, социокультурной интеграции и интеграции в сфере безопасности. Поскольку формы и способы оценки экономической интеграции у разных авторов, как правило, совпадают (доля внутрирегиональной торговли, взаимные инвестиции и финансовая координация), то в одном ряду называются ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, Южно-Африканский таможенный союз, Совет сотрудничества государств Персидского залива, Зона свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН и форум АТЭС.

В то же время изолированный анализ названных аспектов интеграции, по мнению еще одного представителя «ревизионистов» Кр. Дента, малопродуктивен, поскольку на практике развитие одного напрямую зависит от зрелости другого. Так, в Восточной Азии экономическая интеграция не может успешно продолжаться без формирования устойчивых механизмов политической координации, а последние в свою очередь труднообразимы при сохраняющемся уровне недоверия в сфере безопасности и слабой региональной идентичности. Вместе с тем углубление экономической взаимозависимости может подвинуть страны региона к более тесному политическому сотрудничеству⁴¹. Любопытно, что приведенные рассуждения вписываются в логику одной из самых классических парадигм анализа интеграции — неофункционализма.

Говоря о предпосылках сближения, Б. Хеттне полагает, что интеграция развивается благодаря наличию объективных факторов сплочения. В социальной сфере это этнический состав, язык, религия, культура, история, осознание общей истории; в экономической сфере — торговля, инвестиции, финансы; в политической сфере — тип

режима, идеология; в организационной сфере — региональные институты.

Важной чертой ТНР стало активное привлечение наработок социального конструктивизма⁴². Вслед за А. Вендтом представители новейших интеграционных концепций полагают, что региональная идентичность возникает не в четко очерченных географических, этнических или языковых границах, а в рамках пространства, в котором сконцентрированы наиболее интенсивные экономические, политические и социальные контакты⁴³.

Вторая им, Э. Харэлл утверждает, что исходными предпосылками интеграции могут быть: сложившееся представление о регионе (*perceived region*) и разделяемая его жителями идентичность (*shared identity*)⁴⁴. Первое позволяет очертить географические пределы того или иного региона, а второе указывает на формирование регионального самосознания, при котором жители данного региона отделяют себя от жителей любых других регионов (негативная идентичность) и/или когда ключевые вопросы развития трактуются в основном единообразно (позитивная идентичность).

Трактуя феномен идентичности, авторы не демонстрируют единодушия или тем более оптимизма. Развивая концепцию Б. Андерсона, заметившего еще в 1983 г., что создание «воображаемых сообществ» (сообществ, соединенных узами общей идентичности, т.е. самовосприятия) достаточно затруднено даже в рамках национально-государственного политического пространства⁴⁵, М. Бисон пишет, что эта задача становится практически нереализуемой, скажем, в сравнительно недавно освободившихся странах Юго-Восточной Азии, не говоря уже об уровне целого региона, где формированию общей идентичности препятствуют застарелые межгосударственные противоречия. «Отказ Франции поддержать проект Конституционного договора и развернувшиеся борения вокруг принятия Турции в ряды Европейского Союза служат серьезным напоминанием о том, как трудно решаются вопросы национальной и региональной идентичности даже в регионах с многолетней традицией успешного сотрудничества»⁴⁶.

Стремясь формализовать дискурс об идентичности, уже цитировавшийся исследователь Э. Харэлл попытался конкретизировать понятие «представление о регионе», выдвинув два дифференцирующих критерия: 1) регион играет важную роль во взаимоотношениях каждой отдельной страны с остальным миром; 2) уровень региона образует платформу для координации политических курсов внутри самого региона⁴⁷.

Эффект интеграции ощутим, если посредством регионального уровня каждое государство получает возможность оказывать кумулятивно большее влияние на мировой сцене и решать внутренние и региональные проблемы более эффективно, чем каждое из них в отдельности.

Наконец, в рамках «теорий нового регионализма» прописано аналитически весьма продуктивное деление на интеграцию де-юре и де-факто. Феномен интеграции де-юре, под которым понимается формализованное сотрудничество, как очевидно, относят преимущественно к ЕС. Восточная Азия рассматривается в основном в категориях интеграции де-факто⁴⁸. Более внимательное ознакомление с концепцией ТНР проливает свет на суть различия понятий интеграции де-факто и де-юре. Интеграция де-факто — даже если группировка оформлена юридически — остается таковой до тех пор, пока не достигнут консенсус относительно географической базы группировки. Так, географическая база ЕС сложилась давно, а фазы его расширения были скорее мерами по распространению влияния изначальной «шестерки» стран на всю эту географическую базу. Вот почему, к примеру, вопрос о вступлении Турции в ЕС спровоцировал столько споров и активного общественного несогласия: по-видимому, сохраняются неопределенность относительно принадлежности Турции к географической базе ЕС и страхи старых членов относительно того, что принятие Турции может эту базу пошатнуть или вовсе разрушить.

В Восточной Азии окончательный выбор той или иной географической базы, видимо, не состоялся. Борения вокруг тихоокеанского и континентального векторов интеграции, воплощенных соответственно в проектах АТЭС, участников которых удерживать в рамках одной региональной идентичности вряд ли возможно в принципе, и АСЕАН + 3 мешают заняться институциональным структурированием этого пространства⁴⁹. Анонсированный проект Восточно-Азиатского сообщества (ВАС) может в определенной степени указывать на кристаллизацию географической базы восточноазиатского регионализма, но пока лишь «в проекте» и в умах местных лидеров.

Так или иначе, в библиографии «теорий нового регионализма» явно присутствует заявка на формирование общей теории интеграции. В какой-то степени она обоснованна: концепция нового регионализма действительно дает почву и методологию для сравнения группировок друг с другом и в этом смысле полезна исследователям.

* * *

Современные интеграционные процессы представляют собой важнейший глобальный тренд. Растет количество и видовое разнообразие экономических блоков, выдвигаются новые интеграционные программы, ширится круг концепций построения интеграционных и протоинтеграционных сообществ различной институциональной формы: Европейский Союз (ЕС), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), МЕРКОСУР, Содружество Независимых Государств (СНГ), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АТЭС). Пестрота региональных версий порой мешает взглянуть на интеграционные процессы как на типологически близкие.

В то же время, судя по литературе первого десятилетия XXI в., вынужденной реагировать на пестроту региональных версий интеграционных взаимодействий, сформировался сознательный запрос на создание теорий, постулирующих нарастание плюрализма жизнеспособных региональных моделей и вариантов интеграции в 2000-х годах и доказывающих недостаточность европейского опыта как основы универсальной концепции международной интеграции.

Контрольные вопросы

1. Какое влияние интервенции естественных наук оказали на развитие теории интеграции?
2. Какой вклад в изучение процессов интеграции внесли этнографические исследования?
3. В чем заключается оригинальность «теорий нового регионализма»?
4. Как в современном научном дискурсе соотносятся понятия «интеграция», «регионализм», «регионализация»?
5. В чем сходства и различия европейской, североамериканской и восточноазиатской версий интеграции?
6. Какие типологии интеграции присутствуют в современной литературе?

Ключевые слова

Интеграция, регионализм, Европейский Союз, теории нового регионализма

Примечания

¹ Стрежнева М. В. ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М., 1999. С. 42–43.

² Второй крупной интервенцией естественных наук в исследования о межгосударственных отношениях можно считать появление в 1960–1970-х годах школы «модернистов» — математиков, программистов и физиков, которые

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

считали, что их методы позволят привести в науку о международных отношениях недостающий элемент точности и проверяемости.

³ *Стрежнева М. В.* Указ. соч. С. 5–11.

⁴ *Howard J. H.* Darwin. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 134.

⁵ *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. N.Y., 1987.

⁶ *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 44–109.

⁷ *Balassa B. A.* The Theory of Economic Integration. Greenwood Press Reprint, 1982.

⁸ Имеется в виду развиваемое в гл. 2 подразделение регионализма на первое поколение (комплексный наднациональный регионализм, успешный лишь в форме ЕС), второе поколение (открытый регионализм, реализовавшийся в АТЭС) и третье поколение, под которым принято понимать развитие межрегиональных связей (как пример: диалог АСЕМ — консультационный формат, созданный по линии ЕС — АСЕАН).

⁹ *Viner J.* The Customs Union Issue. L.: Steven, 1950.

¹⁰ *Meade J. E.* The Theory of Customs Unions. Amsterdam: North-Holland, 1955; *Gehrels F.* Customs unions from a single-country viewpoint // Review of Economic Studies. 1956. No 49. P. 696–712; *Lipsey R. G.* The Theory of Customs Unions: A General Equilibrium Analysis. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1970; *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Boston, MA: Irwin, 1961; *Michaely M.* On customs unions and the gains from trade // The Economic Journal. 1965. Vol. 75. No 299. P. 577–583.

¹¹ *Дарвин Ч.* Происхождение видов / Пер. К. А. Тимирязева с исправлениями и указателями под общ. ред. акад. Н. И. Вавилова. Серия: Классики естествознания. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935.

¹² *Ламарк Ж. Б.* Избранные произведения. М., 1959.

¹³ *Мендель Г.* Опыты над растительными гибридами. М., 1965.

¹⁴ См.: *Landeker W.* Types of Integration and their Measurements. N.Y., 1999. P. 322–340.

¹⁵ *Van den Berghe P. L.* The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

¹⁶ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.

¹⁷ *Хрусталева М. А.* Методология прикладного политического анализа. М., 2010.

¹⁸ *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

¹⁹ *Veeson M.* Regionalism and Globalisation in East Asia. N.Y., 2007. P. 5.

²⁰ Начиная с XVI в. примерно раз за столетие, а ближе к XX в. несравненно чаще в среде западноевропейских интеллектуалов рождались развернутые проекты инварианта «Соединенных Штатов Европы». См.: *Борко Ю. А.* От европейской идеи — к единой Европе. М., 2003.

²¹ *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Katzenstein P. J.* A World of regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 2003.

²² См., например: *Frost E.* Asia's New Regionalism. L.: Lynne Rienner Publishers, 2008. P. 1–15.

²³ *Dent Chr. M.* East Asian Regionalism. L.; N.Y.: Routledge, 2008. P. 8.

²⁴ *Ibid.* P. 16–21.

²⁵ *Wallace W.* Regionalism in Europe: Model or Exception // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / L. Fawcett and A. Hurrell (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 207–227.

²⁶ *Katzenstein P.* Regionalism and Asia // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 353–368.

²⁷ *Fawcett L. and Hurrell A.* Regionalism in World Politics. Oxford: Oxford University Press, 1995; *Regionalism and World Order* / A. Gamble and A. Payne (eds.). Basingstoke: Macmillan, 1996; *Globalism and the New Regionalism* / B. Hettne, A. Inotai and O. Sunkel (eds.). L.: Macmillan, 1999.

²⁸ *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 457–474; *Wallace W.* Regional Integration: The West European Experience. Wessington DC: The Brookings Institution, 1994.

²⁹ *Milner H.* International Theories of Co-operation Among Nations: Strengths and Weaknesses // *World Politics*. 1992. No 44 (April). P. 466–496. Милнер делал особый акцент на принципиальной закрытости региональных структур времен «холодной войны», которая стала размываться под действием глобализации. Отсюда — концепция «открытого регионализма».

³⁰ *Dieter H.* Report on East Asian Integration: Opportunities and Obstacles for Enhanced Economic Co-operation // *Notre Europe Studies and Research Paper*. Paris, 2006. No 47; *Acharya A.* How Ideas Spread: Whose Norms Matter? Norm Localization and Institutional Change in Asian Regionalism // *International Organisation*. 2004. No 58. P. 239–275.

³¹ *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 457–474; *Wallace W.* Regional Integration: The West European Experience. Wessington DC: The Brookings Institution, 1994.

³² *Milner H.* *Op. cit.*

³³ *Hettne B.* Beyond the New Regionalism // *New Political Economy*. 1999. Vol. 10. No 4; *Hettne B., Soderbaum F.* The New Regionalism Approach // *Politica*. 1999. March. No 17; *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3.

³⁴ *Hettne B.* Globalisation and the New Regionalism: the Second Great Transformation // B. Hettne, A. Inotai and O. Sunkel (eds.). *Globalism and the New Regionalism*. L.: Macmillan, 1999. P. 3–24.

³⁵ *Буторина О.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис*. 2005. № 3 (13).

³⁶ *Remapping East Asia: The Construction of a Region* / Ed. by T. J. Pempel. Ithaca, 2005.

³⁷ *Beeson M.* Regionalism and Globalisation in East Asia. Palgrave Macmillan, 2007.

³⁸ *Katzenstein P.* European Enlargement and Institutional Hypocrisy. Oxford, 2003.

³⁹ *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Boston, MA: Irwin, 1961.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

⁴⁰ *Breslin Sh. and Higgot R.* Studying regions: Learning From the Old, Constructing the New // *New Political Economy*. 2000. No 5 (3). P. 333–352.

⁴¹ *Dent Chr. M.* *East Asian Regionalism*. L.; N.Y.: Routledge, 2008. P. 8.

⁴² Его элементы использовались и в классических интеграционных теориях. Так, К. Дойч утверждал, что интенсификация контактов между обществами стран, образующих регион, содействует выработке так называемой «мы-концепции», т.е. чувства сопринадлежности к сообществу. См.: *Deutsch K. W.* *Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957.

⁴³ *Wendt A.* *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics* // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No 2. P. 391–425.

⁴⁴ *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. No 21. P. 331–358.

⁴⁵ *Anderson B.* *Imagined Communities*. L.: Verso, 1983.

⁴⁶ *Beeson M.* *Regionalism and Globalisation in East Asia*. N.Y., 2007. P. 6.

⁴⁷ *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. No 21. P. 337.

⁴⁸ *Hettne B. and Soderbaum F.* *Theorizing the Rise of Regioness* // *New Regionalisms in the Global Political Economy*. L., 2002. P. 41.

⁴⁹ *Beeson M.* *Regionalism and Globalisation in East Asia*. N.Y., 2007. P. 7.

9

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ И АНКЛАВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Подходы к осмыслению

В современном мире цивилизации, культуры, народы, государства оказывают возрастающее влияние друг на друга благодаря все более активному перемещению капиталов, людей и информации. В то же время свободно перемещаются лишь капиталы и информация, но не люди.

Основные миграционные потоки по-прежнему движутся на Запад. Один из их компонентов — мусульманскую миграцию на Запад — следует рассматривать в русле глобализационно-цивилизационного подхода, получившего развитие в трудах ряда отечественных и зарубежных политологов и культурологов. На основе достигнутого уровня теоретического осмысления проблемы можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах: о *культурном дифференциализме*, или продолжающихся различиях; *культурной конвергенции*, или растущей похожести (*sameness*); *культурной гибридизации*, или постоянном смешении¹. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенции); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе допущения о «столкновении цивилизаций») или же будет идти процесс их смешивания (гибридизация)?

Следует заметить, что дискурс, основанный на известной еще в XIX в. концепции гибридизации, получил на Западе развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. Этот дискурс представляет собой семантическую антитезу «эссенциализма», «фетишизма границ» и «культурного дифференциализма расистских и националистических доктрин»², ключевыми понятиями которого являются

этничность и идентичность. Гибридизация в определенном смысле может трактоваться как потенциальная утрата и того и другого. Фетишизации межкультурных границ противопоставляется тезис об их неизбежной эрозии. Характерные для концепции гибридизации ключевые понятия — *смешение, синкретизм*. Ее сторонники анализируют такие процессы, как креолизация, метисизация, а также ориентализация западного общества. В данном контексте мусульманский Восток выполняет функцию агента гибридизации.

Сторонники концепции гомогенизации обычно приводят в пример повсеместное распространение ресторанов североамериканской сети «Макдоналдс», где подают немецкий гамбургер с французской жареной картошкой и элементами итальянской кухни на основе американского менеджмента и маркетинга. «Макдоналдизация» (термин, напоминающий придуманную в 1970-х годах в Латинской Америке «кока-колониализацию»), в том числе и наиболее традиционных стран Востока, имеющих богатую кулинарную традицию, — действительно явление, ставшее символом глобализации. Тезис о «макдоналдизации» представляет собой версию недавно появившейся идеи о «всемирной гомогенизации обществ через влияние многонациональных корпораций» и вариацию на классическую тему «универсализма, модернизации и глобального триумфа капиталистических отношений»³. Вопрос рассматривается также в контексте тезиса о «диффузионизме», что означает распространение феномена культуры из одного центра.

Похоже, что в бурном распространении ресторанов «Макдоналдс» сыграл роль не вкусовой, а эстетический фактор. Посещение этих ресторанов во многих странах мира стало признаком престижного потребления. Уже никто не удивляется тому, что эти рестораны можно встретить на улицах священной для мусульман Мекки.

⇒ Сети бывают не только западные. Применительно к Москве, например, можно говорить, вероятнее, о «суши/сашимизации»: кажется, скоро в России не останется ни одного заведения общественного питания, где бы не подавали это прежде неизвестное россиянам блюдо. Людей радует эстетика палочек, которыми едят сырую рыбу на не по-русски слепленном комке риса, а также посещение японского сетевого ресторана, который тем не менее функционирует на основе американской системы менеджмента и маркетинга. Иначе говоря, здесь культурная диффузия идет не из Северной Америки, а с Востока (если, конечно, относить к Востоку Японию, давно вошедшую в число наиболее развитых стран мира).

Демографо-миграционные факторы этнокультурной разнородности мира

В настоящее время число людей, живущих за пределами стран своего происхождения или гражданства, составляет более 3% населения планеты. Почти половина из них — из менее развитых стран (МРС). Заметим, что Россия, обладающая сухопутными границами огромной протяженности (более 20 тыс. км), сталкивается с особо серьезным вызовом в этой сфере. В качестве одного из факторов называется постоянно растущее влияние «выталкивающих сил предложения» (*supply-push forces*) в противоположность маятниково меняющимся — «притягивающим силам спроса» (*demand-pull forces*)⁴. Россия, давно испытывающая потребность в притоке дешевой рабочей силы из постсоветских МРС (в какой-то мере аналогию здесь можно провести с новыми индустриальными странами (НИС) Юго-Восточной Азии, привлекающими рабочую силу из соседних МРС — Филиппин и Таиланда), так же, как и все они, не сумела за эти годы выработать четких законов, регулирующих эту миграцию.

Если для США и Канады иммиграция всегда была частью их повседневной жизни, то государства Западной Европы, начав испытывать нужду в рабочих руках для бурно развивающейся экономики, стали поощрять массовую иммиграцию лишь с середины 1950-х годов. Значительная часть миграционных потоков, текущих на Запад и на Север, в первую очередь в страны Евросоюза, приходится на государства исламского мира, откуда приезжают люди, исповедующие другую религию, отличающиеся более высокой религиозностью и иные в культурном отношении. Это предопределило появление серьезных проблем в дальнейшем, причем именно религиозный фактор, как считают многие европейцы, сыграл в этом ведущую роль.

Автор фундаментальной работы о мусульманских иммигрантах на Западе Кристофер Колдуэлл писал: «Европейская терпимость к другим культурам была искренней, особенно среди элит, но даже они не предвидели, что подобная терпимость будет означать появление, укоренение и устойчивое распространение иностранной религии на европейской земле»⁵. Таким образом, заключает автор, Европа сама посеяла семена угрозы — межрелигиозного разлада, как внутреннего, так и международного (!). Европейские державы имели длительную историю противоборства с исламским миром, обостренного колониализмом. Именно этот исторический фон сделал столь легким распространение в Европе антиисламских настроений, когда для этого уже в наше время появились и другие причины.

В настоящее время численность мусульманской общины в ЕС составляет более 20 млн человек, в том числе более 5 млн во Франции (преимущественно арабы), примерно 4 млн в Германии (преимущественно турки), 2 млн в Великобритании (преимущественно пакистанцы и бенгалцы). В одном только Лондоне постоянно проживает более 1 млн мусульман, или восьмая часть его населения. Прирост населения среди мусульман значительно выше, чем у немусульман, и, по разным прогнозам, уже в третьей четверти этого века в составе населения Европейского Союза будут преобладать мусульмане. Конечно, никто не знает, какими они сами станут к тому времени, да и какую эволюцию претерпят отношения между Западом и исламским миром (хотя «многовековое военное противостояние Запада и ислама вряд ли уменьшится»⁶).

⇒ Зарубежная Европа выработала несколько основных моделей отношений с иммигрантскими общинами. Это **французская модель ассимиляции**, согласно которой иммигранты должны полностью воспринять культуру большинства; **британская модель мультикультурализма**, согласно которой иммигрантам предоставляется право сохранять свою культуру, лишь уважая закон; а также ныне уже ушедшая в прошлое **германская модель гастарбайтерства**, предполагавшая, что большинство иммигрантов в перспективе покинут страну.

Ни одна из моделей интеграции мигрантов не помогла преодолеть симптомы опасного разлома, наметившегося в отношениях между основной частью населения и мусульманскими общинами Запада (в первую очередь ЕС) и являющегося в значительной мере выражением имеющих противоречий между Западом и исламским миром.

В результате массовой миграции в ЕС миллионы мусульман начинают жить в секулярных государствах, где преобладающей конфессией является христианство, а они оказываются в любом случае меньшинством — конфессиональным, а иногда и вообще верующим. Проблему адаптации осложняет одно существенное обстоятельство. Ислам исторически утверждался как религия большинства, в нем не заложен инструмент приспособления мусульманской уммы к роли группы меньшинства. Отчасти поэтому европейские мусульмане формируют транснациональную и, как гротескно выразился известный французский исламовед Оливье Руа, «воображаемую умму».

Формирование этой новой псевдоуммы с характерной для нее особой идентичностью О. Руа считает проявлением *детерриториализации ислама*⁷. По его мнению, «новая община может быть чисто идеальной (не имеющей других связей помимо веры), основываться на традици-

нных групповых связях (сохраняя эндогамные отношения с семьями, остающимися в стране происхождения), но она всегда действует как реконструкция»⁸.

⇒ Парадоксально, что новые *мухаджир* (добровольно или вынужденно переселившиеся) зачастую приходят к выводу, что они могут свободнее исповедовать ислам в немусульманской стране, в которую они перебрались жить, чем на своей родине, поскольку царящие там порядки и нравы не представляются чисто исламскими⁹.

Однако вряд ли можно считать позитивное отношение к Западу тезисом, одинаково разделяемым фундаменталистами и либералами. Есть и *хиджра* — возвращение в страны мусульманского мира, хотя ими правят лидеры, порицаемые как радикалами-фундаменталистами, так и либералами (одними за одно, другими за другое, но и теми и другими за авторитаризм и диктаторство). Не все исламские лидеры полагают, будто на Западе можно создать исламскую среду, а в исламском мире нельзя.

Социальные последствия мусульманской иммиграции в США и страны ЕС

В ЕС и США верующим иммигрантам-мусульманам приходится привыкать жить в обществе не только секуляризованном, но и толерантно относящемся к атеистам (то же можно сказать и о российском обществе). Их там немало, и они не скрывают, а часто и открыто демонстрируют свое неверие, иногда даже бравируют им, что трудно представить себе в большинстве обществ мусульманского Востока. В США, традиционно высокорелигиозной стране, довольно популярным стал «неоатеизм»¹⁰.

В Евросоюзе иммигранты-мусульмане также встречают секуляризм агрессивного толка, предполагающий навязывание им неприемлемых для них норм. Во Франции — это вызвавший массовые активные протесты мусульман запрет на ношение головного платка *хиджаба*, в государственных учреждениях и школах, что не вызывает возражений, к примеру, в такой стране, как Великобритания. Впрочем, если для Франции с ее ассимиляционной политикой в отношении иммигрантов подобные шаги не удивительны, то в мультикультуралистской Великобритании даже полицейским, если они сикхи, разрешается в качестве форменного головного убора носить чалму. Зато там встречается неприятная мусульманская практика забивания скота, и даже была предпринята попытка законодательно запретить ее, что вызвало столь

же активные протесты мусульман, как и запрет на ношение хиджаба во Франции.

Различные авторы предлагают мусульманам специфические прочтения их священных текстов, что подается под соусом «реформации», в которой якобы нуждается их религия.

Неудивительно, что реакцией на поток этих идей является распространение оградительных настроений и мобилизационный прилив у исламских фундаменталистов. Салафитская *да'ва* (проповедь, призыв обратиться в свою веру) удачно использует поток словоблудия, за которым видится заговор неверных, а то и козни сатаны против правоверных мусульман (как пишет О. Руа, неофундаменталисты, в частности, фактически конструируют себе пространство, иное, нежели то, в котором они живут, отделяя религиозное начало от социального¹¹). На таком фоне действительно конструктивные попытки модернизации изнутри, к которой призывают многие мусульманские деятели, вызывают настороженное отношение у одних и полное неприятие у других представителей мусульманской общины.

Французские ученые Марсель Гоше и вслед за ним О. Руа разделяют понятия «секуляризм» и «лаицизм». При этом Руа считает лаицизм характерной особенностью исключительно французской общественной системы¹², нехарактерной для других западных государств, хотя все они являются светскими демократиями. Если секуляризм состоит в том, что общество эмансипирует себя от всего «священного», не отрицая его, то суть лаицизма в том, что общество «изгоняет религиозную жизнь» за ту границу, которую оно устанавливает с помощью закона¹³. Поясним, что в таком понимании страна может быть секулярной, но не лаицистской, если она имеет официальную религию (христианство англиканского толка в Великобритании и протестантского в Дании). При этом Руа считает, например, Данию не в полной мере секулярной, так как там не вполне соблюдается принцип отделения религии от государства — пасторы являются государственными служащими. Упоминание Бога в российском гимне при таком строгом понимании секуляризма — тоже отход от этого принципа. В США Верховный суд также решил сохранить упоминание Бога в клятве, которую произносят в государственных школах. В Турции, которая считает себя светским государством, имамы, как пасторы в Дании, являются государственными служащими, поэтому и там принцип секуляризма подвергся эрозии из-за желания государства не упускать из своих рук контроль над религиозной жизнью граждан.

В мусульманской диаспоре на Западе есть некоторое число людей, которые не только вполне комфортно чувствуют себя в секулярном обществе, но и не отличаются высоким уровнем религиозности. В письме в газету «Интернешнл Геральд Трибьюн» читатель Тарик Ахмад написал, что для победы над радикальным исламом мусульманам надо стать «менее исламскими». Он заметил, что все большее число мусульман секуляризуются, не знают Коран, не посещают мечети, ориентированы исключительно на личный успех¹⁴. Хотя с ним не согласились другие читатели, ясно, что такое утверждение появилось не на пустом месте. Однако даже те мусульмане Запада, которые не соблюдают всех обрядов ислама, все равно воспринимают его как важнейший маркер их идентичности. Не только враждебность, существующая сегодня в отношениях между Западом и исламским миром, и трения между немусульманским большинством и мусульманским меньшинством в Европе предопределяют высокий уровень символизации¹⁵ всего, что связано с идентичностью мусульманской диаспоры на Западе, но и наблюдающиеся попытки властей тех или иных государств ограничить свободу вероисповедания.

Это проявилось, в частности, в реакции швейцарцев на принятое в конце 2009 г. на референдуме решение о запрете строительства минаретов на мечетях (в Швейцарии немало мечетей — 1500, но только четыре из них имеют минареты). За запрет высказались шесть из каждых десяти голосовавших. Сам факт проведения референдума и его итоги были повсеместно восприняты в исламском мире как символ враждебного и дискриминационного отношения европейцев (или их части) к мусульманам и вызвали бурную реакцию с их стороны. Американский обозреватель даже посетовал: «...больше американцев посылают воевать с исламскими экстремистами в Афганистане, в то время как антиисламский экстремизм в Европе угрожает разжечь рост мусульманского фанатизма»¹⁶. Опросы, проведенные вслед за швейцарским референдумом в Бельгии, показали, что 38% респондентов высказались за запрет строительства минаретов, а 61% вообще не хотели бы видеть мечеть в своем квартале¹⁷.

На фоне усиливающихся в Европе призывов ужесточить иммиграционные законы, что также интерпретируется как антимусульманская мера, впору говорить о новой «линии Мажино», призванной защитить континент от исламских радикалов. Опасные издержки афганской кампании заставляют американцев быть предельно корректными в этой сфере, и то, что происходит в Европе, вызывает за океаном раз-

дражение. Не стоит удивляться тому, что острой реакция на швейцарский референдум была и у российских мусульман.

Полиархия: новые приложения понятия

Преобразование мусульманской диаспоры на Западе во влиятельную общественно-политическую силу не может не оказывать влияния на систему государственно-политических институтов в западных государствах. В целом рост ее численности способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в системе мировой политики. Те новые отношения, которые складываются между участниками мировой политики отчасти под влиянием вышеназванного фактора, можно описать с помощью такого понятия, как полиархия.

Термин «полиархия» был введен в научный оборот около четырех десятилетий назад американским политологом Робертом Далем¹⁸ для описания процессов в развитых демократиях, а затем — чуть позже — использован уже применительно к мировой политике американским международником Сейомом Брауном¹⁹. Браун отмечал, что

термин «**полиархия**» означает «политическую систему, которая может быть вполне хаотичной и управляемой разнообразными акторами»²⁰. Однако это не анархия (что означает отсутствие управления вообще). «Применительно к мировой политике так описывается система, в которой суверенные государства являются важными игроками и нет наднациональных субъектов, обладающих возможностью принуждения в отношении государств».

С. Браун концептуализирует полиархию как систему, которая «включает значимых негосударственных, наднациональных и транснациональных субъектов в дополнение к правительствам отдельных стран и охватывает региональные и универсальные институты с наднациональными полномочиями»²¹.

Таким образом, данная концепция в самой упрощенной форме отразила основную тенденцию современного процесса трансформации системы управления миром: от вначале происшедшего резкого уменьшения к начавшемуся быстрому росту числа участвующих в этом управлении разновесных игроков. Естественно, что в рамках этого процесса таковыми становятся и общины иммигрантов.

Как большие, так и малые державы используют в качестве одного из инструментов своего участия в управлении миром, во-первых, свои диаспоры (классическим примером служит Китай) и, во-вторых,

созданные в других странах с их помощью лоббирующие группы. (Зачастую они создаются самими диаспорами, без вмешательства страны происхождения.) К этому можно добавить также проводимую крупными странами практику работы с выпускниками высших учебных заведений (*alumni*). Речь не идет о примитивной системе создания каналов влияния: и алумниты, и диаспоры — граждане других государств, лояльные (причем последние иногда особенно активно демонстрируют лояльность, как это делают любые неофиты) их правительствам, но способные поддерживать дружественные отношения со странами, где они получили образование.

Подтверждением тезиса о хаотичности стало очевидное бессилие международных институтов в деле управления миром, что, в частности, проявляется в неспособности и/или нежелании государств создать универсальный режим регулирования миграции.

⇒ Парадоксы миграции состоят в том, что если трансграничные торгово-финансовые потоки регулируются влиятельными международными институтами, такими как ВТО и МВФ, то пересечение границ людьми зависит от совсем другого типа регулирующих режимов. Вопрос состоит в том, хотят ли государства сформировать международный режим, регулирующий легальные трансграничные потоки людей, и на какое право такой режим, будь он сформирован, станет опираться — на внутреннее или международное.

У западноевропейцев вызывает беспокойство не только растущий поток иммигрантов из стран Азии и Африки, особенно нелегальных (в Испании в 2005 г. было принято уникальное для стран Евросоюза решение об амнистии 700 тыс. нелегально въехавших в страну иммигрантов), но и рост преимущественно мусульманских общин за счет более высокой рождаемости. В стремлении ограничить иммиграцию и прирост некоренного населения некоторые государства Евросоюза прибегают к жестким мерам. Дания приняла беспрецедентный для ЕС закон, запрещающий ее гражданам привозить в страну супругов в возрасте моложе 24 лет, если те не являются гражданами государств Европейского Союза (процедура для более старших возрастов предельно осложнена). Это связано с тем, что, согласно статистическим данным, рост миграции в значительной степени происходит за счет того, что живущие в ЕС мигранты из стран Азии и Африки предпочитают находить брачных партнеров в странах своего происхождения.

Именно молодые люди являются партнерами по довольно распространенным в иммигрантской среде договорным бракам (*arranged marriages*). В течение многих лет турецкие граждане, две трети из кото-

рых — женщины, подавали заявления в консульства Германии о получении визы в связи с заключением брака с гражданином этой страны. Иначе говоря, с середины 1980-х годов в страну въехало около полу-миллиона «импортных супругов», а турецкое меньшинство в Германии прирастает за счет таких браков и рожденных в них детей.

В Великобритании 60% пакистанцев и бангладешцев заключают браки с «импортными супругами», что было главным фактором 50%-ного роста пакистанской общины в Манчестере, Бирмингеме и Брэдфорде в 1990-х годах. Западноевропейцы видят проблему не в том, что подобные браки бесконтрольно увеличивают число иммигрантов, а в том, что они, во-первых, являются тревожным сигналом коллективного выбора иммигрантов против ассимиляции и интеграции, а во-вторых, увеличивают процент граждан, не владеющих языком принявшей их страны и совсем не интегрированных в общество, что влечет за собой геттоизацию. Важно обратить внимание на следующее. В Дании 90% жителей турецкого и пакистанского происхождения в первом, втором и третьем поколениях иммигрантов находят супругов в странах своего происхождения, и такое положение следует объяснять не только различиями культур, мешающими им жениться на датчанках, но и их низким статусом в обществе и дискриминацией, которой они подвергаются. Последнее в свою очередь также препятствует успешной интеграции.

Гибридизационному культурному и биологическому смешению, естественно, препятствуют мифы и стереотипы, разделяющие мусульман и коренных жителей стран Запада. Особенно ярко они проявляются в интерпретации отношения к женщине. Мусульмане полагают, что в западном, особенно западноевропейском, обществе царят распущенность и вседозволенность, а женщины ведут себя аморально. Они крайне негативно смотрят на добрачные сексуальные контакты, не говоря о супружеской измене. Мусульмане убеждены в превосходстве своих моральных устоев, полагая, что для них характерно уважение к женщине и равноправие, но с учетом физиологических различий между полами. Они подчеркивают, что исламское вероучение защищает женщину, а западное общество этого не делает. За сексуальную распущенность и забвение семейных ценностей западноевропейскую цивилизацию критикует и Русская православная церковь.

Западные европейцы, со своей стороны, так же, как и мусульмане, убеждены в превосходстве своей концепции отношений между полами. Даже в Великобритании, которая имеет многолетнюю историю в целом бесконфликтного сосуществования различных общин и культур, боль-

шинство опрошенных коренных британцев считают, что мусульмане «неуважительно» относятся к женщине. Опросы, проведенные в Испании, показали удивительное совпадение оценок друг друга, которые дают мусульманские и немусульманские респонденты: большинство коренных испанцев и мусульманских респондентов считают отношение к женщине в другой группе неуважительным.

Мусульман обвиняют в избиении жен, которое дозволяется шариатом. На самом деле по этому вопросу в кругах самих мусульман нет согласия. Модернистски настроенные религиозные и общественные деятели вообще выступают за сочетание приверженности нетленным исламским ценностям с отказом от архаичных законодательных установок. Американский профессор религии иранского происхождения Абдулазиз Сачедина считает, что мусульмане «должны понимать шариат как систему ценностей, а не как систему законов»²². Безусловно отжившим и не имеющим никакого отношения к исламскому вероучению является восходящий к доисламской родо-племенной этике обычай «убийств чести», когда отцы и братья убивают девушек или женщин за нарушение кодекса поведения. Обычно «убийства чести» совершают курды и пакистанцы, причем делают это открыто, не таясь, хотя знают об ожидающем их суровом наказании. Строго карают за такие преступления и в странах Персидского залива, где гастарбайтеры часто считают своих дочерей и сестер, как и самих себя, обесчещенными даже в случае, если те слишком фривольно одеты.

Особый случай для отношений между мусульманской диаспорой и коренным большинством в Западной Европе представляют собой полигамные браки. Большинство стран Евросоюза не признает распространения права на воссоединение за членами полигамных семей и вообще сам мусульманский институт полигамного брака. Но в ЕС существует и другая точка зрения на мусульманскую полигамию, которую следует уважать как часть культуры мусульманского сообщества (хотя в ряде стран самого исламского мира многоженство законодательно запрещено).

Миграция и безопасность

В последнее время западноевропейские страны для регулирования иммиграции используют технологию *выборочной иммиграции* (фр. *immigration choisie*), к примеру, широко открывая двери лишь для врачей и программистов, в которых есть острая потребность, поскольку коренные жители не стремятся приобретать необходимую для этого квалификацию. В некоторых западноевропейских городах

иммигранты составляют весьма значительную часть этого персонала. Тем не менее по уровню жизни подавляющее большинство выходцев из стран исламского мира в государствах Евросоюза значительно уступают коренному населению. Согласно исследованию Фонда короля Бодуэна по марокканской общине Бельгии, каждый второй выходец из Марокко живет здесь ниже черты бедности, причем более трети предпочитают идентифицировать себя как мусульман, а не как марокканцев или бельгийцев. Менее 30% работают за зарплату, 20% — безработные, остальные занимаются кустарным ремеслом. Молодежь третьего и четвертого поколений говорит об «узаконенном расизме», но предпочитает демократию, ценит бельгийскую социальную систему и уважение прав человека по сравнению с исторической родиной, куда не хочет возвращаться²³.

Это важно

Мусульманская диаспора на Западе, хотя и стремится выступать с единых позиций, отстаивая общие интересы и противодействуя исламофобии, все же находится под влиянием конфликтных отношений, существующих между различными мусульманскими государствами, этническими группами и направлениями в исламе.

Арабы и курды из Ирака, турки и курды из Турции, белуджи и пуштуны из Пакистана, арабы и берберы из Магриба не образуют однородных общин и нередко враждебно настроены по отношению друг к другу. Это в не меньшей мере относится к общинам суннитов и шиитов, суфиев и салафитов. Суннитско-шиитские противоречия в исламском мире в последние годы — особенно с возрастанием региональной роли Ирана — затронули и традиционно спокойные в этом отношении и благополучные страны Персидского залива.

Показательно то, как споры между различными общественно-политическими силами сказываются на отношении к представителям мусульманской диаспоры на Западе. Когда подвергшийся в прошлом травле на своей родине из-за модернистских взглядов на ислам египетский интеллектуал, живущий в Голландии, Наср Абу Зейд был приглашен для участия в семинаре в Кувейт, ему не дали визу. Решение было принято министром внутренних дел под давлением парламентариев-исламистов, негодовавших по поводу высказываний Абу Зейда о том, что конституционное государство — это государство законов, которые не могут определяться религиозными установлениями.

На отношение к мусульманам на Западе оказывает воздействие процесс радикализации религии, происходящий в исламском мире. США

в период доминирования неоконсерваторов в администрации президента Дж. Буша-младшего своей «глобальной войной против террора», воспринимавшейся мусульманами мира как новый крестовый поход против их религии, сами способствовали этой радикализации. Среди других ее причин — исламофобские и арабофобские настроения среди части населения и элит западного мира и дискриминация, которой подвергаются мусульманские иммигранты. Нет необходимости повторять известные истины о том, что ей способствуют и военные действия США и их союзников на Ближнем Востоке, и нерешенность палестинской проблемы. Тем не менее действия и слова радикалов (не говоря о террористах) ошибочно (иногда преднамеренно) трактуются на Западе как порождение самой религии. В качестве аргумента используются амбициозные претензии самозванцев-экстремистов, претендующих на обязательную истинность своей интерпретации религии. Характерный пример — лидеры движения «Галибан», бесосновательно позиционирующие себя как сторонники «чистого ислама».

Среди западных исследователей терроризма и экстремизма есть немало тех, кто возлагает ответственность за распространение экстремизма не на радикальные религиозные круги, а на власти Саудовской Аравии.

⇒ Весьма распространенным стало рассматривать сам международный джихадизм как интегральную часть процесса глобализации. Тимоти Митчел ввел в оборот термин «Макджихад», рассматривая его не просто как произвольное соединение слов «Макдоналдс» и «джихад», а точное отражение долгосрочной и стратегической модели сотрудничества между саудовской правящей семьей, нефтяными корпорациями (*Big Oil*), правительством США, американскими торговцами оружием и консервативными ваххабитскими клириками²⁴.

В современном саудовском наставлении, переведенном на русский язык и распространяемом среди мусульман России и других государств СНГ, утверждается, что каждый, совершающий акт поклонения (молитва, пост, жертвоприношение или моление о спасении) кому бы то ни было, кроме Аллаха, может считаться многобожником, что является одним из самых страшных грехов для мусульманина. Такой человек, как утверждается, может быть убит, а его имущество конфисковано (!). Подобный призыв выражает суть концепции *такфира* — предания нарушителей основных божественных заповедей анафеме, предполагающей необходимость их физического уничтожения. Не случайно его сторонников все чаще называют *такфиритами*, распространяя это название на всех салафитов-джихадистов. Однако не следует забывать,

что саудовские власти сами являются объектом атаки радикалов и ни в коем случае не заинтересованы в их поддержке.

Если в большинстве самых резонансных терактов 2000-х годов изначально основную роль играли выходцы из различных государств Азии и Африки, натурализовавшиеся в странах ЕС, то в последнее время среди террористов стало появляться все больше американских граждан²⁵. Это стало психологической травмой для общества, огромная часть которого является иммигрантами из стран третьего мира или их потомками.

* * *

Т. Рамадан, один из наиболее популярных и либерально настроенных молодых лидеров исламской общины ЕС, профессор Фрибургского университета в Швейцарии, этнический египтянин и внук знаменитого основателя движения «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни, в книге «Ислам, Запад и вызовы модерности» подвергает критике знаменитого французского писателя XX в. Альбера Камю, искавшего в современной цивилизации такие общие тенденции, которые породили тоталитаризм. Камю обнаружил их в древней мифологии и современной литературе и описал в книге «Мятежник». С чем не согласен Рамадан? С тем, что Камю ограничил свои поиски мифами и литературной классикой Запада, иначе говоря, цивилизация — это только западная культура, но не исламская. А как же тогда можно говорить о единой, универсальной угрозе тоталитаризма? По Рамадану, не существует единой современной цивилизации, а есть много разных. Но, утверждая это, Рамадан становится невольным союзником порицаемого им за пресловутую теорию «столкновения» Сэмюэла Хантингтона. Гораздо более последовательно антихантингтонизм выражено в позиции «одна человеческая цивилизация — много культур».

Известный американский исследователь Пол Берман, автор книги «Террор и либерализм», критикуя одновременно и Рамадана, и Камю, язвительно замечает, что их спор — это не конфликт между швейцарским философом и французским писателем. «Позвольте мне скептически поднять бровь по поводу чистоты культурной идентичности Тарика Рамадана. Сделав так, я хотел бы поднять другую бровь по поводу Камю и его рефлексий насчет цивилизации и ее западных корней. Ведь кто в конечном счете сам Камю? Алжирец, оставивший свою родину и перебравшийся в Париж»²⁶. И Берман заключает: заочный диспут двух европейских интеллектуалов — лишь ссора между двумя североафриканцами. При всем его неприлично «некорректном» недоверии к столь выдающимся европейцам се-

роафриканского происхождения (которых американский исследователь, как минимум, лишает права судить о европейской культуре и выступать от ее имени) он находит у Камю и одну чрезвычайно полезную, по его мнению, мысль: тоталитаризм и терроризм — это одно и то же. «Если мы начнем искать корни одного, то непременно обнаружим и корни другого». Но если «не свой» французский писатель Альбер Камю, то могут ли быть «своими» не имеющие постоянного занятия и почти не интегрированные в общество жители парижских окраин, приехавшие во Францию в поисках счастья?

Приведет ли рост мусульманской диаспоры на Западе и прежде всего в Европе к *культурно-цивилизационной гибридации*, способной не допустить реализации зловещих прогнозов о столкновении цивилизаций? Видимо, Европе предстоит совершить хорошо продуманные и решительные шаги, чтобы преодолеть опасный разлад между коренным большинством ее населения и мусульманским меньшинством и использовать в интересах общества и государства мощный созидательный потенциал ислама.

Ключевые слова

Ислам, иммиграционная политика в ЕС, выборочная иммиграция, мусульманские диаспоры на Западе, радикализм, экстремизм, «межкультурная гибридация».

Контрольные вопросы

1. В чем недостатки существующих европейских моделей отношения к мигрантам?
2. Какие причины обуславливают рост противоречий между немусульманским большинством и мусульманским меньшинством в Европе?
3. В чем различие между понятиями «секуляризма», «лаицизма», «неоатеизма»?
4. Какую роль европейские мусульмане играют в исламском радикализме?
5. По каким основаниям возникают противоречия внутри мусульманских общин Европы?
6. Существуют ли пути преодоления противоречий между западной и исламской цивилизациями?

Примечания

¹ *Nederveen P. I.* Globalization & Culture. Lanham: Rowman & Littlefield, 2009. P. 44.

² *Ibid.* P. 55, 102.

³ *Ibid.* P. 51.

⁴ *Hollifield J.* The Emerging Migration State // Cultural and Civilizational Realities. Centre Marocain Interdisciplinaire des Études Stratégiques et Internationales / Directed by Abdelhak Azzouzi. Paris: L'Harmattan, 2008. Vol. 5. P. 194.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

⁵ *Caldwell C.* Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam, and the West. N.Y.: Doubleday, 2009. P. 111.

⁶ *Huntington S.* The Clash of Civilizations // *Foreign Affairs* 72. 1993. No 3. P. 31–32.

⁷ См. об этом подробно в статье: Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму // Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М.: Медина, 2008. С. 643–663.

⁸ *Roy O.* Globalized Islam: The Search for a New Ummah. L.: Hurst & Company, 2002. P. 157.

⁹ *Shahid A.* Reflections of an American Muslim. Chicago: Kazi Publications, 2002. URL: <http://www.islam-usa.com/r8.html>.

¹⁰ *Hitchens C.* God is not Great: How Religion Poisons Everything. N.Y.; Boston: 12 Twelve. P. 136.

¹¹ *Roy O.* Secularism Confronts Islam. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 82.

¹² *Gauchet M.* La Religion dans la démocratie: Parcours de la laïcité. Paris: Gallimard, 1998. Ch. 2. Гоше считает лаицизм характерным для стран с католической традицией, а секуляризм — с протестантской.

¹³ *Roy O.* Secularism Confronts Islam. P. 13.

¹⁴ *International Herald Tribune.* 05.12.2009.

¹⁵ См. о символической политике подробнее в статье: *Наумкин В. В.* Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник МГУ. Серия «Международные отношения и мировая политика». 2009. № 1. С. 9–27.

¹⁶ *DeWayne W.* Afghanistan not just our fight, but NATO's, too // *USA Today.* 08.12.2009.

¹⁷ *Мунеев А.* Европа смотрит на минареты со своей колокольни // Новая газета. 18.12. 2009. № 141.

¹⁸ *Dahl R. A.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

¹⁹ См.: *Brown S.* New Forces in World Politics. Washington, DC, Brookings Institution, 1974.

²⁰ *Brown S.* Unipolar and Multipolar Illusions, Cultural and Civilizational Realities // *Cultural and Civilizational Realities.* P. 93.

²¹ *Ibid.*

²² Prof. Abdulaziz Sachedina's briefing at Women's Foreign Policy Group. Washington, D.C., February 15, 2008. National Iranian American Council.

²³ *Мунеев А.* Указ. соч.; *Allawi A. A.* The Crisis of Islamic Civilization. New Haven; L.: Yale University Press, 2009. P. 180; *Ibid.* P. 181.

²⁴ *Mitchel T.* McJihad: Islam in the US Global Order // *Social Text* 20. 2002. No 4. P. 1–18.

²⁵ Так, по обвинению в организации терактов в Мумбае в ноябре 2008 г. перед федеральным судом в Чикаго в декабре 2009 г. предстал Дэвид Хэдли, сын пакистанского дипломата и американки. По данным обвинения, Хэдли, связанный с радикальной группировкой Лашкар-и-Тайба, неоднократно выезжал

Глава 9. Этноконфессиональная разнородность современных обществ

в Индию и Пакистан, делал видеосъемки объектов для нападения и инструктировал ту самую десятку боевиков, которые потом убили в Мумбае 170 человек. Хэдли воспитывался в военной школе-интернате в Пакистане, но после развода родителей переехал в США в подростковом возрасте.

В конце 2009 г. всю Америку потрясло убийство 13 человек на военной базе Форт-Худ в Техасе, совершенное майором армии США Нидалем Хасаном. В связи с этим убийством следствие изучало роль американского проповедника йеменского происхождения Анвара Ауляки, родившегося в США, проводившего детство в Йемене, а в 1991 г. переехавшего в США. Ауляки — потомок султанов, до 1967 г. правивших султанатом, находившимся на территории нынешней йеменской провинции Шабва. В прошлом он был имамом мечети Дар аль-Хиджра в Фолс-Черче, затем — мечети в Сан-Диего. В ходе расследования терактов 11 сентября 2001 г. выяснилось, что Ауляки был религиозным наставником трех членов группы террористов, захвативших самолеты. В 2002 г. в ходе следствия он перебрался в Великобританию, а в 2004 г. — в Йемен. В 2006 г. он арестовывался йеменскими властями, допрашивался агентами ФБР, но в декабре 2007 г. был выпущен на свободу. В дальнейшем он вел экстремистскую пропаганду, в январе 2009 г. опубликовал очерк «44 способа поддержать джихад».

В апреле 2013 г. в Бостоне (США) во время финиша международного марафона прогремели взрывы. По заявлению следствия, к совершению теракта были причастны братья Царнаевы, переехавшие на постоянное место жительства в США.

²⁶ *Berman P. Terror and Liberalism. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2003. P. 26–27.*

10

ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Проявления экономической глобализации многообразны. Наряду с активным развитием межстрановой торговли товарами и услугами происходит интенсивное международное переплетение прямых и портфельных инвестиций, вынос за границу филиалов транснациональных корпораций. Все эти процессы внимательно изучаются и комментируются учеными и экспертами. Но вне их поля зрения оказывается такой важный аспект глобализации, как формирование мирового рынка труда¹. Между тем этот феномен становится все более значимым элементом современной мировой экономики.

Эволюция и современное лицо трудовой мобильности

Трудовая мобильность — явление не новое. В период колонизации Северной и Южной Америки более полумиллиона испанцев и португальцев и около 700 тыс. британских подданных отправились в заокеанские колонии. В общей сложности с 1821 по 1915 г. из Европы уехало около 44 млн человек. Параллельно в XV–XIX вв. в качестве рабов насильно было переправлено через Атлантику 11–12 млн африканцев. В период между 1842 и 1900 гг. около 2,3 млн китайцев и 1,3 млн индийцев работали по контракту в Юго-Восточной Азии, Африке и Северной Америке².

Основными причинами в тот период были перенаселенность и растущая нехватка средств существования в условиях дробления крестьянских земельных наделов. Подавляющая часть населения жила в сельской местности. В случае сильных неурожаев наступал массовый голод. В начале 80-х годов XIX в. из-за падения цен на европейскую пшеницу произошла широкомасштабная эмиграция в США крестьян из Италии и стран Восточной Европы. В период максимальной интенсивности миграции в XIX в. за десять лет эмигрантами стали 14% населения Ирландии, каждый десятый норвежец и 7% населения Швеции и Вели-

кобритании³. Были и другие причины массовой эмиграции, например религиозная несовместимость. По этой причине за первые полтора десятилетия XX в. из России в Америку эмигрировали 1,5 млн евреев⁴.

⇒ Позднее выталкивающий эффект перенаселенности деревни под влиянием растущего спроса на рабочую силу в промышленных европейских городах стал постепенно ослабевать. Миграция европейцев за океан уступила место переселению из менее развитых стран Азии, Латинской Америки и Африки, где усилилось перенаселение деревни, а индустриализация еще не началась.

Сложилось и более благоприятные материальные условия для отъезда за рубеж. *Во-первых*, средний уровень доходов в развивающихся странах повысился, позволяя накопить деньги на дальний переезд. *Во-вторых*, резко снизилась стоимость международных переездов и международной коммуникации. В период с 1970 по 2000 г. цена воздушного путешествия через Атлантический океан снизилась на $\frac{3}{5}$ исходного тарифа, а стоимость трехминутного телефонного разговора между Австралией и Великобританией упала примерно с 350 долл. в 1926 г. до 0,65 долл. в 2000 году. С развитием интернет-телефонии она снизилась фактически до нуля⁵. Эти тенденции сделали переезд и обустройство в отдаленных местах назначения более легкими, чем когда бы то ни было прежде.

Во второй половине XX в. стали преобладать потоки миграции из развивающихся стран Юга в развитые страны Севера. Но одновременно часть трудовых мигрантов перемещается между самими развивающимися странами. Сохраняется значительная миграция между развитыми странами. Эмигранты из стран ОЭСР перемещаются в основном внутри самой этой группы: в Британию, Германию, Италию, США, Польшу, Южную Корею. Более того, некоторая часть мигрантов из развитых стран перемещается в развивающиеся страны.

Основой *демографического поведения* людей, как и всех живых организмов, является общебиологический **закон борьбы за выживание и продолжение рода**. Чем меньше шансов на выживание потомства, тем выше рождаемость у того или иного вида фауны. Компенсация высокой смертности повышенной рождаемостью присуща и человеческой популяции: *чем беднее общество, тем выше детская смертность и тем больше рождаемость*. По мере улучшения материальных условий жизни убывает потребность в высокой рождаемости, отмирают освящающие ее традиции, религиозные и идеологические каноны.

В промышленно развитых странах младенческая смертность минимальна, хорошо развита пенсионная система, собственные дети перестали быть тем экономическим преимуществом, каким они являются для родителей в традиционных обществах. В развитых странах младен-

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

ческая смертность на тысячу рожденных детей в 1995–2000 гг. составляла в среднем 6,55 ребенка, в 2000–2005 гг. — 5,57, в 2005–2010 гг. — 5,15. В развивающихся странах в те же периоды эти показатели составили соответственно 63,13; 57,44 и 52,45⁶. Пока такая тенденция и соотношение сохраняются, хотя есть сдвиг в сторону снижения. В силу отягощенности демографического поведения обычаями и другими социально-психологическими факторами рождаемость в развивающихся странах еще долго останется на прежнем уровне.

⇒ Лишь через два-три поколения родители убеждаются, что смертность их детей в раннем возрасте остается стабильно низкой и они могут ограничиться меньшим числом рожденных детей. В течение переходного периода устоявшийся баланс между средней нормой рождаемости и средней нормой смертности существенно нарушается: уровень рождаемости намного превосходит уровень смертности, и население растет беспрецедентными темпами. При этом изменяется возрастная структура населения.

Трудоспособная когорта увеличивается тем раньше и тем больше, чем выше исходный средний уровень благосостояния населения и, следовательно, чем ниже норма смертности. Это убедительно подтверждает демографическая статистика. В Европе⁷ и Северной Америке, где подушевые доходы достаточно высоки, послевоенный беби бум уменьшил изначально высокую долю трудоспособных. Но, опустившись до минимума к середине 1960-х годов, она закономерно стала нарастать и к началу 2010 г. достигла пика. Потом численность этой когорты пойдет на убыль под воздействием, с одной стороны, быстрого роста пожилых людей, а с другой — низкой рождаемости и потому слабого пополнения трудоспособного населения.

После Второй мировой войны Азия повторила европейскую кривую, но с бóльшим прогибом в 1960–1970-х годах и, соответственно, с более крутым подъемом волны прироста трудоспособного населения, пик которой ожидается к началу 2020-х годов, после чего начнется ее медленное снижение. Такой замедленный спад будет обусловлен главным образом более высокой по сравнению с Европой рождаемостью и, следовательно, продолжающимся пополнением трудоспособной когорты. В результате после 2020-х годов доля трудоспособных в общей массе жителей Азии станет все более превосходить аналогичную долю в Европе и Северной Америке. У Латинской Америки возрастная структура населения развивалась в целом по той же траектории, но с заметным отставанием по уровню. Пик волны ожидается во второй половине 2020-х годов, после чего начнется еще более замедленный ее спад. Очень низкий уровень жизни населения Африки и самая высокая норма рождаемости существ-

Глава 10. Формирование глобального рынка труда

венно видоизменили кривую роста доли местного трудоспособного населения. Беби бум затянулся на Желтом континенте до начала 1980-х годов, да и позднее норма рождаемости оставалась высокой, сдерживая рост доли трудоспособных. В Африке эта доля достигнет пика лишь во второй половине нынешнего столетия.

Находясь в разных фазах демографического перехода, экономически передовые и отстающие страны располагают разным потенциалом трудовых ресурсов. Первые в нынешнем десятилетии вступают в период их нарастающей нехватки. Вторые будут испытывать их нарастающий избыток. При этом быстро развивающиеся новые индустриальные страны (прежде всего в Азии) со временем перейдут из категории трудоизбыточных стран в категорию трудодефицитных (табл. 10.1).

Если прогнозы демографов оправдаются, то к середине текущего столетия количество потенциальных трудовых эмигрантов в нынешних трудоизбыточных странах может превысить потребности сегодняшних трудодефицитных стран на 256 млн человек.

⇒ Глобального «перепроизводства» избыточной рабочей силы, скорее всего, не произойдет, поскольку в иностранных трудовых ресурсах все более нуждаются и богатые развивающиеся экономики.

В них требуется все больше работников для выполнения тяжелой работы в тех отраслях, куда не идут местные неквалифицированные кадры. На такую работу охотно нанимаются палестинцы в Израиле, индонезийцы в Малайзии, боливийцы в Аргентине. В 2010 г. иммигранты составили 27,8% населения Саудовской Аравии, 36,4% — Брунея, 45,9% — Иордании, 68,8% — Кувейта и 86,5% — населения Катара. Правда, часть этих иммигрантов — просто беженцы, но их доля не превышает в среднем 7,6%⁸. По мере повышения уровня социально-экономического развития продвинутых стран третьего мира туда будут направляться все большие потоки трудовых мигрантов.

Таблица 10.1

Прогноз изменений на мировом рынке трудовых ресурсов в 2005–2050 гг., млн человек

	2005– 2010	2010– 2020	2020– 2030	2030– 2040	2040– 2050	Всего
<i>Регионы потенциального спроса на трудовых мигрантов</i>						
Общая масса трудоспособных	35	–9	–74	–76	–92	–216
Западная Европа	–3	–14	–19	–17	–14	–67
Восточная Азия (страны с высокими доходами)	0	–5	–9	–10	–9	–33

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

Окончание табл. 10.1

	2005– 2010	2010– 2020	2020– 2030	2030– 2040	2040– 2050	Всего
Северная Америка	4	–1	–4	–3	–5	–9
Восточная, Центральная Европа и Центральная Азия	7	–2	–5	–9	–13	–22
Китай	27	13	–37	–37	–51	–85
<i>Регионы потенциального предложения трудящихся</i>						
Трудоспособные в возрасте 15–39 лет	111	185	126	96	52	570
Восточная Азия (страны с низкими доходами)	11	13	0	–5	–8	11
Латинская Америка и Карибы	12	15	6	0	–5	28
Ближний Восток и Северная Африка	14	13	6	9	3	45
Южная Азия (без Индии)	17	28	19	15	10	89
Индия	26	44	18	–2	–17	69
Африка южнее Сахары	31	72	78	79	69	329

Источник: The World Bank. Shaping the Future. Washington, 2009. P. 54.

Нельзя не учитывать сравнительно новое явление, изменяющее конфигурацию мирового рынка труда и тормозящее эмиграцию трудящихся, — *офшорный аутсорсинг зарубежного труда*.

Речь идет об использовании иностранных работников для выполнения определенных хозяйственных функций в стране их пребывания по поручению зарубежной компании. Такие функции, появившиеся в последние десятилетия XX в. в условиях информационной революции и значительного снижения коммуникационных издержек, весьма разнообразны: от производства различных полупродуктов или сборки готовых изделий до розничных продаж.

В таких случаях не работник переезжает в другую страну, чтобы найти работу или оптимизировать ее оплату, а предприниматель переносит за границу часть своего бизнеса в поисках более дешевых трудовых ресурсов.

Такая офшоризация бизнеса особенно широко развита в тех отраслях, где возможна вертикальная производственная кооперация. ТНК с вертикальной внутрифирменной цепочкой операций внедряются в те страны, где есть трудовые ресурсы, по уровню своей квалифи-

кации соответствующие технологической сложности изготавливаемого изделия, но менее дорогие, чем в стране пребывания головной компании. По данным *Industry Week Census on Manufacturing*, 54,9% американских компаний используют аутсорсинг в производстве и 43,8% — в обслуживании машин и оборудования⁹. Вполне естественно, что большая часть филиалов, действующих в высокотехнологичных отраслях промышленности, дислоцируется в странах ЕС, Канаде, Японии, Южной Корее. Менее сложные промежуточные или сборочные операции выносятся в Китай, Малайзию, страны ЦВЕ и другие регионы, где средний уровень квалификации кадров пока недостаточно высок.

⇒ Ярким примером может служить производство куклы Барби. Ее проектирует компания *Mattel* в Калифорнии, США. На Тайване путем переработки нефти в этанол готовят пластиковые шарики — исходный продукт для отливки корпуса куклы. Нейлоновые волосы Барби делают в Японии, а хлопковые ткани для ее одежды — в Китае. Сборка Барби осуществляется в Индонезии и Малайзии. Наконец, для тестирования качества готовые куклы возвращаются в Калифорнию и уже оттуда распределяются для продажи по всему миру¹⁰.

Масштабы офшоризации производства, сбыта и послесбытового обслуживания неуклонно растут. По оценкам международной консалтинговой компании *McKinsey Global Institute*, только с 2003 по 2008 г. и лишь в сфере услуг корпорации развитых стран учредили за рубежом 4,1 млн рабочих мест, а в ближайшие 30 лет только американские корпорации будут создавать от 200 до 300 тыс. новых зарубежных вакансий¹¹. Разумеется, для этого нужны иностранные кадры, имеющие соответствующее образование и квалификацию. Среди стран, располагающих такими трудовыми ресурсами, работающими на основе аутсорсинга, ведущие места занимают Индия, Мексика, Бразилия, Украина, Аргентина, Индонезия, Китай, Россия, Белоруссия, Филиппины, Египет. Особенно активно это практикуется в Индии. Стоимость услуг индийских инженеров, занятых по аутсорсингу, в середине предыдущего десятилетия ежегодно росла на 30–35%¹².

На первый взгляд это не имеет отношения к международной миграции трудовых ресурсов, поскольку сами эти ресурсы не перетекают за границу. Но оттого что «заграница» сама приходит к ним, ощутимо уменьшаются международные перетоки трудовых мигрантов. Страны, создающие зарубежные офшоры, теряют часть своих рабочих мест, что негативно сказывается на уровне национальной безработицы, тогда как страны, принимающие такие офшоры, получают дополнительные вакансии и сокращение безработицы.

Взаимосвязь глобальной трудовой мобильности и мировой экономики

Трудовая мобильность сопровождается международным перераспределением доходов наемных работников. Оплата труда в развитых и богатых странах существенно превосходит ту, которую получают работники сопоставимой квалификации в менее развитых странах.

⇒ На Тайване, например, почасовая оплата труда в обрабатывающей промышленности в 2008 г. была в 3,3 раза ниже, чем в США, и впятеро ниже, чем в Германии. Для Мексики эта разница составляет соответственно 8 и 12,7 раза, а для Филиппин — 16,7 и 28,7 раза (!). Даже с учетом того, что мигрантам, как правило, зарплату занижают по сравнению с оплатой труда местного населения, гастарбайтеры в США зарабатывают примерно в четыре раза больше, чем в тех странах, откуда они приехали. Если женщина-врач из Кот-д'Ивуара переедет во Францию, ее реальный доход возрастет в шесть раз¹³.

Часть заработанных за рубежом денег мигранты переводят на родину. Масштабы таких финансовых потоков неуклонно растут и в 2010 г. достигли 325 млрд долл.¹⁴ Реальные объемы финансовых ресурсов, пересылаемых мигрантами на родину, по оценкам Мирового банка, приблизительно на 50% превосходят официально регистрируемые переводы¹⁵. Во многих странах такие переводы составляют 25–50% доходов от товарного экспорта (Бангладеш, Марокко, Буркина-Фасо, Египет, Греция, Ямайка, Малави, Пакистан, Португалия, Шри-Ланка, Судан, Турция). У многих развивающихся стран они вносят существенный вклад в ВВП. В Ливане, например, переводы трудовых мигрантов составили в 2010 г. 22% ВВП, в Молдавии — 23%, Лесото — 25%, Тонге — 28%, в Таджикистане — 35%¹⁶. В целом по всем развивающимся странам переводы эмигрантов в последние десять лет существенно превосходят масштабы официальной помощи в целях развития (ОПР), поступающей из государств ОЭСР, и приближаются к объему прямых иностранных инвестиций в экономику развивающихся стран, отличаясь при этом завидной устойчивостью (рис. 10.1).

К сумме денежных переводов гастарбайтеров на родину добавляются выплаты работникам, занятым в порядке аутсорсинга. В итоге суммарная платежеспособность населения страны происхождения мигрантов увеличивается дополнительно, а значит, растет объем ее внутреннего рынка.

Страны — экспортеры рабочей силы выигрывают не только от упоминавшихся в гл. 7 переводов эмигрантов. В числе прочих доходов, ко-

Глава 10. Формирование глобального рынка труда

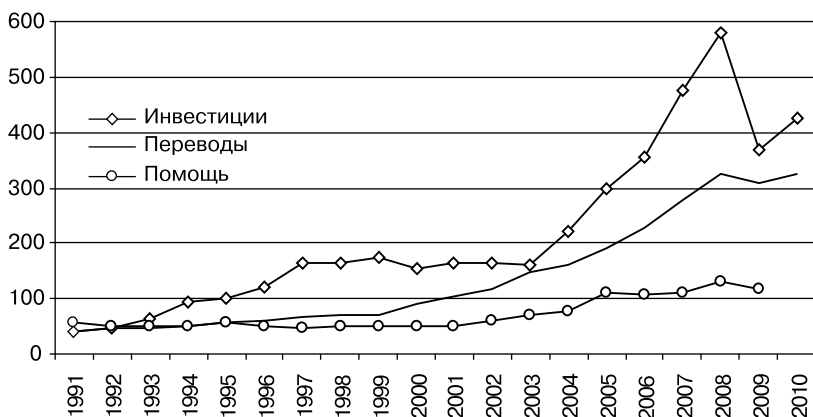

Рис. 10.1. Динамика объемов переводов, прямых инвестиций и международной помощи развивающимся странам в 1991–2010 гг., млрд долл.

Источник: Outlook for Remittance Flows 2011–2012 // Migration and Development Brief. World Bank. 8 November 2010. P. 2.

торы увеличивают совокупный ВВП и благоприятно сказываются на платежном балансе таких стран, — прямые и портфельные инвестиции эмигрантов в экономику родной страны, а также сокращение расходов на здравоохранение и другие выплаты социального характера, которые покрываются странами, принимающими мигрантов. Возвращаясь на родину, они привозят с собой почти столько же накоплений, сколько ими было переведено через банки. Более того, приобретя опыт работы за рубежом и повысив свою квалификацию, они привозят этот опыт домой, в результате чего страна бесплатно получает дополнительные квалифицированные кадры. Все это способствует преодолению отставания менее развитых стран от более развитых.

Кроме основного потока мигрантов с Юга на Север существует трудовая миграция из промышленно развитых в развивающиеся страны, связанная в основном с оказанием последним помощи в целях развития. Трудовая миграция существует и между самими индустриальными и постиндустриальными странами. Высокоразвитые страны ОЭСР не только утрачивают часть доходов, связанных с оплатой труда гастарбайтеров, но и сами получают такие доходы, переводимые их собственными мигрантами из других стран. В результате чистые потери этих стран оказываются не столь значительными, как кажется на первый взгляд.

Таким образом, перераспределение трудовых доходов между богатыми странами ОЭСР и развивающейся периферией мирового хозяйства нарастает. Правда, для богатых стран потери ничтожно малы: в 2009 г. они составили не более 0,1% их совокупного валового продукта. У 103 стран со средними доходами совокупный ВВП, напротив, увеличился на 1,4%, у 40 стран с низкими доходами — на 4,9%, у 49 наименее развитых — на 4%. Для отдельных стран переводы эмигрантов имеют огромное значение. Благодаря им ВВП Гайаны, например, увеличился на 13,1%, Молдавии — на 21,1%, а Таджикистана — на 33,1%¹⁷.

Это важно

Результатом трудовой мобильности является малозаметный, но важный процесс сближения уровней зарплаток в странах происхождения мигрантов и в странах их временного пребывания. С одной стороны, разница в оплате труда ведет к сокращению трудоспособного населения в стране происхождения мигрантов. В результате человеческий капитал там становится менее избыточным, а его цена повышается. С другой стороны, эмигранты, познавшие за рубежом цену своего труда, становятся у себя дома менее сговорчивыми при заключении трудовых контрактов. И то и другое вынуждает нанимателей в странах происхождения мигрантов учитывать уровень оплаты их труда в странах преимущественной эмиграции.

Конвергенция стоимости труда наблюдалась давно. Реальная заработная плата в Швеции в 1850-х годах составляла 24% уровня заработной платы в США. К 1914 г. она повысилась до 58%. За тот же период заработная плата в Ирландии выросла с 61 до 92% уровня заработной платы в Британии. Такое сближение средних национальных уровней оплаты труда тем более характерно для эпохи глобализации, когда миграция трудовых ресурсов стала регулярной и интенсивной. Факты показывают, что в менее развитых странах национальные уровни оплаты труда сравнительно быстро подтягиваются к уровню развитых стран. Это особенно характерно для молодых азиатских «тигров» и для стран ЦВЕ. В отдельных случаях при высоком уровне трудовой миграции менее развитая страна даже обгоняет высокоразвитые страны. В Ирландии, например, где в начале прошлого десятилетия мигранты составляли 20% населения, зарплата рабочих превзошла ее уровень в США, Британии и Италии.

Такое сближение не стоит, конечно, приписывать одной лишь трудовой мобильности, но нельзя игнорировать и то, что приток дешевой рабочей силы в страны с высокой оплатой труда замедляет ее рост, а от-

ток трудовых ресурсов из стран, где они избыточны, является фактором повышения оплаты труда.

Избыточность трудовых ресурсов на местном рынке труда сопровождается высоким уровнем безработицы, выталкивающей людей трудоспособного возраста в поисках работы за рубеж. В некоторых развивающихся странах безработица зашкаливает далеко за 10% общей массы трудоспособного населения. В Алжире, например, она к концу 2000-х годов достигала 15,3%, в Польше — 17,7%, на Мартинике — 21,7%, а в Черногории — 30,3%¹⁸. В таких условиях часть населения, в первую очередь молодежь, бежит за границу.

По мере роста массы трудоспособных общая численность безработных в мире постепенно увеличивается. По данным Международной организации труда (МОТ), в 2000 г. только зарегистрированных безработных во всем мире насчитывалось 177,2 млн человек. К 2005 г. эта армия увеличилась до 191,2 млн, а в 2010 г. составила приблизительно 205 млн человек¹⁹. Часть из них зарегистрирована в стране их постоянного проживания, часть — в странах иммиграции. В США, например, в 2009 г. безработными числилось 9,7% иностранной рабочей силы (2,3 млн человек.). Среди местных трудоспособных эта доля составляла 9,2%²⁰. Общий уровень безработицы в странах, принимающих мигрантов, бывает порой выше, чем в странах, где есть избыток трудовых ресурсов. В азиатских регионах уровень безработицы ниже, чем в развитых странах. В развивающихся регионах, особенно в Северной Африке, уровень безработицы заметно снижается, тогда как в развитых странах он слегка повышается. В 2010 г. уровень безработицы резко подскочил в результате глобального экономического спада. *В целом средние уровни безработицы в различных регионах мира проявляют тенденцию к нивелированию.*

На нивелирование уровней безработицы, помимо миграции, влияют, с одной стороны, технический прогресс, снижающий потребность в живом труде, а с другой — бурное развитие сферы услуг, создающей дополнительные рабочие места. Но и отрицать вклад миграции в выравнивание национальных уровней безработицы не стоит. Покидая свою родину, мигранты уменьшают избыток предложения на рынке труда и тем самым содействуют снижению уровня безработицы.

Правда, для страны происхождения есть и отрицательные последствия. Утечка кадров высокой квалификации тормозит процесс социально-экономического развития стран эмиграции. Конечно, со временем эта эмигрантская элита частично возвращается на родину, но далеко не вся.

Социальные аспекты и социальные последствия международной трудовой мобильности

Это важно

Международная трудовая мобильность не только растет количественно, но и меняется качественно. Долгое время она представляла собой приток неквалифицированных работников из бедных стран в богатые и замещение ими непрестижных вакансий. Во многом эта ситуация сохраняется. Однако с развитием технического прогресса и усложнением технологии производства повышается спрос на квалифицированных иммигрантов.

Это побуждает молодежь стран, обремененных массовой безработицей, повысить свой образовательный уровень в надежде на то, что в перспективе удастся получить неплохую работу в одной из богатых стран за рубежом. Иной раз такое стремление «низов» сочетается с желанием «верхов» усовершенствовать квалификацию национальных работников, чтобы облегчить их эмиграцию ради снижения уровня безработицы. Эта мотивация, конечно, не основная причина повышения образования в менее развитых странах, однако и она вносит свой вклад в данный процесс. Если в 1970 г. доля охваченных средним образованием в развивающихся странах составляла лишь треть от аналогичного показателя в развитых, а в 1990 г. приблизилась к половине, то в 2000-х годах достигла почти двух третей. В 1970 г. доля охваченных высшим образованием в развивающемся мире не превышала 8% от уровня развитых стран, в 1990 г. она составила 13, а в 2000-х годах достигла 25%.

Правда, этот прогресс оборачивается для менее развитых стран утечкой квалифицированных кадров. Доля лиц со средним и высшим образованием в общей массе мигрантов из таких стран быстро растет и, как ни странно, уже превосходит аналогичную пропорцию в числе эмигрантов из развитых стран. Так, в конце 2000-х годов среди эмигрантов из стран ОЭСР лица с высшим образованием составляли 20,3%, а среди эмигрантов из Африки — 24,5%, из Океании — 27,4%, из Азии — 34,3%²¹.

Такие мигранты могут принести экономические выгоды и этим странам, повышая уровень их инновационности. В 1950–2000 гг. повышение доли мигрантов — выпускников университетов в США на 1,3% увеличило количество патентов на душу населения на 15% без какого-либо неблагоприятного воздействия на инновационную активность местных жителей²².

Лица с высшим образованием чаще всего покидают наименее развитые страны. Особое беспокойство в некоторых развивающихся стра-

нах вызывает эмиграция врачей и младшего медперсонала. В 2007 г. в этих странах ОЭСР работали 63,2% всех врачей Анголы, 72,2% врачей Гайаны, 72,7% — Гренады, 89,3% — Антигуа и Барбуды²³. Похожая ситуация сложилась с инженерами, менеджерами, экономистами.

Правда, реальная ситуация не столь однозначно негативна, как кажется на первый взгляд. По наблюдениям специалистов, около половины квалифицированных мигрантов примерно через пять лет возвращается на родину. Они привозят не только накопленный за рубежом капитал, но и новые профессиональные знания и опыт организации бизнеса, в том числе венчурного. При разумной миграционной политике властей такой обратный «приток мозгов» (*brain gain*) может принести стране не только инвестиционный, но и интеллектуальный капитал.

Кроме того, в условиях глобальной коммуникационной революции возвращение квалифицированных работников на родину не означает их полного разрыва с зарубежными мозговыми центрами. Обычно они поддерживают контакты со своими земляками и просто друзьями, остающимися в стране их недавнего пребывания. А это открывает возможность регулярного обмена новейшей информацией технического или делового характера. В результате первоначальная «утечка мозгов» превращается в «циркуляцию мозгов». Не будем забывать, что свыше $\frac{2}{3}$ высококвалифицированных работников в Кремниевой долине (США) — иммигранты. Возвратившиеся оттуда в начале 1980-х годов израильтяне и тайваньцы стали внедрять на родине позаимствованную в Америке модель венчурного предпринимательства. В 1990-х годах их примеру последовали мигранты из Китая и Индии, направившие в США большое число студентов и квалифицированных специалистов²⁴. В конечном счете все это ведет к постепенному нивелированию качества трудовых ресурсов в мировом масштабе.

Этнокультурные эффекты глобальных миграционных потоков

Широкая международная миграция сопровождается смешением этносов и рас из различных континентов. О всемирных масштабах этого процесса дает представление табл. 10.2. При всей приближенности подсчетов очевидно, что миграция трудовых ресурсов — мощный фактор перемешивания представителей различных народов и вероисповеданий. Такое «вливание» в местное общество и культурную среду чужеродных элементов порождает серьезные проблемы (подробнее см. гл. 9).

Таблица 10.2

Доля иммигрантов из разных континентов в их общем числе, %

Регионы, принимающие иммигрантов	Эмигрирующие из регионов						Всего
	Африка	Азия	Европа	Латинская Америка	Северная Америка	Океания	
Африка	52,6	12,5	28,9	0,2	4,9	0,9	100,0
Азия	1,7	54,7	24,5	0,5	16,4	2,2	100,0
Европа	2,5	16,0	59,0	2,5	15,4	4,6	100,0
Латинская Америка	1,1	5,1	10,3	13,4	69,8	0,3	100,0
Северная Америка	2,2	14,7	23,6	21,0	34,9	3,7	100,1
Океания	1,4	8,7	20,1	0,6	22,5	46,7	100,0

Источник: Доклад о развитии человека 2009. ПРООН. М., 2010. С. 150.

Например, общее число мигрантов в странах Евросоюза составляет 15–20 млн (4–5% всего населения), к 2025 г. оно достигнет 25–30 млн человек. Причем дело не только в количестве прибывающих, но и в характере иммиграции. Квалифицированные иммигранты обычно остаются в принимающей стране на пять и более лет. Они привозят семью, обзаводятся здесь широким кругом знакомств. И потому легче интегрируются в местное общество. Работники низкой квалификации, напротив, являются, как правило, сезонными или краткосрочными иммигрантами, которые больше склонны к дружбе с ближайшими соседями того же этноса и вероисповедания. Они не растворяются в местной культуре, группируются в замкнутые анклав, цепко держатся за свою веру, обычаи, язык и уклад жизни.

В частности, мигранты-мусульмане посылают своих детей в мусульманские школы, где преподавание идет по шариатским учебникам, изданным в Саудовской Аравии. Выросшее в Европе второе или третье поколение мигрантов уже не желает мириться с положением граждан второго сорта и устраивает массовые беспорядки, а то и террористические акты. Более того, радикальные исламисты пробуют даже навязать свои порядки жителям стран пребывания.

⇒ Действующие в Великобритании организации «Аль-Мухатжирун» и *Islam4UK* давно ведут пропаганду неограниченного применения шариата в отношении всех британцев. В ноябре 2009 г. они попытались даже организовать в Лондоне «марш за шариат» от парламента до Трафальгарской площади под девизом: «Народ Британии должен знать, что ислам и шариат придут к нему уже очень скоро»²⁵.

Такое развитие событий вызывает растущий протест населения принимающих стран и усиливает электоральные позиции праворадикальных националистических сил.

Регулирование международной миграции началось раньше, чем регулирование международной торговли. Еще в конце XVIII в. в быстро индустриализирующейся Англии промышленным рабочим было запрещено уезжать из страны. В XIX в., когда первые индустриализирующиеся страны Европы захлестнули обезземеливание крестьян и массовая безработица, власти стремились вытолкнуть избыточное население за границу. Это проявлялось не только в снятии ограничений на выезд из Англии, Германии и Швеции, но и в том, что государство, а также филантропические организации, профсоюзы и даже отдельные состоятельные граждане оплачивали расходы эмигрантов по переезду. Британские спонсоры стремились таким путем избавиться от люмпен-безработных, особенно после ирландского голода. Германские власти после революции 1848 г. создали систему государственной и частной помощи эмигрантам как средство от опасных выступлений пролетариата²⁶.

Во второй половине XIX в., а также на протяжении большей части прошлого столетия международной миграции благоприятствовала и политика принимающих стран. Трудовых мигрантов в них не только приветствовали, но и предоставляли им всяческие льготы. Аргентина, например, гарантировала иммигрантам землю и оплачивала их расходы по переезду и обустройству на новом месте. С 1850 г. правительство Бразилии, обеспокоенное нехваткой рабочей силы на сахарных и кофейных плантациях, предоставляло мигрантам землю бесплатно. Благоприятствовали иммиграции и правительства США и Канады, правда, в основном в отношении выходцев из Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна. Вместе с тем к концу XIX — началу XX в. ими были приняты законы, ограничивающие въезд граждан из азиатских стран²⁷.

В эпоху глобализации миграционная политика становится менее спонтанной, более систематической и диверсифицированной. Вплетение трудовой миграции в ткань макроэкономических и социальных процессов как принимающих, так и посылающих стран требует и все более продуманного регулирования.

Миграция все активнее влияет на национальную занятость, на качество человеческого капитала, производительность труда, уровень подушевых доходов и даже на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений. Современная миграционная политика включает в себя не только прямое регулирование потоков мигрантов, но и меры по их интеграции в национальное общество, экономику и культуру.

Процессы в области регулирования международной миграции на национальном, региональном и мировом уровнях могут создать в перспективе систему глобального регулирования мирового рынка труда. Однако ожидать дальнейшей трансформации этой системы в единую Всемирную организацию миграции (ВМО), наподобие ВТО²⁸, не приходится.

Контрольные вопросы

1. Какова взаимосвязь между тенденциями рождаемости и смертности и миграционными потоками?
2. Как изменится численность населения различных регионов мира к середине XXI в.?
3. Какую роль в современном мире играет офшорный аутсорсинг зарубежного труда?
4. Что вызывает рост безработицы в различных регионах мира?
5. Как миграционные процессы влияют на уровень образования в развивающихся странах?
6. В чем преимущества и недостатки международной «циркуляции мозгов»?

Ключевые слова

Миграция, эмиграция, иммиграция, глобализация, трудовая миграция, офшорный аутсорсинг, транснациональные корпорации.

Примечания

¹ Категория «рынок труда» нередко подменяется унаследованным от К. Маркса понятием «рынок рабочей силы», которую автор «Капитала» настойчиво рекомендовал считать товаром. «То, что продает рабочий капиталисту, не является непосредственно его *трудом*, а является его *рабочей силой*, которую он передает во временное пользование капиталиста», — писал он (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 16. С. 131). «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека...» (Там же. Т. 23. С. 178). Таким образом, наемный работник обменивает на заработную плату не свой труд и даже не результат труда, а лишь свою *способность* создавать те или иные ценности. Эта aberrация понадобилась К. Марксу для того, чтобы доказать существование эксплуатации рабочего капиталистом. На рынке рабочей силы, убеждал он, капиталист покупает ее по полной стоимости, но в процессе производства заставляет рабочего трудиться дольше, чем необходимо для воспроизводства цены, уплаченной капиталистом за товар «рабочая сила». Эта примитивная схема, сильно смахивавшая на покупку и эксплуатацию рабочего скота, могла убедить чернорабочих XIX в., но совершенно не вписывается в реалии нашего времени, когда на первый план выходит не мускулатура или выносливость работника, а его интеллект.

Глава 10. Формирование глобального рынка труда

- ² *Kenwood G., Loughheed A.* The Growth of the International Economy 1820–2000. L.; N.Y. P. 45: ПРООН. Доклад о развитии человека 2009. М., 2010. С. 28.
- ³ Доклад о развитии человека 2009. С. 29.
- ⁴ *Kenwood G., Loughheed A.* Op. cit. P. 49, 60.
- ⁵ Доклад о развитии человека 2009. С. 33.
- ⁶ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. P. 488.
- ⁷ В источнике сюда включена не только высокоразвитая Западная Европа, но и менее развитые Восточная и Южная Европа.
- ⁸ Migration and Remittances Factbook 2011. P. 2, 18.
- ⁹ См.: Бизнес для всех. 2006. № 2. С. 17.
- ¹⁰ *Tempest R.* Barbie and the World Economy // Los Angeles Times. 22.09.1996.
- ¹¹ *Farely D. and others.* US Offshoring: Resinking the Response // McKinsey Global Institute. December 2005. P. 2, 8.
- ¹² Indian Department of Commerce. Press-Release. 01.01.2007.
- ¹³ Доклад о развитии человека 2009. С. 50.
- ¹⁴ World Bank. Migration and Remittances. At Glance. November 2010.
- ¹⁵ *Ghosh B.* Migrant's Remittances and Development: Myths, Rhetorics and Realities. 2006. P. 17.
- ¹⁶ Outlook for Remittance Flows 2011–2012 // World Bank. Migration and Development Brief. 8.11.2010. P. 1.
- ¹⁷ Migration and Remittances Factbook 2011. P. 16, 19, 37, 39, 46.
- ¹⁸ ILO. Key Indicators of the Labour Market. 2011. Table 8a.
- ¹⁹ ILO. Global Employment Trends 2011. P. 63.
- ²⁰ Statistical Abstract of the United States 2011. P. 379.
- ²¹ Доклад о развитии человека 2009. С. 154.
- ²² Там же. С. 85.
- ²³ World Migration Report 2010. P. 120.
- ²⁴ См.: *Saxenian A.* Mobility of Engineers and the Rise of Entrepreneurship in the Periphery // UNU. Research Paper. 2006. No 142.
- ²⁵ *Мальцев В.* Британия играет мускулами // Независимая газета. 16.02.2011.
- ²⁶ *Kenwood G., Loughheed A.* The Growth of the International Economy 1820–2000. P. 51.
- ²⁷ См.: *Solimano A.* International Migration and the Global Economic Order / An Overview // World Bank. Research Working Paper 2720. 2001. P. 12–13.
- ²⁸ «Всемирная организация миграции начала бы кодифицировать лучшую практику, сопоставляя национальные политики въезда, выезда и пребывания мигрантов — легальных и нелегальных, экономических и политических, квалифицированных и неквалифицированных» (*Bhagwati J.* Borders beyond Control // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No 1. P. 99).

11

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Библиографический контекст исследований конфликта

Выявление причин конфликтогенного внешнеполитического поведения волновало исследователей международной политики как минимум со времен Дж. Кеннана¹. Реалисты описывают мотивации конфликтного поведения с точки зрения инстинктов: человек по природе своей агрессивен, это особенность его биологического вида. Либералы полагают, что конфликт — эксцесс в процессе сотрудничества. Конструктивисты утверждают, что конфликт мотивируется различием ценностей сторон. Марксисты рассматривают конфликт как протест, реакцию на неблагоприятные внешние условия.

Набор мотиваций конфликтного поведения у традиционных школ узок и заключен в спектре между страхом и питаемыми гордостью амбициями.

⇒ В XX в. в основе взаимного поведения государств лежал анализ рисков безопасности, учет и манипулирование страхами, в отличие, скажем, от Средних веков, когда спектр мотиваций был шире и включал мотивы династической солидарности, религиозной нетерпимости и мессианства, рыцарской доблести и альтруизма. В этом смысле конфликтность XX в. была «беднее».

Отечественный конфликтолог-реалист В. А. Кременюк выделил два мотива конфликтного поведения современных государств — борьба за выживание и амбиции правящих². Реалисты полагают, что основной побудительной силой в поведении государств является страх. Не случайно концепция «баланса сил» прежде всего подразумевает уравнивание взаимных угроз³. «Страх» определяет семантическое ядро доктрин «устрашения» (*deterrence*) и «взаимно гарантированного уничтожения» (*mutually assured destruction*).

С точки зрения анализа мотивов конфликтного поведения структурные вариации реализма менее полезны, чем классические. Неоре-

алисты вслед за К. Уолтцем абстрагируются от уровня «участников» системы, полагая его незначимым для системы в целом⁴. Та же особенность характерна для структурных версий либеральной теории, в отличие от ее классических вариаций, в которых акцентируются разнообразные гипотезы мотивов поведения участников конфликта⁵. Недооценка уровня субъектов действия вызывает критику со стороны конструктивистов, полагающих, что абсолютизация структурализма обедняет теорию международных отношений, дегуманизируя ее.

Модернистские теории оживили структуралистские построения принесенным ими акцентом на взаимосвязи субъективного и объективного в международной политике⁶. В этом смысле плодотворной оказалась дискуссия об урегулировании конфликтов политическими средствами, одним из плодов которой стала концепция Р. Джервиса о феномене «восприятия»⁷. Сопоставлять подходы гуманитарных и социальных наук к проблематике конфликтов призывал и крупный американский конфликтолог Д. Зингер⁸. В частности, он ратовал за изучение конфликтов с позиции общей и социальной психологии⁹.

Инструментарий анализа конфликтности на уровне отдельной личности выработали зарубежные школы психологии — психоанализ и гуманистическая философия, а бихевиоризм позволил выдвинуть гипотезы о макросоциальных причинах конфликтного поведения. В 1950–1970-х годах сформировались три подхода к рассмотрению конфликтного поведения. Первый представлял конфликт как производную от естественных инстинктов, реакцию на невозможность исполнения желаемого (фрустрация)¹⁰. Вторым — как патологию, случай нарушения работы механизмов торможения в психике человека, эксцесс иррационального поведения¹¹. Третий считал патологией только устойчивые формы конфликтного поведения, основанные на мотивах «дефицита» или «избытка», — на этом строилась концепция А. Маслоу¹².

Использование его метода применительно к формам конфликтного поведения представляет значительный интерес, поскольку эта задача еще не становилась темой международно-политического исследования. Попытку создания подобной модели при опоре на методологию бихевиоризма в 1960-х годах осуществил американский конфликтолог К. Боулдинг¹³.

Следуя логике гуманистической психологии, А. Маслоу предложил альтернативное по отношению к психоанализу и бихевиоризму объяснение причин поведения. Он выделил два его вида — экспрессивное (естественное), которое отражает индивидуальность личности и не имеет цели, и функциональное, т.е. целенаправленное. В концепции

Маслоу человеческие мотивации предстают в виде иерархии потребностей. Низшие (базовые) должны разумно удовлетворяться прежде, чем высшие. В иерархии потребностей на первом месте значились физиологические, затем — безопасность и защищенность, а далее — преданность и любовь, самоуважение и, наконец, самореализация.

Этой концепции в общих чертах соответствовала гипотеза об иерархии человеческих потребностей, которую в начале 1990-х годов предложил американский конфликтолог Дж. Бертон¹⁴. Он рассматривал поведение человека сквозь призму: 1) физиологических нужд; 2) социальных, политических и экономических устремлений; 3) ценностей — культурных детерминант. Мотивы ценностного уровня определяли, по мнению Бертона, ключевые параметры управления конфликтами — степень интенсивности противостояния и склонность сторон к компромиссу.

В своей работе «Мотивация и личность», впервые вышедшей в 1954 г., А. Маслоу ввел положение о двух категориях биологических мотивов деятельности. Первая имела источником ощущение нехватки, *дефицита* чего-то, что считалось необходимым для выживания соответствующего субъекта. Двигателем второй было стремление субъекта к *избытку*, росту или самораспространению. Для удобства изложения в дальнейшем в тексте речь будет вестись о *дефицитарных мотивациях* и *мотивациях избыточных*, или, по-другому говоря, мотивах дефицита и избытка.

Первые в литературе трактуются как *нацеленные на снижение напряжения, вызванного неудовлетворенностью одной из базовых потребностей субъекта*¹⁵. Вторые *нацелены на самомобилизацию с целью найти и испытать новые и волнующие переживания*. Маслоу полагал, что только мотив дефицита, который он считал наиболее болезненным, способен вызвать конфликт. Однако очевидно, что и избыточный мотив обладает потенциалом конфликтогенности, который может реализоваться при определенных обстоятельствах.

⇒ Конфликт может возникнуть, если мотив дефицита начнет преобладать в действиях субъекта в патологической форме. Но конфликт вероятен и если субъект пытается снять внутреннее напряжение от самомобилизации (избыточный мотив), вымещая его на окружающих.

Например, так произойдет в случае неограниченного стремления субъекта к накоплению благ в количестве большем, чем требуется для удовлетворения основной потребности. Определенный параллелизм в этом смысле представляет собой классификация мотивов-интересов

государственных субъектов, применяемая в работах российского теоретика системно-структурной школы М. А. Хрусталева¹⁶.

Отталкиваясь от логики заключений о природе человеческой мотивации, можно уточнить типологию мотивов конфликтного поведения.

Под **конфликтным поведением** далее будет пониматься образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслится и реально выступает конфликт.

Предлагаемое определение в оценочном смысле нейтрально и близко к английскому термину *«conflict conduct»* (поведение в ходе конфликта). Подразумевается, что воздействие конфликта может быть и деструктивным, и конструктивным¹⁷. Конфликт может и противостоять сотрудничеству, и быть его разновидностью. Значима степень осознанности мотивов конфликтного поведения. Применяемое рационально, оно может быть основой успешной стратегии. При нерациональном подходе конфликтное поведение — источник непредсказуемых и часто взаимно разрушительных последствий.

При избыточной мотивации вероятность сохранения рационального подхода к действиям в конфликте выше. Преобладает самоутверждающая идея «я контролирую». Так, Северная Корея воздерживается от развязывания войны против южан, хотя постоянно им угрожает. При мотиве дефицита — (само)критическое мышление притуплено. Доминирует единственная цель и оправдывающий принцип «я реагирую» (обороняюсь). В подобном случае на макроуровне бывает вероятна радикализация политического курса, например в случае неудачного развития военной кампании (Ирак в войне 2003 г.), а на микроуровне — в общем ожесточении и дегуманизации поведения любых вооруженных групп (конфликты в Карабахе, Боснии, Косово).

Есть основания полагать, что *ресурс рационального воздействия на поведение, основанного на мотиве дефицита, меньше, чем мотивированного избыточно*. Примером последнего выступает неравновесный паритет между двумя мировыми лидерами времен биполярной конфронтации. США и СССР стремились к экспансии, но не рисковали нападать друг на друга. Взаимная неприязнь не вытесняла рациональное осознание лидерами сверхдержав международной реальности. Управление конфликтом при поведении на основе мотива дефицита затруднено, поскольку субъект сосредоточен на цели, которая в его глазах жизненно важна. В этом случае управление конфликтом возможно преимущественно путем его замораживания или, напротив, бесконечной эскалации вплоть до уничтожения источника конфликта.

Уточнение понятия конфликта облегчает задачу упорядочения имеющихся классификаций типов конфликтного поведения в международной политике. Логика в данном случае может состоять в попытке типологизации по признаку целей (мотивов) действий конфликтующих¹⁸.

Это важно

Обзор имеющихся взглядов и обобщение закономерностей, еще не нашедших в них отражения, позволяет предположить возможность выделения четырех **мотивационных** типов современных международных конфликтов: ресурсный, игровой, демонстрационный и девиантный.

Соответственно к группе ресурсных конфликтов относится подтип конфликтов за лидерство, понимаемый как комплексный ресурс. Группа демонстрационных конфликтов подразделяется на пенитенциарные, протестные и аффективные подтипы, а группа игровых включает в себя подтип провоцирующего конфликтного поведения.

Типология конфликтного поведения государств

Ресурсный тип конфликтного поведения характеризует стремление субъекта или субъектов добиться прямого или косвенного перераспределения в свою пользу какого-то искомого ресурса. Современное прочтение этого тезиса далеко не исчерпывается духом и буквой дискуссий о конкуренции за сырье, топливо и рынки сбыта.

Ресурс, который может порождать конфликт сегодня, — это и материальные, и нематериальные блага: с одной стороны, например, ресурс подчинения экономико-производственного потенциала иностранного государства, человеческий ресурс, собственно территория, полезные ископаемые, с другой — ресурс международного влияния, внутривнутриполитическая мобилизация собственной страны. Допустим, российско-американские отношения в поясе нынешних и бывших стран—участниц СНГ представляют собой конфликт двух держав за ресурс влияния на эти государства и вряд ли могут быть поняты как-либо иначе.

⇒ Поскольку глобальное и региональное лидерство (вернее, формальный и неформальный статус, связанный с его приобретением) само по себе является комплексным ресурсом, то и межлидерская конкуренция в международных отношениях на всех их уровнях — вариант современного ресурсного конфликта.

Ресурсный тип конфликтного поведения применяется сознательно, в его основе лежит расчет. Избыточная форма этого типа конфликтности — классическая борьба за ресурсы, «жизненное пространство». Российский политолог Э. Я. Баталов упоминает в этой связи прежде

всего «...проблемы обеспечения сырьевых ресурсов и в первую очередь — интересы энергоносителей; проблемы обеспечения геоэкономических плацдармов, гарантирующих устойчивый и относительно безопасный и дешевый доступ к этим ресурсам; проблемы обеспечения жизненного пространства для стран с быстро растущим населением»¹⁹.

Различают спектр видов конфликтности этого типа: демографическая — за квалифицированные кадры («утечка мозгов»), за наиболее благоприятные позиции в международном разделении труда (кто производит и экспортирует, а кто покупает технологии). Превращенный вариант ресурсной конфликтности представляет собой преимущественно экономико-политическую борьбу наиболее развитых стран за стабильность той структуры мировой экономики, в которой они исторически заняли выгодные позиции. В. А. Кременюк замечает, что «борьба за стабильность [мировой] системы сама по себе вызывает дестабилизацию»²⁰.

При доминировании мотива дефицита конфликт может возникнуть как попытка одной стороны «компенсировать» этот дефицит путем прямого захвата (аннексия Кувейта Ираком в 1989 г.). Во внутренней политике мотив дефицита способен проявляться, например, в виде показательных репрессий, когда они используются для целей политической мобилизации («бей своих, чтобы чужие боялись»)²¹.

Изогренная форма ресурсной конфликтности с преобладанием мотива дефицита — попытки некоторых малых и средних государств, условно говоря, «пополнить» свой ограниченный потенциал (влияния, например) за счет ресурса мощных иностранных покровителей. Таков тип внешнеполитического поведения Грузии, стран Прибалтики, отчасти Польши и Украины во второй трети 2000-х годов. В разрешении своих реальных и мнимых противоречий с Россией они регулярно пробовали «присоединить» к себе дипломатический ресурс США и некоторых других государств—членов НАТО.

Лидерский подтип ресурсной конфликтности, конечно, заслуживает особого внимания. В ее основе не просто борьба амбиций и чрезмерно эмоциональные реакции элитных групп. В конфликтах лидерского типа, какой бы теоретико-философской ни была их формальная основа, имеется ресурсная составляющая. Долгое время она не осознавалась в качестве таковой аналитиками, поскольку относительно поздно в фокус их внимания попало само понятие организационного ресурса²². С этой точки зрения лидерство — это прежде всего обладание им.

Избыточная форма лидерской конфликтности проявляется в форме межгосударственной конкуренции. Российский международник А. Д. Богатуров отмечал, что «лидерские амбиции характерны для огромного круга

стран, а ревность к чужому лидерству столь же конфликтогенна, сколь агрессивна бывает реакция лидеров на попытки аутсайдеров это лидерство оспорить»²³. Этот тип конфликтности мало зависит от природы участников — в том смысле, что он существует и в рамках интеграции.

Это важно

Конфликтный характер современного мирового развития кроется не столько в разновекторности и нелинейности развития, сколько в том, что вся эта разновекторность после распада СССР впервые оказалась в рамках формирующейся единой мировой политической системы²⁴.

На смягчение лидерской конфликтности среди развитых стран работает рост разрушительного потенциала их вооружений. Взаимное военное сдерживание и устрашение способствуют переходу конкуренции из военно-стратегической в экономическую плоскость.

Конфликты лидерского подтипа с преобладанием мотива дефицита исторически часто принимали насильственные формы. Вместе с тем в последние десятилетия силовые схватки между странами-лидерами стали редкостью. Чаще страны-лидеры применяют силу против заведомо более слабых стран или при столкновении с нетрадиционными субъектами конфликтов (террористическими сетями, партизанскими движениями и т.п.). С этим связано бурное нарастание в 1990–2000-х годах асимметричных конфликтов и соответствующих научных исследований²⁵.

К конфликтам лидерского подтипа можно отнести весь спектр этнополитических конфликтов и конфликты самоопределения, а также межэтнические конфликты, вытекающие из проблем миграции. Конфликт между различными этническими группами почти всегда воспринимается ими крайне драматично — как ценностный конфликт, как борьба за самосохранение²⁶. Российский ученый В. Г. Барановский писал, что этнополитические конфликты «замешены на причудливой смеси синдромов взаимного отторжения, комплексов превосходства и неполноценности, ценностной несовместимости по самым разным основаниям»²⁷.

В практике международной политики сохраняется и продолжает видоизменяться **игровой тип** конфликта, который можно трактовать и как своего рода форму, и как инструмент сотрудничества. Граница между конфликтом и сотрудничеством в таких случаях условна в том смысле, что одни участники системы не стремятся к чрезмерному уменьшению выгод других ее участников. Таким образом, речь о разрушении системы конфронтации не идет. Игровая конфликтность способствует сбросу накопившегося напряжения, не позволяет начаться

настоящему конфликту. Игровой конфликт — конфликт по правилам, часто неписаным, но соблюдаемым. Одной из сопутствующих целей его может быть удовлетворение от победы (условной) и удовольствие от демонстрации своей готовности сразиться с оппонентом. В основе этого типа конфликтности тоже лежит расчет, интерес.

Игровую форму конфликтного поведения отличает стремление конфликтующих выставлять напоказ формальные стороны противоборства. Типичная игровая ситуация такого типа — полувековое противоборство между КНР и Тайванем («стабильная нестабильность»). Более опасными вариантами игровой конфликтности могут выступать отношения Пакистана и Индии, особенно после 1998 года²⁸. А менее угрожающими — «газовые войны» Украины с Россией при правлении блока В. Ющенко — Ю. Тимошенко.

Нидерландский историк Й. Хейзинга писал о том, что в самом общем смысле игровой момент в конфликтном взаимодействии возникает в ту минуту, когда воюющие стороны начинают рассматривать друг друга в качестве противника, достойного уважения, а цель войны — как правое дело²⁹. В этом взаимном отношении заложено ядро будущего компромисса. Логика подсказывает конфликтующим, что если противник достоин сражения с ним, то конфликта можно избежать. Пример игровой конфликтности дает международное сотрудничество в области безопасности. Американский конфликтолог Дж. Гриеко с позиции структурного подхода отмечал, что оно возможно только тогда, когда каждый из участников этого процесса удовлетворен в равной степени³⁰.

Любой конфликт организует отношения сторон по двум направляющим: соперничество — сотрудничество. Соперничество — это конфликтное содержание отношений, а сотрудничество формирует рамки конфликта, его структуру и правила поведения. При обоюдной игровой форме конфликтного поведения соперничество перестает быть антагонистическим — стороны переходят из разряда «враг» в разряд «не союзник, но и не противник» (РФ—США). Военная сила перестает играть роль средства *исключительно* устрашения, становясь *отчасти* и объектом общей озабоченности.

Целью игрового конфликтного взаимодействия становится удержание конфликта в строго определенных рамках максимально продолжительный срок. Указанное наблюдение было научно обосновано в начале 1960-х годов в работах американского психолога Г. Олпорта, который сформулировал положение о том, что средство достижения цели может подменить собой цель и само по себе стать источником удовлетворенности (может стать самоцелью)³¹.

Бытийная форма игровой конфликтности описана американским ученым и политиком Г. Киссинджером в известном высказывании о том, что мир невозможен без равновесия, а справедливость — без самоограничения³².

Поиск инструментов управления конфликтом в условно «безвыходных» игровых ситуациях дал необычный результат в виде разросшегося направления игрового моделирования стратегии держав в конфликте. Классик этого направления Т. Шеллинг — единственный ученый-международник, удостоенный Нобелевской премии³³. В работе 1960 г. «Стратегия конфликта» он показал, что фактор неизвестности и сознательного сужения своих возможностей одной из сторон может сыграть положительную роль с точки зрения управления конфликтом³⁴.

Исходя из того, что конфликт по природе способен быть совместимым со становлением, сохранением и развитием политической целостности той общности, в рамках которой он происходит, игровая конфликтность в наибольшей степени отвечает задаче институционализации макросоциального конфликта. Конфликт в этом случае оказывается практическим введением в стабильность.

Вариантом игрового типа конфликтного поведения предстает его провоцирующий подтип, когда субъект потенциального столкновения не стремится к большой войне, а скорее пробует выявить намерения оппонентов или побудить их вступить с ним в негласный или гласный торг по поводу того, что в идеале должно вылиться в правила предстоящей «договорной конфронтации».

При провоцирующем типе конфликтного поведения задачей «провокатора» является получение дополнительной информации, стимулирование развития событий, игра «проб и ошибок». В основе избыточной мотивации — расчет, интерес, исходящий из потребности в познании и понимании. Примерами этого типа поведения может служить военная тактика разведки боем. В сфере международных отношений провоцирующим поведением на протяжении уже десятилетий отличаются действия правительств Ирана и Северной Кореи. Долгие годы к нему тяготела Ливия — до ее примирения с ЕС в начале 2000-х годов.

Избыточный провоцирующий тип конфликтного поведения лежит в основе сюжетов многих фильмов про первый контакт человечества с инопланетянами: земляне первыми применяют силу для того, чтобы выявить намерения пришельцев. Этот и другие подобные примеры раскрывают элемент условной патологии, заложенный в образе действия военных, их, как правило, принципиальной ориентации на увеличение военных расходов. Они условно накапливают некое количество насилия, и хотя бы часть его должна быть израсходована.

Провоцирующее конфликтное поведение с преобладанием мотива дефицита опирается на представление о безысходности, об отсутствии иных вариантов разрешения травматической ситуации. Это неустойчивое, пограничное психологическое состояние. В литературе указывается, что примерами такого типа служат действия японских камикадзе и фашистских войск СС на заключительном этапе Второй мировой войны.

Особый тип конфликтного поведения — **демонстрационный**, который выглядит как борьба за наказание виновного, средство негативного воздаяния за проступок. Подобное наказание должно быть всем очевидным, броским по форме (не всегда по результатам). Только тогда достигается эффект гипотетического научения (*teaching and learning*), который для подобных конфликтов является одним из самых важных мотивов. Этот тип конфликтности связан с проблематикой этического. Демонстрационные конфликты проявляют себя как минимум в трех подвидах.

Первый из них — собственно *пенитенциарная конфликтность*. Конфликты возмездия хорошо известны на Западе, создавшем институт публичного права с присущими ему формальными системами поощрения и принуждения (Международный суд, миротворчество, принуждение к миру и т.п.). Гуманитарные интервенции и связанная с ними конфликтность — типичные пенитенциарные действия.

Но конфликты возмездия свойственны не только Западу. В них участвовал Китай (война с Социалистической Республикой Вьетнам в 1979 г.). Мотивации такого рода многократно проявляли себя в конфликтах в Африке и всюду, где сохраняются элементы архаичного племенного уклада (например, обычай кровной мести или ритуального самоубийства).

Бытийная мотивация наказующей конфликтности использует наказание как инструмент управления поведением субъектов, что сближает ее с игровым типом конфликтного поведения. К этому типу можно отнести разновидность конфликта, которую российский политолог Д. М. Фельдман называл «безобъектной», возникающей на почве нарушения нравственных норм, покушения на личные или общественные убеждения и представления³⁵.

⇒ Современные объекты насилия определяются не идеологическими или геостратегическими соображениями, а ситуативно, в зависимости от того, соблюдают ли те или иные страны условно общепринятые правила поведения или нет. Принцип «этика выше права» стал фактически утверждаться с 1943 г., когда была принята Касабланкская декларация, содержавшая норму о наказании военных преступников.

В дальнейшем это позволило ставить вопрос о соблюдении прав человека в отдельных странах выше их суверенитета. С середины XX в. пенитенциарные и рестриктивные меры военного и экономического характера (санкции, репрессалии) вошли в арсенал политики разных стран³⁶. Нападения НАТО на Югославию в конце 1990-х годов неизменно преподносились как формы санкций, наложенных на репрессивный режим, нарушающий права человека. Характер репрессивной акции с элементами превентивной войны носили обе войны США против Ирака.

Дефицитарная форма пенитенциарной конфликтности воплощается в идеях мести и политического реванша³⁷. Примерами этого типа поведения служат политика фашистской Германии между двумя мировыми войнами и уже полвека сохраняющаяся хроническая обида радикальных исламистов на правительства Израиля по поводу отсутствия прогресса в ближневосточном урегулировании. Показательно, что логику конфликта в целях «справедливого наказания» (за несправедливое обращение) широко используют экстремисты. В заявлении У. бен Ладена в связи с терактами 11 сентября 2001 г. говорилось: «То, что Америка сейчас переживает, несравнимо с тем, что многие годы чувствовали мы — унижение на протяжении 80 лет»³⁸.

Один из наиболее идеологизированных подтипов пенитенциарного конфликта — *протестный*. Его субъект рассматривает конфликт как средство защиты своих интересов. Различают пассивную и активную формы протеста, однако обе они в глазах их инициатора неизменно преследуют негативную цель (самозащита).

Избыточно мотивированный протестный тип поведения представляет собой «активную оборону» (отражение Советской Россией интервенции, стратегия США по «окружению» СССР, политика СССР на первом этапе Второй мировой войны). В этом же ряду — попытки международных экономических санкций против Советского Союза в связи с введением военного положения в Польше в 1982 г. и такие уже курьезные трения, как сохранение поправки Джексона—Вэника или затягивание процедуры вступления России в ВТО (по сути, неявное препятствование).

Мотив дефицита доминирует при таком поведении, которое вызвано реакцией на неотвратимые и нежелательные изменения. Пассивным формам конфликтности такого рода посвящены работы принстонской школы «исследования сопротивления» (*resistance studies*) под руководством Дж. Скотта³⁹. В сфере внутренней политики пассивные поведенческие стратегии конфликта включают такие формы действия,

как абсентеизм (отказ голосовать) или саботаж выборов. Неудачной формой таких конфликтов в дипломатической практике были попытки советских представителей бойкотировать заседания Совета Безопасности ООН, совпавшие с началом войны в Корее в 1950 г., и отказ советской делегации от подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 году.

Активными политическими формами протестной конфликтности с преобладанием мотива дефицита в 2000-х годах можно считать попытки республиканских администраций США внедрить в мировую практику идеи смены режимов, политика которых не соответствует американскому пониманию международных норм или защиты прав человека. В историческом контексте — это стратегия США по «отбрасыванию коммунизма» в 1950-х годах.

Пласт активной конфликтности этого рода граничит и пересекается с патологическим поведением. Речь идет о протестно мотивированном терроризме со стороны маргинализованных кругов периферийных стран. Некомпетентность и неспособность использовать законные средства удовлетворения своих интересов толкают отчаявшихся на преступления. Это ставит терроризм в разряд политико-психологических, социально-патологических явлений⁴⁰.

Но прежде чем перейти к его разбору, важно выделить еще один подвид демонстрационной конфликтности — *аффективный*. Он реализуется как рефлекс, нерациональная гиперреакция на относительно случайное или даже малозначительное раздражение, провоцирующее действие неожиданно и непропорционально большой мощности. Во всех известных случаях аффективная реакция была связана с желанием субъекта произвести максимально сильное впечатление — на сограждан⁴¹ и/или мировое общественное мнение.

Избыточный аффективный мотив опаснее того, который мотивирован условным дефицитом. Хотя цель такого поведения не является жизненной, «праведный гнев» пострадавшей стороны может вести к гротескно неадекватной реакции на раздражение. Примером служит поведение США после терактов 11 сентября 2001 года. Нападение США на талибов, конечно, выглядит сегодня как своего рода предопределенность, обусловленная сознательным стремлением республиканского истеблишмента продемонстрировать миру, кто в нем главный. В этом смысле «если бы талибов не было, их следовало бы выдумать». Но очевидно и другое: в Вашингтоне существовал принципиальный настрой на силовую демонстрацию где-либо в мире, но не было понимания, когда именно, где и против кого такая демонстрация потребует конк-

ротно. В этом смысле ситуация с войной в Афганистане была спонтанной, а решение о ее начале — реакцией аффективной конфликтности.

⇒ Отражая настроения значительной части американского общества, ведущий аналитик РЭНД, известный специалист по вопросам борьбы с терроризмом Б. Хоффман, критикуя принцип «соразмерности» ответной реакции на теракты, давал пример явно «аффективной аналитики»: «Требуется ответ небывалой решимости и целеустремленности, применение всего диапазона мощных средств — дипломатических, военных, экономических»⁴².

Аффективная конфликтность, мотивированная дефицитом, менее опасна. Хотя цель субъекта является жизненной, его действия связаны с самосохранением и носят зачастую ограниченный и непоследовательный характер. Примером подобного поведения служат импульсивные, но неподготовленные действия ГКЧП во время попытки переворота в СССР в 1991 году. В случае, если бы режим С. Хусейна в 2003 г. действительно применил ОМУ по наступающим войскам «добровольной коалиции», это действие можно было бы квалифицировать как мотивированную дефицитом аффективную конфликтность.

Аффективная конфликтность при любой мотивации слабо поддается управлению. Ее воздействие на стабильность международной системы можно описать метафорой «слон в посудной лавке», поскольку этот тип поведения основывается на нерациональной реакции. Но управление аффективными реакциями может оказаться сравнительно легким, если они не усугубляются и не перерастают в явно **девиантное конфликтное поведение**.

Этот тип представляет собой конфликт как результат патологии. Субъект конфликтного действия решается на болезненно мотивированное насилие, обретающее самостоятельное значение. Как правило, такой конфликт чрезвычайно сильно связан с личностью лидера соответствующей страны, его психической конституцией и личностной структурой.

Субъект дает девиантные (патологические) реакции, когда ощущает себя в ситуации, разрешить которую он не может, но очень *хочет* или, как он полагает, *должен* разрешить⁴³. Патологический тип конфликтного поведения ценностно мотивирован, и поэтому на него трудно повлиять. Избыточная мотивация конфликтности патологического типа очень опасна, хотя цель такого поведения не является для субъекта жизненной. Различают несколько ее разновидностей.

Патологическая враждебность. Эта разновидность объединяет всех субъектов (от радикальных исламистов до милитаристов из демократических стран), для которых мир не является ценностью, а на-

силе выступает основным методом самоутверждения. С помощью насилия террористы добиваются (нередко успешно) международного признания (в середине прошлого века — Ясир Арафат, а в 2000-х годах — «Хамас»), моральной победы над врагом, осуществления миссии на земле⁴⁴.

Пример конфликтного сознания, возникающего при отрыве войны от политических целей, встречается у выдающегося прусского военного теоретика К. Клаузевица: «Все усилия должны быть направлены на достижение [выгодного мира] возможно более надежным способом, и нет той временной жертвы, которую можно было бы считать чрезмерной»⁴⁵. В. А. Кременюк отмечал по поводу влияния республиканской администрации на формирование настроения нетерпимости в американском обществе после событий 11 сентября 2001 г.: «Некто может сыграть на темных, порочных сторонах природы целого народа и тем самым создать совершенно иной морально-этический климат в обществе»⁴⁶. В российской практике примером патологической враждебности к сослуживцам выступает «дедовщина», укоренившаяся в военной службе в СССР к концу 1960-х годов после перехода к массовому призыву на военную службу амнистированных уголовных преступников.

Патологический эгоизм проявляется в форме индивидуалистического национализма, когда гордость за себя совмещается с мессианским стремлением менять других по своему подобию. Американский политолог либерального направления Ф. Фукуяма заметил о США: «Страна, которая ставит защиту прав человека во главу угла своей внешней политики, в лучшем случае тяготеет к бесполезному морализаторству, а в худшем — скатывается к безнаказанному насилию во имя морали»⁴⁷. В этом смысле американский национализм столь же конфликтогенен, сколь и этноконфессиональный национализм малых народов, замешенный на комплексе неполноценности.

Патологический инфантилизм как неосознанный или полусознательный уход от мыслей об ответственности за свои действия посредством вытеснения неприятных ассоциаций (советов, аргументов) из сферы продумывания и подготовки предстоящих решений. Природу этого явления Й. Хейзинга усматривал в привычках избалованного ребенка к отсутствию ограничений, легкому удовлетворению любых, в том числе явно ложных и избыточных потребностей, в дефиците моральных ограничителей, этики добровольного самоограничения, жертвы в пользу ближнего, самодисциплины. В этом смысле он с осуждением пишет о легко удовлетворяемой, но никогда не насыщаемой потребности в банальных развлечениях, жажде грубых сенсаций, тяге

к массовым зрелищам⁴⁸. К стимуляторам девиантного поведения он относил также отсутствие иронии и самоиронии, обидчивость на внешние раздражители, стремление к экзальтации и преувеличениям (в том числе своей роли), подозрительность, нетерпимость, чувствительность к лести.

Для инфантильной конфликтности может быть характерна маниакальность лидера, его истерическая взвинченность от усталости, острой и скрываемой неуверенности в себе, депрессий, завышенных ожиданий от реализации «сверхидеи» (свержения правящего режима в отсутствие какой бы то ни было конструктивной программы действия после захвата власти, например)⁴⁹. Конечно, девиантное поведение нередко связано с совсем другой траекторией развития личности лидера и его иными качествами — фанатизмом во всех его разновидностях прежде всего. Так типы лидеров «баловни»/«капризники» и «аскеты» стоят в одном ряду, хотя вторых явно больше.

Вспышки девиантной конфликтности подобного рода в разные исторические периоды были связаны с импульсивными и экзальтированными лидерами типа М. Каддафи, М. Саакашвили, Р. М. Хомейни, У. Чавеса (и некоторыми иными поборниками «левого поворота» в Латинской Америке)⁵⁰. Психологическими комплексами сходного типа была окрашена в 2000-х годах внешнеполитическая деятельность правительства Ю. Тимошенко на Украине.

Среди исторически одиозных девиантных типов — Дж. Савонарола, А. Гитлер, И. Сталин, Пол Пот, но, конечно, далеко не только они.

Мотив дефицита в сочетании с патологически конфликтным поведением менее опасен, хотя цель действий субъекта представляется ему жизненно важной. Невротик воспринимает мир как опасный и враждебный. Все неизвестное и неожиданное вызывает испуг, при этом страх обусловлен психологической угрозой. Дефицитно мотивированный невротик проникнут неизбывным стремлением к безопасности. Он постоянно подсознательно ищет себе защитника⁵¹, союзника, на которого можно положиться и которого он не находит. Показательна параллель к концепциям «сверхбезопасности» (*hypersecurity*) и «абсолютизации безопасности» (*securitization*) в литературе 2000-х годов.

Практика управления современными международными конфликтами

Предложенная классификация, разумеется, не может быть стопроцентно строгой — прежде всего потому, что большинство современных международных конфликтов имеет сложную природу и отдельные их

характеристики могут попадать в разные графы любого мыслимого классификатора. Например, война США в Афганистане — это преимущественно демонстрационный конфликт аффективного типа. В то же время ему присущи элементы характеристик ресурсного конфликта в его лидерской форме. Задача аналитика в этом смысле — определить, каким конфликт является преимущественно и в тенденции.

Более того, в силу присущей им динамики конфликты могут «перемещаться» в рамках аналитической матрицы из одной категории в другую. Игровой («договорный») конфликт в Тайваньском проливе теоретически может однажды стать настоящим ресурсным конфликтом. Сходным образом может развиваться ситуация на Корейском полуострове или Южной Азии.

Наконец, девиантный конфликт с участием М. Саакашвили в 2008 г. чуть было не вылился в настоящий конфликт — ресурсный или демонстрационный. Поэтому выявление трансформации конфликтности и ее развития в том или ином направлении — важнейшая сопутствующая задача аналитика, для которого классификация конфликтности всегда будет только промежуточным этапом работы, тогда как ее целью — прогноз развития.

При оценке мотивов поведения следует учитывать возможность столкновения разных «ярусов» мотиваций участников конфликта. Важно делать поправку на влияние как внешних условий, так и особенностей психологического состояния обществ, элит, индивидов. При этом может приобретать особое значение фактор асимметрии мотиваций, отмеченный в работах американского конфликтолога А. Рапопорта⁵².

На основании предложенной классификации возможна постановка трех типов задач. *Во-первых*, в целях управления конфронтацией важно как можно точнее диагностировать форму конфликтного поведения — собственную и противника. *Во-вторых*, разумно выделить из спектра типов конфликтного поведения такие, которые препятствуют прагматичному подходу к урегулированию, и стремиться избегать их провоцирования. Особую опасность — и научный интерес — представляют непримиримые конфликты, в которых велика доля подсознательных реакций с элементами патологии. Наибольшую сложность при бытийной конфликтности составляет сочетание патологической и наказующей мотиваций (типа «глобальной войны с террором»)⁵³.

В-третьих, разумно стремиться к сужению спектра возможных неадекватных форм поведения в конфликте путем трансформации конфликтов всех типов в игровую форму или неопасные формы провоцирующей конфликтности. Такой переход возможен при избыточ-

ной мотивации участников процесса управления конфликтом. Обе стороны в этой ситуации склонны прислушиваться к доводам рассудка: их можно устрашать, можно поощрять, а можно комбинировать обе тактики.

Управление конфликтом, в котором одна из сторон придерживается конфликтного поведения, мотивированного дефицитом, затруднительно. В отличие от избыточной дефицитная мотивация деятельности субъекта опирается на его представления о жизненно важных интересах, а потому степень склонности к компромиссам невысока. Тем не менее управление этим видом конфликтности возможно по крайней мере несколькими способами.

Во-первых, оно может реализоваться *путем игнорирования и изолирования* в ситуации, когда угроза слаба, а интерес к сотрудничеству с субъектом второстепенен. Во-вторых, *путем перевода конфликтности в игровую форму* через изменение собственного поведения и создание стимулов для соблюдения противником «правил конфронтации». Это сложно осуществить при патологическом и аффективном вариантах конфликтности, однако попытки добиться результатов на этом направлении ведутся. На основе исследования опыта иракской кампании 2000-х годов в американской литературе появляются работы о преимуществах смены стратегии от «наказания» к «торгу»⁵⁴.

В-третьих, конфликтом можно управлять *путем трансформации мотива дефицита в бытийную мотивацию*. Несомненно, это трудоемкий, долгий и дорогой процесс. Но он может быть эффективным в конфликтах смешанного типа. При таком подходе к управлению конфликтом развитая страна должна трезво оценить уровни потребностей противника и выделить те из них, которые носят по-настоящему жизненный характер. Симптоматично в этом смысле появление первых научных работ по проблеме справедливости в переговорах и урегулированию конфликтов⁵⁵.

* * *

Ученые близки к консенсусу о том, что насилие не только не способно разрешить конфликт, но и вызывает перерастание конфронтации в антагонизм. А. Маслоу верил, что человечество движется к бесконфликтному будущему через самосовершенствование человека. Российский политолог Ю. П. Давыдов соглашается с ним: «Процесс глобализации, размывая основную структуру современного мира — государство, объективно подрывает основы

насилия»⁵⁶. В. А. Кременюк тоже полагает, что насильственный конфликт отходит в прошлое. Движение к миру без конфликтов видится ему на основе управления конфликтами с конечной целью «выйти на такую организацию международной среды, которая сделает невыгодными военные решения»⁵⁷. Задачей такого управления, по мнению Н. А. Косолапова, может стать «перехват» назревающего конфликта, его искусственное провоцирование и направление в русло управления конфликтными отношениями с тем, чтобы снизить издержки его протекания и облегчить его разрешение⁵⁸.

Предлагаемая классификация подчинена задаче уточнения границ между реальными, мнимыми и патологическими стимулами конфликтного поведения. Ее практическое назначение — найти дополнительные рациональные основания разработки стратегии действий в конфликте, которая основывалась бы на стремлении наладить сотрудничество в рамках конфликтного взаимодействия. При этом важно самим избежать бессознательных патологических и провоцирующих реакций.

Ключевые слова

Конфликты, управление конфликтом, конфликтное поведение, мотивационная типология конфликтного поведения.

Контрольные вопросы

1. Почему необходимо изучать психологические основы конфликтности?
2. В чем заключается различие между конфликтами, вызванными дефицитарными и избыточными мотивациями?
3. Какие типы ресурсов могут лечь в основу конфликтного поведения?
4. К какому типу конфликтности относилось советско-американское противоборство?
5. Каким образом структура личности лидера может влиять на внешнеполитическое поведение страны?
6. Каким образом изучение психологических основ конфликтности способствует управлению ею?

Примечания

¹ Его предложения о модификации стратегии США в отношении СССР после окончания Второй мировой войны, по сути, прежде всего отражали понимание Дж. Кеннаном истоков «советского поведения». См.: *Kennan G. F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. Issue 4. P. 566–582.*

² *Кременюк В. А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. М.: ИСКРАН, 2006. С. 31.*

³ *Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9. Issue 4. P. 3–43.*

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

⁴ *Waltz K. N.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

⁵ Так, одна из самых ценимых классиком либеральной мысли А. Смитом его собственных работ была посвящена «теории нравственных чувств». См.: *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments // The Philosophical Quarterly. 2002. Vol. 1. Issue 3.

⁶ Начало их расцвета пришлось на 1950–1960-е годы, когда издаваемый в США *Journal of Conflict Resolution* открыл плодотворную дискуссию об урегулировании и разрешении конфликтов несиловыми способами.

⁷ *Jervis R.* Perception and Misperception in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1976.

⁸ Вышедшая под его редакцией в 1965 г. книга по теме социально-психологических аспектов международных отношений содержала 46 глав, из которых лишь одна была написана профессиональным политологом. См.: *Human Behavior and International Politics: Contributions from the Social-Psychological Sciences / J. D. Singer (ed.)*. Chicago: Rand McNally, 1965.

⁹ Теоретически фундированные исследования проблем соотношения субъективного и объективного в рамках методологии марксизма даны в работах отечественного теоретика Н. А. Косолапова. См.: *Косолапов Н. А.* Социальная психология и международные отношения. М., 1983; *Он же.* Политико-психологический анализ социально-территориальных проблем. М., 1994.

¹⁰ *Frank J.* Sanity and Survival. Psychological Aspects of War and Peace. N.Y., 1967.

¹¹ *Lasswell H.* Psychopathology and Politics. Chicago, 1934; *World Tension. Psychopathology of International Relations / G. W. Kisker (ed.)*. N.Y., 1951; *Farber M.* Psychoanalytic Hypotheses in the Study of War // *Journal of Social Issues*. 1955. Vol. 11. No 1.

¹² *Maslow A. H.* Motivation and Personality. 2nd ed. N.Y.: Harper & Row, 1970.

¹³ *Boulding K.* Conflict and Defense. A General Theory. N.Y., 1962; *Idem.* General Systems as a Point of View // *Views on General Systems Theory / Mesarovich M. (ed.)*. N.Y., 1964.

¹⁴ *Burton J.* Conflict: Resolution and Prevention. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L., 1990.

¹⁵ *Ковалев В. В.* Дефицитарный тип формирования личности // Толковый словарь психиатрических терминов. М., 1976.

¹⁶ *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. С. 55. Автор выделяет жизненно важные, основные и второстепенные интересы государства.

¹⁷ В отечественной социально-психологической литературе представлены определения конфликта (конфликтного поведения) как преимущественно негативного явления. См.: *Леонов Н. И.* Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. СПб.: Питер, 2005.

¹⁸ Развитию политико-психологической типологии конфликта посвящена также работа отечественного политолога Н. А. Косолапова. См.: *Косола-*

пов Н. А. Политико-психологическая типология конфликта // Социологический журнал. 1996. № 3, 4.

¹⁹ Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. С. 50.

²⁰ Кременюк В. А. Международный конфликт: проблемы управления и контроля. С. 86.

²¹ Burton J. People, States and Fear. The National Security Problem in International Relations. Brighton, 1983.

²² Первым к этой теме обратился японский исследователь А. Танака. См.: Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2 / Ed. by S. Sato and T. Taylor. L.: Royal Institute of International Relations, 1993.

²³ Богатуров А. Д. «Конфликты децентрализации» мировой системы // Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2008. С. 33.

²⁴ Лебедева М. М. Рефлексия конфликтов: новое качество «старых» ситуаций // Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2008. С. 111.

²⁵ Paul T. V. Asymmetric Conflicts: War Initiation by Weaker Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Merom G. How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failures of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Arreguin-Toft I. How The Weak Win Wars: Theory of Asymmetric Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Степанова Е. А. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах // Международные процессы. 2008. Январь—апрель. Т. 6. № 1 (16); Степанова Е. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. SIPRI Research Report 23. Oxford: Oxford University Press, 2008; Mudren S. W. The Problem of Force: Grappling with Global Battlefield. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2009; Дериглазова Л. В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009.

²⁶ Звягельская И. Д. Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию // Конфликты и кризисы на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 35.

²⁷ Барановский В. Г. «Соблазн экономизации» исследований о конфликтах // Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2008. С. 51.

²⁸ В 1998 г. Индия и Пакистан провели ядерные испытания.

²⁹ Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. С. 150.

³⁰ Grieco J. Cooperation Among Nations. Ithaca (N.Y.), 1990. P. 2–4.

³¹ Allport G. Personality and Social Encounter. Boston: Beacon, 1960; *Idem*. Pattern and Growth in Personality. N.Y.: Holt, Rinehart Winston, 1961.

³² Kissinger H. A. The White House Years. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 55.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

³³ *Schelling T. C.* An Astonishing Sixty Years: The Legacy of Hiroshima // Nobel Prize Lecture. 08.12.2005.

³⁴ *Schelling T. C.* The Strategy of Conflict. Harvard: Harvard University Press, 1960.

³⁵ *Фельдман Д. М.* Конфликты в мировой политике. М.: МУБУ, 1997. С. 14.

³⁶ *Сидоров А. А.* Экономические санкции в международных конфликтах: опыт США // Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории / Проблемы американистики. Вып. 11. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 58–88.

³⁷ *Lowenheim O., Heimann G.* Revenge in International Politics // Security Studies. 2008. Vol. 17. Issue 4. P. 685–724.

³⁸ Text of Osama bin Laden's Statement // The Associated Press. 07.10.2001.

³⁹ *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Heaven: Yale University Press, 1987; *Idem.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998; *Idem.* The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Heaven: Yale University Press, 2009.

⁴⁰ *Burton J.* Deviance, Terrorism and War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems. L.: Martin Robertson, 1979.

⁴¹ *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. С. 65.

⁴² *Хоффман Б.* Терроризм и борьба с ним после 11 сентября // Внешняя политика США. Электронный журнал госдепартамента США. Т. 6. № 3. С. 26.

⁴³ *Маслоу А.* Происхождение патологии // Мотивация и личность. СПб., 2008. С. 130–136.

⁴⁴ *Lake E.* Senior Qaeda Theologian Urges His Followers To End Their Jihad // New York Sun. 20.12.2007; *Keath L.* Bin Laden Asks Iraq Insurgents to Unite // The Associated Press. 22.10.2007.

⁴⁵ *Клаузевиц К.* О войне. М.: Эксмо, 2003. С. 544.

⁴⁶ *Кременюк В. А.* Международный конфликт: проблемы управления и контроля. С. 68. Исчерпывающее развитие этой темы см. в работе: *Шаклеина Т. А.* Идейное обеспечение внешней политики администрации Дж. Буша. М.: ИСКРАН, 2003.

⁴⁷ *Fukuyama F.* Natural Rights and Human History // The National Interest. 2001. No 64.

⁴⁸ *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 326.

⁴⁹ Strategic Assessment 1995. US Security Challenges in Transition. Washington Institute for National Strategic Studies, 1995.

⁵⁰ *Кулагин В. М.* Нетленность авторитарности? // Международные процессы. 2008. Январь—апрель. Т. 6. № 1 (16).

⁵¹ *Маслоу А.* Мотивация и личность. С. 64–65.

⁵² *Rapoport A.* Fights, Games and Debates. N.Y., 1960; *Idem.* Models of Conflict: Cataclysmic and Strategic // Conflict and Society. L., 1966.

⁵³ *Богатуров А. Д.* «Конституционный кризис» в мировой политике // Космополис. 2003. Лето. № 2 (4).

Глава 11. Современные конфликты и их особенности

⁵⁴ *Rose E.* From a Punitive to a Bargaining Mode of Solutions: Lessons from Iraq // *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49. No 3.

⁵⁵ *Albin C.* Justice in Negotiations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Getting it Done: Post-Agreement Negotiation and International Regimes* / Ed. by B. Specter and I. W. Zartman. Wash.: USIP Press, 2003; *Peace Versus Justice. Negotiating Forward and Backward-Looking Outcomes* / Ed. by I. W. Zartman and V. Kremenyuk. N.Y.: Rowman and Littlefield, 2005.

⁵⁶ *Давыдов Ю. П.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. Январь—апрель. Т. 2. № 1 (4). С. 79.

⁵⁷ *Кременюк В. А.* Международный конфликт: проблемы управления и контроля. С. 52.

⁵⁸ *Косолапов Н. А.* Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО, 2004. С. 187.

12

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

После окончания периода биполярного порядка, неотъемлемой частью которого было военное противостояние/соревнование СССР и США, возник вопрос о радикальном пересмотре подходов ведущих ядерных держав к роли ядерного оружия (ЯО) в мировой политике и политике отдельных государств.

В последние двадцать лет развивалась тенденция к снижению порога ядерного сдерживания как в политике России и США, так и в политике ядерных держав «второго плана» (Великобритания, Франция и КНР). Параллельно обострилась проблема контроля над распространением ядерного оружия, которая создает новые формы гипотетического ядерного конфликта:

- 1) нанесение разоружающего удара по ядерным объектам «неблагонадежного» государства;
- 2) взятие под контроль ядерных объектов «проблемных» стран;
- 3) использование ЯО против территорий, находящихся под контролем террористических сетей, в случае использования последними ядерных устройств;
- 4) использование систем ПРО против ракетных потенциалов «государств-нарушителей».

Итогом этих процессов становится изменение модели ядерного сдерживания, сложившейся в годы «холодной войны».

США после «холодной войны»

Работа по пересмотру системы ядерного планирования началась на завершающем этапе «холодной войны» и велась как в недрах администрации Дж. Буша-старшего, так и в экспертном сообществе. Уже в 1989 г. министр обороны Р. Чейни сообщил о начале пересмотра американской системы ядерного планирования. Вашингтон отказался от принципиальной установки на глобальное ядерное столкновение с СССР, была признана возможность использования ЯО против «опас-

ных режимов», стремящихся к приобретению оружия массового поражения (ОМП). После роспуска Советского Союза усилия по выработке новой ядерной стратегии продолжились.

Американские эксперты разработали новый комплекс стратегических идей. *Во-первых*, было признано, что окончание биполярной конфронтации с СССР не привело к решению ключевых стратегических задач США. «Холодная война» не завершилась демонтажом советского военного потенциала, как это произошло с немецким и японским потенциалом после окончания Второй мировой войны. Россия, как и СССР, оставалась единственным государством мира, способным технически уничтожить Соединенные Штаты и вести с ними войну на базе сопоставимых видов вооружений¹.

Во-вторых, новую направленность получил фактор американского ядерного присутствия на территории союзников. В Вашингтоне прогнозировали, что с исчезновением «советской угрозы» возникнет вопрос о целесообразности продолжения американского присутствия за рубежом, что могло привести к пересмотру ряда договоров (с Японией), возрождению идеи Западно-Европейского союза (ЗЕС) и повышению самостоятельности Европейских сообществ, трансформации НАТО в политический блок.

В-третьих, американские эксперты разработали концепцию «контрраспространения (*counter-proliferation*)»². Речь шла о возможности использования механизмов принуждения для пресечения распространения ОМП. На официальном уровне эта концепция была применена министром обороны США Л. Эспином 7 декабря 1993 года. В ядерной политике США появилось новое направление: комплекс силовых и парасиловых действий, направленных на принудительное разоружение «опасных» режимов.

В-четвертых, американские эксперты возродили концепцию «принуждения» (*compellence*), где «принуждение» понималось как стратегия наказания оппонента за нарушение статус-кво. В 1998 г. группа американских и британских экспертов под руководством Л. Фридмана объявила целью стратегии принуждения навязывание противнику соглашения и обеспечение контроля над его выполнением³. Моделью «принуждения» считалась Первая война в Персидском заливе (1990–1991), завершившаяся выводом иракских войск из Кувейта, созданием «бесполетных зон» над Ираком и свертыванием иракских программ создания ОМП под контролем ООН и МАГАТЭ⁴.

Реформа системы ядерного планирования США началась в первой половине 1990-х годов. При администрации Дж. Буша-старшего

в 1992 г. был создан ряд комиссий: «комиссия Хоффмана» по обновлению американской системы ядерного планирования, комиссия по переоценке американской системы ядерного планирования, специальная комиссия по повышению гибкости американского ядерного планирования. В оперативно-стратегическое планирование было введено понятие «оружие массового поражения» (*weapons of mass destruction*). При администрации Клинтона пересмотр ядерной стратегии США продолжился. 18 сентября 1994 г. президент У. Клинтон одобрил новый «Обзор ядерной стратегии США» (*Nuclear Posture Review*). Документ постулировал, что наибольшую потенциальную угрозу для Соединенных Штатов представляли российские СЯС. Приоритетными задачами ядерной политики США, таким образом, выступали:

- сдерживание России путем создания угрозы поражения объектов, представляющих ценность для ее военно-политического руководства;
 - поддержание «потенциала воссоздания» (*potential of reconstitution*) американских стратегических ядерных сил (СЯС): резерва складированных боезарядов для обеспечения сдерживания других ядерных держав;
 - переориентация части американских СЯС для борьбы с «будущими угрозами»;
 - подтверждение преимущественной ориентации американских СЯС на контрсилловые варианты поражения целей.
- ⇒ «Обзор ядерной политики США» 1994 г. постулировал многовариативность сценариев применения американских СЯС — от нанесения тотального удара до гибкого поражения комплекса избирательных целей. Наиболее выгодным вариантом политики сдерживания провозглашались комбинации ключевых для противоположной стороны целей. «Обзор» подтверждал сформулированное в 1962 г. положение о преимущественно контрсилловом характере американской ядерной стратегии. Основными целями для нанесения стратегических ядерных ударов объявлялось ядерное оружие другой стороны и связанная с ним инфраструктура, а не города и промышленные центры противника.

На этой основе в середине 1990-х годов была разработана доктрина взаимно гарантированной безопасности (*mutually assured safety*), официально представленная министром обороны США У. Перри 5 января 1995 года. Согласно ее условиям Вашингтон увязывал сокращение своих СЯС с продолжением Россией курса демократических реформ в соответствии с положениями, изложенными в Вашингтонской хартии от 17 июня 1992 года. В случае отказа Москвы от «демократических цен-

ностей» Вашингтон оставлял за собой право иметь потенциал воссоздания СЯС до уровня конца 1980-х годов. Также в 1997 г. президент Клинтон подписал секретную Президентскую директиву № 60 (*PDD-60*), в которой, по заявлениям официальных лиц, содержался пункт о нанесении первого ядерного удара. Документ *PDD-60* постулировал три задачи для американских СЯС. Первая — сдерживание вероятного противника (России) угрозой нанесения ударов по узкому кругу целей. Вторая — обеспечение возможности уничтожения объектов на территории стран, пытающихся создать ОМП. Третья — отказ от ставки на ответно-встречный удар с переходом к концепции ответного удара. Применение ЯО должно было начаться только после получения подтверждения о ядерном нападении на территорию Соединенных Штатов.

Следующий шаг в трансформации концепции «сдерживания» был сделан в начале XXI в., что было вызвано ростом опасности применения ЯО в ходе региональных конфликтов. Наиболее реалистичными сценариями перехода через ядерный порог виделись: конфликт США с «государством-нарушителем», конфликт между новыми ядерными субъектами, распад ядерного государства (прежде всего — Пакистана⁵), использование ЯО транснациональными террористическими сетями, ответные меры «легальных» ядерных держав на акты ядерного терроризма.

Администрация Дж. Буша-младшего учла и стратегические новации. «Четырехлетний обзор состояния обороны» (утвержден президентом США 30 сентября 2001 г.) подтвердил, что сдерживание остается основой американской ядерной стратегии. Политика ядерного сдерживания была названа многовекторной, в которой все большую роль будут играть другие ядерные державы, особенно КНР. Подписанный Дж. Бушем-младшим 8 января 2002 г. «Обзор ядерной политики США» предусматривал возможность проведения объединенных операций с применением ядерных и неядерных сил (*Joint Nuclear Operations*). С этой целью предполагался переход к новой структуре стратегической триады:

- ударные наступательные системы (ядерные и конвенциональные);
- оборонительные системы (ПРО, ПВО, средства гражданской обороны);
- инфраструктура, обслуживаемая информационно-космическими телекоммуникациями.

⇒ «Обзор ядерной политики США» 2002 г. скорректировал систему нацеливания американских СЯС. Документ предполагал сокращение количества

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

целей на территории Российской Федерации и увеличение целей на территории других ядерных государств, прежде всего КНР. В документе была изложена концепция «страховочного потенциала» (*hedge potential*). Речь шла о возможности возвращения на боевое дежурство складированных боеголовок. Администрация Дж. Буша-младшего, таким образом, косвенно подтвердила тезис администрации У. Клинтона о том, что российские СЯС остаются ключевой угрозой для национальной безопасности США.

Администрация Дж. Буша-младшего проводила курс на снижение ядерного порога. «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. постулировала возможность: 1) создания угрозы применения ЯО против террористических сетей и поддерживающих их сил; 2) нанесения (в случае необходимости) превентивных ударов по военным объектам на территориях, находящихся под контролем террористических сетей. В «Доктрине совместных операций с применением ядерного оружия» (2005 г.) констатировалась возможность, что США применяют ЯО в локальных конфликтах не только против «государств-изгоев», но и против террористических сетей. В последнем случае документ допускал два сценария:

- 1) если террористические сети будут контролировать территории, подобно движению «Галибан» в Афганистане;
- 2) если террористические сети возьмут под контроль «слабое ядерное государство» (например, Пакистан).

Американские военачальники получали право запрашивать у президента санкцию на нанесение избирательных ядерных ударов по странам или группировкам, угрожающим применить ОМП против США или их союзников.

Реформа затронула узкий сегмент американских стратегических вооружений и получила развитие в форме доктрины «глобального удара» (*global strike*)⁶. 13 апреля 2004 г. министр обороны США Д. Рамсфельд заявил о создании глобальных вооруженных сил, действующих по формуле «10–30–30»⁷. В августе 2004 г. Комитет начальников штабов (КНШ) утвердил концепцию глобального удара в рамках документа *CONPLAN* 8022. В декабре 2008 г. был введен в действие модернизированный оперативный план 8010-08 (*OPLAN*) «Стратегического сдерживания и глобального удара». Оба этих документа предусматривали как нанесение ядерных ударов, так и варианты использования обычного оружия⁸. Для реализации их положений в 2009 г. было создано Командование глобальных ударов *BBC* (*AFGSC*) с центром на военно-воздушной базе Бэрксдейл (штат Луизиана).

- ⇒ Основные шаги по модернизации американской политики ядерного сдерживания были предприняты начиная со второй половины 2000-х годов, когда широкое распространение получила информация о модификации СЯС России и КНР. Примерно с 2005 г. американские эксперты стали обсуждать два сценария использования ЯО. Первый — обретение США способности нанести контрсилловой удар по СЯС России и КНР в условиях стратегической неуязвимости американской территории. Второй — обретение Россией и КНР способности использовать ограниченное количество ЯО в региональных конфликтах для достижения превосходства над США.

Представления о России и КНР как о потенциальных противниках были возрождены в «Стратегии национальной обороны США» 2008 года⁹. Министр обороны Р. Гейтс заявил о стремлении России и КНР укрепить контрсилловой потенциал своих СЯС и о необходимости укрепить традиционные компоненты американской «стратегической триады»¹⁰. Ситуация еще более обострилась после событий августа 2008 г. на Кавказе, а позиция Белого дома показала, что возможность региональных конфликтов с Россией и КНР не исключена.

- ⇒ После «Пятидневной войны» 2008 г. перспектива ограниченного столкновения между Россией и США перестала казаться «запредельным» сценарием. Между тем, по оценке министра обороны США Р. Гейтса¹¹, Российская армия продемонстрировала способность эффективно блокировать действия американских высокоточных систем и низкую степень уязвимости своей авиации для американских информационно-космических систем. Министр обороны высказал мысль о том, что США следует попытаться изменить соотношение стратегических потенциалов с Россией.

После прихода к власти в 2009 г. демократической администрации Б. Обамы американское ядерное планирование стало ориентироваться на модель радикального сокращения ядерных потенциалов всех ядерных держав. 8 апреля 2009 г. была представлена концепция «**минимального сдерживания**» (*minimal deterrence*)¹². Документ предусматривал:

- сокращение на 75% ядерных потенциалов России и Соединенных Штатов;
 - снижение контрсилловых возможностей американских СЯС;
 - перенацеливание оставшихся СЯС на ключевые объекты военной и экономической инфраструктуры противников;
 - модернизация оставшейся части стратегического потенциала.
- ⇒ Концепция «минимального сдерживания» появилась на фоне развернувшихся в США дискуссий о возможности отказа от ядерного оружия и построения «безъядерного мира». 4 января 2007 г. бывшие государственные

секретари Г. Киссинджер и Дж. Шульц, экс-министр обороны У. Перри и бывший глава оборонного комитета сената С. Нанн опубликовали статью о необходимости радикального сокращения, а в перспективе — и полной ликвидации ЯО¹³. На этой основе Гарвардский университет и Международный институт безопасности (Вашингтон) запустили в 2007—2008 гг. проекты изучения возможности построения «безъядерного мира». Итогом этих проектов стало создание 11 декабря 2008 г. международного движения «Глобальный ноль» (*Global Zero*).

Официально министерство обороны США приняло концепцию «минимального сдерживания» и в апреле 2010 г., когда был опубликован «Обзор ядерной политики США», в котором сочетались традиционные и новые компоненты концепции ядерного сдерживания.

Во-первых, «Обзор» 2010 г. стал первым документом, определившим ликвидацию ЯО как конечную цель политики США.

Во-вторых, в документе проблематике нераспространения ЯО уделялось такое же значение, как проблематике ядерного сдерживания. При этом сами рекомендации в области нераспространения повторяли положения «Национальной стратегии противодействия распространению ОМП» 2006 года.

В-третьих, «Обзор» подтвердил важность ЯО для национальной безопасности США и рекомендовал сохранить стратегическую триаду как основу СЯС. Документ также рекомендовал сохранять высокую боевую готовность американских СЯС и оставить в резерве такое количество ядерных боеголовок, которое обеспечило бы быстрое восстановление американских СЯС до уровня Договора СНП 2002 года.

В-четвертых, документ подтверждал возможность взаимодействия США с союзниками, имеющими ЯО, — Британией и Францией. Речь шла о совместных действиях по предотвращению войны или совместном планировании ядерных ударов в случае ее начала. Новым положением было, таким образом, усиление американско-французского взаимодействия в ядерной сфере. (С Британией подобные отношения выстраиваются США в рамках «Пакта Нассау» 1962 г., фактически — с Бермудской встречи президента Д. Эйзенхауэра и премьер-министра У. Черчилля 1953 года.)

Ядерная стратегия США сохраняет, таким образом, многовариативный характер ядерного планирования. Это позволяет командованию ВС США наносить в случае необходимости ядерные удары как по всему стратегическому потенциалу, так и по выборочным объектам противоположной стороны, включая ее СЯС. Новым вариантом этой стратегии стала провозглашенная в 2010 г. приоритетность нацеливания американских СЯС на экономический потенциал возможных

противников. В новых условиях современные количественные потоки американских СЯС становятся «избыточными». Перед американским ядерным планированием появляется новая задача: привести количественные показатели СЯС в соответствие с новыми задачами.

Россия после «холодной войны»

Российская Федерация строила ядерную политику на отличной от США основе. В начале 1990-х годов российские эксперты Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) пришли к выводу, что Россия не сумеет удержать паритет с НАТО по обычным вооружениям. Это повышало роль ядерного компонента российской военной политики. В проекте «Концепции национальной безопасности РФ» (март 1995 г.) основной задачей российских СЯС было объявлено «осуществление ядерного сдерживания». В обеих редакциях «Концепции национальной безопасности РФ» (1997-го и 2000-х годов)¹⁴ фиксировалась задача проводить политику ядерного сдерживания с целью предотвращения военной агрессии против России и ее союзников.

Параллельно Российская Федерация снизила ядерный порог. Советский Союз в 1982 г. взял на себя обязательство не применять ЯО первым. (В устной форме оно было сделано еще в речи Л. И. Брежнева 6 ноября 1977 года.) В «Основных направлениях Военной доктрины РФ» (ноябрь 1993 г.) это обязательство было исключено. Изменения были закреплены в «Военной доктрине РФ» 2000 г., в положении которой допускалась возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений¹⁵.

⇒ В начале XXI в. Российская Федерация продолжала снижать ядерный порог. В 2003 г. министр обороны С. Б. Иванов заявил о праве России наносить упреждающие удары по изготовившемуся к агрессии противнику. В сентябре 2004 г., сразу после теракта в Беслане, было заявлено о праве России наносить удары по базам террористов в любой точке мира (правда, при этом подчеркивалось, что такие удары будут наноситься в неядерном оснащении). В 2005 г. соответствующая поправка была внесена в «Военную доктрину РФ».

Перед российскими СЯС были поставлены новые задачи:

- демонстрация решимости в период существования угрозы путем повышения уровня боевой готовности СЯС, проведения учений и изменения дислокаций отдельных их компонентов;
- деэскалация агрессии угрозой нанесения ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения;

- подтверждение готовности применить отдельные компоненты СЯС в ходе боевых действий посредством проведения соответствующих демонстраций¹⁶.

С конца 1990-х годов в России выходили работы, посвященные опасности развертывания американской системы ПРО для сохранения стратегической стабильности¹⁷. В 1999–2000 гг. российские аналитики заявляли о том, что в ответ на выход США из Договора по ПРО Москва может выйти из Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности РСМД (1987 г.) и СНВ-1 (1991 г.).

- ⇒ На официальном уровне тезис об адекватном ответе на ПРО прозвучал только в Мюнхенской речи президента В. В. Путина 10 февраля 2007 года¹⁸. Впервые с 1985 г. Россия заявила о возможности противодействия недружественным действиям США (в данном случае имелось в виду расширение НАТО и размещение ЕвроПРО) военными средствами. Для демонстрации серьезности своих намерений Россия ввела мораторий на ДОВСЕ (июль 2007 г.) и возобновила замороженные в 1992 г. регулярные полеты стратегической авиации (август 2007 г.).

Политика «перезагрузки» 2009–2011 гг. не принесла изменений в российскую ядерную стратегию. В ходе дебатов по Договору СНВ-3 (Пражский договор 2010 г.) российские эксперты фиксировали три потенциальные опасности: наращивание американских систем ПРО в условиях сокращения российских СЯС, развитие США потенциала высокоточного оружия и возможность запуска совместных американо-британских ядерных программ в условиях, при которых Великобритания не скована ограничениями Пражского договора 2010 года. Россия ратифицировала договор СНВ-3 с тремя условиями: увязка переговоров по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям, модернизация российского ядерного комплекса и возможность выхода из договора в случае наращивания потенциала американской ПРО. Неудача переговоров по ПРО 2010–2011 гг. побудила российское руководство ужесточить свою позицию. 23 ноября 2011 г. президент Д. А. Медведев заявил, что в ответ на одностороннее развертывание американской ПРО Россия оставляет за собой право выйти из СНВ-3. В «Военной доктрине РФ» 2010 г.¹⁹ указывалось, что ЯО будет оставаться важным фактором предотвращения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения. Для России в качестве военных опасностей определяются создание и развертывание систем стратегической ПРО, милитаризация

космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем, распространение ОМП, ракет и ракетных технологий, расширение «ядерного клуба». В документе содержится подтверждение, что Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и/или ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Концептуальные подвижки в стратегии других ядерных держав

Иные концепции применения ядерного оружия используют ядерные державы «второго плана». Эти страны не имеют в своем распоряжении достаточного количества боезарядов и средств доставки для ликвидации стратегических потенциалов России и США. Возможности их ядерных сил позволяют наносить только ограниченные удары преимущественно средней и меньшей дальности. Несмотря на это, Франция, Британия и КНР переходят от «оборонительного» к «наступательному» сдерживанию.

Эта тенденция наиболее заметна в политике *Франции*. Из ядерных держав «второго плана» только Париж официально провозглашал проведение политики ядерного сдерживания. Ее основы были разработаны в период президентства Шарля де Голля²⁰.

⇒ Французская концепция сдерживания была основана на идее, что более слабое в военном отношении государство может сдержать сильное от агрессии посредством угрозы нанесения контрценностного удара²¹.

В качестве наиболее вероятных целей для нанесения ядерных ударов выбиралось несколько ключевых городов на территории потенциального противника²². Французская концепция сдерживания включала в себя три составных компонента:

- сдерживание (*dissuasion*) — воздействие на волю противника угрозой нанесения контрценностного ядерного удара с целью вынуждения его отказаться от агрессии;
- убеждение (*persuasion*) — проведение силовых демонстраций, цель которых состоит в разубеждении агрессора начинать войну;
- оборона (*défence*) — прямое применение военной силы в случае, если стратегия сдерживания не сработала и приходится применять силу.

Первоначально такая стратегия носила демонстративно антисоветский характер. Но в 1964 г. президент Шарль де Голль провозгласил переход к концепции «независимого военного потенциала». Франция отказалась участвовать в американском проекте многосторонних сил ядерного сдерживания и вышла из военной организации НАТО (1966 г.). Однако уже в 1970-х годах произошла первая трансформация французской политики сдерживания: подчеркивалась необходимость расширять взаимодействие Франции в военной сфере со странами Европейского сообщества, признавалась целесообразность взаимосвязи ядерных сил Британии и Франции в общей системе сил сдерживания Североатлантического альянса. В декабре 1974 г. В. Жискард д'Эстен подписал совместное коммюнике с президентом США Дж. Фордом, в котором высказывалось намерение продолжать поддерживать тесные отношения в области обороны в качестве членов НАТО²³. А в 1983 г. президент Франции Ф. Миттеран согласился с тезисом о неделимости безопасности Запада и заявил о готовности дополнить американские ядерные гарантии своими средствами сдерживания.

Вторая волна трансформации французской политики сдерживания произошла при президенте Н. Саркози. Его подход был обозначен как «сдерживание в рамках атлантизма». «Белая книга по вопросам обороны» 2008 г. изменила французскую концепцию «сдерживания»²⁴. Понятие «разубеждение» было заменено на «предвосхищение и осведомленность» (*l'anticipation et conscience*), что подчеркивало значимость разведывательных служб и информационно-космических систем. К стратегии сдерживания добавлялся четвертый компонент — «вмешательство и предупреждение» (*l'intervention et la prevention*). Речь шла о возможности применять силу на территории, входящей в зону стратегических интересов Франции: Средиземноморье, Африка, Индийский океан. «Белая книга» 2008 г. подтвердила право Франции на нанесение первого контрценностного ядерного удара.

⇒ В марте 2009 г. Франция вернулась в военную организацию НАТО. Париж оставил в силе три принципа, провозглашенные в 1964 г. Ш. де Голлем: 1) самостоятельное решение Франции об участии в операциях НАТО; 2) отказ предоставлять в мирное время французский контингент под командование НАТО; 3) французские ядерные силы остаются исключительно под национальным командованием. И все же Ливийская война 2011 г. стала прецедентом участия Франции в военной операции в качестве полноправного члена НАТО.

Иные принципы лежат в основе ядерной политики *Британии*. В отличие от Франции британская сторона не предложила оригинальной

концепции ядерного сдерживания, и Лондон изначально ориентировался на взаимодействие с США в вопросах военной ядерной политики.

⇒ Британские СЯС были включены в американскую систему ядерного планирования. 18 декабря 1962 г. в городе Нассау на Багамских островах президент США Дж. Кеннеди и премьер Великобритании Г. Макмиллан подписали соглашение об участии британских ядерных сил в МСЯС НАТО. Вашингтон обещал помогать Лондону в создании средств доставки ЯО. Лондон обязался передавать свои СЯС под объединенное командование НАТО в случае войны.

В обновленном виде «пакт Нассау» действует и в 2010-х годах. Основу британских СЯС составляют четыре атомных подводных ракетносца класса «*Vanguard*» собственного производства. Но размещенные на них баллистические ракеты — это предоставленные Лондону американские ракеты «*Trident-II*». В 2003 г. американцы установили на своих атомных подводных лодках новую систему перенацеливания ракет «*Trident-II*». Подобные системы были установлены и на британских подводных лодках. В случае войны британские СЯС будут автоматически применены вместе с СЯС США.

По-настоящему оригинальными стали британские дискуссии о возможности ядерного саморазоружения²⁵. 20 июня 2006 г. Комитет обороны палаты общин опубликовал доклад «Будущее стратегического ядерного сдерживания Великобритании».

«Великобритания должна будет рассмотреть вопрос, остается ли ядерное сдерживание необходимым в текущей стратегической обстановке», — отмечалось в докладе²⁶. В пользу отказа от ЯО выдвигались следующие аргументы: наличие ядерных гарантий со стороны США, отсутствие британских ядерных гарантий союзникам, неиспользование ядерных боезарядов в войнах и опасность нападения террористов на ядерные объекты.

В июне 2007 г. министр иностранных дел М. Беккетт поддержала идею «глобального нуля» и заявила, что Британия может стать «лабораторией по разоружению». Эту идею повторил на Конференции ООН по разоружению 12 февраля 2008 г. министр обороны Д. Браун²⁷.

Реализация подобных проектов могла бы сделать Британию первой ядерной державой, отказавшейся от ядерного оружия. Но 12 мая 2010 г. консерватор Д. Кэмерон сформировал первое в послевоенной истории Британии коалиционное правительство. Кабинет Д. Кэмерона взял курс на проведение наступательной внешней политики, получившей в СМИ название «неоимперской». (Одной из причин стало прозвучавшее 19 октября 2011 г. заявление Д. Кэмерона о том, что после Ливийской войны

Британия на Средиземном море «вернулась по могуществу в 1943 год»). В октябре 2010 г. был опубликован новый Стратегический обзор оборонной политики Великобритании «Обеспечение безопасности Соединенного Королевства в эпоху нестабильности»²⁸. В документе подчеркивалась приверженность Лондона политике ядерного сдерживания, основанной на морском компоненте СЯС, а также программе 2006 г. по обновлению БРПЛ «*Trident-II*» и замене АПЛ класса «*Vanguard*». Общее количество ЯО при этом снижалось до 180 единиц, из которых в боевой готовности находилось не более 120 единиц. О проблемах разоружения упоминалось только в контексте глобальных инициатив ООН.

На этом фоне новое значение приобрели франко-британские соглашения 2010 года. Еще во время визита президента Н. Саркози в Лондон 26 марта 2008 г. стороны договорились о расширении формата двустороннего сотрудничества. 2 ноября 2010 г. Франция и Британия подписали Декларацию о сотрудничестве в области обороны и безопасности на 50 лет. Документ предусматривал: 1) создание общих экспедиционных сил; 2) усиление взаимодействия в военно-морской и военно-воздушной сферах; 3) координацию действий в вопросах кибербезопасности. Одновременно было подписано франко-британское соглашение о сотрудничестве в области военного использования атомной энергии, прежде всего — электронного моделирования ядерных испытаний.

⇒ Впервые с 1949 г. Британия пошла на привилегированное военно-политическое партнерство со страной континентальной Европы без участия США. Франко-британские соглашения и последовавшая за ними Ливийская война 2011 г. по сути изменили структуру Евросоюза. Роспуск в 2011 г. ЗЕС и отсутствие прогресса по Общей политике Европейского Союза в области безопасности и обороны (ОЕПБО) означает, что ведущая роль в военной политике ЕС переходит к франко-британскому тандему. Возрождаются популярные в конце 1980-х годов проекты создания общих ядерных сил ЕС на базе объединения французского и британского ядерных потенциалов. Однако переход ведущей роли от франко-германского к франко-британскому тандему автоматически делает ЕС более «атлантическим», то есть завязанным на механизм НАТО и американское присутствие в Европе. Таким образом, в континентальной Европе возникает потенциал для недовольства французской политикой.

В отличие от Франции и Британии *Kumai* никогда не определял свою ядерную политику в категориях сдерживания. После создания ЯО в 1964 г. правительство Мао Цзэдуна взяло на себя два ограничения. КНР обязалась не применять ЯО первой и против неядерных

государств. Китай, в отличие от России, пока не пересмотрел своих обязательств. Это, а также техническая слабость китайского ядерного потенциала блокируют возможность формулирования КНР концепции «ядерного сдерживания».

Концептуальные основы китайской ядерной доктрины стали известны только в 1980-х годах. Первая концепция, концепция «локальных войн», не предполагала использования ЯО. Вторая — концепция «ограниченного ответного ядерного удара» — предполагала строительство компактных ядерных сил. Такие силы должны были быть способны выполнять боевые задачи в разной военно-политической обстановке и в любых военно-стратегических условиях. Это означало отказ руководства КНР от идеи достижения паритета с СССР/Россией и США.

⇒ В 1990-х годах американские эксперты широко обсуждали переход КНР к концепции «ограниченного сдерживания» (*limited deterrence*)²⁹. Речь шла о возможности использования части китайского ЯО для сдерживания США на региональном уровне. Пекин гипотетически мог угрожать нанесением ядерных ударов по американским военным базам на Тихом океане, американским авианосным соединениям и целям на территории союзников США.

Новые тенденции появились в ядерной политике КНР в начале XXI века. В 2004 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао указывал на увеличение роли КНР в системе международной безопасности. В «Белой книге» 2008 г. подчеркивалась важность создания мирного окружения для укрепления экономического потенциала КНР. Есть данные о разработке КНР концепции «активной обороны», предполагающей проведение полномасштабной ответной атаки против агрессора и нанесение ударов по его уязвимым местам. Однако пока КНР не огласила нового подхода к функциональной роли ЯО в своей военно-политической стратегии.

Особым направлением китайской ядерной политики может стать новая морская стратегия КНР. В ее основе лежит концепция «нити жемчуга», разработанная в 2010 г.³⁰, в которой речь идет о создании серии военно-морских баз на всем пути транзита углеводородов от Ближнего Востока до КНР. Такой вариант предусматривает строительство КНР океанского флота и усиление морской компоненты СЯС. Это объективно усилит комплекс противоречий КНР с соседними странами (от Японии до Вьетнама и Малайзии) и даст новый импульс развитию американских концепций «сдерживания Китая» (*containment of China*).

* * *

Десять лет назад в специальной литературе по проблемам ядерного сдерживания произошел всплеск публикаций о снижении порога применения ЯО и даже вступлении в новую «ядерную эру». В США и отчасти в России появились работы, доказывающие, что в новом мире применение ЯО будет более вероятным, чем в минувшем веке. Эти гипотезы пока остались «игрой ума» исследователей. Однако реализация американского проекта ПРО и дискуссии вокруг идеи «безъядерного мира» показывают, что эти прогнозы рано подвергать критике. Политические элиты, получив в свое распоряжение новые идеи, начинают разрабатывать соответствующую политику.

На смену **«оборонительному сдерживанию»**, рассматривавшему ЯО как средство предупреждения агрессии, приходит модель **«наступательного сдерживания»**, в рамках которой ограниченное применение ЯО становится частью принуждения оппонента к совершению определенных действий, которые он по своей воле не стал бы совершать. «Наступательное» сдерживание требует наличия военно-технических систем, приспособленных для нанесения упреждающего удара, высокой защищенности ЯО, гибких схем его применения и возможности совместных действий ядерных и конвенциональных вооружений. Эта тенденция повышает риск применения ядерного оружия, возрождая забытые с 1980-х годов концепции «ограниченной ядерной войны».

Ключевые слова

Ядерное оружие, ядерное сдерживание, контрраспространение, концепция минимального сдерживания, стратегии ядерных держав, «холодная война».

Контрольные вопросы

1. В чем заключается принципиальное отличие трактовок политики сдерживания в США и СССР/России?
2. В чем проявилась новизна подходов к сдерживанию в начале XXI века?
3. В чем специфика французской концепции «ядерного сдерживания»?
4. Как изменилась ядерная политика Британии в начале 2010-х годов? Почему ее называют «неоимперской»?
5. Какие подвижки происходят в ядерной стратегии КНР?

Примечания

¹ *Garthoff R. L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994.

² Подробнее см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: КомКнига, 2007.

Глава 12. Ядерное сдерживание в современной мировой политике

³ Strategic Coercion. Concepts and Cases / Ed. by Lawrence Freedman. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 16.

⁴ *Freedman L., Karsh E.* The Gulf Conflict. 1990–1991: Diplomacy and War in New World Order. Princeton: Princeton University Press, 1993.

⁵ *Quester G. H.* Nuclear First Strike: Consequences of a Broken Taboo. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

⁶ См., например: *Rosen B. R.* Command of the Commons: The Military Foundation of U.S. Hegemony // International Security. Summer 2003. Vol. 28. No 1. P. 5–46.

⁷ После получения соответствующего приказа за 10 дней Вооруженные силы США должны быть переброшены в любую точку земного шара и начать боевые действия, за 30 дней они обязаны разбить войска противника и в течение 30 дней пройти перегруппировку для переброски в иную точку. См.: Rumsfeld Faces Growing Revolt by Retired Gene // The New York Times. 13.04.2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com>.

⁸ *Kristensen H. M.* Obama and the Nuclear War Plan // FAS. February 2010. URL: <http://www.fas.org/blog/ssp/2010/02/vvanil/php>.

⁹ См.: National Defense Strategy. June 2008. P. 9–11. URL: <http://www.defenselink.mil>.

¹⁰ *Gates R. M.* Speech on Nuclear Deterrence. Carnegie Endowment for International Peace. 30.10.2008. URL: <http://www.america.gov>.

¹¹ *Gates R. M.* A Balanced Strategy // Foreign Affairs. January/February 2009. Vol. 88. No 1. P. 28–40.

¹² Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: <http://www.defense.gov/NPR/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>.

¹³ *Шульц Дж. П., Перри У. Дж., Киссинджер Г. А., Нанн С.* Мир без ядерного оружия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ИноСМИ.Ru (<http://www.inosmi.ru/>). 08.01.2007.

¹⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета. 14.01.2000.

¹⁵ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 // Российская газета. 10.02.2010.

¹⁶ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. М.: Министерство обороны РФ, 2003. С. 42.

¹⁷ Подробнее см.: *Ефимов Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: КомКнига-УРСС, 2006.

¹⁸ Выступление Президента РФ В. В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007 // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml.

¹⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 // Российская газета. 10.02.2010.

²⁰ *Галлуа П.* Стратегия в ядерный век. М., 1964; *Poirier L.* Essais de Stratégie Théorique. Paris, 1983; *Sanguinettie Al.* La France et L'arme Atomique. Paris, 1964.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

²¹ Подробный анализ ядерных доктрин Франции см.: *Тюлин И.* Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988.

²² По словам бывшего начальника Генерального штаба СССР Н. В. Огаркова, советское командование полагало, что французские СЯС нацелены прежде всего на Москву и Ленинград как наиболее значимые города Советского Союза. См.: *Веселов В. А., Лисс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 90.

²³ *Воронцов Г.* Атлантические отношения и современность. М., 1977. С. 97.

²⁴ Le Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale est publié. 31.07.2008. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/index.html.

²⁵ *Stocker J.* The United Kingdom and Nuclear Deterrence. IISS (International Institute for Strategic Studies). Adelphi Paper. No 386. (February 2007).

²⁶ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. Presented to Parliament by Secretary of State for Defence and the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command for Her Majesty. December 2006. Crown Copyright. 2006. P. 25.

²⁷ В поддержку идеи отказа от ЯО в июне 2008 г. выступила «четверка» британских экспертов: сэр Мальком Рифкинд, лорд Дэвид Оуэн, лорд Дуглас Хард и экс-генеральный секретарь НАТО лорд Джордж Робертсон. См.: *Hurd D., Rifking M., Owen D., Robertson G.* Start worrying and learn to ditch the bomb // The Times. 30.06.2008.

²⁸ Strategic Defence and Security Review 2010. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence by Command for Her Majesty. October 2010.

²⁹ См.: *Jonston Al. I.* China's New «Old Thinking»: The Concept of Limited Deterrence // International Security. Winter 1995–1996. Vol. 20. No 3. P. 5–42; *Sigal J.* East Asia and the «Constraint» of China // International Security. Spring 1996. Vol. 20. No 4. P. 107–135. Эти настроения кумулятивно выражены в работе: *Gertz B.* The China Threat. How the People's Targets America. Washington, D.C.: Regnery, 2000.

³⁰ *Shen Dingli.* Do not Shum the Idea of Setting up Overseas Military Bases. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2010=01/28/content_19324522.htm.

13

ФАКТОР НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Научно-технологический прогресс и его влияние на современную систему международных отношений

Одним из фундаментальных факторов, определяющих характер современных глобализационных процессов, выступает ускоряющийся научно-технический прогресс. Он проявляется в динамичном развитии наиболее передовых областей знания: освоении космоса, новейших средствах связи, медицине, энергетике. С завершением биполярности на смену открытиям в области ядерных технологий, существенно воздействовавших на международные отношения второй половины XX в., в технико-технологической сфере содержания международных взаимодействий пришла революция в области информационно-коммуникационных (ИКТ), био- и нанотехнологий. Чем более развита страна технологически, тем полновеснее ее влияние в мире, тем шире диапазон возможностей и тем эффективнее обеспечивается ее национальная безопасность.

В процессе эволюции науки на первый план выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности. «Передний край» достижений ученых определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных отраслей.

⇒ За минувшие 100 лет скорость распространения новых технологий возросла более чем в 10 раз. Например, процесс телефонизации половины американских домашних хозяйств с момента изобретения этого средства связи занял 50 лет, а тот же уровень подключения к Интернету — 5 лет¹.

Важно подчеркнуть, что для общества, а следовательно, для внешнеполитических интересов государств имеют значение научные достижения, непосредственно влияющие на антропогенный прогресс, т.е. прошедшие «горнило коммерциализации». Такие достижения именуются *инновациями*.

Человеческий капитал — основа инновационного процесса как на национальном, так и на международном уровне. Международная миграция, особенно совместные образовательные программы, академическая мобильность служат действенным механизмом интернационализации инноваций. В частности, успехи в инновационном развитии Индии и Китая в значительной степени стали результатом успешного взаимодействия с научной диаспорой, проживающей в развитых странах.

География высокотехнологичного производства с начала 1990-х годов неуклонно расширяется, растет число стран — источников современных инноваций. В XIX в. основными центрами сосредоточения инноваций были сначала Великобритания, позднее — Германия и США. В XX в. признанными испытательными полигонами для новых технологий стали США, Япония и другие страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ближе к концу века — некоторые новые индустриальные страны, такие как Корея, Сингапур, Израиль.

Можно ожидать, что в XXI в. центр инновационной активности будет включать в себя также страны БРИКС — Китай, Индию, Бразилию, Россию, Южно-Африканскую Республику. Все вышеперечисленные государства активно работают над развитием собственного научно-технического потенциала.

По способности создавать и внедрять новые технологии страны условно делятся на четыре группы:

- 1) способные освоить весь диапазон технологий (США, Канада в Северной Америке, Германия в Европе, Южная Корея и Япония в Азии, Австралия и Израиль);
- 2) имеющие значительный научный опыт и обладающие возможностью освоить двенадцать из шестнадцати ключевых макротехнологий (Китай и Индия в Азии, Россия и Польша в Европе);
- 3) развивающие науку, способные освоить девять направлений из шестнадцати (Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика в Южной Америке, а также Турция, Индонезия и Южная Африка);
- 4) отсталые, которые могут внедрить только пять технологий (Египет, Кения, Камерун, Чад, Непал, Доминиканская Республика, Пакистан, Иран, Иордания и Грузия)².

Несмотря на то что финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. привел к стагнации и снижению инновационной деятельности в странах ОЭСР, в ряде быстро развивающихся стран всемирный спад не вызвал замедления инновационной активности. В Китае темпы прироста ВВП оставались по-прежнему высокими, а затраты предприятий на НИОКР выросли. В результате доля Китая в глобальных науч-

но-исследовательских и опытно-конструкторских работах еще больше увеличилась. В 2004 г. она составляла 7%, в 2008 г. — 10,5%, в 2009 г. — 13%. Финансово-экономический кризис укрепил активную инноватизацию китайской экономики.

Экономическое измерение глобального инновационного процесса

Ядром инновационной деятельности выступает научно-технический прогресс. Зачастую понятия «научно-технический прогресс» и «инновации» используются как синонимы³.

Однако понятие «**инновации**» не сводится исключительно к научно-техническим достижениям. В самом широком смысле это понятие подразумевает внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих результативность этой деятельности. В Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 гг. инновация понимается как «конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности»⁴.

Й. Шумпетер, один из основоположников теории инноваций, рассматривал инновационную деятельность как важнейшую функцию предпринимателей, при этом выделял радикальные (базисные) и улучшающие инновации, различая экономические и технологические инновации, признавая циклический характер инноваций.

Среди экспертов не существует какой-либо одной предпочтительной методологии идентификации высокотехнологичных отраслей промышленности и наукоемких технологий. Так, ОЭСР относит к наукоемким пять отраслей: аэрокосмическую, производство компьютеров и конторского оборудования, производство средств коммуникации, научное приборостроение и фармацевтическую промышленность. К наукоемким сферам услуг ОЭСР относит современные виды связи, финансовые услуги, образование, здравоохранение и деловые услуги (разработка программного обеспечения, контрактно-исследовательские работы, консультативные и другие подобные услуги)⁵.

Особое значение на современном этапе приобретает экономическое измерение глобального инновационного развития. Ежегодный оборот наукоемкой продукции на мировом рынке, по данным РАН,

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

в настоящее время составляет около 3 трлн долл. США. К 2015 г. оборот рынка наукоемкой продукции может возрасти до 4–4,5 трлн долл.⁶ *Инновационный сектор выдвигается на одно из первых мест в условиях рыночной экономики.*

Более широкий подход к инновациям постепенно находит свое отражение в трансформации системы высшего образования. Сектор высшего образования переводится на более децентрализованный способ организации, в котором университеты наделены автономией и ответственностью. В рамках этой модели финансирование исследований больше опирается на конкурсные гранты, чем на институциональное финансирование⁷.

⇒ Инновации, как правило, создаются в рамках компактных кластеров, что позволяет объединить усилия государства, бизнеса, научных и образовательных институтов на основе сетевых связей. Такого рода кластеры часто рассматриваются как ворота в глобальный мир, узлы глобальной инновационной сети.

Развитие национальных кластеров способствует трансферу технологий.

Кластер — это совокупность расположенных поблизости друг от друга промышленных компаний, образовательных учреждений, исследовательских центров, инфраструктурных компаний, индивидуальных предпринимателей и других организаций с мотивированными и устойчивыми связями, действующих в определенных сферах, взаимодополняющих друг друга.

Кластеры имеют различную форму в зависимости от своей глубины и сложности. Государственные структуры, оказывающие существенное влияние на кластер, обычно рассматриваются как его часть. Широко распространены инновационные кластеры в США. Кремниевая долина и бостонская Кремниевая аллея — лишь наиболее известные примеры. Только в области биотехнологий и фармацевтики насчитывается не менее 15 кластеров⁸. Создаются кластеры и в развивающихся странах. Широко известны такие центры развития информационных технологий, как Бангалор и Хайдарабад, расположенные в Индии.

Научно-технический сектор любого государства — часть глобального научно-технологического пространства. Инновации лишь в редких случаях создаются внутри отдельной страны без связей с более широким международным окружением. Инновационный процесс — это процесс взаимодействия и сотрудничества среди большого числа заинтересованных сторон, институтов и пользователей.

Вызовы и угрозы, связанные с научно-техническим прогрессом

Инновационное развитие мира создает новые и дополняет существующие угрозы и вызовы безопасности и устойчивому развитию, трансформирует природу и формы протекания международных конфликтов, порождает новые виды преступности и терроризма. Именно развитие новых технологий, в том числе информационных, лежит в основе «революции в военном деле». Помимо использования высоких технологий на поле боя, современные конфликты характеризуются широким освещением в СМИ, а также ведением социально-психологических и «информационных» войн. Благодаря использованию передовых технологий, а также формированию глобального информационного пространства новые возможности асимметричного воздействия получают различные террористические, экстремистски настроенные группировки. В этих условиях дополняется разоруженческая повестка дня, становятся очевидными лакуны в международном праве.

Технологии порождают угрозы не только «жесткой», военно-политической безопасности, но и «мягкие», невоенные. В результате использования новых научных и технологических достижений может возникнуть необходимость по-новому рассматривать уже известные международные проблемы, такие как обеспечение прав человека, защита окружающей среды. В информационной сфере очень важен вопрос защиты частной жизни, недопущения «электронного тоталитаризма», тотального государственного и корпоративного контроля с использованием достижений новейших информационных технологий. В контексте развития биотехнологий возникает целый ряд этических вопросов, в том числе защиты биологической идентичности человека. Появляются специфические вызовы, связанные с научно-техническим развитием, которые носят транснациональный характер.

Это важно

Наибольшую опасность несут такие связанные с НТР вызовы, как возможность использования ИКТ против других государств в военных и политических целях, распространение террористической опасности, угроза трансграничного использования террористами высоких технологий как военного, так и двойного назначения; активизация международной организованной преступности, получающей доступ к новейшим технологическим средствам.

Трансграничная деятельность организованных преступных групп, имеющих в своем арсенале новейшие высокотехнологичные средства,

ежегодно становится причиной многомиллиардных убытков, которые несет мировая экономика.

Терроризм эволюционирует в направлении трансграничного использования высоких технологий как военного и двойного назначения, так и гражданских, в том числе информационных. В последнем случае по мощи он превосходит масштабы традиционного терроризма. Его сложно выявить, поскольку современные технологии предоставляют террористам возможность скрытно и эффективно осуществлять координацию между своими разрозненными ячейками и отдельными членами, сбор средств и информации о будущих целях, вовлекать в свои круги новых членов, непосредственно реализовывать террористические акты и распространять информацию об их совершении.

Необходимым условием для взаимовыгодного международного научно-технического сотрудничества становится обеспечение эффективной охраны интеллектуальной собственности и технологий, защиты информации, борьбы с *технологическим пиратством*. Возникновение новых форм международного сотрудничества, интеграция технологий, глобализация рынков научно-технологических услуг, прежде всего рынка ИКТ, обуславливают необходимость совместной разработки кодексов и принципов поведения государств в новых сферах человеческой деятельности: киберпространстве, информационной сфере, Интернете.

Международное право в его нынешнем виде становится неадекватным, поскольку не успевает за новыми областями международной деятельности. Возникающие в них правоотношения в недостаточной степени регулируются действующими нормами и принципами. Требуется дальнейшее развитие и кодификация международного права с тем, чтобы не оставалось правовых лакун, наличие которых позволяет формально легитимно осуществлять по сути незаконные действия: агрессии в новых формах, экономическую и политическую экспансию.

Научно-технологический прогресс становится локомотивом дальнейшего экономического роста государств, который в свою очередь влечет за собой появление новых *угроз для экологии*. Вместе с тем развитие и широкое применение новых технологий и методов производства могут позволить сократить ущерб, причиняемый человечеством окружающей среде. Максимальное использование возобновляемых источников энергии, переход на «чистое» и безотходное производство, появление так называемых безбумажных технологий (электронный документооборот), сокращение вредных выбросов в атмосферу, загрязнения вод и почв за счет применения новейших технологий в очистных сооружениях, более рациональное природопользование могут стать основой для эффективного обеспечения защиты окружающей среды на глобальном уровне.

Среди научно-технологических вызовов выделяются в основном крупномасштабные. Для ответа на них требуется объединение усилий и потенциала многих стран. Это освоение космоса, нанотехнологии, науки о жизни, новые виды энергии, как, например, водородная энергетика, лазерная технология, охрана окружающей среды.

Международное научно-технологическое сотрудничество

Новые глобальные вызовы требуют совместных решений, основанных на инновациях. Среди подобных вызовов — глобальное потепление, продовольственная безопасность, нехватка пресной воды. Появляется необходимость регулирования мировой научно-технической сферы, формирования режима инновационного развития. Наибольшим потенциалом в данной области обладает ООН. Среди специализированных организаций семьи ООН, вовлеченных в регулирование глобальных инновационных процессов, следует выделить ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) и др.

Международное научно-техническое сотрудничество имеет тенденцию к расширению. Интернационализируется исследовательская деятельность — возрастает число патентов, зарегистрированных как результат сотрудничества ученых из различных стран, увеличивается количество статей, написанных в сотрудничестве учеными из различных государств. Производство научных знаний становится не индивидуальным, а групповым: как правило, в нем задействовано несколько научно-исследовательских институтов. Кроме того, оно переходит с государственного на международный уровень. Традиционные формы международного научно-технического сотрудничества все активнее включают в себя совместные инвестиции в фундаментальные и прикладные исследования, трансфер технологий, а также стипендии и стажировки для иностранных студентов и исследователей.

В последние годы наметилась тенденция объединения государств на основе общих интересов в области высоких технологий, реализации совместных проектов. *В сфере высоких технологий складываются новые межгосударственные альянсы.* Государства объединяются вокруг крупнейших научно-технологических, космических, телекоммуникационных проектов, реализация которых ни с финансовой, ни с технической точки зрения невозможна силами лишь одного государства. Осуществляются такие проекты, как Большой андронный коллайдер

(БАК) в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН), международный экспериментальный термоядерный реактор (ИТЭР) и др. Эти формы сотрудничества дают результаты. Например, исследователями ЦЕРН в результате работы БАК было получено подтверждение существования бозона Хиггса, что стало важным этапом развития теоретической физики. В результате другого международного научного проекта был расшифрован геном человека.

Вместе с тем исследователи признают, что традиционных форматов сотрудничества недостаточно в условиях усложнения международной реальности. Государства заинтересованы в расширении научно-технического сотрудничества, в том числе при участии негосударственных субъектов.

Это важно

По мере усложнения техносферы, роста взаимозависимости и целостности мира необходимым становится формирование эффективного и универсального механизма управления глобальным научно-технологическим прогрессом в интересах мирового сообщества.

Таким образом, наметилось создание новых форматов регулирования глобальной научно-технологической сферы, упорядочивающих деятельность государственных и негосударственных акторов и отражающих изменения, происходящие в мировой политике, трансформацию политической системы мира и усложнение глобальной инновационной сферы.

Построение глобального информационного общества и его влияние на мировую политику и безопасность

Развитие информационных технологий — яркий пример влияния научных открытий на политическую сферу. Информационные технологии, в первую очередь развитие и широкое распространение Интернета, оказали глубокое трансформирующее воздействие на все сферы жизни общества — культурную, экономическую, социальную.

Это важно

Глобализация, одна из наиболее значимых тенденций современного мира, в значительной степени была обусловлена развитием и внедрением трансграничных по своей природе новейших научно-технических достижений, в том числе информационных технологий и Интернета.

В формирующуюся глобальную технологическую и информационную среду уже переносятся ключевые составляющие международной

политической, торгово-экономической, культурной деятельности. Быстро развивается сектор электронной коммерции, многие виды бизнеса переносятся в онлайн-среду, появляются новые продукты и услуги. Одной из новых, спорных и сложных с точки зрения международного регулирования проблем стало появление «электронных денег».

Широкое использование информационных технологий дало возможность правительствам в режиме реального времени обращаться ко всем гражданам государства, выходить практически на неограниченную международную аудиторию, таким образом, внешняя политика начала работать в режиме онлайн, постоянно находясь в фокусе СМИ.

Информационная безопасность выходит на передний план международной повестки дня вследствие осознания возрастающей зависимости всех сфер жизни личности, общества и государства от информационных инфраструктур и их уязвимости, в том числе физической. Подтверждение тому — атаки вирусов *Stuxnet* против АЭС в Иране, публикация конфиденциальной дипломатической переписки сайтом *WikiLeaks*, действия хакерского движения *Anonimous*, массовая волна протестов в странах арабского Востока, получившая в прессе название «*Twitter*-революции». Основная угроза международной информационной безопасности — возможность применения ИКТ в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности.

Важнейшими угрозами международной информационной безопасности являются использование ИКТ на уровне государств в отношении информационных инфраструктур другого государства (прежде всего критически важных для национальной безопасности) в политических, в том числе военных целях, преступная и террористическая деятельность в киберпространстве⁹. Эксперты обращают внимание на то, что в результате распространения ИКТ изменяется характер социума, следовательно, изменяется характер возникающих в нем противоречий и способов их разрешения¹⁰.

Происходит трансформация всей военной архитектуры: мы являемся свидетелями «информатизации» вооруженных сил и «интеллектуализации» традиционных вооружений. Информационные средства воздействия становятся важным элементом военного потенциала государств, эффективно дополняя традиционные средства ведения вооруженных конфликтов и способным в ряде случаев полностью заменить их. В структуре вооруженных сил появляются специальные подразделения, основная задача которых — ведение информационного противоборства и отражение информационных атак (в США с 2009 г. действует киберкомандование *Cybercom*, планируется создание ана-

логичной структуры в России). Международные организации, прежде всего действующие в сфере безопасности, также координируют действия государств в данной сфере (так, действует Центр передового опыта по совместной киберзащите НАТО, в рамках ОДКБ проводятся операции по противодействию киберпреступности ПРОКСИ).

При этом обеспечение информационной безопасности на международном уровне имеет определенную специфику по сравнению с иными вызовами и угрозами. В информационном пространстве крайне сложно определить источник атаки. Более того, вследствие трансграничной природы субъектами информационной безопасности выступают как государства, так и негосударственные участники мировой политики, такие как бизнес-структуры, террористические организации, преступные группировки.

Использование информационных технологий в военно-политических целях лишь в ограниченной степени попадает в сферу действия норм международного права. Все более актуальной становится адаптация международного права к особенностям информационной сферы. Россия стала первым государством, поднявшим на международном уровне вопрос о появлении принципиально новых — информационных — угроз национальной и международной безопасности в XXI веке. С 1998 г. по инициативе России резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» принималась Генеральной Ассамблеей ООН ежегодно. Россия ориентирует международное сообщество на исследование угроз в сфере информационной безопасности и принятия необходимых совместных мер по их устранению, в том числе создание международно-правового режима, ограничивающего возможности использования ИКТ во враждебных целях. Москва рассматривает обеспечение международной информационной безопасности в рамках «триады» угроз: преступной, террористической и военно-политической¹¹. Кроме того, Россия инициирует обсуждение проблемы информационной безопасности на региональном уровне, в рамках таких организаций и форумов, как ШОС, АТЭС, БРИКС, ОБСЕ, ОДКБ.

Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе наталкивается на противоречия в государственных интересах. Растут противоречия между США и Китаем в сфере обеспечения информационной безопасности¹². Эти два государства предлагают различные видения на проблемы обеспечения информационной безопасности.

- ⇒ Если Китай, как и Россия, выступает за государственное регулирование информационной сферы и обеспечение информационной безопасности на основании международных договоров, то США предпочитают частную модель регулирования. До недавнего времени США уклонялись от признания военно-политической составляющей информационной безопасности, делая акцент на террористической и преступной компонентах.

В настоящее время Соединенные Штаты признают наличие военно-политических угроз международной информационной безопасности, при этом делают акцент на праворегулирующем, а не предотвращающем подходе. В то время как Россия выступает за исключение интернет-пространства из военных действий (что нашло, в частности, отражение в проекте «Правил поведения в информационном пространстве»¹³, предложенном государствами ШОС для принятия в качестве официального документа ООН), США предлагают распространить на данную сферу нормы и принципы международного гуманитарного права. Признание информационной сферы в качестве объекта регулирования международного гуманитарного права (права ведения военных действий) легитимизирует возможность информационных войн, подчиняя их, однако, определенным правовым ограничениям (недопущение атак на объекты гражданской инфраструктуры и пр.¹⁴).

Соединенные Штаты — государство-лидер в области развития ИКТ и, следовательно, не заинтересовано в принятии на себя международных обязательств в данной сфере. Однако в последние годы наметилось изменение баланса сил в глобальном информационном пространстве. *В США приходит осознание того, что наиболее передовое с точки зрения ИКТ государство оказывается наиболее уязвимым.* Следствием этого является изменение позиции относительно международно-правового регулирования информационной сферы. США в последние годы более склонны поддерживать многосторонние инициативы по обеспечению информационной безопасности (в американской терминологии «кибербезопасности»), что открывает возможности для развития международного сотрудничества и формирования международного режима в данной сфере.

Глобальные процессы информатизации способствовали увеличению числа участников международных отношений, а также повышению активности и эффективности участия в них. Все более значительный вес на мировой политической арене начали приобретать гражданское общество, крупные, в том числе транснациональные, компании, которые теперь имеют беспрепятственный доступ к информации, а также постоянную связь друг с другом. Благодаря формирова-

нию глобального информационного пространства у организаций гражданского общества появилась возможность влиять на общественное мнение в глобальном масштабе, привлекать внимание к проблемам.

Государства усиливают свое присутствие в Интернете, растет число международных правительственных организаций, вовлеченных в регулирование глобальных информационных процессов и ресурсов. Информационные технологии становятся фактором совокупной мощи государств. Традиционная межгосударственная система находит свое отражение в Интернете, появляется новый термин «информационная геополитика»¹⁵. Это подтверждает также быстрое развитие так называемой дипломатии *Web 2.0* в США, Китае и ряде других стран.

В настоящее время управление Интернетом в значительной степени находится под контролем США. Техническая координация Интернета, управление пространством имен и адресов сети осуществляется некоммерческой организацией *ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers* — Корпорация по присвоению имен и адресов Интернета), зарегистрированной в штате Калифорния и зависящей в принятии решений от министерства торговли США. Сложившаяся ситуация создает ряд политических и экономических преимуществ для США, предоставляя возможность управления развитием и использованием Интернета. Россия выступает за интернационализацию управления Интернетом, передачу функций технической координации к Международному союзу электросвязи (специализированной организации ООН). Управление Интернетом на основе межправительственного подхода в рамках Международного союза электросвязи (МСЭ) позволит защитить государственный суверенитет во Всемирной сети. Россия также выступает за необходимость контроля государствами собственного сегмента глобального информационного пространства и невмешательство во внутренние дела посредством использования ИКТ.

На современном этапе государствам и иным акторам мировой политики приходится встраиваться в уже существующую систему управления Интернетом, вследствие чего в данной области мировой политики широкое распространение получает многоуровневая, или мультинаправленная, дипломатия, формируются так называемые гибридные организации и складываются новые модели сотрудничества. В 2006 г. под эгидой Генерального секретаря ООН был создан Форум по вопросам управления Интернетом, функционирующий как многоуровневая переговорная площадка, в рамках которой на равных принимают участие государства, бизнес, НПО и представители академического сообщества. Форум был создан по итогам Всемирной встречи

на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившей под эгидой ООН, также в многоуровневом формате. И хотя многие исследователи склонны видеть в создании подобного рода переговорных площадок инструмент доминирования развитых стран, устанавливающих тесные связи с бизнесом и НПО и получающих таким образом дополнительный канал влияния на международные процессы, широкое распространение многоуровневых моделей глобального управления может рассматриваться как одна из современных тенденций мировой политики.

* * *

Таким образом, складываются новые форматы регулирования международной среды, изменившейся под воздействием инновационного развития, научно-технического прогресса и ряда других факторов.

Ключевые слова

Глобализация, научно-технический прогресс, ИКТ, международная безопасность, информационная безопасность, международное право, научно-техническое сотрудничество, Интернет.

Контрольные вопросы

1. В чем проявляется влияние научно-технологического развития на эволюцию международных отношений?
2. Как можно сгруппировать государства по степени их включенности в научно-технологическое развитие?
3. Какие новые угрозы и вызовы формируются в результате стремительного научно-технологического развития?
4. Какие формы принимает международное научно-техническое сотрудничество в современном мире?
5. В чем заключаются возможности и противоречия формирования глобального информационного общества?

Примечания

¹ *Castells M. The Rise of the Networked Society. 2nd ed. Willey-Blackwell, 2010. P. 40.*

² См.: *The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications / Silbergliet et al. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2006.*

³ Термин «научно-технический прогресс» широко использовался в советской экономической науке и означал «использование передовых достижений науки и техники, технологии в производстве с целью повышения эффективности и качества производственных процессов, лучшего удовлетворения по-

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

требности людей». Близок ему по значению термин «научно-техническая революция» (НТР). В современной экономической теории научные достижения, используемые в экономике и технике, чаще называют инновациями.

⁴ Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг. (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.07.98 № 832).

⁵ Цит. по: *Кириченко Э. В.* Международный трансферт технологий: оценка, проблемы, перспективы // Новые явления в мировом обороте технологий: место России / Под ред. Э. В. Кириченко. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 6.

⁶ Инновационные направления современных международных отношений / Под ред. А. В. Крутских, А. В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 28.

⁷ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Highlights. OECD publishing, 2012. P. 6.

⁸ *Кириченко Э. В.* Указ. соч. С. 11.

⁹ *Крутских А. В.* К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. 2007. № 1 (5). С. 28–37.

¹⁰ *Федоров А. В.* Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М.: МГИМО (У), 2008.

¹¹ См., например: Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Исследование 33. Управление по вопросам разоружения. ООН, Нью-Йорк, 2012.

¹² *Lieberthal K., Singer P.* Cybersecurity and U.S.-China Relations. Brookings Institute. Jonh L. Torton China Institute in Brookings, 2012. URL: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Papers/2012/2/23%20cybersecurity%20china%20us%20singer%20lieberthal/0223_cybersecurity_china_us_lieberthal_singer_pdf_english.pdf.

¹³ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 г. на имя Генерального секретаря. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности. A/66/359. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rus.rusemb.org.uk/data/doc/internationalcoderus.pdf>.

¹⁴ См., например: *Rauscher K., Korotkov A.* Working towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. East-West Institute, 2011. URL: <http://www.ewi.info/working-towards-rules-governing-cyber-conflict>.

¹⁵ См., например: *Быков А. И.* Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ТЕНДЕНЦИИ, СВОЙСТВА, ЭФФЕКТЫ

Непрекращающаяся эволюция национальных (НИС), региональных, корпоративных и иных инновационных систем и связей между ними в течение последних 25 лет привела к беспрецедентным по размаху и глубине процессам интернационализации и глобализации инновационных процессов. Прекращение биполярного противостояния сверхдержав, либерализация мировых торгово-инвестиционных режимов, а также информационно-коммуникационная революция сделали мир «меньше» и сняли основные препятствия на пути свободных перетоков знаний и технологий, товаров и услуг, капиталов и кадров. Появились качественно новые условия развития, ускорившие складывание глобальной инновационной системы (ГИС) как феномена более высокого порядка относительно традиционных взаимодействий инновационных систем различного уровня.

Даже без сложной концептуализации каждый из нас эмпирически знаком с практическими, осязаемыми следствиями глобализационных процессов и формирования ГИС. Наиболее удобной демонстрацией в этом отношении всегда служат высокомодуляризованные и стандартизированные — и потому поистине интернациональные — персональные электронные системы (табл. 14.1). Любое такое устройство собрано из компонентов, разработанных и произведенных в США, странах Западной Европы и Японии, Тайване и Южной Корее и т.д. Причем чем дальше, тем больше речь идет не о простой «вертикальной» производственно-технологической кооперации, но о настоящих открытых инновациях, куда каждый из субъектов привнес существенную долю собственных компетенций и творчества, без которых конечный продукт не имел бы шансов на появление.

Несмотря на то что поверхностный анализ ГИС создает искушение назвать ее очередным этапом глобального разделения труда и интенсификации мировых торгово-инвестиционных потоков, в реальности данный феномен имеет собственную специфику. Применяя теории национальных инновационных систем, открытых инноваций, «тройной»

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

(государство—бизнес—наука) и «четверной» (те же и некоммерческие организации) «спиралей»¹ и т.д., можно представить всеобъемлющую характеристику ГИС.

Таблица 14.1

iPhone 4: основные поставщики компонентов и работ, по странам

Страна	Компания	Себестоимость, долл. США
Тайвань	Largan Precision, Wintek	20,75
ФРГ	Dialog, Infineon	16,08
Республика Корея	LG, Samsung	80,05
США	Broadcom, Cirrus Logic, Intel, Skyworks, Texas Instruments, TriQuint	22,88
Прочие (в том числе КНР)		47,75
Итого		187,51

ГИС — метасистема инновационных систем² разного порядка (национальных, региональных, локальных, корпоративных и иных) и транснациональных агентов различного уровня, связанных сквозными открытыми сетевыми взаимодействиями, имеющими взаимоусиливающий характер³.

Инновация — комплексное технико-технологическое *решение* и сопутствующая *практика*, приводящие к созданию новых или существенному улучшению текущих способов удовлетворения явных или неявных нужд потребителей — в том числе в части производственных процессов. При этом вслед за К. Кристенсенем и рядом иных теоретиков необходимо разделять улучшающие, или инкрементальные, и подрывные (*disruptive*, т.е. создающие принципиально новые рынки), процессные и продуктовые инновации.

Технология — способ производства и использования определенного продукта или процесса.

Наука — производство знаний, лежащих в основе технологий и не имеющих непосредственного практического применения.

За счет эффектов сетевизации, открытости и взаимоусиления связей в рамках ГИС формируются *глобальные* инновационно-технологические цепочки и метасущности высокого порядка (транснациональные игроки, в том числе глобальные сетевые субъекты), обладающие качественно более высокими характеристиками инновационной активности.

При всей своей запутанности на первый взгляд объяснение имеет достаточно простые воплощения в реальности. Чтобы проиллюстрировать реальные проявления ГИС, рассмотрим кратко избранные примеры глобальных инновационных процессов.

Для начала укажем эффекты ГИС на примере полярных национальных инновационных систем. Одним из самых впечатляющих примеров служит *Китайская Народная Республика (КНР)*. За последние 20 лет КНР сделала потрясающий рывок в развитии, превратившись из «старой» в «новую» промышленную державу. В количественном отношении современный Китай — это крупнейший экспортер высокотехнологических товаров (22% мирового экспорта) и наукоемких услуг (8%), глобальный «хаб» по производству различного рода наукоемкой продукции. В полном соответствии с теориями интернационализации ТНК⁴ и иными концепциями за четверть века активного привлечения прямых иностранных инвестиций в технологический сектор КНР также стала значимым центром локализации относительно сложных процессных технологий и компетенций. Об этом говорят хотя бы темпы прироста корпоративных лабораторий ТНК в Китае⁵. С середины 2000-х годов КНР стала развивать уже *инновационные* компетенции, взяв курс на формирование эндогенных, т.е. собственных, незаимствованных, инноваций. Заметно выросли объемы НИОКР, число патентов и научных статей и их доля в мировых показателях (рис. 14.1). Важным показателем успехов Китая является также рост внимания к нему со стороны венчурного капитала, представители которого после начала кризиса стали рассматривать АТР и особенно КНР в качестве наиболее перспективного объекта вложений⁶. Несмотря на то что быстрый рост производственно-технологического и научного потенциала Китая вызвал ряд асимметрий развития, в том числе достаточно формальный подход к производству знаний и технологий в погоне за количественными показателями, качественный рост КНР налицо.

Это важно

Если абстрагироваться от успехов китайской технологической, инновационной и инвестиционной *политики*, мы обнаружим, что сам переход КНР в статус глобального производственного и технико-технологического «хаба» напрямую связан с формированием открытой глобальной инновационной системы.

Неоспоримо, что локализация ТНК производств и технологий в Китае была изначально обусловлена соображениями экономии издержек. Но их *последствия* и *эффекты* стали воплощением и стимулом более глубоких процессов: транснационализации инноваций и эко-

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

систем инноваций, выноса отдельных функций или подсистем НИС за их географические пределы, формирования глобальных производственных цепочек и пулов талантов и т.д.

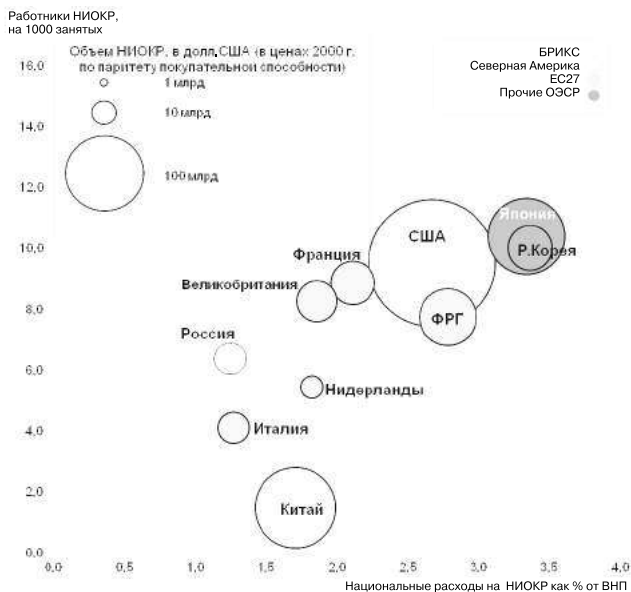

Рис. 14.1. Доли и объемы расходов на НИОКР избранных стран

Источник: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2011. OECD: Paris, 2011.

Еще более заметное влияние ГИС выявляется при анализе формирования эндогенных инновационно-технологических компетенций КНР. Будучи открытой (т.е. не обладая всей полнотой функций и элементов), инновационная система Китая в рамках решения вышеназванной задачи стремительно глобализируется и интернационализируется. В условиях неспособности КНР производить прорывные технологии и инновации мирового уровня китайские компании при активной государственной поддержке создают центры НИОКР и дизайна в США и других развитых странах. И хотя первичная логика этих действий имеет вполне классический характер поэтапного трансфера в КНР нужных компетенций, де-факто логика развития ГИС вынуждает Китай именно к открытым взаимодействиям сетевого характера. Упомянутые центры строятся на открытой архитектуре, совмещая функции, с одной стороны, объекта НИС, вынесенного за ее геогра-

фические границы, а с другой — сетевого субъекта на стыке двух НИС. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто об импорте технологий, а об удаленном формировании функции или компетенции НИС — явное указание на иное качество процессов.

Подобная картина наблюдается и в части кадровых потоков: китайские студенты и ученые за рубежом, с одной стороны, получают важные знания и навыки для своей страны, а с другой — вносят вклад в развитие принимающих стран.

Важно отметить, что аналогичные примеры циркуляции кадров и импорта компетенций, формирования центров компетенций как вынесенных элементов НИС характерны и для других передовых развивающихся и «молодых» развитых стран, таких как Индия или Республика Корея⁷. Иными словами, мы имеем дело с достаточно универсальным феноменом.

Обратный пример, но также подтверждающий эффекты ГИС, представляют собой *Соединенные Штаты Америки*. За последнюю четверть века Америка пусть и вынужденно, но «избавилась» от значительной части собственных производств, включая некоторые сложные, а также от немалой доли «второстепенных» и ассоциированных с производством НИОКР.

⇒ Американская модель инновационного развития представляет собой квинтэссенцию открытости и сетевых взаимодействий. Вкладывая поистине огромные средства в НИОКР — больше, чем любой отдельный *регион* (табл. 14.2), обладая более крупными и гармонично сбалансированными инвестициями в нематериальные активы, а также доминируя на ключевых рынках наукоемких услуг⁸, американская инновационная система тем не менее гибко использует производственные, разработческие, дизайнерские и производственные компетенции и потенциалы зарубежных стран для сохранения своего динамизма и лидерства.

Наконец, симметричная картина наблюдается и для корпоративных инновационных систем, где сетевой и открытый характер работ с некоторыми изъятиями становится нормой для продукции открытых и закрытых архитектур. Своего рода «модельными» примерами подобного рода отношений являются проекты *Boeing B787 Dreamliner* и продукция *Apple*, большая часть компонентов которых разработана и произведена вне материнских компаний и в значительной мере вне США. Другим характерным, пусть и далеко не единственным показателем этих процессов служит быстрый прирост расходов на внешнюю контрактацию НИОКР: только в американских ТНК он до кризиса

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

в несколько раз превосходил аналогичные показатели собственных профильных расходов корпораций⁹.

Таблица 14.2

Глобальные вложения в НИОКР по основным странам и регионам

Страна/регион	Объем НИОКР, млрд долл. США
США	403,7
ЕС-27	294,2
Япония	148,7
Республика Корея	43,9
КНР	120,8

Источник: Science and Engineering Indicators 2012. Arlington, VA: National Science Board, 2012. Appendix Table 4–43 на основе OECD, Main Science and Technology Indicators (2011/1).

Встает вопрос о непосредственных причинах сетевизации и роста открытости ГИС как мегатрендов — вне очевидных выгод, которые они приносят и которые стали значимыми на более поздних стадиях развития системы. Хотя их основой остается глобализация, исходных базовых причин второго порядка несколько, и все они имеют универсальный характер. Прежде всего это рост глобальной конкуренции в сфере инноваций и связанное с ним относительное сокращение жизненных циклов технологий и инноваций. Прямым следствием этих процессов становится ставка на специализацию, концентрацию ресурсов на ключевых конкурентных компетенциях с выводом в широкую среду (экосистему) инноваций прочих непрофильных и поддерживающих функций — как ради снижения издержек, так и для гибкости в доступе к лучшим мировым решениям. Открытие же мировых рынков при усилении страновой, региональной и местной специализации и росте уникальных местных компетенций обеспечили глобализацию и транснационализацию данных процессов.

Как выглядит современная ГИС и какова ее структура?

В общих чертах она описывается классическим теоретическим инструментарием мирсистемных концептов, однако есть особенные черты. Речь идет о трехуровневой системе — не считая наименее развитых стран, которые де-факто не вовлечены в мировые торгово-инвестиционные процессы или выполняют в них исключительно функцию сырьевого обеспечения. **Центр** состоит из Соединенных Штатов, стран Западной Европы и Японии (рис. 14.2). В совокупности они обеспечивают производство ключевых для развития ГИС продуктов — наиболее

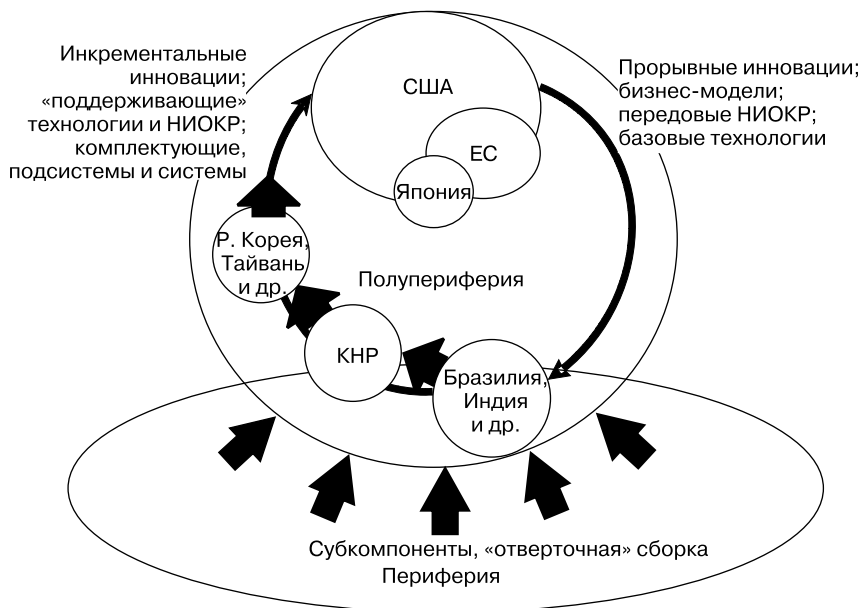

Рис. 14.2. Схема глобальной инновационной системы и ее функций

ценных знаний и инноваций, особенно подрывных, базовых технологических платформ, а также некоторых передовых товаров и услуг¹⁰. Иными словами, Центр сосредоточен на высокомаржинальных видах и стадиях инновационной деятельности, вынужденно отдавая прочее на периферию ГИС ради концентрации ресурсов на инструментах сохранения лидерства. Именно это — наряду с мощным внутренним рынком, формирующим «якорный» заказ на передовые инновации и технологии, — гарантирует их лидерство в ГИС. Относительно системы в целом они выступают в качестве интеграторов, управляя динамизмом и отношениями ГИС посредством взаимодополняющих инструментов *предложения* передовых инноваций и технологий, спроса на «обеспечивающие и дополняющие технологии, НИОКР и т.д. и требований к соответствующим продуктам и полупродуктам.

В отличие от Центра **Периферия** делится на два достаточно неоднородных уровня. К Периферии 1-го порядка, или **Полупериферии**, относятся страны, разрабатывающие и производящие технологически сложную продукцию и услуги, в том числе для нужд субъектов Центра. Это своего рода класс «вендоров» ГИС. К данной категории от-

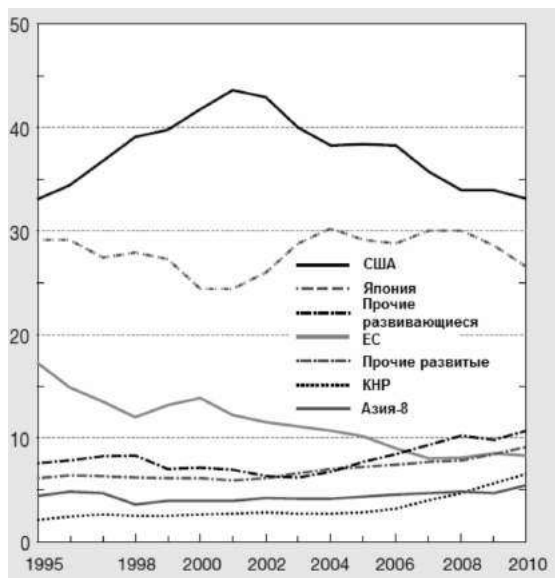

Рис. 14.3. Доля различных стран и регионов в произведенной добавленной стоимости в сфере высокотехнологических товаров, %

Примечание. Азия-8: Индонезия, Малайзия, Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Филиппины. ЕС без учета Кипра, стран Балтии, Люксембурга, Мальты и Словении. КНР — не считая Гонконга.

Источник: Science and Engineering Indicators 2012. Arlington, VA: National Science Board 2012.

носится довольно обширный список стран, различных по уровню развития. Это и уже *почти* инновационные Республика Корея, Сингапур, Тайвань, а также находящиеся пока на ступень ниже в развитии КНР, затем Индия. Фактическое отличие этих стран от Центра состоит в их неспособности производить собственные подрывные инновации или базовые технологические платформы. Несмотря на то что многие авторы объясняют эту относительную слабость исключительно нехваткой ресурса фундаментальной науки, в реальности картина выглядит сложнее: проблемой является асимметричное развитие НИС в пользу крупных субъектов, ее низкая дифференциация, невысокая интенсивность внутренних взаимодействий НИС, отсутствие необходимых компетенций, культурные и институциональные барьеры и т.д.

Периферия 2-го порядка включает в себя страны, обеспечивающие простейшие и наименее маргинальные сферы деятельности — произ-

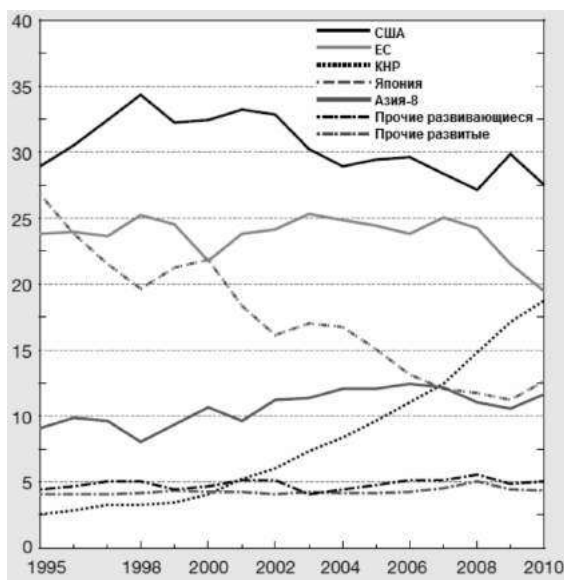

Рис. 14.4. Доля различных стран и регионов в произведенной добавленной стоимости в сфере наукоемких услуг, %

Источник: Science and Engineering Indicators 2012. Arlington, VA: National Science Board 2012.

водство первичных компонентов, «отверточную» сборку и т.д. К таким государствам относятся Филиппины, Индонезия, Малайзия и др.

Материальным выражением предложенного структурирования ГИС являются расчеты долей различных стран и регионов в глобально произведенной добавленной стоимости — объективный показатель роли и места различных стран в ГИС (рис. 14.3, 14.4). Так, несмотря на поистине чудовищные торговые дефициты, в том числе по высокотехнологическим товарам, США вместе с ЕС и Японией сохраняют лидерство по вышеозначенным показателям. Причем новая методология, предложенная ОЭСР, убедительно демонстрирует, что учет фактора добавленной стоимости приводит к переоценке в сторону понижения и показателей торговых дефицитов наиболее развитых стран¹¹. Аналогичным образом небольшая, хотя и растущая доля ведущих стран Тихоокеанской Азии достаточно наглядно показывает их позицию как Периферии 1-го порядка. Вполне подтверждает предложенную картину и анализ таких данных, как вложения в нематериальные активы.

Основной характеристикой ГИС, способом сохранения системной стабильности и лидерства Центра является не консервация, а, напротив, саморазвитие элементов ГИС и умеренно высокая вертикальная и горизонтальная динамика субъектов. Причин тому несколько. *Во-первых*, в рамках логики снижения издержек (в том числе концепций «обедняющего роста») и дальнейшего сосредоточения на ключевых компетенциях страны Центра заинтересованы в усилении соответствующих «дополняющих» возможностей Периферий 1-го и 2-го порядков. *Во-вторых*, мировое развитие служит основой для системного заказа на их подрывные инновации и новые технологические платформы. *В-третьих*, сам факт возможности повышения статуса в рамках ГИС является для стран обеих периферий мощным мотиватором к сотрудничеству с Центром и соблюдению «правил игры», что дополнительно стабилизирует и гармонизирует систему.

В целом вертикальная и горизонтальная динамики ГИС ограничены различными уровнями Периферий (в том числе в пределах субуровней каждой из Периферий). Однако сохранение текущего состава субъектов Центра не является данностью. На протяжении всего периода формирования ГИС наблюдалась поразительная гибкость системы, которая де-факто проявляет готовность к *управляемому* включению в состав Центра новых игроков. Несмотря на алармистские и достаточно резкие оценки этого процесса со стороны общественности и экспертов наиболее развитых стран¹², по сути «мягкое» введение Республики Корея или Китая (в более отдаленном будущем) в состав «ядра» может быть согласовано между державами Центра с целью стабилизации и обеспечения динамизма ГИС в целом. В данном отношении можно напомнить, что аналогичный опыт уже существует, пусть и в эпоху до полной функциональности ГИС, — это так называемое японское чудо 1960–1980-х годов. Аккомодация новых игроков Центра в принципе возможна, а соответствующие инструменты уже существуют, апробированы и привели уже к критическим, а вполне конструктивным результатам.

Вертикальная и горизонтальная динамика дополняется сетевыми эффектами. Расширенный (относительно любых национальных аналогов) доступ к *лучшим* мировым ресурсам — талантам, компетенциям, знаниям, производствам — и модульный принцип их соединения обеспечивают качественно более высокие результаты развития, являющиеся по сути своей производными (эмерджентными) от свойств ГИС¹³. Во многом в этом отношении прослеживаются прямые параллели с кластерными эффектами. Именно данный эффект и позволяет говорить об обратной усиливающейся связи сетевых взаимодействий ГИС. Причем

заметим, что в перспективе способность к управлению этими сетевыми взаимодействиями станет как раз новым способом доминирования в ГИС и дополнительным фактором ее мобильности.

Описание *последствий* формирования ГИС в предложенной интерпретации выглядит следующим образом. *Во-первых*, налицо объективный интерес как стран Центра, так и Периферии к расширению границ, масштабов и динамизма инновационной и инвестиционной активности системы. Следовательно, требуется относительная стабилизация отношений, «расшивка» ресурсных и инфраструктурных ограничений стран-претендентов, формирование новых глобальных регуляторов торгово-инвестиционных потоков. Кроме того, де-факто осуществляется их включение в той или иной форме в системы (и контуры влияния) более высоких или «параллельных» порядков — торгово-инвестиционную (экономическую), международно-политическую и т.д. Причем эта задача становится тем более актуальной, что ставший уже классическим ресурс Китая как страны сначала 1-й, а затем 2-й Периферии почти исчерпан. По экономическим, политическим и иным причинам с прежней ролью он мириться не намерен, да и выгоды дешевого труда постепенно исчезают.

Во-вторых, очевидный эффект, аналогичный тому, что продуцирует глобализирующаяся экономика в целом, — это рост взаимозависимости между всеми уровнями ГИС, проецирующейся на другие сферы отношений. Соблюдение «правил игры» вознаграждается (и потому управляемость ГИС и смежных систем растет), но и Центр становится «уязвим». Хотя и не вполне корректным, но наглядным примером этой взаимозависимости стало разрушительное цунами в АТР 2004 г. и землетрясение в Японии в 2011 г., больно ударившие по ТНК развитых стран. Сложное взаимопроникновение НИС, открытые инновации и сетевые взаимодействия принуждают игроков существенно трансформировать свои стратегии, снижая вероятность конфликта между ними, но повышая уровень взаимовлияния и взаимоучета политических, экономических, социокультурных интересов.

Одновременно усиление технологических или тем более инновационных потенциалов стран Периферии 1-го и 2-го порядков прямо влияет на традиционные измерения силы. Даже в условиях бесконфликтности приводит к тому, что «старым» лидерам приходится потесниться в складывающихся системах глобального управления.

Однако следует учитывать, что, говоря о ГИС, мы всегда оперируем категориями становления и постоянного формообразования, а не чем-то окончательно сформировавшимся (да и возможно ли нечто *ставшее*,

когда речь идет о быстро меняющихся инновационных процессах?). И если часть специфических и общих эффектов и свойств ГИС мы можем фиксировать как фактические, то некоторые мы можем маркировать как тренды.

Основным фактором неопределенности остается *управляемость* процесса развития ГИС и сохранения лидерства Центра. Предметно говоря, речь может идти о сочетании «провалов» развития передовых стран и революционных преобразований развивающихся.

С одной стороны, можно утверждать, что перед развитыми странами возникли серьезные вызовы в сфере управления приоритетами. Традиционные *национальные* мобилизационные инструменты развития подрывных инноваций либо неэффективны, либо утеряны, растут ресурсные ограничения, наблюдается снижение эффективности долгосрочного планирования и целеполагания, уменьшилась даже рисковость технологических инвестиций, ориентирующихся часто на корпоративный спрос, а не на подрывные инновации¹⁴. Возникает вопрос об управлении долгосрочным развитием и воспроизводства лидерства — особенно в эпоху сетевых открытых инноваций. Пока очевидного ответа на эти вызовы нет, что явно демонстрируют попытки администрации Б. Обамы, а также его европейских и японских коллег создать национальные инструменты направленного стимулирования инновационно-технологических «революций»¹⁵.

Это важно

Компетенции развитых НИС и их ТНК в сфере подрывных *продуктовых* инноваций (типа того же *iPad*) остаются неоспоримыми, однако этого для глобального лидерства может оказаться недостаточно.

С другой стороны, сочетание в ряде передовых развивающихся стран мобилизационных инструментов, рыночных и сетевых механизмов при росте ключевых инновационных компетенций может стать фактором, революционизирующим ГИС в пользу гораздо большего влияния «новых игроков». Формально, по количественным (ВВП, расходы на НИОКР, доля наиболее влиятельных научных публикаций, доля в произведенной добавленной стоимости по технологическим продуктам и т.д.) и по качественным (развитость институтов, компетенций и др.) оценкам, передовым развивающимся странам предстоит сделать поистине «квантовый» скачок, чтобы встать вровень с ведущими странами. Причем внутренняя культурная, социальная, экономическая модернизация оказывается едва ли не большим барьером на пути их «прорывного» развития, нежели разрыв в финансировании науки и инноваций.

Однако, как представляется, этот фактор все равно остается в долгосрочной перспективе фактором неопределенности.

Другим, достаточно классическим (для теорий глобализации) фактором неопределенности ГИС является внутренний конфликт между *национальными* социальными, культурными и властными институтами и глобальными инновационными процессами. Наибольшие споры вызывают «экспорт» отраслей и функций НИС, а также взаимопроникновение НИС. Последнее является необходимым условием для поддержания конкурентоспособности и лидерства стран Центра (снижение издержек, доступ к ресурсам и т.д.) и инновационно-технологического роста передовых развивающихся стран. Однако для стран Центра это означает проблему структурной безработицы и иные негативные макроэкономические последствия при росте рисков диффузии значимых технологий. Для развивающихся же государств следствием является проникновение чужих культурных кодов, социоэкономических институтов, потребность в форсированной социальной и институциональной модернизации, к чему они не всегда готовы и чего не всегда желают. Баланс между рисками и выгодами глобализации не найден, что порождает нередко достаточно хаотические ответы, наподобие всплесков протекционизма.

Развитие глобальной инновационной системы несет в себе еще больший вызов самим основам традиционного мирового порядка и национальным институтам. В эпоху, когда *среда* и предоставляемые ею *возможности* становятся ключевыми факторами выбора географии и способа деятельности наиболее талантливой и активной части населения, информационные технологии создают новые субкультурные группы, а понятие страновой принадлежности ТНК приобретает нередко скорее *политическое* звучание, по-новому звучит вопрос о будущем феноменов национального, государственности и регионализма. Эти вызовы известны давно, однако глобальные инновационные процессы добавляют новую ноту.

* * *

ГИС усиливает реструктуризацию глобальных взаимосвязей, где отдельные регионы могут оказаться экономически, культурно и социально ближе друг к другу, чем их «доменные» НИС, а субкультуры инноваторов, «кочующих» между страной занятости и страной происхождения или в виртуальном пространстве, — сформировать совершенно иной, имеющий множественную идентичность сегмент мирового сообщества.

Ключевые слова

Инновация, наука, технология, инновационные системы, глобальная инновационная система (ГИС), характеристики ГИС, функции ГИС, транснационализация инноваций.

Контрольные вопросы

1. Какие условия способствовали формированию глобальной инновационной системы?
2. Каким образом сочетаются тенденция интернационализации инновационного развития и стремление растущего числа стран развивать эндогенные технологии?
3. Как структурирована современная ГИС?
4. Какова взаимосвязь ГИС с научно-техническим и экономическим развитием страны?
5. Каковы перспективы развития ГИС?
6. В чем заключаются угрозы сохранению лидерства развитых стран в ГИС?

Примечания

¹ См.: *Чесбро Г.* Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М.: Поколение, 2007; *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты—предприятия—государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010; *Иванова Н. И.* Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002.

² Используя достаточно традиционную терминологию, можно сказать, что это система систем, или система 3-го порядка, — относительно НИС (система систем 2-го порядка) и систем/подсистем нижнего уровня.

³ Некоторые количественные характеристики, такие как совместные научные статьи, кооперация и коллаборация инновационных бизнесов, совместные НИОКР и т.д., см в.: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2011. OECD: Paris, 2011. P. 46–49, 92–95, 106–109, 172–173, 180–181 etc.

⁴ См., например: Global Trends in Venture Capital. 2009 Global Report. P. 8–10. Deloitte. URL: http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Croatia/Local%20Assets/Documents/Documents-2009/hr_Venture_capital_survey_2009.pdf и т.д.

⁵ OECD Reviews of Innovation Policy: China. Synthesis Report. OECD in collaboration with The Ministry of Science and Technology, China. OECD, 2007. URL: <http://www.oecd.org/science/inno/39177453.pdf>. P. 13, 33 etc.

⁶ См., например, краткий обзор некоторых важных для данной проблемы теорий в спецвыпуске журнала *Transnational Corporations: Transnational Corporations*. August 1999. Vol. 8. No 2.

⁷ См., в частности, об этом: *Си Чжин Чанг.* Sony против Samsung. Увлекательная история борьбы титанов. М.: Эксмо, 2010.

⁸ См.: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2011. P. 24–25; Science and Engineering Indicators 2012. Arlington, VA: National Science Board, 2012. P. 6–18, 6–20 etc.

Глава 14. Глобальная инновационная система

⁹ Расчеты на основе: Science and Engineering Indicators 2010. Arlington, VA: National Science Board 2010. Appendix Table 4–51. URL: <http://www.nsf.gov/statistics/seind10/appendix.htm>.

¹⁰ Передовые технологические продукты: передовые материалы, аэрокосмические системы, биотехнологии, гибкие производственные системы, передовые электроника и информационно-коммуникационные системы, науки о жизни, оптоэлектроника, ядерные энергетические системы, вооружения и военная техника. См.: Science and Engineering Indicators. 2012. P. 6–39, 6–40 etc.

¹¹ См., например: Trade in value-added: concepts, methodologies and challenges (joint OECD-WTO note). URL: www.oecd.org/sti/ind/49894138.pdf.

¹² См., например: *Atkinson R. D.* Enough is Enough: Confronting Chinese Innovation Mercantilism // The Information Technology and Innovation Foundation. February 2012. URL: <http://www2.itif.org/2012-enough-enough-chinese-mercantilism.pdf>.

¹³ *Эмерджентные свойства* — свойства, появляющиеся как итог взаимодействия подсистем (т.е. не сводимые к простой сумме составляющих) и не существующие отдельно в каждом элементе ГИС.

¹⁴ См. об этом и о дискуссиях о поддержке «*The Next Big Thing*» венчурного сообщества, в частности, в: *Лебре Э.* Стартапы. Чему мы еще можем поучиться у Кремниевой долины. М.: Корпоративные издания, 2010.

¹⁵ См., например: Наука и инновации: выбор приоритетов / Отв. ред. Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

15

МИРОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

XXI век поставил человечество перед новыми вызовами, связанными с истощением природных ресурсов, прежде всего энергетических, и с обостряющейся год от года борьбой за углеводородные ресурсы планеты и природные ископаемые. После (в результате) глобального финансового кризиса 2008–2010 гг. обозначилась прочная взаимосвязанность основных ресурсов планеты — продовольствия, воды и энергии. Эта взаимосвязь подается исследователями как один из основных планетарных мегатрендов.

«Спрос на эти ресурсы будет существенно расти за счет увеличения населения планеты. Решение проблем, относящихся к одному товару, будет завязано на поставку и спрос на другие», — отмечают авторы доклада Национального комитета по разведке США «Глобальные тренды 2030: альтернативные миры»¹.

Еще больше эти тенденции обострились в связи с событиями весны 2011 года. Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке самым существенным образом угрожает энергобезопасности многих стран, прежде всего европейских. Государства, затронутые беспорядками, обеспечивают 30% европейского импорта газа. Нетто-экспорт нефти и нефтепродуктов из стран, в которых проходили волнения, равен 60% нетто-импорта ЕС². Последовавшее за этими событиями землетрясение, вызвавшее аварию на АЭС в Японии, внесло не менее значительные коррективы в энергетическую картину мира. Начался пересмотр энергетических политик многих стран, направленный на более осторожное развитие атомной энергетики, расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), увеличение доли газа в энергобалансе.

Для российского энергоэкспорта особое значение имеет произошедшая после глобального финансового кризиса переоценка приоритетов энергетической политики Европейского Союза в отношении обеспечения безопасности импорта из разных регионов.

Факторы изменений на энергетических рынках

Мы являемся свидетелями революционных изменений в мировой энергетике. Причина этих процессов — отнюдь не развитие добычи сланцевых углеводородов.

Это важно

Речь идет о системных изменениях технологических основ современной энергетике. Эта часть мировой экономики стоит на пороге энергетической революции, в основе которой лежит начавшийся переход от индустриальной энергетике к постиндустриальной.

Если индустриальная энергетика базировалась на сжигании ископаемого топлива, транспортируемого на большие расстояния, на потреблении больших объемов энергии, то энергетика постиндустриальная основана на энергии возобновляемых источников энергии (атомной), децентрализации источников и потребителей, эффективном использовании сравнительно небольших потоков энергии. Основные направления энергетической революции — повсеместное распространение технологий энергосбережения, интеграция энергетике в техносферу, распространение ВИЭ, децентрализация энергетике, создание «умных сетей» и энергоинформационных систем, появление таких проектов, как «энергоэффективный дом» и «энергоэффективный город».

Современное развитие мировой энергетике происходит, таким образом, под влиянием двух процессов — быстрого роста индустриальной энергетике (и потребления ископаемого топлива) в развивающихся странах и постепенного перехода развитых стран к постиндустриальной энергетике. Одним из ключевых в развитии энергетике является экологический фактор. В рамках международных экологических соглашений (Киотский протокол и посткиотские договоренности), национального экологического законодательства создаются правовые и экономические механизмы, направленные главным образом на стимулирование процесса перехода к энергетике нового типа.

Лидером роста **индустриальной энергетике** является Азия. В стоимостном выражении импорт топлива в четыре азиатских страны с 50% суммарного ввоза США и ЕС в 2000 г. увеличился до 70% (табл. 15.1). Можно сравнить с суммарным показателем США и ЕС только Китай и Индию. Тогда рост окажется еще более резким: с 14% в 2000 г. до 34% в 2010 г.

В настоящее время доля Китая — около 8% мирового импорта нефти, а в мировом росте спроса на этот товар с 2000 г. — порядка 30%. По расче-

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

там Кембриджской ассоциации энергетических исследований (CERA), на всю развивающуюся Азию в течение следующих 15 лет придется половина совокупного прироста потребления нефти. До 2035 г. азиатские страны обеспечат 65% прироста мирового спроса на все первичные энергетические ресурсы (ПЭР)³, причем Китай и Индия — свыше половины⁴. В развивающихся странах в целом за 2000-е годы потребление энергии выросло на 66%, в то время как в развитых странах — только на 5%. Эти разнонаправленные тенденции сказались и на рынках основных энергетических товаров.

Таблица 15.1
Импорт топлива отдельными странами в 2000–2010 гг., млрд долл., %

Показатель	Импортёры					
	Япония	Южная Корея	Китай	Индия	США	ЕС*
Импорт 2000 г.	77	38	21	19	140	149
Импорт 2008 г.	268	143	169	116	502	673
Импорт 2010 г.	199	122	188	109	362	506
Доля в импорте страны в 2005 г., %	25,8	25,8	9,7	32,4	17,2	23,1
Доля в импорте страны в 2010 г., %	28,6	28,8	13,5	33,8	18,4	25,4

* Ввоз в страны ЕС-27 из других стран.

Источник: International Trade Statistics 2011. Geneva: WTO, 2012. P. 76.

В нефтяной отрасли в 2000-х годах главной тенденцией был быстрый рост спроса в развивающихся странах при спаде нефтепотребления в развитых. В условиях истощения месторождений с благоприятными условиями добычи это стало предпосылкой быстрого роста цен на нефть. В условиях финансового кризиса Китай стал одним из немногих драйверов спроса, сделав немалый вклад в снижение волатильности на нефтегазовых рынках.

Ценовая волатильность нефтяного рынка — имманентно присущая этому рынку черта (рис. 15.1). Проблема кроется в масштабе ценовых колебаний и их причинах. Характерная особенность последнего времени — резкий рост неэкономических факторов изменения цен нефти. Яркий пример — события на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Не столь уж масштабные потери ресурсов в масштабах мирового рынка нефти привели к неадекватно резкому скачку цен, имевшему ярко выраженный спекулятивный характер.

Глава 15. Мировые энергетические тренды

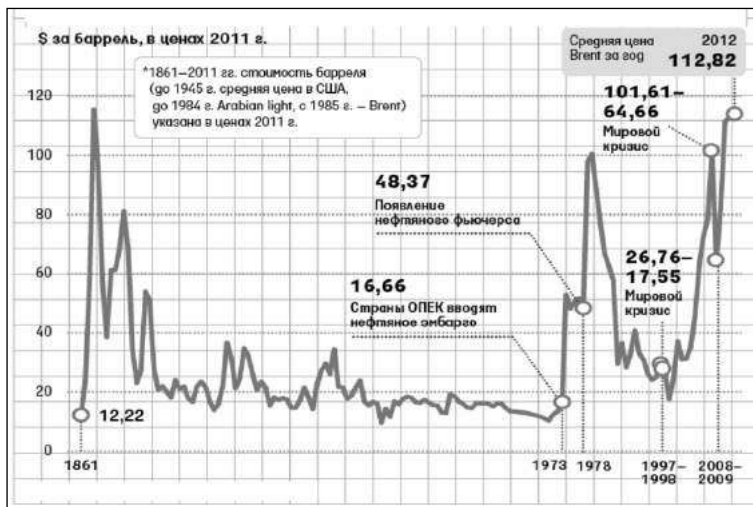

Рис. 15.1. Цены на нефть (1861–2012)

Источники: BP Statistical Review, Bloomberg.

В послекризисные годы претерпевает существенные изменения и рынок газа. В ближайшие годы сохранится ситуация высокой конкуренции между продавцами газа на основных рынках. Газовый рынок в среднесрочной перспективе станет «рынком покупателя» с высокой конкурентной борьбой поставщиков. Нарастивание доказанных запасов газа, диверсификация поставок в связи с выходом на полную мощность комплекса проектов по сжиженному природному газу (СПГ), благоприятные прогнозы по «нетрадиционному» газу (прежде всего в США) вкуче с действиями по повышению конкуренции в последние несколько лет сделали газ более доступным ресурсом для потребителей. По прогнозу большинства экспертов, в 2015 г. (а по некоторым оценкам — в 2020 г.) произойдет восстановление и рост цен на газ вследствие усиления давления со стороны спроса. В частности, Международное энергетическое агентство (МЭА) прогнозирует 40%-ный рост спроса на газ в ближайшие годы в мире и поступательный рост цен в ближайшие несколько лет с превышением спроса над предложением в 2020 году.

Общая оценка государств-потребителей сводится к тому, что газ является топливом, доминирующим лишь в период перехода к «возобновляемому» энергобалансу, поскольку с технологической точки зрения является идеальным балансиrom для альтернативных источников

энергии. По оценкам российских экспертов, газ должен стать доминирующим топливом в энергетике в следующем инвестиционном цикле как наиболее дешевый и доступный ресурс.

Газовая генерация становится новым лидером энергетики — выигрывает в конкуренции с другими источниками (атомной, угольной, ВИЭ) как наиболее дешевый ресурс, эффективный и гибкий с технологической точки зрения. Газовая генерация сейчас выгоднее по цене, чем угольная, атомная и возобновляемая в основных мировых центрах рынков: ЕС, США и Китае, где традиционно уголь считался наиболее выгодным энергоресурсом. Газовое топливо может заменить значительную часть нефти в транспортном секторе. За последнее десятилетие число транспортных средств на газе в мире выросло с 1,3 до 11,4 млн, а число стран, использующих сжиженный газ в транспортном секторе, удвоилось⁵.

Уголь сохранил позиции в балансе как «замыкающий» ресурс, поскольку обеспечивает устойчивость ресурсного портфеля от рыночных колебаний (уголь — один из самых стабильных ресурсов по цене). Доля угольной генерации будет снижаться в мировом топливно-энергетическом балансе (ТЭБ) в долгосрочной перспективе, с появлением других балансирующих ресурсов, более привлекательных с точки зрения их воздействия на окружающую среду.

В угольной отрасли контраст между развитыми и развивающимися странами был наиболее ярким. В 2000–2009 гг. 92,5%-ный прирост мирового потребления угля произошел за счет Китая. При этом важно иметь в виду еще одно обстоятельство: значительная доля мирового прироста энергопотребления в XXI в. пришлась на Китай, а в самом Китае — преимущественно на увеличение добычи угля. Ее прирост за 2000–2011 гг. составил гигантскую величину — 2,3 млрд т. Иначе говоря, немалая часть минерального топлива, потребляемого в мировой экономике, миновала поступления в международную торговлю, тем самым был уменьшен спрос — и, возможно, недооценены все товары топливной группы.

Это важно

Наиболее заметным признаком постиндустриального развития стало бурное развитие *возобновляемой энергетики* (ВЭ — приливная, геотермальная, солнечная, ветряная, гидроэнергетика). Возобновляемая энергетика с ее инновационными технологиями превратилась в одну из наиболее мощно развиваемых отраслей мировой экономики.

В 2010 г. впервые всемирная суммарная установленная мощность ветряных турбин, заводов биотоплива, электростанций на сжигаемых

отходах и солнечных электростанций достигла 381 ГВт, превысив общую мощность ядерных электростанций, равную 375 ГВт. Из 55 ГВт новых мощностей, которые были введены в ЕС в 2010 г., 22,7 ГВт пришлось на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Говоря о будущем развитии энергетики, стоит упомянуть, что Европа готова избрать путь развития, основанный на ВИЭ и на иной, чем сейчас, архитектуре энергосистем. Так, согласно последнему стратегическому сценарию Еврокомиссии — «Дорожной карте по энергетике до 2050 г.» — доля ВИЭ в конечном потреблении к 2050 г. определена на уровне 75%, а в электрогенерации — 97%⁶.

Технологии, которые вступят в стадию массового использования в следующие 10 лет, связаны с крупными информационными системами — имплементацией различных моделей *smart grid* («умных сетей»); новых материалов в строительстве, внедрением различных устройств генерации на возобновляемых ресурсах, развитием систем накопления и дистрибуции энергии в различных масштабах. Так называемые умные сети обеспечивают возможность интеграции возобновляемых источников энергии в уже существующие энергосистемы; в сфере передачи электроэнергии — восстановление сетей после аварий; в сфере потребления — управление пиками использования электроэнергии. Вопрос имплементации *SmartGrid*, по мнению экспертов, уже не столько технический, сколько управленческий — создание оптимальной бизнес-модели и схемы управления энергетической системой. Комплекс технологий «умных сетей» — всегда уникальная технологическая конфигурация.

Экономика возобновляемой энергетики кардинально отличается от экономики традиционной генерации, поэтому провести экономические сравнения невозможно. Так, сроки окупаемости проектов ВИЭ лежат за пределами любых экономических циклов (составляют около 30 лет по разным видам генерации, хотя быстро сокращаются). Поэтому вложения в ВИЭ являются инвестициями в будущее, соответственно могут быть произведены преимущественно за счет государства.

⇒ В странах, являющихся импортерами ресурсов, паритет возобновляемой и традиционной генерации может быть достигнут в течение ближайших 10 лет или, скорее, в случае изменения экологического законодательства. Государства, обладающие доступными и относительно дешевыми традиционными ресурсами, в числе которых Россия, в ближайшие 10–15 лет вряд ли смогут достигнуть такого паритета.

Технологический переход в энергетике возможен только при наличии сильной политической воли. Как показывают экономические расчеты, в «рыночной» энергетике преимущества получают наиболее де-

шевые и доступные на сегодняшний день ресурсы — газ, уголь и нефть. Частные инвестиции в генерацию идут в проекты с коротким сроком возврата инвестиций, что фактически закрепляет существующий энергобаланс. Пример принятых в ряде стран государственных решений по реструктуризации ресурсного портфеля показывает необходимость внедрения экономических стимулов для участников рынков. Как правило, эти решения в краткосрочной перспективе не являются эффективными ни с точки зрения экономики системы, ни с точки зрения регулирования. Выгоду же для потребителей в долгосрочной перспективе еще только предстоит оценить.

Мировой финансовый кризис, так и не завершившийся в еврозоне, вносит свои коррективы в ранее казавшуюся гладкой шкалу распределения энергетических укладов: развитые страны (зона ОЭСР) — пост-индустриальная энергетика; развивающиеся страны — традиционная углеводородная (индустриальная) энергетика. В проведенном в конце 2012 г. компанией *Ernst & Young* глобальном исследовании «Индексы привлекательности стран с точки зрения инвестиций в возобновляемую энергетику» (*Country Attractiveness Indices Report*) представлен обзор изменений в секторе чистой энергетики в 2012 году⁷. Был проведен анализ привлекательности рынков ВИЭ, энергетической инфраструктуры и приемлемости отдельных технологий в 40 странах. Результаты развития этого сектора в отдельных странах неоднозначны. Был сделан вывод о том, что возобновляемая энергетика может получить бурное развитие в Азии, Африке и на Востоке, а в Европе зачухнуть. В 2012 г. Китай остался на верхней строчке в рейтинге *All Renewables Index (ARI)* частично благодаря принятию более высоких целей в области развития солнечной энергетики для решения проблемы избыточного предложения солнечных панелей в стране и снижения неблагоприятного влияния протекционистских мер со стороны США и ЕС.

В отличие от Китая другие страны поменяли свои позиции: в третьем квартале 2012 г. США уступили второе место Германии в рейтинге ARI вследствие озабоченности относительно расширения ключевых инициатив в области ВИЭ и доступности дешевого природного газа. Эти факторы, вероятно, по-прежнему будут замедлять рост показателей США в секторе в краткосрочной и среднесрочной перспективах, особенно в секторе ветроэнергетики.

2012 год стал трудным и для Индии, где в июле произошли серьезные сбои в энергоснабжении. Это дало основание считать, что привлеченных государством частных инвестиций в проекты по модернизации энергетической инфраструктуры недостаточно, а также что масштаб-

ные реформы энергетической системы могут негативно сказываться на объемах инвестиций в сфере возобновляемой энергетики.

Главная причина сложившейся ситуации — в инвестициях. В странах ЕС продолжается кризис, и это может вынудить их правительства сократить финансирование развития ВЭ. Деньги понадобятся для решения более насущных проблем. В долларовой зоне тоже не все благополучно. Ветряная энергетика в США бурно развивалась благодаря грантам и кредитным гарантиям со стороны американского правительства. *Сейчас срок действия этих механизмов стимулирования истек.*

Сланцевые миражи и российская специфика

Так называемый сланцевый бум является наиболее заметным следствием сдвигов в технологических основах мировой энергетики. Соединение технологий наклонно-горизонтального бурения и гидроразрыва пласта позволили американским компаниям, экспериментировавшим с добычей сланцевого газа, перейти к масштабной промышленной добыче. Первый метод массово применялся уже 20 лет назад, а последний используется более 50 лет. В действительности масштабный рост добычи сланцевого газа произошел в силу комплекса причин: технических, экономических и коммерческих. В 2005 г. были существенно сокращены налоги на добычу «голубого топлива». Одновременно власти увеличили на 25% обязательные отчисления в пользу землевладельцев, и они стали охотнее заключать контракты с добывающими компаниями. В результате производство сланцевого газа за четыре года выросло с 3 до 54,6 млрд куб. м в год. В результате в 2009 г. США вышли на первое место в мире по добыче газа, которое удерживают и поныне.

Одновременно в самих США возник переизбыток газа, а обвалившиеся цены на него изменили структуру топливного баланса. Более дешевое и экологичное топливо широко использоваться в электрогенерации, вытесняя из этого сектора местный уголь. Добыча последнего, однако, не сократилась, американцы стали в возросших количествах и по более низкой цене продавать его странам Евросоюза, где он начал вытеснять с электростанций природный газ.

Резкий рост добычи «нетрадиционного» газа в глобальных масштабах не так уж велик, однако влияние на экспортные позиции «Газпрома» он уже оказал. За рубежом, преимущественно за счет европейских потребителей, формируется более двух третей доходов российской компании. Эффект вроде бы косвенный, но действует он через множество механизмов, кумулятивное воздействие которых оказывается весьма значительным. Цены спотовых контрактов резко пошли вниз

и оказались существенно ниже тех, по которым в рамках долгосрочных контрактов поставляет свою продукцию «Газпром». Европейские потребители постарались переключиться на более дешевое топливо и минимизировали закупки российского газа, насколько позволяли условия «take-or-pay» долгосрочных контрактов.

В то же время международные экспертные организации часто дают чрезмерно оптимистичные прогнозы относительно перспектив американского ТЭКа. Так, в ноябре 2012 г. Международное энергетическое агентство (МЭА) обнародовало ежегодный долгосрочный прогноз развития мировой энергетики на перспективу до 2035 г. (*World Energy Outlook 2012*). В нем утверждается, что к 2017 г. США смогут отказаться от импорта нефти, а к 2030 г. войдут в число нетто-экспортеров топлива⁸. В декабре *ExxonMobil* опубликовала прогноз, согласно которому уже к 2025 г. США будут экспортировать больше энергоресурсов, чем импортировать (напомним, сейчас страна импортирует 20% потребляемого топлива)⁹. Наконец, в начале 2013 г. еще более смелый прогноз представила британская *BP*: уже в 2013 г. США, в основном благодаря сланцам, станут крупнейшим в мире производителем жидкого топлива (включая нефть, газоконденсаты и биотопливо), обогнав Россию и Саудовскую Аравию. Утверждается, что к 2030 г. нефть из малопроницаемых (т.е. сланцевых) пластов будет доминировать в Северной Америке и составит около 9% мировых поставок¹⁰.

Есть сомнения в верности долгосрочного прогноза. Нефтяной бум в США только зарождается, и высокие темпы роста, прогнозируемые агентством, не гарантированы. Кроме того, эксперты еще не научились рассчитывать «продолжительность жизни» сланцевых месторождений. Поэтому все прогнозы добычи нефти и газа в США на десятилетия вперед крайне ненадежны. Хорошо известно, что продуктивность нефтяной скважины в Саудовской Аравии в 26 раз больше, чем скважины в сланцевых породах Северной Дакоты, где сейчас идет наиболее интенсивная нефтедобыча. Поэтому практически невозможно установить, на какое время придется пик добычи в том или ином штате и как это отразится на показателях в масштабах страны. В США рост добычи газа может прекратиться из-за того, что она стала сокращаться в Техасе, Луизиане, Арканзасе, Вайоминге и вдоль побережья Мексиканского залива. А добыча нефти стабильно сокращается на крупнейших традиционных месторождениях Аляски и Калифорнии. Есть сомнения и в том, что все штаты разрешат добычу сырья из сланцев. Территория, где ведутся такие разработки, сплошь покрывается вышками, а сам промысел сопряжен с высоким экологическим риском: возможно попадание химикатов в грунтовые воды, повышается вероятность землетрясений.

Надо сказать, что и в самих США весьма осторожны в прогнозах дальнейших перспектив сланцевой отрасли. Согласно прогнозу Управления энергетической информации (*Energy Information Administration — EIA*) страна к концу 2013 г. увеличит добычу нефти на 14% по сравнению с предыдущим годом, до рекордных 7,3 млн барр./день, а в 2014 г. — еще на 8%, до 7,9 млн барр./день. Таким образом, за два года добыча нефти в США может вырасти на 23% по сравнению с уровнем 2012 г. (6,4 млн барр. в сутки). Однако в отличие от прогноза МЭА ни о каких 10,76 млн барр. в сутки¹¹ речь уже не идет, и добыча сланцевой нефти в стране может перестать расти после 2020 г.¹² (рис. 15.2).

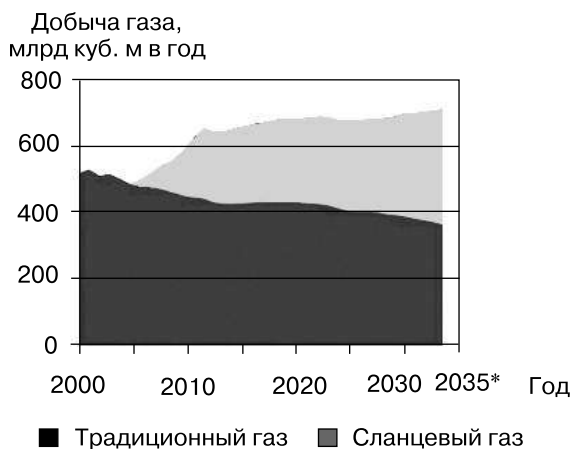

Рис. 15.2. Снижение интенсивности замещения в США традиционного газа сланцевым

* 2012–2035 — прогноз.

Источник: журнал «Эксперт». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/44/slantsa-ochistitelnoe-plamya/media/167699/>.

Практически все специалисты уверены, что перспективы добычи сланцевого газа в Европе, Китае или какой-либо другой стране весьма туманны. «Сланцевую» революцию в США обеспечило сочетание уникальных факторов — развитая сервисная отрасль и большое количество независимых компаний, высокие цены на газ, окупающие первоначальные вложения, привлекательные географические и геологические условия. Воспроизвести стечение этих факторов в других регионах если и возможно, то лишь в отдаленном будущем¹³.

В России проблема использования сланцевого газа имеет свою специфику. Гидроразрыв пласта (ГРП) осуществлялся еще в СССР.

Разработчиками теоретической основы явились советские ученые С. А. Христианович и Ю. П. Желтов (1953 г.), что оказало значительное влияние на развитие ГРП в мире. ГРП используют для добычи метана из угольных пластов, газа уплотненных песчаников, а также сланцевого газа. Впервые в мире гидроразрыв угольного пласта был произведен в 1954 г. в Донбассе. Точно так же метод разработки месторождений системами горизонтальных скважин и боковых горизонтальных стволов был впервые применен в СССР еще в середине прошлого столетия.

Существует и ресурсно-экономическая специфика, позволяющая России не спешить с развитием добычи сланцевых углеводородов. Прежде всего это высокая обеспеченность сравнительно дешевыми энергоресурсами. Мы располагаем 15% мировых запасов при менее чем 3% численности населения. В России десятилетия назад установлено наличие сланцевого газа в пределах Тимано-Печорской провинции, Енисейского кряжа и в ряде других районов. Разведанные запасы природного газа в РФ составляют 48 трлн куб. м, или свыше 33% мировых (145 трлн куб. м). Доказанные (извлекаемые) запасы (43,3 трлн куб. м) обеспечивают стране текущий уровень потребления в течение 72 лет.

Это важно

Никакой экономической целесообразности в добыче сланцевого газа пока нет и в ближайшие годы не предвидится. Себестоимость производства традиционного газа изменяется в зависимости от региона от 3 до 50 долл. за 1 тыс. куб. м. Для сравнения: для сланцевого газа в США соответствующий показатель составляет 80–320 долл.¹⁴

Неопределенность — ведущий современный тренд на энергетических рынках

Развитие мировой энергетики определяется сложным комплексом меняющихся факторов, значительная часть которых лежит за пределами самой энергетики — в сфере политики, экономики, социальной динамики. Высокая степень неопределенности не дает возможности при принятии решений опираться на экстраполяционное прогнозирование и расчеты, а требует вычленять глобальные тренды, которые лежат за пределами энергетических рынков¹⁵. Неопределенности выражаются волатильностью ресурсных рынков (прежде всего нефти и газа), повышенными рисками при реализации инвестиционных проектов; появлением «черных лебедей»¹⁶. Только за последние два года таких «лебедей» было несколько: мировой финансово-экономический кризис, который нанес серьезный ущерб всем сырьевым рынкам, оказал понижающее влияние на объемы инвестирования в энергетику; по-

явление сланцевого газа и сланцевой нефти как значимого фактора для углеводородных рынков; экологические катастрофы, подобные аварии в Мексиканском заливе и пр.

Анализ устойчивых тенденций (трендов) развития мирового энергетического рынка позволяет выделить ряд новых явлений, возникших как в результате технологического развития, так и под влиянием различного рода политических, экономико-финансовых и экологических факторов. К числу этих трендов российские аналитики относят:

- регионализацию мировой энергетики;
- смещение спроса на энергоресурсы в развивающиеся страны;
- рост стремления стран, прежде всего импортеров топлива, к самообеспечению, сопровождающемуся адекватным ростом «ресурсного национализма»;
- рост затрат на производство конечных энергоресурсов и, соответственно, рост потребности в инвестициях;
- неравномерное, хотя и неизбежное развитие возобновляемой энергетики;
- усиление внимания к энергосбережению и энергоэффективности;
- усиление межтопливной конкуренции, ведущей к стабилизации и даже относительному снижению спроса и, соответственно, цен на углеводороды¹⁷.

Это важно

На смену глобализации мировых энергетических рынков приходит регионализация мировой энергетики, и в перспективе это может привести к снижению объема традиционных торговых потоков нефти и газа.

Для каждого региона характерны свои особенности данного процесса. В США — уже упоминавшиеся успехи в добыче сланцевого газа, в Европе — значительные темпы роста сектора ВИЭ и стабильное снижение энергоемкости экономик стран Евросоюза. В Китае и частично в Индии — опора прежде всего на собственные ресурсы, например уголь. Основными драйверами роста потребления энергии являются увеличение населения и повышение его доходов. *В ближайшие 20–25 лет мы будем свидетелями непрерывного роста экономик и численности населения в странах, не входящих в ОЭСР.*

Наблюдается усиление внимания к «энергетической безопасности», понимаемой, в случае стран-импортеров, как «обеспечение неограниченного и гарантированного доступа к энергетическим ресурсам». Весьма ярким примером этой тенденции является поведение на топливных рынках Китая.

Своеобразной чертой традиционного хозяйственного мироощущения китайцев является представление о недостатке природных ресурсов в собственной стране («народа много — земли мало» и т.п.). Назовем ее «ресурсным алармизмом». В современных условиях эта черта, подкрепленная финансовым «навесом» в виде избыточных валютных резервов, определила, например, неустанный поиск инвестиционных объектов в зарубежном минерально-сырьевом секторе.

При выходе на мировой рынок Китай сталкивается с проблемой собственной величины как своеобразного действия «эффекта масштаба» (*economy of scale*). Мегаэкономика КНР, едва обозначая на внешних рынках выраженный интерес к каким-либо приобретениям, вызывает соответствующую рыночную реакцию, своего рода «предвкушение Китая». Цены устремляются вверх, что заставляет с особой энергией искать и пути прямого доступа к месторождениям полезных ископаемых за рубежом, и дополнительные возможности повышения уровня самообеспечения за счет собственных ресурсов.

В таких случаях Пекином вновь актуализируется установка «опираться на собственные силы» — в самых разнообразных вариантах. В нулевые годы, как полагают некоторые эксперты, повышение мировых цен на углеводородное топливо обусловило своего рода «возвращение к углю»¹⁸ и решительные меры в области экономии ПЭР и повышения эффективности их использования, особенно активно предпринимаемые с середины минувшего десятилетия.

Ресурсный алармизм продолжает питать внешнюю экспансию Китая, однако избыток валютных резервов отменил традиционное для этой страны стремление к опоре на собственные силы, усиливаемое еще и ростом напряженности в международной политике. Отсюда и активные действия по созданию достаточных запасов и резервов, диверсификации внешних и внутренних источников топлива и энергии. С различными вариациями такой стиль присущ очень многим импортерам из числа развивающихся стран.

Страны — экспортеры топлива склонны трактовать энергобезопасность с точки зрения «энергобезопасности поставок». Отсюда появление понятия «ресурсный национализм».

В современных условиях «ресурсный национализм» — это стремление государств, владеющих крупными природными запасами, обеспечивать их добычу и использование (внутри страны или экспорт) собственными силами.

Как следствие — *подъем национальных нефтегазовых компаний (NOC) в противовес международным транснациональным нефтегазовым мейджорам (IOС)*. В результате вытеснения последних из традиционных для них географических и технологических ниш *транснациональные энергетические корпорации сегодня в значительной степени обеспечивают переход от традиционного углеводородного к постиндустриальному технологическому укладу в энергетике. Кроме того, именно они в условиях роста затрат на производство конечных энергоресурсов и, соответственно, роста потребности в инвестициях являются операторами наиболее высокотехнологичных проектов в традиционной углеводородной сфере — глубоководном бурении, шельфовых проектах, повышении вторичной отдачи пласта и т.п.*

Риски и возможности для России

Рассмотренные выше тенденции развития мировой энергетики создают для России как значительные риски, так и новые возможности. В среднесрочной перспективе набор рисков будет традиционным: рост конкурентной борьбы на мировых энергетических рынках, геополитическое соперничество за контроль над районами добычи и путями транспортировки энергоносителей, угрозы национальному суверенитету, терроризм и локальные конфликты, техногенные аварии, риски технологического отставания российской энергетики от мирового уровня, моральное и физическое старение оборудования. Эти риски находятся в поле государственной энергетической политики и в той или иной степени преодолеваются. *Резкий рост конкуренции на европейском рынке требует кардинального изменения экспортной стратегии, а именно — перехода от борьбы за финансовый результат, т.е. максимальную прибыль, к более гибкой стратегии поведения, ставящей во главу угла удержание имеющихся рынков и выход на новые.* В первую очередь это касается расширения экспорта энергоносителей в страны Азии, прежде всего в Китай. Необходимо перенести стратегическое партнерство в сферу энергетики.

Говоря о стратегическом партнерстве России и Китая в сфере энергетики, следует уделить первостепенное внимание тому, как России «выходить» на китайский рынок. Это можно делать по-разному. Можно, как Туркмения, продавать сырье на своей границе. А можно действовать в соответствии с иной стратегией, нацеленной на обеспечение энергобезопасности поставщика. Это добавляет к двухмерной торговле третье измерение — присутствие поставщика на рынке потребителя в качестве полноправного участника рынка. Для «Газпрома» это означает активное участие — не только ресурсное, но и технологическое, финансово-ин-

вестиционное — в формировании рынка. Иными словами, *Россия будет не только поставлять газ, но и путем приобретения активов и участия в строительстве объектов входить в газораспределительные сети Китая, добиваться участия в оперативном управлении внутренними газораспределительными сетями. Цена газа «на входе» становится важным, но не определяющим вопросом, поскольку центр образования прибыли сдвигается внутрь страны. Задача для России колоссальная — не только политическая, но и техническая. Сместить акцент в энергетике огромной страны от угля в сторону газа, особенно в сфере энергогенерации, подключить к газовым сетям почти полутора миллиардное население — действительно стратегическая цель, к достижению которой нужно готовиться.*

В сфере добычи и экспорта нефти мир сталкивается с рисками снижения ее добычи как по причине истощения имеющихся месторождений, так и в связи с вводом новых, более сложных и дорогостоящих в освоении месторождений. В этих условиях задача освоения огромных месторождений сланцевой нефти выглядит вполне актуальной. У России есть все шансы выйти по объемам добываемой сланцевой нефти на второе место в мире. Импорт технологий и улучшение налогового режима могут позволить России довести к 2030 г. добычу до 1,4 млн барр. сланцевой нефти в день. Эти прогнозы связаны с освоением месторождений Баженовской свиты в Западной Сибири — одного из крупнейших в мире месторождений сланцевой нефти.

Другая задача в нефтяной сфере касается сферы экспорта и ценообразования. Добывая свыше полумиллиарда тонн нефти ежегодно и соревнуясь с Саудовской Аравией за место глобального лидера по этому показателю, Россия, казалось бы, должна быть в числе главных законодателей мод на мировом нефтяном рынке. Однако определяющей стоимостью нефти на мировых биржах является нефть нероссийских сортов. Обычно это либо североморская смесь *Brent*, либо американская *WTI*, причем на первую приходится около 60% всего ценообразования для нефтяных контрактов. Для России это означает, что стоимость ее основного экспортного продукта не просто зависит от котировок чужой нефти, но и определяется понижающим дифференциалом. И это при том, что объем добычи *Brent* составляет лишь около 1 млн барр. в день, тогда как российской *Urals* добывается свыше 8 млн барр. в сутки¹⁹.

* * *

Говоря о будущих тенденциях в энергетике, следует помнить, что даже сверхбогатые страны не могут без конца игнорировать тот факт, что именно сфера альтернативной энергетики становится

одним из основных поставщиков передовых инновационных технологий. Появляются риски глубокого технологического отставания, так как большая часть происходящих изменений затрагивает не-энергетические секторы.

Развитие энергетики в России и государственная политика в этой области имеют в своей основе идеологию индустриальной энергетики и ориентированы на наращивание добычи ископаемого топлива и энергетических мощностей. Между тем высокий инновационный потенциал России позволяет использовать имеющиеся возможности для радикального повышения эффективности национальной экономики и энергетики.

Ключевые слова

Мировая энергетика, энергетические рынки, энергетическая безопасность, альтернативная энергетика, нефть, газ, сланцевый газ.

Контрольные вопросы

1. Каковы главные характеристики энергетической революции XXI века?
2. Каково значение и перспективы развития возобновляемой энергетики как отрасли мировой экономики?
3. Как вы можете охарактеризовать ведущий тренд на мировых энергетических рынках?
4. Как сказались последствия мирового экономического кризиса на сфере энергетики и интересах России?

Примечания

¹ Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council. 2012 / URL: www.dni.gov/nic/globaltrends.

² Митрова Т. А. Прогнозирование развития мировой энергетики до 2030 г. — методология и практическое применение. Доклад на конференции ТЭК России в XXI веке. М., 2011.

³ Первичные энергетические ресурсы — нефть, природный газ, каменный и бурый уголь, горючие сланцы, торф, древесина, гидроэнергия.

⁴ Прогноз развития энергетики мира и России до 2035 года. М.: ИНЭИ РАН, РЭА, 2012.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://csr-nw.ru/upload/file_category_579.pdf.

⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://energoserber.info/articles/all-alternative/74820/>.

⁷ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ey.com/GL/en/Industries/Cleantech/Renewable-energy-country-attractiveness-indices_November-2012.

⁸ Доклад опубликован на сайте Агентства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/English.pdf>.

Раздел 2. Ключевые международно-политические проблемы и процессы

⁹ Прогноз *Exxon Mobil* в декабре 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.exxonmobil.com/Corporate/Files/news_pub_eo2013.pdf.

¹⁰ Прогноз *BP* в начале 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/russia/bp_russia_russian/STAGING/local_assets/downloads_pdfs/s/2030_Presentation_slides_rus.pdf.

¹¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/12/11/2012/824600.shtml>.

¹² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lprime.ru/INDUSTRY/20130109/760359858.html>.

¹³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/node/54360/comments>.

¹⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=8540&Itemid=13.

¹⁵ В качестве таких трендов обычно фигурируют, например, тенденции и динамика урбанизации и потребления развивающихся стран, общественные настроения и пр.

¹⁶ Термин приобрел широкую известность после выхода книги Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости»: Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.

За последнее десятилетие человечество пережило ряд тяжелейших потрясений: 11 сентября 2001 г., война в Осетии, мировой финансовый кризис. Все эти события, представляющиеся нам сейчас закономерными, казались абсолютно невозможными, пока они не произошли. Сорокадевятилетний ливанец, выпускник Сорбонны и нью-йоркский финансовый гуру Нассим Талеб называет такие непредсказуемые происшествия «черными лебедями». Он убежден: именно они являются движущей силой не только истории, но и жизни каждого отдельного человека.

Метод выявления «черных лебедей» используется при оценке рисков в современной системе менеджмента.

¹⁷ См.: Шафраник Ю. К. Ключевые тенденции развития мировой энергетики и новые вызовы для России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://federalbook.ru/files/ТЕК/Soderzhanie/Tom%2012/IV/IV_09_Shafranik.pdf.

¹⁸ Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А. В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 35–37, 64.

¹⁹ С запуском нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) у России появился шанс получить свой собственный маркерный сорт ВСТО (*ESPO* в международной квалификации). Чтобы этого добиться, необходимо увеличить объем реализации нефти марки *ESPO*, идущей на Дальний Восток, до 500 тыс. барр. в сутки (вместо прокачиваемых 300 тыс. барр.). Однако уже сейчас российский сорт успешно вытесняет с рынка конкурирующие марки, прежде всего арабские.

Раздел 3

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ

16. Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века
17. Институционализация региональных комплексов в Европе и Тихоокеанской Азии
18. Конфигурация лидерства в Восточноазиатской подсистеме
19. Современная внешнеполитическая стратегия КНР
20. Сценарии эволюции межамериканского пространства
21. Международные отношения в постсоветском ареале
22. «Новые политические пространства» в структуре междержавных противоречий

Появление нового клуба крупнейших мировых держав — «группы двадцати» стало фиксацией того факта, что в современном мире число ведущих мировых держав перешагнуло за пределы «семерки» и «восьмерки», и с этим нельзя не считаться. Появилась потребность по-новому взглянуть на «великую державу», дать характеристику параметрам и возможностям отдельных великих держав, проанализировать расстановку сил в мире и в отдельных регионах. Особую актуальность приобрела проблема модификации существовавших и формирования новых подсистем, в том числе с учетом изменившегося состава ведущих мировых держав и их организационных возможностей. Внимания заслуживает тенденция к формированию транс-океанических (трансконтинентальных) подсистем со стороны США и ЕС, действия России, КНР, Бразилии на подсистемном уровне. С мегатрендом по подсистемной переконфигурации мира тесно связаны новые тренды по интеграции на региональных уровнях, разворачивающаяся конкуренция по контролю над Мировым океаном, Арктикой, в космосе.

16

ФЕНОМЕН И ПАРАМЕТРЫ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА

Становление нового мирового порядка вступило в фазу, которая может закончиться или консолидацией системы на основе трансатлантических структур, или консолидацией альтернативных сил из числа государств, не входящих в евроатлантическую подсистему.

Понятие «постбиполярный мир» осталось в прошлом веке и потеряло смысл в веке нынешнем¹.

Это важно

Характеризуя порядок XXI в., пора отойти от употребления таких терминов, как «постбиполярный порядок» и даже «пост-постбиполярный порядок» как очевидно устаревших. Вряд ли сохраняют смысл и рассуждения о «переходном периоде», так как переход уже осуществился и сегодня, как представляется, совершенно определенно происходит консолидация нового порядка, хотя все его составляющие до конца не оформились.

Структура нового миропорядка полицентрична, иерархия среди государственных игроков не имеет прежней жесткости. В мире сосуществуют одновременно одна сверхдержава, великие державы разного качества и негосударственные игроки, число которых продолжает расти. Американский политолог Дж. Най обращает внимание на тот факт, что информационная революция в принципе должна была бы уменьшать возможности для преобладания крупных государств и увеличивать роль малых стран и негосударственных игроков. Но на практике этого не произошло. Информационная революция не только помогает малым странам, но одновременно и усиливает мощь крупных государств. Масштабы страны все еще имеют значение. Информационная революция ведет к диффузии силы и влияния, но ведущие мировые державы сохраняют преобладание по традиционным параметрам мощи и организационным ресурсам по сравнению с малыми и средними государствами, а также негосударственными субъектами².

Институциональная основа мировой системы более фрагментирована. Организаций разного уровня и масштаба становится больше, но одновременно появляются структуры менее жесткие и юридически слабо оформленные, которые, на первый взгляд, воплощают идею «мирового правительства» («группа двадцати», «Давосский форум» и др.). Международные нормы имеют амбивалентный характер: в совокупности они содержат как старые, так и новые правила.

Для этапа консолидации мирового порядка XXI в. характерны активные дискуссии о том, станет ли военная интервенция любого типа на территории государств (по решению одной державы, группы стран или по мандату ООН) легитимной нормой международного права. Фактически эта норма действует почти двадцать лет, но события 2011–2013 гг. в ряде арабских стран (так называемая «арабская весна») придали вопросу о ее легитимности особую значимость. Мировое сообщество стоит перед выбором: принять эту норму или отказаться от ее универсального характера, признать или не признать НАТО глобальным регулятором международных отношений, члены которой будут определять направление развития и мира в целом, и его отдельных частей.

Одновременно решается судьба ООН и Совета Безопасности: действительно ли самая большая международная организация будет способствовать консолидации порядка на основе трансатлантических структур? Напомним, что резолюция СБ ООН, принятая весной 2011 г. по Ливии, привела к эскалации конфликта в этой стране и в Северной Африке в целом.

Характеристики современной великой державы

Категория «великая держава»³ возвращена в политологический лексикон после ее игнорирования большинством американских, западноевропейских и российских специалистов по международным отношениям (особенно либеральными теоретиками), а также демонстративного отторжения многими новыми малыми странами, в основном образовавшимися после роспуска СССР и структур социалистического блока. Судя по последним аналитическим разработкам ведущих американских политологов, при характеристике современных ведущих мировых держав учитываются разные параметры. Как правило, авторы избегают давать четкие определения «современной великой державы». Многие в этом смысле используют термин «ведущая мировая держава», опираясь на два показателя: экономический потенциал соответствующей страны (роль в мировой экономике) и способность оказывать преобразующее влияние на мировое развитие в разных сферах.

Под современной **«великой державой»** предлагается понимать государство,

- 1) сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, демонстрирующее волю к проведению такой политики;
- 2) не только обеспечивающее национальные интересы, но и оказывающее существенное (в разной степени, вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность);
- 3) обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал);
- 4) имеющее исторический опыт, традицию и культуру участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока;
- 5) обладающее культурой думать глобально, хотеть и быть способным действовать глобально.

Последние две составляющие очень важны, так как великодержавность не может строиться только на военной и экономической мощи. На формирование великодержавной культуры требуется немало времени. Россия сразу возникла как государство с глобальными по тем временам планами и амбициями, жила и действовала в рамках великодержавной культуры всю историю своего существования. Аналогичная историческая парадигма была избрана и Американским государством.

Интересно посмотреть, какими параметрами обладают пять наиболее часто упоминаемых великих держав и насколько они сопоставимы (табл. 16.1).

Таблица 16.1

Параметры ведущих мировых держав

Параметры великой державы	США	КНР	Индия	Бразилия	Россия
Территория	+	+/-	+/-	+	+
Природные ресурсы	+/-	-	-	+	+
Демография	+/-	+/-	+/-	+	-
Военный потенциал	+	+/-	+/-	-	+
Экономика	+	+/-	+/-	+/-	-/+
Передовые технологии	+	+/-	+/-	-/+	+/-

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

Окончание табл. 16.1

Параметры великой державы	США	КНР	Индия	Бразилия	Россия
Наука и исследования	+	+/-	-/+	-/+	-/+
Образование	+	-	-	-	+
Культура	+	+/-	+/-	-/+	+
Традиция и культура думать и действовать глобально	+	-/+	-	-	+

Как видно, только *Соединенные Штаты* обладают в полном объеме параметрами великой державы, хотя происходит очень медленное сокращение разрыва между сверхдержавой и другими ведущими мировыми державами по отдельным позициям. У Америки есть серьезные финансовые и социально-экономические проблемы, американская экономика начинает уступать китайской по отдельным показателям. В США имеются демографические проблемы, вызванные тем, что при росте населения в основном за счет афроамериканцев и иммигрантов (легальных, нелегальных и полулегально живущих в стране) усугубляются этнические проблемы. Растет недовольство средних белых американцев последствиями роста расходов государства на социальное обеспечение дотационных слоев населения, большинство из которых иммигранты.

Если говорить о мирорегулирующем потенциале, то *Соединенные Штаты* пока сохраняют мощный идеологический потенциал воздействия на формирование основ мирового порядка и располагают очень большими материальными возможностями для реализации своих концепций и планов. По оценкам большинства американских политиков и специалистов по международным отношениям, несмотря на трудности, с которыми столкнулась Америка в XXI в., она сохранит доминирующее положение, и именно ее позиция будет оказывать решающее влияние на формирование основ порядка. Отмечается, что вряд ли появится какая-либо сила (в лице одной державы или группы держав), способная пошатнуть установившийся порядок⁴.

У остальных ведущих мировых держав данные противоречивы. Каждая из них может пойти как по пути выравнивания характеристик, так и по пути утраты имеющегося потенциала.

России были оставлены в наследство богатая научная школа, высокотехнологичные разработки в отдельных областях (космос, ОПК, медицина), высокообразованное население и ряд других «активов»,

которые до сих пор делают ее моделью, например, для Индии, Китая, Бразилии. Однако «проживание» этого потенциала без движения вперед ведет к полной утрате позитивных характеристик. Сейчас Россия серьезно отстает не только от США, Японии и западноевропейских держав в развитии высоких и инновационных технологий, но и от Китая, Индии, Бразилии по капиталовложениям и темпам наращивания научно-технологического потенциала.

Это важно

Однако в группе современных ведущих мировых держав Россия, хотя и уступает каждой из них по тем или иным параметрам, тем не менее остается влиятельной страной, которую невозможно игнорировать. **После Соединенных Штатов Россия является самой активной страной в деле формирования нового мирового порядка.**

Индия и Китай, несмотря на бурный экономический рост, пока не могут до конца решить проблемы грамотности и образования населения, бедности и необустроенности отдельных территорий, отстают от США и России по ядерному потенциалу. Остро стоит и проблема обеспечения энергоресурсами и другими природными ресурсами, недостаточными для растущих запросов экономики и военного сектора. Сохраняется неопределенность в выборе формы и доли участия в мировом регулировании.

Китай демонстрирует полную независимость во внешней и внутренней политике, не приемлет вмешательства в свои действия и жестко выступает против любого посягательства на свой суверенитет, но не демонстрирует такой же четкой и решительной позиции, когда речь идет о других странах или о конкретных проблемах. Китай поддерживал усилия других держав по укреплению режима нераспространения ОМП, участвуя в переговорах по ядерной программе КНДР, но в то же время не прекращал полностью оказывать помощь Северной Корее (нефть и продовольствие), считая опасными для ситуации на полуострове и для безопасности КНР полный коллапс северокорейского режима, а также возможное усиление военного присутствия США в регионе. В вопросе с иранской ядерной программой Китай имеет собственную позицию, обусловленную экономическими интересами (поставки нефти из Ирана), а также решением вопроса Тибета и Тайваня (позиция США по этим вопросам). В разрешении ситуаций в Пакистане и Афганистане Китай уклоняется от прямого вовлечения в решение существующих проблем, так как не желает усиления роли Соединенных Штатов в регионах Центральной Азии, Индийского океана и Персидского залива, опасается ответных действий транснациональных террористи-

ческих групп. В решении ряда глобальных проблем (климат, бедность, эпидемии и т.д.) Китай настаивает на преобладании принципа «общей, или разделенной, ответственности», когда высоко развитые страны должны, по его мнению, внести больший вклад в решение многих важных проблем мировой политики⁵.

⇒ Китайские аналитики делают акцент на том, что Китай пока не сформулировал окончательной позиции по вопросу своего участия в глобальном регулировании, в решении глобальных проблем⁶. По их оценкам, он не готов взять на себя роль глобального лидера как в одиночку, так и в биполярной структуре с Соединенными Штатами, которые его к этому довольно настойчиво склоняют.

Хотя в американской литературе часто высказываются опасения относительно неподконтрольного США «подъема Китая» и установления «Пекинского консенсуса», предлагается проводить стратегию сдерживания и одновременного вовлечения Китая в управляющие структуры, сценарий установления нового биполярного порядка видится проблематичным.

Индия выбрала пока путь «следования за США», что делает ее менее уязвимой перед КНР и Пакистаном. Вопросы глобального регулирования и порядка ее не очень волнуют. Индийские политические лидеры часто подчеркнуто демонстрируют нежелание занимать сильные позиции по вопросам глобальной политики, вовлекать страну в решение глобальных проблем, так как полагают, что Индия не готова к такой политике, ей нужно решить собственные внутренние проблемы, накопить достаточный потенциал. Во время событий в странах Арабского Востока они предпочли позицию выжидания, по определению индийских экспертов, «остались отсиживаться за забором»⁷. Также одной из причин того, что Индия медлит с активным участием в строительстве нового мирового порядка, называется отсутствие институциональной базы для идейного обеспечения более масштабной политики, для стратегического планирования. Указывается на то, что «мозговые» центры Индии малочисленны и равны по количеству сотрудников экспертным структурам Венгрии⁸.

Таким образом, на обозримую перспективу Индия останется с двойственной характеристикой: растущей великой державой, в силу масштабного роста экономического и военного потенциала, и развивающейся страной из-за существующих внутренних проблем (безграмотность, бедность, нехватка природных ресурсов).

Бразилия — самая «молодая» на поприще глобальной политики, у нее отсутствуют исторически сложившаяся культура и традиция дей-

ствовать глобально. Она добилась немалых успехов в развитии экономики, пытается сказать свое независимое слово в «группе двадцати» и ВТО, активно участвует в политике группы БРИКС, имеет большую территорию и богатые природные ресурсы, но пока серьезно отстает по военному и научному потенциалам, образованию и другим параметрам. Важно отметить, что США не заинтересованы в повышении мирового статуса Бразилии, так как они не хотят ослабления американского влияния на Латинскую Америку в целом, что может произойти по мере увеличения регионального влияния Бразилии и Аргентины.

Бразилия действует на трех важных направлениях: на североамериканском, где приходится учитывать политику США в странах Латинской Америки, в том числе по созданию всеамериканской системы; в своей подсистеме, где Бразилия пытается реализовывать региональные интеграционные планы, усилить свои региональные позиции; и на глобальном уровне. Бразильские политологи указывают на то, что внешняя политика Бразилии может характеризоваться как стремление к автономии и, добиваясь этого, она прошла три этапа: «автономия через дистанцирование», «автономия через участие» и «автономия через диверсификацию» партнеров, прежде всего в развивающемся мире⁹. Можно сказать, что к диверсификации склоняются все так называемые растущие державы.

По оценкам американских политологов, Бразилия не станет великой державой в этом веке, а у Индии есть небольшой шанс стать таковой к 2050 году¹⁰.

Россия и ее конкуренты в «Малой Евразии»

При рассмотрении параметров России интересно посмотреть (табл. 16.2), какие конкурентные возможности есть у нее в постсоветских странах (кроме стран Прибалтики).

Таблица 16.2

Влияние великих держав на постсоветском пространстве

Позиции в постсоветских странах	Россия	Китай	США	Европейский Союз	Индия
Экономика:					
— макроструктура	+	—	—	+/-	—
— интеграция	+	—	-/+	+/-	-/+
— энергетика	+	-/+	—	+/-	-/+
— рынок труда	+/-	+	—	+/-	-/+
— инвестиции	+/-	+	-/+	+	-/+

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

Окончание табл. 16.2

Позиции в постсоветских странах	Россия	Китай	США	Европейский Союз	Индия
Политическая сфера:					
— сходство политических режимов	+	+	-/+	-/+	-
— сходство элит	+	-	-	-/+	-
— политическое влияние	+	-	+/-	+/-	-
Сфера безопасности:					
— общность угроз	+/-	-/+	-	-	-
— организации по безопасности	+	+	-/+	-/+	-
— сходство ВС	+	+	-	-	-/+
— военное присутствие	+	-	+/-	-/+	-
Культура:					
— общая история	+	-	-	+/-	-
— культурная совместимость	+	-/+	-/+	+/-	-
Общий ресурсный потенциал, который может быть использован для поддержки экономики и предоставления гарантий безопасности постсоветским странам	+/-	+/+	+/+	-	-
— финансы					
— совместные компании	-/+	+/+	+/-	-	-
— технологии	-/+	+/+	+/-	+/-	-
— специалисты	-/+	-	+/-	-/+	-
— вооруженные силы	+	+	+/-	-	-
	+	+	+	-	-

У России остаются широкие возможности расширения и углубления взаимодействия с постсоветскими странами, но она уступает другим ведущим мировым державам, прежде всего США и Китаю, в финансовых и инвестиционных ресурсах, хотя именно благодаря экономической и финансовой политике России в 1990–2000-х годах большинству постсоветских стран удалось, поддерживая слабые экономики, выжить.

«Российский вклад» в экономики Украины, Грузии, Киргизии, Таджикистана, Армении был немалым, состоял в предоставлении льготных условий при снабжении энергоресурсами и при взаиморасчетах, в открытии почти бесконтрольного рынка для трудовых мигрантов из соседних стран и временном отказе от контроля над движением мигрантов, их предпринимательством в России, соответствующими доходами и их налогообложением. Впрочем, понятно, что этих льгот недостаточно для большинства республик бывшего СССР, все еще не способных самостоятельно справиться с внутренними проблемами без постоянных «вливаний» в их экономики. Новые независимые страны заинтересованы в диверсификации источников внешней помощи, в том числе за счет развития отношений с конкурентами России.

Это важно

Конкурентная среда и в будущем будет вносить коррективы в политику России и накладывать ограничения на реализацию ее возможности на постсоветском пространстве. Вместе с тем бывшие советские республики остаются исторически связанными территориями. Россия — по-прежнему очень привлекательный партнер в решении многих вопросов, в том числе в сфере безопасности.

Китай, Индия, Турция и в большинстве своем страны ЕС редко планируют оказание реальной помощи в восстановлении отстающих стран, не предусматривают масштабных вложений в социальную сферу. Их интересует доступ к ресурсам и дешевой рабочей силе малых стран без серьезных вложений в их развитие. Они имеют и определенные геополитические интересы (военное и иное присутствие, присоединение к сфере своего влияния). Сотрудничество с Россией на двусторонней основе и в рамках существующих многосторонних организаций и объединений пока выглядит более благоприятствующим для их развития и укрепления государственности стран СНГ на долгосрочную перспективу¹¹.

Важность правильного выбора ясна и для Российской Федерации, и для ее соседей. Особенно актуальными вопросы безопасности стали в контексте осложнения ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Число ослабленных экономически и политически революционных и постреволюционных стран пополняется. Растет количество обездоленных мигрирующих людей. Одновременно с революциями активизируются криминальные структуры. В такой ситуации каждой из стран «Малой Евразии»¹² стоит задуматься о своем будущем и векторах своей внешней политики. На первый план выступает обеспечение безопасности государства. Вряд ли стоит надеяться на то, что все играющие на постсоветском поле ведущие мировые

державы в действительности озабочены обеспечением безопасности и стабильности всех территорий. Каждая из сильных держав намерена решать прежде всего собственные задачи.

России, у которой пока остаются хорошие, но очень неровные показатели для поддержания статуса великой державы, как никогда важно упорно работать. Многое будет зависеть от того, удастся ли России осуществить модернизационный прорыв и занять прочные высокие позиции. В круге великих держав XXI в. не будет места экономически слабым государствам¹³.

Соединенные Штаты и расширенный «клуб великих держав»

Осознание рисков вступления на путь «глобального регулирования в одиночку» происходило в США постепенно. Только в начале 2010-х годов появились американские публикации о том, что и как успели сделать Соединенные Штаты, а что им сделать не удалось. Эксперты и политики поднимают вопрос о необходимости ограничить американскую сферу деятельности, однако тенденции к сужению сферы американских интересов на практике пока не наблюдается.

Сложности у Соединенных Штатов возникают из-за того, что планы и масштабы международной деятельности Америки глобальны, объектное поле американской стратегии выросло количественно и усложнилось качественно. Взятая на себя роль «премьер-министра в глобальном правительстве», пока окончательно не оформившегося и частично реализованного в «группе восьми» и «группе двадцати», ООН, НАТО в совокупности со структурами ЕС, престижна, но и весьма затратна. Бремя глобального управления заметно сказывается на ситуации в стране и на положении США в мире.

В сложившихся условиях есть два выхода: разумно сокращать сферу деятельности и тратить меньше средств, что для США, добивающихся закрепления статуса глобального лидера/гегемона, невозможно, или уменьшать расходы, вовлекая в реализацию своих планов других игроков¹⁴. Призывая другие страны (прежде всего союзников по НАТО и тех, кто стремится войти в альянс или ЕС) «помогать» в решении существующих проблем, Соединенные Штаты делают акцент на коллективной (общей) выгоде. Однако для большинства стран получение выгод остается под вопросом, так как, по их мнению, основной выигрыш достанется главному организатору. Другие страны хотят тратить средства прежде всего на собственные нужды и отстаивают приоритет

национальных интересов, полагая, что принятие условий США ограничит их возможности в наращивании потенциала и поставит их в зависимость от сверхдержавы.

В отличие от Соединенных Штатов остальные ведущие мировые державы по-разному и в силу разных причин стараются придерживаться принципа бережливости во внешней политике. Как отмечалось выше, Китай, несмотря на впечатляющую экономическую динамику, не торопится тратить средства на решение глобальных проблем, продолжает наращивать свой потенциал и исправлять диспропорции внутри страны. Индия уклоняется от глобальной политики, отдавая предпочтение наращиванию экономической и военной мощи. Бразилия и Аргентина не готовы к большой политике. Турция остается региональной державой, хотя в перспективе претендует на более высокий статус, а Япония сильно ограничена внутренними факторами и близостью сильных игроков — США и КНР. Россия, следуя традиции, продолжает проводить довольно затратную внешнюю политику для своего настоящего потенциала, хотя масштабы ее затрат несопоставимы с американскими.

По оценке большинства американских политологов, реализация глобальной стратегии при администрации Дж. Буша-младшего и «самооболение силой» привели к некоторому перенапряжению, нанесли ущерб престижу США, удорожили американскую внешнюю политику. Это еще больше взвинтило инфляцию, усугубило проблему государственного долга, пагубно сказалось на мировых финансах.

На тревожные симптомы в развитии мировой и американской экономики указывают многие американские и отечественные экономисты. Отмечается, что у США не осталось средств для покрытия своих гигантских долгов и дефицитов, кроме решительного сокращения внутренних и внешних расходов, повышения налогов (прежде всего корпоративных) и новых заимствований. Указывается, что в стремлении к оптимизации бизнеса и получению больших прибылей за счет как дешевой рабочей силы, так и доступа к обширным рынкам для своей продукции американские корпорации вынесли производство за рубеж, лишая своих граждан рабочих мест. Масштабы текущей «деиндустриализации» выдвинули реальную угрозу национальной безопасности¹⁵.

Обращает на себя внимание проблема старения населения и увеличения числа тех, кто будет пользоваться социальными льготами, прежде всего пенсиями и медицинским страхованием. Американцы обеспокоены тем, что начиная с 2011 г. в пенсионный возраст вступило поколение людей, рожденных в период беби бума 1946–1964 г. (около 77 млн человек). Для выплаты пенсий и обеспечения их прав на все социальные льготы требуются огромные средства, которых в казне нет¹⁶.

- ⇒ В КНР число пенсионеров быстро растет, и в условиях контролируемой рождаемости, по прогнозам самих китайцев, к 2050 г. число неработающих может оказаться сопоставимым с работающей частью населения. Хотя китайцы могут рассчитывать на более скромные отчисления государства, чем граждане США и других высокоразвитых странах, учитывая количество пенсионеров, расходы будут огромными.

Можно ли всерьез рассчитывать на то, что внешняя политика США станет «бережливой», что руководство страны пойдет на сужение сферы американских интересов?

Обещания Б. Обамы привлечь как можно больше стран для реализации планов по преобразованию мира на демократических основах, уделять больше внимания экономическим проблемам, уйти из Ирака и Афганистана были встречены с одобрением в Соединенных Штатах. Американцы увидели в этом стремление снизить затраты на внешнюю политику и уделить больше внимания внутренним проблемам. Б. Обама пытался решать первоочередные социально-экономические задачи, хотя и не во всем успешно. Можно обвинять в этом республиканцев в конгрессе, но были и другие причины, коренившиеся в политических и экономических проблемах, накапливавшихся длительное время. Так, традиционно уже к середине первого срока внешняя политика начинала занимать внимание администрации больше, чем внутренняя. Этого следует ожидать и в будущем, так как Соединенные Штаты остаются сверхдержавой с глобальными интересами и отказываться от этой исторически сложившейся парадигмы они не намерены¹⁷.

К концу первого срока и в начале второго срока после переизбрания Б. Обамы и демократы продолжали определять функции США как «глобального управляющего», без которого мир чувствовал бы себя гораздо хуже. Главный лозунг демократов сохранился: «Чем сильнее позиции в мире, тем спокойнее и безопаснее дома». Основные три задачи по обеспечению глобального американского лидерства демократы видят в процветающей экономике страны, в недостижимой военной силе и в приверженности политике распространения универсальных ценностей¹⁸. Сохраняется убежденность в том, что ослабление военной мощи Америки пагубно скажется не только на безопасности страны, но и на ситуации в отдельных странах и регионах, позволит другим державам, прежде всего КНР, усилить свои позиции.

Соединенные Штаты вновь заявили не о смене своего внешнеполитического курса, а о необходимости реструктурировать американскую внешнюю политику, перестроить отношения с разными странами во всех уголках мира. Такая задача, по определению демократов, стала возможной после 10 лет войны, из которой США вышли победителями,

решив проблему угрозы международного терроризма гражданам Америки (физическое уничтожение Усамы бен Ладена и нанесение решающих ударов по «Аль-Каиде»), одержав победу в преобразовании Ирака, подготовив благоприятные условия для вывода американских войск из Афганистана. Также отмечается, что администрации Обамы удалось добиться успехов в сфере нераспространения ядерного оружия, подписав с Россией новое соглашение по СНВ в 2010 г., а также добившись от России и Китая поддержки в принятии в ООН более жестких санкций против Ирана, усиливших его политическую и экономическую изоляцию¹⁹. Реакция американцев на события весны 2011 г. в Северной Африке показала, что идея «незаменимости Америки» для остального мира, ее ответственности за будущее других стран сохраняет мощную притягательность для американских граждан разных возрастов.

Ни один американский политик или специалист по международным отношениям не советует США устраниваться от глобального регулирования, от демократического переустройства мира. Рекомендации сводятся к тому, как сохранить регулирующий потенциал Америки. Для администрации Б. Обамы и для будущих администраций жизненно важен вопрос о консолидации американоцентричного и либерально-западного мирового порядка. На карту поставлен престиж Америки и ее способность переломить ситуацию и придать процессу преобразования мира по-американски необратимый характер.

С практической точки зрения задача Соединенных Штатов в среднесрочной перспективе состоит в том, чтобы заставить другие державы вносить более весомый вклад в урегулирование ситуации в тех странах, которые Вашингтон избрал объектом строительства демократии при помощи силы. Заявив о военной победе, США желают, чтобы другие государства включились в оказание помощи по реализации «послевоенных проектов» в побежденных странах. Все усилия американской дипломатии подчинены цели сохранить наиболее благоприятные условия для дальнейшей деятельности США в контролируемых регионах.

Это важно

Планы Соединенных Штатов не принимаются безоговорочно ведущими мировыми державами, не связанными обязательствами, как страны—члены НАТО. К чему приведет американская политика, как отреагируют на нее Бразилия, Индия, Китай, Россия — вот главная дилемма мировой политики.

* * *

Поскольку государство остается ведущим субъектом мировой политики, «право сильнейшего» и вообще «право сильного» не ут-

рачивают своей значимости. Формально США не отказываются от «мягкой мощи», но сфера ее применения в политике Соединенных Штатов и многих других государств скорее свертывается, чем расширяется. Наметились признаки перехода к «психологической войне», «информационной войне», а также к «экономическому сдерживанию» по аналогии со сдерживанием военным. Эти явления не вписываются в гипотезу об универсальном значении «мягкой мощи».

Не менее важные дилеммы стоят и перед остальными ведущими державами, так как их видение своей роли в будущей мировой политике во многом не совпадает с той ролью, которую им могут предложить Соединенные Штаты.

Оформление отношений внутри разросшегося «клуба» ведущих мировых держав, которые могут принять формат иерархической структуры (к чему стремятся США, в том числе делая из КНР вторую сверхдержаву), можно также считать трендом в рамках порядкообразующего мегатренда.

В XX в. страны, не входившие в «группу семи», обвиняли ее членов в том, что они отстаивали свои узкогрупповые интересы, существовавшие разногласия носили демонстрационный характер и не были по-настоящему антагонистическими. Может ли пойти по этому пути «группа двадцати»? Будут ли страны «двадцатки» так же сплоченно отстаивать свои групповые интересы, ставя урегулирование внутренних противоречий на второе место? Такой сценарий представляется маловероятным, так как современные великие державы очень различны по своим характеристикам, отсутствует объединяющая сила приверженности общим ценностям и культуре, роль которой выполняла объединяющая страны «семерки» западно-европейская культура и общность стратегических и иных интересов (например, борьба с СССР, коммунизмом). Хотя Россия, Китай, Бразилия, Индия высказываются за полицентричный мир без гегемонии, они, за исключением России, пока мало что делают для укрепления и институционального обустройства такой международной системы, разобщены, конкурируют друг с другом в деле создания новых подсистемных структур со своим преобладающим влиянием, имеют разные позиции в отношении Соединенных Штатов и их политики.

В XXI в. будет по-прежнему воспроизводиться иерархическая структура мира, сохранятся разнообразие и амбивалентность в позициях разных ведущих мировых держав по основным вопросам международного права (суверенитет, демократия, права человека и т.д.), ни одна из держав не будет в состоянии осуществить авторитарное глобальное лидерство. И традиционные, и восходящие ведущие мировые державы будут проводить политику «избирательного вовлечения» в решение глобальных проблем²⁰.

Ключевые слова

Мировой порядок, глобальное регулирование, «великая держава», параметры великих держав.

Контрольные вопросы

1. Какие критерии могут обеспечить статус великой державы в современном мире?
2. Каковы позиции России в круге великих держав?
3. Что обуславливает возрастание конкурентности на постсоветском пространстве?
4. В чем заключаются задачи Соединенных Штатов на современном этапе?
5. Почему Китай сохраняет амбивалентный подход к активизации своего участия в мирорегулировании?
6. Какие особенности современной Индии ограничивают ее глобальную роль?

Примечания

¹ *Богатуров А. Д.* Лидерство и децентрализация в мировой системе // Международные процессы. 2006. № 3 (12). С. 6.

² *Nye J., Jr.* The Future of Power. N.Y.: PublicAffairs, 2011. P. 117–118.

³ В работе термины «великая держава» и «ведущая мировая держава» используются как синонимы, что часто делают и американские авторы. Строго говоря, эти понятия не идентичны, но такое использование допустимо в соответствии с предложенным в работе определением великой державы. Большинство ведущих мировых держав разного уровня (за исключением США) не обладает полным набором параметров великой державы и находится на разных этапах их консолидации.

⁴ *Worldview of Aspiring Powers. Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Iran, Japan, and Russia / Ed. by H. R. Nau and D. M. Ollapally.* Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 30–31.

⁵ *Suisheng Zhao.* China: A Reluctant Global Power in the Search for Its Rightful Place // *Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni and N. C. Noonan.* N.Y.: Bloombury, 2012. P. 116–117.

⁶ *Ibid.* P. 115.

⁷ *Nadkarni V.* India — An Aspiring Global Power // *Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni and N. C. Noonan.* N.Y.: Bloombury, 2012. P. 150.

⁸ Об этом пишет, например, Н. Нилекани: *Nilekani N.* Transforming Demographics: A Massive Dividend, but Can We Cash In? // *Hindustan Times.* Mumbai. 01.01.2011. Цит. по: *Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni and N. C. Noonan.* N.Y.: Bloombury, 2012. P. 151.

⁹ *Castro Neves J. A. de.* Brazil as an Emerging Power in the Twenty-First Century // *Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni and N. C. Noonan.* N.Y.: Bloombury, 2012. P. 204.

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

¹⁰ Сравнительный анализ потенциала отдельных держав был представлен в докладе американских политологов на ежегодном конвенте Ассоциации международных исследований в марте 2011 г. в Монреале. В 2010 г. аналогичное исследование было осуществлено группой политологов под руководством К. Лэйна и также представлено на конвенте ассоциации в Новом Орлеане. См.: *Volgy T., Corbetta R., Rhomey J. P. The Two Clubs: Major Global Powers, Major Regional Powers and Status Considerations in International Politics. Paper presented at the 52nd Annual Convention of the International Studies Association. Montreal, 2011. 16–20 March.*

¹¹ Международные отношения в Центральной Азии / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2011.

¹² Под «Малой Евразией» понимается совокупность ряда государств, которых объединяет не только соседство территорий и общие границы, но и общность исторического развития и связей, членство в СНГ и его структурах или сотрудничество вне рамок этих структур. В «Малую Евразию» можно включить Россию, Белоруссию, Украину, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армению, Азербайджан, Грузию, Молдавию, хотя последние две страны все дальше отходят от взаимодействия с постсоветскими государствами.

¹³ См.: Великие державы в новом пограничном пространстве // Ситуационные анализы. Вып. 2 / Отв. ред. Т. А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2012. С. 74–276.

¹⁴ См. определение лидерства в книге: *Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 43.*

¹⁵ О тревожных тенденциях в развитии мировой и американской экономики подробно пишет авторитетный российский специалист академик Н. А. Симония, обращающий внимание на очень высокие цифры долга США: доля в общемировой задолженности — 22,6%; государственная задолженность — более 12 трлн долл., а отношение госдолга к ВВП — от 95,2 до 96,8%. Впервые в истории Америки министерство финансов начало продавать казначейские облигации с отрицательной ставкой (минус 0,55% годовых); банк «Голдман Сакс» подготовил дебютный выпуск бондов со сроком обращения 50 лет; США приступили к трансформации своих финансовых обязательств в тридцатилетние облигации. См.: *Симония Н. А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы. 2010. Сентябрь—декабрь. Т. 8. № 3. С. 21–22.*

¹⁶ *Mandelbaum M. The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y., 2010. P. 22–23.*

¹⁷ *Bacevich A. The Limits of Power: the End of American Exceptionalism. N.Y., 2009.*

¹⁸ *Moving America Forward. 2012 Democratic National Platform. URL: www.democraticconvention2012.com.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Такой позиции придерживаются авторы коллективной монографии, в которой главы по отдельным великим державам были написаны учеными из США, Китая, Индии, Бразилии, Европы, Японии, России (глава о России написана Т. А. Шаклеиной). См.: *Conclusion: Global Leadership in the 21st Century // Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni and N. C. Noonan. N.Y.: Bloombury, 2012. P. 209–216.*

17

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЕВРОПЕ И ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ

Тенденция к региональной межгосударственной интеграции, породившая после окончания Второй мировой войны мощное интеграционное «ядро» в Западной Европе, подразумевала нарастание однородности характеристик интегрирующегося пространства на базе единства культурных символов, институциональной и правовой систем, а также экономического комплекса. Принцип гомогенизации был положен в основание концепции региональной интеграции в мире и определил направление и содержание интеграционных исследований в целом.

Впоследствии аналитики продолжали интуитивно отталкиваться от допущения о нормативности западноевропейской модели. В результате степень «интеграционности» той или иной региональной версии определялась путем соотнесения с достижениями ЕЭС/ЕС. При сравнении, как правило, использовались стандартные критерии: распространение наднационального принципа принятия решений и продвижение по «лестнице Бэлы Балаши» (см. гл. 8). Реже и преимущественно в экономической литературе встречается такой индикатор, как доля внутрирегиональной торговли в общем торговом обороте стран-членов.

Когда в СССР только создавалась школа интеграционных исследований, объектом ее изучения был и мог быть только один очаг интеграции — в Западной Европе. Однако сегодня интеграционные тенденции характерны для многих регионов мира. Лидеры и ученые в Западном полушарии и странах Азии широко и свободно применяют слово «интеграция» для описания реальных экономических и политических тенденций, в которых участвуют их страны. Термин «интеграция» прочно вошел в словарь российских политиков и политологов при обсуждении вопросов развития СНГ.

Разумеется, не везде и не всегда межгосударственное сотрудничество правомерно называется интеграцией. В академическом сообществе продолжают содержательные и весьма плодотворные дискуссии

по поводу понятийных и критериальных аспектов ее интерпретации. Вместе с тем бесспорно, что в ряде регионов, прежде всего в зарубежной Европе, Восточной Азии, Северной и Южной Америке, сроки осуществления, масштабность программ интеграционного характера, а также степень приверженности им местных лидеров и граждан не позволяют усомниться в том, что речь идет о реальных, но одновременно сложных политических, экономических, культурно-идеологических процессах, проблемах и результатах. К концу первого десятилетия XXI в. накоплен разнообразный эмпирический материал по развитию региональных очагов интеграции, который стимулирует серьезное осмысление опыта интеграционного развития на основе сравнительного выявления черт сходства и различий между ними и служит основой появления «сравнительной интеграции» как новой учебной и научной дисциплины.

Проблема эффективности в управлении европейским интеграционным пространством

Анализ истории и современного состояния управляющих механизмов и учреждений ЕС показывает, что их становление проходило зигзагообразно и рывками, с многочисленными отклонениями и отступлениями от исходно придуманных схем.

Уникальность современной политической системы ЕС проявляется в вариативности процедур разработки курсов и принятия решения в различных сферах деятельности¹. Речь идет о *дифференциации* и *асимметрии*.

Под **дифференциацией** понимается формирование в рамках Союза субрегиональных механизмов более тесного сотрудничества, не включающего все государства-члены, например Шенгенские соглашения, зона евро, общая внешняя и оборонная политика.

Под **асимметрией** понимается принятие разных по природе решений по разным процедурам: коммунитарный метод (простое и квалифицированное большинство), межправительственный метод (единогласие), жесткое наднациональное регулирование (автономия отдельных институтов при принятии решений, прежде всего — Европейский центральный банк и агентства).

На первый взгляд структура управления ЕС восходит к классическому республиканскому канону правления, при котором исполни-

тельная, законодательная и судебная ветви взаимно уравнивают и контролируют друг друга, а их полномочия разведены. В ЕС функционируют соответственно Комиссия (псевдоправительство), парламент, Совет (как аналог второй палаты национальных парламентов в федеративных государствах) и Суд.

Между тем внешнее сходство обманчиво, поскольку на деле Совет обладает законотворческими полномочиями совместно с парламентом, оставаясь при этом одним из основных исполнительных органов. Подобное дублирование функций было следствием усилий участников европейской интеграции, направленных на поддержание межинституционального равновесия. Достигается согласие между государствами-членами, без которого работа наднациональных органов невозможна. Стремление соблюсти «оптимальное» соотношение интересов отдельных стран (и институтов) во благо интеграции означает низкую степень участия парламента в процедурах принятия решения, отсутствие прозрачности в практической работе институтов (демографический дефицит).

Это важно

На каждом этапе вплоть до начала 2010-х годов ключевым корректирующим принципом, своего рода регулятором институциональной практики ЕС выступала ее **эффективность**, т.е. соответствие местным условиям Евросоюза и целям его развития, адекватность руководящих органов ЕС ожиданиям стран-участниц и готовность государств-членов отказываться от той или иной степени национального контроля. Органы и члены ЕС шли за реальностью, а не за теоретическими разработками. Это важнейшее обобщение опыта ЕС с точки зрения оценки перспектив появления общей теории интеграции.

Тема эффективности управления так или иначе связана с темой федерализма, поскольку затрагивает вопросы оптимального разграничения компетенций общих (наднациональных) органов управления и полномочий правительств отдельных государств. Но с позиций выявления региональной специфики ЕС важнее другое: в Евросоюзе существовала своего рода «инвариантная» система управления. Несмотря на то что федерализм в ЕС в идеологической сфере то усиливался, то ослабевал, установка на надгосударственный (федеративный) подход всегда оставалась ориентиром управления.

Это важно

Еще в самом начале интеграционного процесса система руководящих органов ЕОУС (1951 г.) представляла собой в миниатюре прообразы того, что

впоследствии развилось в управляющий механизм нынешнего ЕС, который воплощает комплекс по преимуществу **наднациональных институтов**.

Однако достаточных оснований считать наднациональность в той мере, в какой она устоялась в ЕС, универсальным (общемировым) признаком нет. Нигде в мире, кроме Евросоюза, не фиксируется ни примат наднационального принципа, ни — что важнее — выраженное стремление к нему.

Специфика Западной Европы начала 1950-х годов состояла в том, что «зерна» представления о желательности надгосударственного контроля попали на взрыхленную идейную почву. В тех западноевропейских странах, которые в наибольшей степени пострадали от Первой и Второй мировых войн, недовольство масс было обращено даже не против характера правящих режимов, а против бессилия института государства в принципе. Мысль о бессилии власти, которая не смогла спасти граждан, легко переросла в такой атмосфере в предположение о ненужности власти вообще.

Наиболее радикальная критика государства вылилась в интерпретации французских интеллектуалов в концепцию «Европейской Федерации». В глазах ее авторов акцент на наднациональности был абсолютно необходим². К тому же предложение участвовать в интеграционном эксперименте было адресовано *ослабленной* и оккупированной Германии, а также группе малых и *слабых* европейских стран. Это облегчало задачу ее навязывания («оформления»). *Сугубо ситуативная черта 1945–1950-х годов, позволившая Франции, не встречая явного сопротивления, убедить партнеров в полезности наднациональности, была со временем возведена в ранг исторической закономерности.*

Наднациональность была нужна европейцам ровно в той мере, в которой ее применение отвечало текущим задачам сообщества. Тот факт, что с 1951 г. наднациональность не была взята на вооружение в других интеграционных группировках, и то, с каким трудом она утверждалась в самом ЕС, говорит о том, что это скорее западноевропейская специфика, нежели «историческая неизбежность» интеграционных траекторий вообще.

Если наднациональный характер ЕОУС был обусловлен особенностями послевоенной ситуации в Западной Европе и незначительной ценой вопроса, определявшейся «секторальным» характером интеграции объединения, то цель общеэкономической интеграции, намеченная в Римском договоре 1957 г., создавала опасность для социально-экономических режимов, сложившихся в странах «шестерки» после Второй мировой войны (страх безработицы, массовых разорений, крупных взносов в бюджет ЭЭС), и ослабляла контроль правительств отдельных стран над развитием национальных экономик, а следовательно, и над

социальной ситуацией. После провала к середине 1950-х годов «плана Плевена» о Европейском оборонительном сообществе стало очевидным, что при осуществлении *общеэкономической интеграции* отстаивание федералистского сценария будет затруднено. Успех ЕОУС породил уверенность в способности «дозированной» наднациональности служить делу интеграционного сотрудничества. Но страхи перед ней следовало умерить за счет сохранения принципа межправительственного регулирования. Это выразилось в придании Римскими договорами (1957 г.) большей значимости Европейскому парламенту, признании всех языков стран-членов официальными и введении системы определения большинства по соотношению голосов, взвешенных в зависимости от численности населения стран-членов.

Отступление от наднациональности в ЕЭС в 1960–1970-х годах не распространилось на ЕОУС и Евратом. Успешная работа обоих деполитизированных сообществ оправдывала наднациональность, демонстрируя эффективность данного типа управления в принципе. В выступлении 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Робмер Шуман пророчествовал: «Европа не будет создана сразу или по единому плану. Она будет строиться на основе конкретных достижений, благодаря которым возникнет сначала фактическая солидарность, которую европейские народы будут последовательно распространять на все новые отрасли»³.

Лидеры ЕС избрали путь адаптации граждан к идее надгосударственного управления — через проверку наднациональности эффективностью.

Вместе с тем было бы неправильно отвергать наднациональность как полезный инструмент классификации интеграционных проектов. Готовность к делегированию полномочий — важный знак зрелости регионального сообщества. Наднациональность, будучи институциональным закреплением этой готовности в ЕС, следует рассматривать в качестве беспрецедентного достижения европейской интеграции.

Практически сразу после фактического начала интеграции у наднациональности появились серьезные противники, в том числе среди лидеров западноевропейских государств, которые пытались уравновесить ее **межправительственным подходом**. Другое дело, что со временем практика наднационального принятия решения доказала свою эффективность в отдельных областях и отказываться от нее было нецелесообразным. Вместе с тем в тех областях, где интересы государств-членов традиционно приоритетны — и были таковыми на всех этапах эволюции ЕС, включая наиболее ранние шаги, — процесс утверждения наднационализма испытывает трудности.

«Расширение Европы на восток» после 1991 г. не помешало превращению ЕС в вертикально и горизонтально интегрированный комплекс сотрудничества в рамках Западной и Центральной Европы. Начался решительный переход к полномасштабной общерегиональной интеграции, знаком которого стало усиление акцента на институте «европейского гражданства» (впервые вписанного в текст Маастрихтского договора) и расширении его участия в определении путей интеграции. Старые, созданные в 1960-х годах механизмы амортизации общественного недовольства в связи с эрозией модели государства благосостояния стали недостаточными.

Но необходимость учета мнения «европейских граждан» заметно осложнила политические условия принятия решений относительно развития интеграции. Резко возросла роль массовых деструктивных голосований — на референдумах в Дании в 1992 г. по вопросу ратификации Маастрихтского договора, во Франции и Нидерландах в 2005 г. по вопросу ратификации конституции ЕС и в Ирландии в 2007 г. по вопросу о ратификации Лиссабонского договора. Если во Франции и Нидерландах «нет» углублению интеграции имело черты протестного электорального поведения и объяснялось скорее внутривнутриполитическими причинами, а в Дании было связано преимущественно с возможными потерями от более интенсивного сотрудничества, то результаты референдума в Ирландии представляют собой пример другого рода: наряду с Грецией и Португалией Ирландия была самым крупным реципиентом материальной помощи со стороны ЕЭС.

Отдельно стоит сказать об истории референдумов в Норвегии, решение о вступлении которой в ЕЭС было принято еще в 1971 г., но всякий раз откладывалось из-за отрицательных результатов референдумов (в 1972 и 1994 гг.).

Это важно

Усиление «гражданской демократической составляющей» в парадигме управления ЕС в 1990-х и 2000-х годах вступило в противоречие с главным критерием управляемости в современном ЕС — принципом эффективности. На протяжении 50 лет он служил гарантией от форсирования интеграции, позволяя регулировать ее темпы и находить оптимальные формы. К началу 2010-х годов усложнение процесса принятия решений снизило эффективность интеграционной политики.

Динамика интеграции и быстрота перехода к новым ступеням не всецело определяются политиками или наднациональными институтами. Их противовесом выступает система ограничителей со стороны отдельных государств, население или элиты которых были не готовы

взять очередной интеграционный рубеж. То, что порой кажется слабостью интеграции и «провалом эффективности ее институтов», на самом деле не раз обеспечивало ей в истории более плавное движение. Интеграционный процесс как таковой продолжает развиваться в ЕС по поступательной траектории.

Структура интеграционного поля Тихоокеанской Азии

В Восточной Азии географические границы зон интеграционных тенденций подвижны. Уместно проиллюстрировать этот тезис практикой проведения Восточноазиатских саммитов, на которые в декабре 2005 г. было решено пригласить Индию, Австралию и Новую Зеландию, а с 2011 г. — США и Россию, которые к Восточной Азии относят далеко не все.

Это важно

Норвежский исследователь Бьорн Хеттне и американский специалист по Восточной Азии Гарри Хардинг вообще отрицают факт существования в мире «естественных (географических) регионов», указывая, что вопрос о конфигурации региона может решаться ситуативно — в зависимости от сферы сотрудничества.

В отечественной науке с этим подходом отчасти согласуется определение, предложенное А. Д. Воскресенским, которые понимает под **регионом**

«совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными»⁴.

Российский Дальний Восток, например, должен был бы географически принадлежать к Восточной Азии, но чаще, в зарубежных работах, не относится к ней — во многом из-за недостаточно активного участия находящихся там субъектов РФ в экономической жизни восточноазиатских государств. Иными словами, при определении состава региона можно использовать такой критерий, как включенность стран в региональное хозяйство. В настоящей главе Восточноазиатский регион рассматривается как совокупность двух субрегиональных фрагментов — Северо-Восточной (СВА)⁵ и Юго-Восточной (ЮВА) Азии⁶.

К началу 2010-х годов слияние юго-восточного и северо-восточного фрагментов региона в единый экономический комплекс в основном

завершилось. Этот *психологический ее процесс облегчается исторически сформировавшейся терпимостью государств субрегиона к доминированию иностранного элемента в структуре инвестиций и торговли.*

Важным фактором слияния субрегионов в единый регион в 1980–1990-х годах стало желание Японии (и США) осуществить передислокацию трудоемких, «грязных» производств в страны Юго-Восточной Азии, обеспечив себе дальнейший технологический рывок. Ущерб для экологии в ЮВА осознавался не менее остро, чем в Японии, но экономический выигрыш для малых и средних стран от переносимой индустрии его перевесил.

Форсированное хозяйственное развитие СВА также в существенной мере подпитывалось поставками сырья из юго-восточной части региона. Экономический рост толкал государства обеих частей Восточной Азии друг к другу, связывая их сначала узами торговли, производства и сырьевых поставок, а затем — необходимостью валютно-финансовой и технологической координации.

Это важно

Объединение субрегионов в регион происходило под действием растущей, прежде всего экономической, взаимозависимости. При этом наиболее заметную иницирующую роль в интеграционных процессах играли политики стран ЮВА, на импульсы которых реагировали Япония и США как потенциальные технологические и инвестиционные доноры.

Развитие экономического сотрудничества на групповой, региональной основе — один из наиболее популярных политических лозунгов среди большинства стран в этой части мира. Особенность внешнеполитической стратегии стран ЮВА — принцип *коллективного действия малых и средних стран, осознавших свою силу в сплочении и единстве.* На первый взгляд даже удивительно, что объективным региональным лидерам — Японии и Китаю — с начала 1980-х годов приходилось соглашаться с необходимостью прислушиваться к мнению АСЕАН и принимать его как единственную основу для обсуждения почти любых вопросов интеграционного характера⁷. *Если в ЕС интеграцию направляли наиболее крупные страны (Франция и Германия), то в Восточной Азии — малые и средние (государства АСЕАН).*

О существовании в Восточноазиатском регионе собственно интеграционных тенденций свидетельствует несколько обстоятельств.

Во-первых, важным аспектом интеграционных усилий является **координация** политики в ряде областей взаимодействия — торговой, транспортной, финансовой, отчасти экологической. В этой части мира

нельзя говорить о проведении «общих политик», как в Евросоюзе. В то же время в некоторых сферах парадигма коллективного согласованного действия начинает преобладать над разрозненными индивидуальными шагами отдельных государств. Так, АСЕАН выступает консолидированным игроком на торгово-экономических (ВТО) или международно-политических переговорах (в отношениях с ЕС, США, Россией и Индией), сначала согласовывая свою позицию между собой, а затем оглашая ее в качестве коллективной переговорной платформы.

Во-вторых, страны региона добиваются сближения своих экономик через **гармонизацию** технических требований и введение единых правил происхождения товаров (*rules of origin*), хотя они и пробуют достичь этого без движения к наднациональности. Для реализации цели сближения страны региона осуществляют меры безусловно интеграционного характера, предусматривающие либерализацию экономического пространства, включая облегчение режима перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В принятой в 2007 г. в Сингапуре «Дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН» была сформулирована среднесрочная цель построения к 2015 г. «единого рынка и единой производственной базы в масштабе Восточно-азиатского региона». Речь при этом, разумеется, идет не о «сплошной» либерализации, как в ЕС. Страны региона движутся по пути более избирательного сращивания своих экономик, учитывающего степень зрелости конкретных отраслей хозяйства отдельных стран-членов.

В-третьих, после азиатского кризиса 1997–1998 гг., а в еще более отчетливой форме — в ходе глобального экономического спада 2008–2010 гг. к координации политик добавился новый инструмент интеграции — **создание общих «пулов» ресурсов с общим же управлением**, которое наиболее ярко проявилось в действиях по защите финансовых систем стран региона от валютных колебаний, когда страны АПТ («АСЕАН плюс три») фактически сформировали единый фонд для стабилизации колебаний курсов национальных валют. В этом же русле находятся меры по созданию общего рынка облигаций стран АПТ.

С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции, которую условно можно отнести к «очагово-сетевому» типу. В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции. *Первый* очаг представлен Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора⁸, и производным от него механизмом сотрудничества АПТ с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в случае с зару-

бежной Европой, в Восточной Азии ядро интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости⁹.

АПТ появился во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что АПТ не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ — Китай, Южная Корея и Япония — постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Это важно

Хотя внутри образуемого ими интеграционного комплекса процессы сближения протекают неравномерно, АПТ совместно с АСЕАН воплощает основное многостороннее организационное и экономическое ядро восточно-азиатской интеграции.

Наблюдаемая между составляющими этого ядра асинхронность в темпах и интенсивности сближения до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «старые» и менее интегрированные «новые» члены. Более того, по инициативе АСЕАН и фактически под ее эгидой осуществляется интеграционное строительство во всем Восточноазиатском регионе.

Второй очаг восточноазиатской интеграции представлен японо-американским интеграционным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае Франции и Германии, он вырос из опыта преодоления вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х годов оба этих комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС — организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном, — как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америках и Океании, и также заявившей о своей интеграционной природе. Это фактически *третий очаг* интеграции, внутри которого оказались два более консолидированных интеграционных ядра. Отношения в рамках рыхлого АТЭС начинают напоминать скорее связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении наметившейся между двумя другими цен-

трами регионального сближения конкуренции. Похожую роль, по-видимому, призвано сыграть и Транстихоокеанское партнерство (2005 г.).

АТЭС ставила выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Аналитически АТЭС очерчивает максимально широкий географический предел восточноазиатской интеграции¹⁰, в кратко- и среднесрочной перспективе явно недостижимый. Собственно интеграционная компонента в деятельности АТЭС представлена в меньшей степени. Согласно Богорской декларации, принятой на 2-м саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г. и для развивающихся — к 2020 году¹¹. Первая часть этой цели не выполнена. Нет оснований думать, что будет выполнена и вторая. Сегодня АТЭС действует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х годах — и безопасности.

С точки зрения самоидентификации участников интеграция в регионе представлена двумя типами взаимодействия. Группировки **первого типа** открыто провозглашают и решают задачи межгосударственного сближения. Это прежде всего признаваемое политиками и учеными ядро — АСЕАН, наиболее старое и наиболее влиятельное с точки зрения способности консолидации региона. Важно заметить, что после нескольких туров расширения в 1990-х годах в АСЕАН наметился разрыв в экономическом развитии и внешнеполитической стратегии между «старыми» и «новыми» участниками, что невольно выводит на аналогию со «старой» и «новой» Европой в практике ЕС. Вот почему фактически интеграционное ядро АСЕАН функционирует в составе пяти первоначальных членов — Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, а также примкнувшего к ним в 1984 г. Брунея¹². Именно в этих рамках в 2003 г. в регионе заработала первая полноценная зона свободной торговли. Здесь же действует механизм АПТ. Интеграционные задачи провозглашает и АТЭС.

Второй тип взаимодействия характерен для японо-американского комплекса, который формально не ставит перед собой задачи интеграционного характера. Он выглядит как обычный военно-политический союз, но на деле является наиболее тесно интегрированным в экономическом смысле образованием в регионе. Оно индуцировало и продолжает индуцировать мощные протоинтеграционные импульсы, влияющие на динамику интеграции в АСЕАН и АПТ.

Институциональный облик Тихоокеанской интеграции после принятия Устава АСЕАН

В 2007 г. был принят Устав АСЕАН. Он вступил в силу в декабре 2008 года¹³. В нем впервые с 1967 г. была дана развернутая характеристика институционального механизма АСЕАН, определена структура рабочих органов АСЕАН в их иерархии и соподчиненности, описаны процедуры принятия решений. В документе содержится ряд новаций, видоизменяющих структуру рабочих органов АСЕАН в том виде, в котором она функционировала в середине 2000-х годов. Но в основном изменения носили *номинальный* характер: менялись названия ранее существовавших институтов и должностей, уточнялось их место в общей организационной структуре.

Главным органом, согласно Уставу, остается саммит АСЕАН, работающий на уровне «глав государств или правительств стран—членов ассоциации» (гл. 4, ст. 7, п. 1). Он является высшей инстанцией в процессе принятия решений в АСЕАН, обсуждает и предлагает направления деятельности организации, принимает решения по ключевым вопросам, относящимся к достижению ее целей или интересам стран-членов, а также любым проблемам, которые выносятся на рассмотрение саммита по ходатайству Координационного совета АСЕАН, Советов Сообщества АСЕАН и органов секторальных министерств АСЕАН. Саммит, помимо прочего, уполномочен создавать и распускать другие рабочие органы ассоциации и назначать Генерального секретаря. Саммиты проходят дважды в год в стране, председательствующей в Ассоциации. Они также могут быть созданы в случае необходимости в экстренном порядке (ст. 7, ч. 3, п. а, б).

Согласно ст. 8 Устава, институт Министерских встреч, учрежденный в соответствии с Бангкокской декларацией 1967 г. и состоящий из министров иностранных дел стран-членов, заменялся Координационным советом (*ASEAN Coordinating Council*) с тем же составом. Координационный совет должен заседать как минимум дважды в год (ст. 8, ч. 1).

К компетенции Совета отнесены координация процесса реализации соглашений и решений саммита в национальных рамках, координация с Советами сообществ АСЕАН для усиления согласованности проводимых политик, их эффективности и повышения уровня взаимодействия, координация процесса подготовки отчетов Советов сообществ, рассмотрение отчета Генерального секретаря, назначение заместителей Генерального секретаря по его рекомендации (ст. 8, ч. 2, пп. а—г).

В конце 1990-х годов на базе документов, принятых, *во-первых*, на неформальном саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре в 1997 г. (Взгляд

в 2020 год¹⁴) и, *во-вторых*, на встрече в верхах в Ханое в 1998 г. (План действий — 1998¹⁵), была сформулирована идея Сообщества АСЕАН, покоящегося, как и ЕС, на трех «опорах» — Экономическом сообществе, Социокультурном сообществе и Сообществе безопасности АСЕАН. В окончательном виде эта концепция была представлена в ходе саммита на острове Бали в 2003 г. Для реализации мер по созданию каждого сообщества при секретариате были сформированы органы (комиссии, комитеты, экспертные и рабочие группы), работу которых курировали в зависимости от области деятельности Министерские встречи АСЕАН (АММ) или Встречи министров экономики АСЕАН (АЕМ).

В Уставе ассоциации был прояснен вопрос о соотношении самой организации и ее сообществ, включая систему организации и соподчинения обслуживающих их механизмов. В соответствии со ст. 9 Устава при АСЕАН были созданы Советы сообществ АСЕАН. Это 1) Совет политического сообщества и Совет сообщества в области безопасности; 2) Совет экономического сообщества; 3) Совет социокультурного сообщества (ст. 9, ч. 1). Им напрямую стали подчиняться соответствующие профильные органы (Органы секторальных министерств — ст. 10) и межминистерские органы, относящиеся к одной из трех областей сотрудничества (ч. 2). Советы собираются не реже двух раз в год под председательством министра из страны-председателя (ч. 5). В обязанности Совета входят надзор за исполнением решений саммитов в сферах своей компетенции, координация деятельности министерств отдельных государств-членов по сближению разрабатываемых ими планов и предпринимаемых ими мер и составление отчетов и рекомендаций саммиту (ч. 4, пп. а–с).

В ст. 11 Устава обобщены нормы, относящиеся к правовому регулированию статуса и обязанностей Генерального секретаря и Секретариата, до этого «распыленных» по другим документам. Генеральный секретарь назначается саммитом на один пятилетний срок из одной из стран-участниц в согласии с принципом алфавитной ротации (ст. 11, ч. 1). Генеральный секретарь участвует в заседаниях Саммита АСЕАН и Советов сообществ, Координационного совета и Органов секторальных министерств (п. с). Он наделен правом представлять АСЕАН во взаимоотношениях с третьими странами и международными организациями, *излагая на них заранее согласованные в рамках Ассоциации позиции и решения* (п. d). По существу Генеральный секретарь АСЕАН совмещает функции председателя ЕС и министра иностранных дел ЕС, не являясь пока в полной мере ни тем ни другим.

Генеральный секретарь и возглавляемый им секретариат обязаны в своей деятельности руководствоваться исключительно решения-

ми, принятыми коллективными органами АСЕАН. Странам—членам АСЕАН запрещается оказывать влияние на секретариат во время исполнения им уже принятых на многосторонней основе решений (ст. 11, ч. 9).

В Уставе был подтвержден статус Национальных секретариатов АСЕАН, своеобразных «министерств интеграции», созданных в каждой стране-участнице еще согласно Бангкокской декларации 1967 г. (ст. 12).

В ст. 20 впервые формализованы принципы принятия решения. В качестве основной процедуры ч. 1 ст. 20 устанавливает «консультации и консенсус». Часть 2 ст. 20 указывает, что в случае, когда консенсус не может быть достигнут, саммит уполномочен ситуативно избрать подходящую в данных обстоятельствах форму принятия конкретного решения. Если принятое решение не исполняется одной (или несколькими) из стран-членов, а также если были нарушены положения Устава АСЕАН, то подобные казусы выносятся на рассмотрение Саммита АСЕАН для последующего урегулирования (ст. 20, ч. 4).

Статья 21 Устава допускает принятие каждым Советом сообществ АСЕАН собственных правил процедуры, в том числе касающихся методов принятия решений. Это связано с тем, что цена вопроса, означающего при интеграции ту или иную степень делегирования суверенных полномочий и, следовательно, частичной потери национально-государственного контроля в той или иной сфере, неодинакова. В ЕС это явление известно как асимметрия механизма принятия решений — ситуация, при которой процедуры разнятся в зависимости от сферы деятельности.

В Совете экономического сообщества АСЕАН разрешены гибкие механизмы принятия решений, «включая формулу АСЕАН минус X» (ст. 21, ч. 2), известную в евросоюзской правовой практике как конструктивное воздержание. Решение считается принятым, даже если несколько стран-членов не пожелали поддержать его, аргументированно пояснив свое несогласие. В этом случае решение объявляется от имени всей АСЕАН, однако оно не обязательно к исполнению теми, кто при голосовании воздержался.

⇒ Некоторые страны АСЕАН, например Сингапур и Таиланд, лоббируют другую формулу принятия решений по экономическим вопросам: «2 плюс X», означающую, что если две страны готовы создать между собой интеграционную зону ускоренного роста с высокими требованиями к уровню сращивания в избранных областях, то такой механизм открыт для участия всех тех, кто согласен на эти условия. Высказываются опасения, что избрание этой формулы в качестве официальной подстегнет многоскоростную интеграцию и будет способствовать дальнейшей дифференциации АСЕАН по степени экономического развития.

Бюджетная система АСЕАН — составная часть механизма управления интеграционным процессом. Отталкиваясь от принципа суверенного равенства (*sovereign equality*), а не суверенной платежеспособности (*sovereign solvency*), принятом в ряде международных организаций, например в ООН и ОБСЕ, страны АСЕАН решили формировать текущий бюджет организации, предназначенный в основном для финансирования деятельности секретариата и связанных с ним административных органов, на основе ежегодных равновеликих взносов, размер которых регулярно пересматривается исходя из потребностей секретариата и экономической ситуации (ст. 30). Объемы финансирования секретариата при этом определяются при согласовании с Комитетом постоянных представителей АСЕАН (орган, состоящий из послов стран АСЕАН, аккредитованных при секретариате АСЕАН в Джакарте) и Координационным советом АСЕАН (ст. 30, ч. 4).

Таким образом, в деятельности секретариата АСЕАН переплелись элементы частичной (видимой) наднациональности и жесткого национально-государственного контроля. Первая проявляется, например, в обязанностях сотрудников секретариата в отношениях с правительствами отдельных государств-членов и во взаимодействии с третьими странами и международными организациями «отрешиться» от национальных интересов направившей их страны, четко соблюдая согласованные в многосторонних рамках решения. В то же время бюджет секретариата, в отличие от бюджета Европейской комиссии, имеющей с начала 1970-х годов собственные источники финансирования, напрямую зависит от воли представителей государств—членов АСЕАН, что не может не ограничивать активность секретариата. Отдельные нормы и положения, регулирующие деятельность тех или иных органов АСЕАН, а также Генерального секретаря, могут быть сформулированы внешне похоже на аналогичные практики и процедуры ЕС. В то же время, например, формула «АСЕАН — N», действующая в АСЕАН, не может считаться наднациональной, поскольку воздержавшиеся страны имеют право не реализовывать принятые решения, в то время как в условиях **наднациональности** обязательство исполнять решения, принятые сообществом, возлагается на всех членов, включая тех, кто при голосовании воздержался или высказался против.

Статьей 31 Устава урегулированы порядок избрания и полномочия страны — председателя АСЕАН. Страна-председатель определяется на основе принципа алфавитной ротации членов с учетом англоязычного варианта написания ее наименования и продолжает действовать в данном качестве весь календарный год. Представители страны-председателя на соответствующем должностном уровне руководят заседаниями

саммита, координационного совета, советов сообществ, органов секторального характера, а также Комитета постоянных представителей (так называемое сквозное председательство). Судя по тексту Устава, институту председательства придается большое организационное и символическое значение.

⇒ Термин «председательство» передается в контексте ЕС как «*presidency*», а в контексте АСЕАН как «*chairmanship*». Выбор слов имеет в данном случае принципиальное значение. Термин «*presidency*» подразумевает аналогию с системой организации власти в государстве, тогда как «*chairmanship*» скорее относится к международной организации.

Официальный и рабочий язык всех органов АСЕАН — английский (ст. 34). Для контраста — в ЕС действует процедурное правило, согласно которому языки всех государств-членов являются официальными и подлежат переводу на всех заседаниях и во всей документации Союза. Такая практика труднореализуема в АСЕАН—АПТ. Ни один из распространенных в регионе языков не отвечает критериям международного, если под таковым понимать язык, обязательный к изучению в средней и высшей школах во всех странах региона одновременно. Опыт подсказывает, что выбор адекватных способов общения — одна из фундаментальных проблем при создании любой международной или региональной ассоциации. Пока ни один из языков Восточной Азии не может устранить внутрирегиональные лингвистические барьеры. Поэтому при создании механизмов «АСЕАН плюс три» и при проведении Восточноазиатских саммитов английский был избран в качестве рабочего и официального языка.

Процессы интеграции в ЕС сопровождалась подчеркнуто внимательным отношением к культурно-языковой идентичности каждого участника. Поэтому ключевая идея интеграции в ЕС — это «защищенность» отдельных языковых идентичностей от объективного потенциала ассимиляции, который содержится в интеграционных процессах. Иными словами, считалось и считается неприемлемым, чтобы интеграционный процесс сопровождался эрозией языковых идентичностей его участников. Такая культурная позиция в политике выражалась в утверждении формального равноправия более чем двух десятков языков в ЕС. На деле, конечно, такого равноправия не было. Английский язык фактически уже к концу 1970-х годов все больше становился неформальным языком «интеграционного общения». Факт, официально не признаваемый вплоть до начала 2010-х годов.

В Азии не боялись английского языка. Там, как и в зарубежной Европе, базис идентичности мотивирован более политически, чем куль-

турно, но в Европе упоенность идеями политической свободы и своим превосходством над другими частями мира вылилась в почтительное отношение к языкам и локальным культурам малых этнических групп. В Восточной Азии основой региональной идентичности была не столько культура, сколько исторически утрамбованные политические комплексы, чувство солидарной обиды за унижение и подчиненное положение Азии в XIX—XX веках. Эти политические представления, так же как и идея превосходства возвращенной в Европе либерально-демократической философии, доминировали при реализации интеграционных проектов.

⇒ В отличие от Европы из них вырос не патологический интерес к собственной разноликости, а ощущение острой потребности найти практические и в первую очередь экономически рациональные формы претворения своей региональной солидарности как солидарности азиатских государств, имеющих общую (печальную) историю «против всех остальных».

Согласно формальной логике прохождения стадий насыщения государственным суверенитетом именно незападные, а точнее, неевропейские государства должны были бы настаивать на использовании всех языков в статусе официальных. Это закономерно — ведь они не трактуют демократию и демократичность как уважение прав меньшинств, даже если это ведет к ущемлению прав большинства.

С точки зрения критериев целесообразности и административно-процессуальной эффективности практика перевода на более чем два десятка языков скорее замедляет, нежели упрощает интеграцию в ЕС. Поэтому подход восточноазиатских лидеров в языковом вопросе отличается прагматизм.

Вступление в силу в декабре 2008 г. Устава АСЕАН завершило определенный период в развитии этой организации, ознаменовав ее институционализацию. Структуры, подобные «АСЕАН плюс три», возникшие путем выделения из числа диалоговых партнеров ассоциации наиболее тесно сотрудничающих с АСЕАН государств, напротив, далеки от завершения этого этапа. Важно отметить, что *управленческая машина АСЕАН служит основой функционирования как для АПТ, так и для Восточноазиатских саммитов (ВАС)*. Они не имеют своего аппарата, должностных лиц или иных административных механизмов. Их институциональные потребности полностью «обслуживаются» аппаратом АСЕАН. *Данная особенность подтверждает «зависимый» характер АПТ и ВАС от учредительного ядра и дает дополнительные основания полагать, что руководители стран—учредительниц АСЕАН рассматривают*

АПТ и ВАС как пространство потенциального расширения асеановского интеграционного ядра.

В англоязычных исследованиях ведутся споры о потенциале интеграции в Восточной Азии на базе АСЕАН, ключевыми принципами которой по-прежнему остаются невмешательство стран в дела друг друга и «мягкий институционализм»¹⁶. Это странно, учитывая, что причины, по которым эти государства воздерживаются от внедрения наднациональных методов управления, понятны и хорошо отражены в литературе: ценность суверенитета в глазах молодых государств выше, чем для тех, кто успел пресытиться им и испытать на себе его отрицательные проявления.

Это важно

Для интеграционной практики в АСЕАН, а следовательно, и во всем регионе Восточной Азии характерен сознательный отказ от создания наднациональных органов принятия решений (типа Еврокомиссии и Совета министров ЕС), которые, как принято считать, желательны для более поздних стадий сближения — таможенного союза и общего рынка.

Стоит подчеркнуть, что *осуществляемые в рамках собственно АСЕАН проекты не требуют наднационального регулирования*. Последнее, например, обязательно на стадии таможенного союза. Но страны АСЕАН не стремились к созданию таможенного или тем более валютного союза только между собой. Их планы сближения на узкогрупповой основе ограничились форматом зоны свободной торговли. Избранная ими формула зоны свободной торговли подразумевала снижение тарифных барьеров в отношении самих стран АСЕАН и не предполагала сооружения мощных таможенных барьеров по внешним границам группировки, как было бы естественно в случае принятия концепции таможенного союза. Таможенный союз мыслим только на более широкой региональной основе, включая как минимум всю Восточную Азию. В ином случае его создание означало бы изоляцию от стран Северо-Восточной Азии, субрегиона, где расположены ключевые торгово-экономические партнеры АСЕАН — Китай, Япония и Южная Корея. Для зоны свободной торговли наднациональные элементы управления не являются необходимыми.

Исторически назвав организацию «Ассоциацией», страны—учредители АСЕАН, по-видимому, хотели подчеркнуть, что их цель — развитие сотрудничества, но при этом без ограничения политического суверенитета. Они «фактически и не помышляли об интеграции по западноевропейскому образцу»¹⁷. Организационная структура АСЕАН

воплощает суверенное равноправие стран-участниц. Важнейший рабочий орган АСЕАН — ежегодная конференция министров иностранных дел — проводится поочередно в столицах стран-участниц. Все остальные элементы организационного механизма — координационный совет, советы сообществ АСЕАН, специализированные комитеты (по связи и транспорту, торговле и промышленности, планированию, информации, туризму и т.д.) также ежегодно перемещаются из столицы в столицу, акцентируя суверенитет каждой страны, а не наднациональность, или, заимствуя фразеологию европейской интеграции, — «Азию отечеств», а не «Азиатское отечество».

К началу 2010-х годов под эгидой ассоциации ежегодно проходит свыше 400 встреч на различных уровнях и в различных рабочих форматах, каких на постоянной основе функционирует порядка 230 (228 на июль 2010 г.)¹⁸. Хотя западные наблюдатели, эксперты и журналисты предпочитают относиться к обилию мероприятий с долей скепсиса и даже снисходительности, называя форму работы АСЕАН «говорильней» (*talk shops*), подобные мероприятия способствуют укреплению доверительных отношений между экспертами и официальными лицами стран-участниц, облегчая межгосударственный диалог и важный для местной политической культуры процесс выработки согласованных в мельчайших нюансах позиций¹⁹.

Для институционального развития в АСЕАН характерно, что в работе всех структур страны Ассоциации участвуют в полном составе, даже если повестка дня не затрагивает интересы всех государств-членов. Китайские дипломаты, например, были неприятно удивлены, обнаружив, что все страны АСЕАН изъявили желание участвовать в переговорах по статусу островов в Южно-Китайском море, притом что территориальные споры у КНР имеются только с половиной из участниц АСЕАН.

Преимущественно неформальный стиль обсуждения большинства принимаемых решений и акцент на коллективном формате ведения дел с внешними партнерами составляют главные черты так называемого метода АСЕАН (*ASEAN Way*)²⁰.

В Европе индивидуальное представление о свободе, в том числе свободе воли, выразилось в индивидуалистичной трактовке представлений о суверенитете — сначала государя, а затем и государства, воплотившейся в системе голосования по принципу большинства. Европа издавна знала и принцип консенсуса, но только в самом конце XX в. стала реально двигаться к признанию этого принципа как одного из основ интеграционного самоуправления, наряду с голосованием по правилу большинства.

В Азии отсутствовало индивидуальное понимание свободы, и вместо этого существовала традиция относительно мягкого и добровольного подчинения свободы личности интересам общества. Традиция индивидуального голосования — продукт более поздний, чем традиция коллективного действия. Поэтому в Азии именно консенсус, медленное, неторопливое, терпеливое продвижение к нему органично легли в основу отношений между суверенными государствами ЮВА. Это был тот же принцип, что и в Европе, но в его интерпретации странами АСЕАН присутствуют яркие самобытные особенности. Государства АСЕАН не были изначально готовы к процедурному голосованию и не придавали ему слишком большого значения, потому что неписанные договоренности могут быть более надежными, чем зафиксированные обязательства, не подкрепленные политической волей их исполнять. Сообразно этому в переговорной традиции АСЕАН приоритетным является формирование общей политической воли, а не получение формального арифметического большинства при манипулировании числом поданных голосов.

«Метод АСЕАН», таким образом, — это осознанное, подтвержденное опытом систематическое движение к повышению эффективности индивидуальных усилий за счет коллективных действий. Принцип совместных действий вошел устойчивым элементом во внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию современных государств ЮВА. Он предполагает, что уже на этапе формирования национальных приоритетов развития в политике и экономике закладывается парадигма совместного действия как основного инструмента достижения целей²¹. Иными словами, элементы сращивания во взаимодействии государств АСЕАН проявляются таким образом, что даже на исходной фазе выработки национальных политик они мыслятся в контексте общей позиции ассоциации. При этом по форме это часто может выглядеть так, будто каждая страна действует изолированно. Фактор экономической рациональности, экономии ресурсов и опоры на групповую поддержку доказал свою эффективность. Вот почему не создаются структуры по образцу сложной системы согласований ЕС.

* * *

В силу специфики АСЕАН формальные демократические процедуры отступают на второй план, а неформальные (подлинно сетевые) методы консультаций позволяют прийти к общей позиции, не выходя за рамки привычных национально-государственных механизмов.

В Восточной Азии принципы управления объединительными процессами строго коррелировались с политическими условиями

сотрудничества государств региона. «Спазмы забегания вперед», подобные «кризису пустого кресла» в ЕЭС 1965–1966 гг., когда интеграционная динамика не выдерживала напора административной реформы, менее типичны для восточноазиатской интеграции в силу более осмотрительного, выжидательного подхода к интеграции восточноазиатских государств. Кризисы, конечно, случались и здесь²². Однако ввиду более низкой скорости сближения подобные кризисы не воспринимались в качестве таковых исследователями и политиками. **Интеграционный процесс в Азии развивается медленно, но поступательно.**

Ключевые слова

Региональная интеграция, ЕС, АСЕАН, АТЭС.

Контрольные вопросы

1. Как менялось соотношение междугосударственного и наднационального подходов в европейском интеграционном процессе?
2. Какие исторические условия способствовали закреплению принципа наднациональности в ЕС?
3. В чем особенности региональной интеграции в АТР?
4. Как соотносятся различные интеграционные объединения в АТР?
5. Через какие стадии проходило развитие АСЕАН?
6. С чем связаны различия в процедурах принятия решений европейских и азиатских интеграционных объединений?

Примечания

¹ См.: *Громогласова Е., Стрежнева М.* Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС (открытый метод координации) // МЭиМО. 2005. № 9. С. 55–66.

² *McCormick J.* The European Union: Politics and Policies. Colorado: Westview, 1999. P. 15.

³ *Schuman R.* Pour l'Europe. Paris, 1963. P. 16.

⁴ *Hettne B.* Beyond the New Regionalism // *New Political Economy*. 2005. Vol. 10. No 4. P. 543–571; *Harding H.* The India-China Relationship: What the United States Needs to Know. N.Y.: Columbia University Press, 2004. См.: Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 9; *Воскресенский А. Д.* Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений (К постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия: Сб. статей. М., 2002.

⁵ КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония.

⁶ Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Юго-Восточную Азию правильнее трактовать как «исторический регион» (термин введен группой авторов Института востоковедения РАН), под которым понимается «социально-

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

пространственная общность, характеризующаяся устойчивостью границ и достаточной длительностью исторического процесса, общего для составляющих его стран. См.: ЮВА: проблемы региональной общности / Под ред. А. Р. Вяткина. М., 1987.

⁷ См. также: *Малетин Н. П.* АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1969–1997 гг.). М., 1999. Ч. II; АСЕАН в системе международных политических отношений. М.: Наука, 1993.

⁸ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

⁹ *Самойленко В. В.* АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.

¹⁰ *Мухеев В. В.* Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001.

¹¹ The Bogor Declaration. Bogor, Indonesia. 15 November 1994. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html.

¹² Подробнее см.: *Goh E.* Meeting the China Challenge: The US in Southeast Asian Regional Security Strategies. Policy Studies Monograph. No 16. Washington, DC.: East-West Center, 2005; *Betwixt and Between: Southeast Asian Strategic Relations with the US and China.* IDSS Monograph. No 7. Singapore: Institute for Defence and Strategic Studies, 2005.

¹³ The Charter of the ASEAN. URL: <http://www.aseansec.org/21069.pdf>.

¹⁴ Vision-2020. Kuala-Lumpur, 15 December 1997.

¹⁵ Ha Noi Plan of Action. Ha Noi, 15 December 1998.

¹⁶ *Dosch J.* The Changing Dynamics of Southeast Asian Politics. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.

¹⁷ *Acharya A.* The Rise of Asia: Who Takes the Lead. London: Palgrave, 2008. P. 14.

¹⁸ Структура комитетов и рабочих групп АСЕАН (<http://www.aseansec.org/14422.htm>).

¹⁹ *Frost E.* Asia's New Regionalism. Boulder: Lynne-Rienner Publishers, 2008. P. 135.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Haas M.* The Asian Way to Peace: A Story of Regional Cooperation. The University of Hawaii, 1987. P. 1–22.

²¹ Ibid.

²² Первый кризис в этом смысле произошел почти сразу — в 1968 г., когда предусмотренные Декларацией очередность и регулярность Министерских встреч были сорваны возобновлением претензий Филиппин на Сабах (штат Малайзии). См.: *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 158.

18

КОНФИГУРАЦИЯ ЛИДЕРСТВА В ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ

В Восточной Азии произошли изменения, вызванные прежде всего глобальным экономическим кризисом 2008–2010 гг., что позволяет по-новому оценить расстановку сил в регионе и определить, каковы шансы традиционных и новых лидеров региона добиться улучшения своих позиций в ситуации, когда усилия по преодолению последствий кризиса сковывают активность наиболее сильных держав. При этом малые и средние государства в лице стран АСЕАН более активно заявляют о себе как о политических субъектах, а в региональной экономике, несмотря на рост китайско-американских противоречий, в целом сохраняется статус-кво.

Вследствие кризиса традиционно влиятельные мировые центры силы — США, ЕС и Япония — пережили глубокий спад и столкнулись с серьезными структурными проблемами в экономике. В то же время ряд стран Восточной Азии, в первую очередь Китай, преодолев падение темпов роста, сопоставимое по масштабам с тем, что наблюдалось в экономике США и Евросоюза, смогли сохранить положительную динамику развития¹.

Это важно

США и Япония сохраняют преобладание в регионе, однако, даже несмотря на провозглашенный в 2011 г. американский курс на «возвращение в Азию», уже не могут существенно наращивать свое влияние, в отличие от Китая.

Японское экономическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) фундаментально, и оно определяет многие базовые параметры развития региона. Но есть впечатление, что эта страна скорее защищает свои ранее приобретенные позиции, чем покусается на приобретение новых. В литературе активно обсуждается рост китайского присутствия в Восточной Азии. Китай пытается «заместить» Японию и в американской экономике, выполняя функцию насыщения американского рынка качественными дешевыми товарами. Сформировалась

экономическая взаимозависимость КНР и США, которая помогает снижать остроту их возможных противоречий.

Хотя Россия пока не может рассматриваться как полновесный региональный игрок, ее присутствие в Восточной Азии стабилизировалось и более не сокращается. Вместе с тем российское присутствие фактически перестает быть самостоятельным — в растущей степени оно оказывается функцией от экономического присутствия Китая. *Российский Дальний Восток уже интегрирован в региональную хозяйственную систему, но далеко не на российских условиях и не как самостоятельный субъект.*

Страны и территории Восточной Азии (Япония, Тайвань, государства Юго-Восточной Азии и КНР) переживают сложный процесс внутриполитических трансформаций, который неизбежно будет влиять на региональную ситуацию². Восточная Азия как традиционный географический регион приобретает новые международно-политические измерения. Его географические границы «расползаются», а в содержательном плане он «вбирает» в себя проблематику, относящуюся к сопредельным регионам³. Ситуация в Восточной Азии может рассматриваться как отражение общемировых тенденций ограничения мощи единичных игроков. В то время как отдельные государства продолжают укреплять свои позиции, уменьшается их способность действовать полностью независимо⁴.

Усложняется геостратегическая расстановка сил. В 1950–1960-х годах регион в целом демонстрировал черты зарождавшейся классической биполярности. В 1970–1980-х годах эта структура начала размываться, что было связано с выдвиганием КНР на позиции самостоятельного регионального игрока. Политического плюрализма региональной системе добавляли и дистанцирование менее крупных государств от стран-лидеров, и переориентация первых на решение задач внутреннего развития, преимущественно хозяйственного⁵. За последние десятилетия субъектность малых и средних стран региона, входящих в АСЕАН, консолидировалась и гораздо сильнее проявляет себя в политике и сфере безопасности, чем полтора или два десятилетия назад.

Это важно

Глобальный финансово-экономический кризис не смог принципиально изменить соотношение позиций в регионе. Экономическая область взаимодействия в регионе остается приоритетной по сравнению с политической, а в рамках последней малые и средние страны (прежде всего страны — члены АСЕАН) по-прежнему активно используют блокирование на групповой основе, для того чтобы увереннее вести диалог с более мощными региональными и внерегиональными игроками.

Эволюция региональной ситуации в Восточной Азии: старые и новые лидеры

На протяжении 1990-х годов в качестве источника направляющих экономических тенденций в регионе выступала Япония, действовавшая в союзе с США. За счет создания в Восточной Азии сети предприятий, завязанных на крупные японские предприятия и воспроизводящих по своей структуре капиталистические отношения особого, японского типа, самим японским политическим кругам удалось, по мнению американских исследователей, «законсервировать» ситуацию и внутри страны, отсрочив почти на десятилетие необходимость внутренних реформ⁶.

С экономической точки зрения в регионе была создана иерархически структурированная экспортно ориентированная модель, которая оказалась не просто уязвимой перед лицом кризисов 1997–1998 гг. и частично 2008–2010 гг., но и сама в какой-то мере генерировала их. Япония экспортировала в новые индустриальные страны (НИС) (Сингапур, Южную Корею, Тайвань) не только капитал, но и технологии, которые не были уже наиболее передовыми для японской экономики, но могли быть успешно применены в странах с более низким технологическим уровнем. Страны НИС, в свою очередь добившись на основе японской технологической «подпитки» выхода на новый виток развития, затем стали передавать заимствованные из Японии, но уже хорошо освоенные ими несложные технологии в группу «азиатских тигров второй волны» (Таиланд, Малайзия, Филиппины), а те — в Индонезию и прибрежные регионы Китая. Такая «цепочка» получила в литературе название «строй летящих гусей».

Экспорт готовой продукции осуществлялся в страны Запада, в значительной мере — в США. Кроме того, на протяжении 1990-х годов Япония была основным государством, оказывающим экономическую помощь странам региона на двусторонней основе. Она также выступала в качестве абсолютного лидера по уровню прямых иностранных инвестиций (особенно в Сингапур, Таиланд, Малайзию и Индонезию), а японские специалисты в 1980–1990-х годах оказывали значительную консультационную помощь странам АСЕАН в разработке экономических программ развития⁷, что вполне устраивало малых и средних региональных игроков.

Сложился процесс так называемой реальной интеграции⁸, охватывающий основную часть региона. Его особенность состояла в том, что процесс интеграции развивался быстрее, чем складывались его формальные институционально-правовые формы. Преференциальные хозяйственные связи развивались активнее, чем создавались органы

и организации для управления ими. Институциональная сторона интеграционных процессов «запаздывала».

В конце 1990-х годов данная система подверглась серьезным испытаниям. Финансовый кризис 1997–1998 гг. подорвал экономические позиции Японии в регионе. К началу XXI в. регионализация перестала выполнять функцию страховочного звена для японских корпораций, которые до этого предпочитали выносить свои производства за пределы Японии, а не вовлекаться в реформирование внутренней экономической системы⁹.

Свою роль в трансформации региональной ситуации сыграло и определенное самоустранение США, в том числе в экономическом плане, от дел региона в период администрации Дж. Буша-младшего. Упор на двусторонний формат отношений в ущерб многосторонним и активное применение силы во внешней политике США привели к разногласиям даже в среде традиционных американских союзников в регионе¹⁰.

Это важно

Китай перестал быть одним из звеньев экономической цепочки, выстроенной Японией. Постепенно КНР выдвинулась на позиции нового экономического центра силы и стала мешать японскому экономическому доминированию, нарушив «вертикально структурированную модель регионального развития. «Строй летящих гусей»¹¹ сбилсся.

Можно говорить о превращении Китая в одно из основных торговых центров Восточной Азии. За период 1990-х годов стратегия Китая в регионе и отношение к нему претерпели довольно существенные изменения. Отказавшись от поддержки левых антиправительственных движений в странах Юго-Восточной Азии, к середине 1990-х годов Китай перестал восприниматься в регионе как революционная сила. Впервые его стали считать выгодным экономическим партнером как для юго-восточноазиатских стран, так и для США и Японии. Тогда же Китай сосредоточился на создании «пояса добрососедства»¹². Это означало, что взаимодействие со средними и малыми странами региона стало для него приоритетным. На имидж Китая позитивно повлияла финансовая помощь, оказанная им странам Юго-Восточной Азии в период кризиса 1997–1998 годов. В результате отношение к Китаю эволюционировало от недоверия к видению КНР как достойного партнера¹³. Китайское руководство приложило к этому немало усилий, идеологически подкрепив свои практические действия идеей гармоничного развития, которая, в отличие от концепции «мирного возвышения», оказалась гораздо более привлекательной для окружения Китая¹⁴.

Углублению экономических связей Китая и стран Восточной Азии способствовали международные тенденции. На протяжении 1990-х го-

дов Китай улучшал отношения со всеми странами Юго-Восточной Азии¹⁵ и АСЕАН. Первый официальный контакт с Ассоциацией был установлен в 1991 году. В 1996 г. Китай получил статус партнера АСЕАН по диалогу. В 2002 г. было заключено соглашение о зоне свободной торговли Китай—АСЕАН, а в 2003 г. Китай присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. В том же году была подписана Совместная декларация КНР и АСЕАН о стратегическом партнерстве. Установление дипломатических отношений с Южной Кореей в 1992 г. создало дополнительные условия для последующего значительного расширения экономических связей, в результате всего лишь спустя десятилетие Южная Корея вышла на пятое место по объему прямых иностранных инвестиций в Китае.

В 2000-х годах Китай включился в многосторонние форматы сотрудничества в регионе и даже выдвинул ряд собственных экономических инициатив, включая создание форума Боао (азиатского аналога Всемирного экономического форума в Давосе). Позднее Пекин выдвинул проекты оказания массивной экономической помощи странам Юго-Восточной Азии в период кризиса 2008—2010 годов. На форуме Боао в 2009 г. Китай предложил сформировать Фонд инвестиционного сотрудничества Китай—АСЕАН в размере 10 млрд долл. в целях совместной борьбы с кризисом и финансирования основных двусторонних инвестиционных проектов. Реализация этих проектов была направлена в первую очередь на повышение взаимосвязанности стран АСЕАН и Китая. Речь шла о добыче ресурсов, энергетике, коммуникациях, расширении сети регионального и субрегионального транспорта, связывающей страны Ассоциации с Китаем¹⁶.

Экономическое проникновение Китая в регион происходило также и за счет развития отношений с режимами, с которыми западные контрагенты не хотели или не могли иметь дело по идеологическим соображениям. Китайская сторона продемонстрировала особый подход к северокорейскому вопросу, суть которого заключается в попытках усилить экономическую зависимость КНДР от Китая и не допустить полной изоляции Северной Кореи¹⁷.

Кроме того, Китай добивался укрепления своих позиций и в экономических отношениях с Мьянмой. В 2009 г. китайская и мьянманская стороны заключили меморандум о взаимопонимании, оформивший договоренность о строительстве нефте- и газопровода из Мьянмы в Китай. Практическая реализация проекта была возложена на Китайскую национальную нефтегазовую корпорацию и мьянманское министерство энергетики¹⁸. Согласно достигнутой договоренности, трубопроводы должны протянуться на 1100 км от западного побережья

Мьянмы до города Кунмин, административного центра китайской провинции Юньнань. По трубопроводам планируется транспортировать нефть и газ в КНР из ближневосточных и африканских государств, а также газ из самой Мьянмы. Данный инфраструктурный проект призван снизить зависимость Китая от транспортировки названных видов природных ресурсов через Малаккский пролив. Китай также проявляет активность в Камбодже и Лаосе, где с китайским участием осуществляются железнодорожные проекты, нацеленные на включение всего региона в единую инфраструктурную сеть, связанную с КНР и по сути представляющую собой сеть транспортного обеспечения Китая¹⁹.

Экономический расклад сил в регионе

Экономическая ситуация в Восточной Азии не может быть адекватно оценена лишь через призму роста китайского влияния. Несмотря на очевидное расширение своего присутствия, КНР пока далеко не единственный сильный экономический игрок в регионе, что оставляет пространство для маневра малым и средним странам. Помимо Китая (11,7% товарооборота), в число основных торговых партнеров стран АСЕАН входят также ЕС (9,8%) и Япония (11,4%). От них незначительно отстают Соединенные Штаты (8,3%) (рис. 18.1).

Общая доля в торговле, %

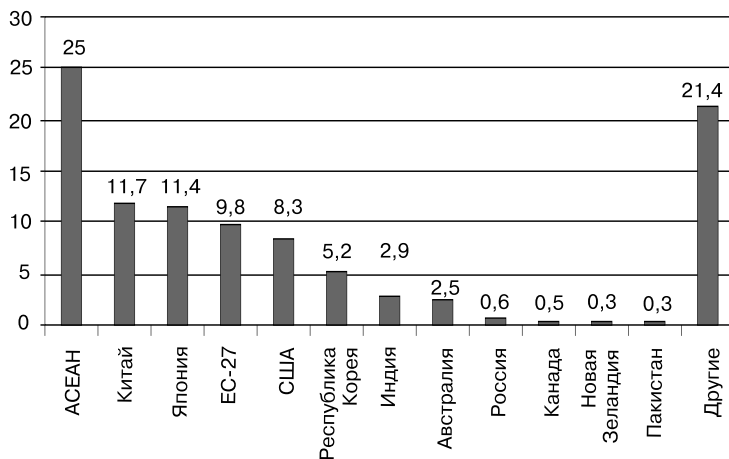

Рис. 18.1. Основные торговые партнеры стран АСЕАН (2011 г.)

Источник: ASEAN Trade by Selected Partner/Country, 2011 Сайт АСЕАН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asean.org/news/item/external-trade-statistics-3>.

Экономические позиции Китая сильны скорее за счет торговли и частично — инфраструктурных проектов. Основная же часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по-прежнему приходится на страны ЕС (17,1%), Японию (11,7%) и США (9,6%). Приведенная статистика свидетельствует в первую очередь о значительном успехе стран ЕС в данной области. Кризис 2008–2009 годов серьезно не затронул и инвестиционные позиции Японии. При этом доля Китая более чем вдвое меньше, чем доля Японии и США, а также в четыре раза меньше, чем доля стран ЕС (рис. 18.2).

Доля в общем объеме ПИИ, %

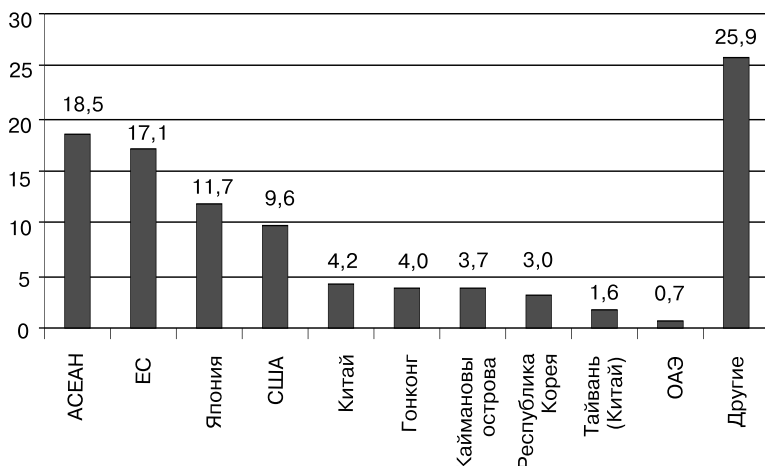

Рис. 18.2. Основные государства—источники прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны АСЕАН (2009–2011 гг.)

Источник: Top Ten Sources of Foreign Direct Investment Inflow to ASEAN. Сайт АСЕАН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asean.org/news/item/foreign-direct-investment-statistics>.

Технологическое лидерство в экономической системе региона по-прежнему является прерогативой США и Японии. Крупным поставщиком высокотехнологичных товаров для стран АСЕАН продолжают оставаться именно Соединенные Штаты, а не Китай²⁰.

⇒ Экономическое расширение Китая может со временем оказаться инструментом модернизации, а демодернизации тех стран, с которыми взаимодействует КНР в силу значительной ресурсной составляющей этих отношений²¹. Иными словами, связи с Китаем стимулируют в малых странах производство не готовых изделий, а сырьевых товаров.

Экономические позиции Китая не являются безусловными и частично уравниваются региональными проектами с участием США, Японии, Индии. В качестве примера можно привести инициированный в 2002 г. процесс создания двусторонних зон свободной торговли (ЗСТ) США и стран Юго-Восточной Азии (*Enterprise for ASEAN Initiative*), начавшийся после подписания в том же году китайско-асеановского соглашения о ЗСТ. В отношениях с Японией с 2008 г. действует договоренность о всеобъемлющем экономическом партнерстве (*ASEAN-Japan Comprehensive Economic Partnership*), с Индией — Соглашение о торговле от 2009 г. (*ASEAN-India Trade in Goods Agreement*).

С 2008 г. в отношении стран бассейна реки Меконг (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Вьетнам) с 2008 г. Японией осуществляется специальная программа партнерства, включающая предоставление официальной помощи развитию для Камбоджи, Лаоса и Вьетнама, а также для субрегиона Меконга в целом (порядка 5,5 млрд долл. на 2010–2012 гг.)²². С точки зрения инфраструктурного развития Япония, так же как и Китай, принимает участие в разработке транспортной сети Индокитайского полуострова. Речь идет в первую очередь о Южном экономическом коридоре субрегиона Меконга, соединяющем Бангкок, Пномпень, Хошимин и другие промышленные центры Таиланда и Вьетнама, а также о маршруте «Запад—Восток», который протягивается от побережья Южно-Китайского моря до Андаманского моря и проходит по территории Вьетнама (от порта Дананг), Лаоса, Таиланда и Мьянмы (конечный пункт — порт Моламьяйн).

Еще одной сферой конкуренции в 2011–2012 гг. стала борьба за продвижение различных проектов торговой либерализации. В контексте критики деятельности АТЭС по либерализации торговли (а по оценкам некоторых экспертов — с целью предложить региональный проект, который заведомо исключал бы участие КНР) Соединенные Штаты предприняли попытку сместить фокус содержательной дискуссии в сторону переговорного процесса по Транстихоокеанскому партнерству. Сам же механизм Транстихоокеанского партнерства стал позиционироваться как наиболее эффективный для создания качественных условий свободной торговли в регионе²³. Форсирование процесса Транстихоокеанского партнерства вскрыло два принципиально различных подхода к формированию норм и правил международной торговли в регионе. Эти подходы отражают интересы государств, находящихся на различных уровнях развития (индустриальном, как КНР и ряд стран Юго-Восточной Азии, и постиндустриальном).

Экономический расклад сил в регионе позволяет предположить не столько противостояние конкурирующих систем (китайской и японо-американской), сколько борьбу в рамках одной, уже существующей системы. В ней за США и Японией сохраняется технологическое доминирование, что признается Китаем и отчасти отвечает его интересам. Однако внутри самой системы Китай добивается увеличения своей роли до решающей, используя при этом все возможные методы. Япония и Соединенные Штаты рассматривают подобную ситуацию как потенциально опасную, но пока не представляющую реальной угрозы. Именно поэтому они стремятся не противостоять Китаю, а по возможности плотнее включиться в уже сложившуюся систему или ограничивать его там, где это представляется возможным, экономя при этом собственные ресурсы.

Военно-политические параметры региональной ситуации

Анализ военно-политических тенденций позволяет представить несколько иную картину региональной ситуации. С точки зрения безопасности в Восточной Азии сохраняется безоговорочное преобладание США. Среди всех региональных игроков именно Соединенные Штаты демонстрируют значительный рост военных расходов на протяжении 2000-х годов (3–4% ВВП). Для Китая подобное соотношение удерживается на уровне 1,8–2% ВВП, для Индии — 2–3%, для России — 3,7–3,9%. В абсолютном выражении по расходам на оборону Соединенные Штаты превосходят КНР почти в шесть раз, Россию — более чем в десять, Японию — почти в тринадцать, Индию — в пятнадцать раз (табл. 18.1).

Со времен «холодной войны» Соединенные Штаты опираются в Восточной Азии на систему союзнических отношений с такими основными партнерами, как Япония, Южная Корея, Филиппины и Таиланд. Традиционные союзы с Японией и Южной Кореей, а также новые недавние партнерские отношения с Индией используются Соединенными Штатами для сдерживания Китая и ухода от лобового столкновения с ним. Однако общая ситуация в Восточной Азии и итоги политики Дж. Буша-младшего в регионе, по-видимому, заставляют американское руководство дополнить свои двусторонние альянсы новыми механизмами регионального сотрудничества.

После событий 11 сентября 2001 г. в качестве главного обоснования своих внешнеполитических шагов как на глобальном, так и на региональном уровне Соединенными Штатами использовалась необ-

Таблица 18.1
 Расходы стран расширенной Восточной Азии на оборону, 1990–2010 гг. (млн долл. США по постоянному курсу на 2008 г.)

Страна	1990		1995		2000		2005		2010	
	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП
КНР	[17 943,0]	[2,5]	[20 875,0]	[1,7]	[33 496,0]	[1,9]	[64 726,0]	[2,0]	[121 064,0]	[2,1]
США	510 998,0	5,3	399 043,0	3,8	382 061,0	3,0	562 039,0	4,0	698 281,0	4,8
Индия	17 575,0	3,2	18 326,0	2,7	25 841,0	3,1	33 690,0	2,8	46 086,0	2,7
Россия	[259 734,0]	[12,3]	[32 867,0]	[4,4]	[29 014,0]	[3,7]	[43 190,0]	[3,7]	[58 644,0]	[3,9]
Япония	49 421,0	0,9	53 120,0	1,0	54 785,0	1,0	55 330,0	1,0	54 641,0	1,0
Республика Корея	[13 881,0]	[4,0]	[17 161,0]	[3,0]	[18 465,0]	[2,6]	[22 791,0]	2,6	27 572,0	2,7
КНДР	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Тайвань (Китай)	9 803,0	4,9	10 325,0	3,8	8 420,0	2,4	8 300,0	2,1	9 067,0	2,1
Монголия	122,0	4,3	42,7	1,6	44,4	2,1	44,4	1,3	54,9	1,1
Индонезия	1 592,0	0,9	1 948,0	0,8	н.д.	н.д.	3 336,0	0,8	4 663,0	0,7
Малайзия	1 664,0	2,6	2 756,0	2,8	2 248,0	1,6	4 183,0	2,3	3 859,0	1,6
Вьетнам	1 562,0	7,9	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1 458,0	1,9	2 672,0	2,5
Таиланд	3 693,0	2,7	4 816,0	2,3	2 948,0	1,5	2 846,0	1,1	4 846,0	1,5
Сингапур	3 332,0	4,9	4 681,0	4,4	6 421,0	4,6	7 576,0	4,4	8 323,0	3,7
Филиппины	1 850,0	2,1	2 199,0	2,3	2 120,0	1,6	2 145,0	1,3	2 438,0	1,2
Мьянма	н.д.	3,4	н.д.	3,7	н.д.	2,3	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Камбоджа	82,3	2,1	167,0	3,6	125,0	2,2	102,0	1,1	175,0	1,6
ЛНДР	н.д.	н.д.	(173,0)	(6,1)	(26,9)	(0,8)	(19,3)	(0,4)	(16,3)	(0,3)
Бруней-Даруссалам	394,0	6,4	327,0	5,5	325,0	5,7	318,0	2,6	391,0	3,2

Примечания. [...] — оценочные данные СИПРИ; (...) — приблизительные данные; н.д. — нет данных.

Источник: Facts on International Relations and Security Trends Database. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://first.sipri.org>.

ходимость борьбы с терроризмом. Первоначально такая линия встретила поддержку среди стран региона, особенно в связи с террористическими взрывами в Индонезии в 2002 году. Однако затем в регионе начало формироваться все более настороженное отношение к глобальной антитеррористической войне, объявленной США. Государствам Юго-Восточной Азии приходилось принимать во внимание фактор значительного мусульманского населения, а также специфику внутривнутриполитических конфликтов и проблем, которые страны региона не хотели интернационализировать. Речь идет о сепаратистском движении на юге Таиланда, юге Филиппин, конфликтах внутри Индонезии (Западная Ява, Аче, Центральный Сулавеси). Опасения малых и средних стран вызывал также излишне односторонний и прямолинейный подход Соединенных Штатов к своим партнерам на внешнеполитической арене по принципу «либо с нами, либо против нас». В результате к концу президентского срока Дж. Буша-младшего поддержка войны Соединенных Штатов с терроризмом в регионе очевидно снизилась. Политика США при республиканцах косвенно стала причиной того, что государства Юго-Восточной Азии обратились к новым форматам взаимодействия в широком региональном контексте с участием КНР.

Общая переоценка односторонней политики Дж. Буша-младшего побудила администрацию Б. Обамы к поиску путей изменения характера американского военного присутствия в регионе и к более активному вовлечению в деятельность многосторонних региональных институтов.

❖ В качестве одного из вариантов трансформации сети баз американская сторона предполагает усилить элементы системы распределенного базирования, которая могла бы предоставить США больше свободы маневра в регионе.

Данная система не подразумевает заключения полноценных союзнических договоров, однако делает возможными более операциональные договоренности об использовании Соединенными Штатами в военных целях отдельных объектов инфраструктуры в странах региона. По такому пути выстраивания военно-политических отношений с США, в частности, пошли Сингапур, Филиппины, Австралия²⁴.

Позиция Соединенных Штатов относительно диалоговых форматов в Восточной Азии также претерпела изменения. Такие структуры, как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), встречи министров обороны стран АСЕАН и партнеров Ассоциации по диалогу начинают восприниматься Соединенными Штатами как удобный механизм многостороннего маневрирования и удержания малых и средних стран региона от движения к Китаю.

В рамках этой логики, разделяемой как самими США, так и Японией, участие России в этих форматах оказывается желательным (и даже необходимым) и призвано воспрепятствовать ее сближению с Китаем. Стоит отметить, что такой подход объективно ограничивает антиросийский настрой Японии.

Сам Китай не оспаривает военно-политического преобладания США в регионе, однако он гораздо более активен тактически. В частности, Пекин все более стремится оттеснить Соединенные Штаты от решения тайваньской проблемы, переводя ее на уровень исключительно китайско-тайваньского взаимодействия. Китай пытается выйти на позиции превосходства во всех территориальных спорах: как с Японией по поводу островов Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском море, так и со странами Юго-Восточной Азии по поводу островов Спратли в Южно-Китайском море. Кроме того, Китай последовательно укрепляет свою роль главного посредника в ситуации с Северной Кореей. Интересам Китая в свою очередь отвечает и удержание России от сближения с Западом.

Отмеченные шаги китайской стороны заставляют зарубежных аналитиков говорить о том, что Китай перестал придерживаться выжидательной формулы Дэн Сяопина и начинает активно проецировать свою мощь вовне. В качестве примера приводятся: обострение ситуации в Южно-Китайском море весной 2010 г., когда в ответ на заход американских кораблей в исключительную экономическую зону Китая китайская сторона включила проблему Южно-Китайского моря в число своих «стержневых интересов»²⁵; особая позиция Китая по северокорейскому вопросу; активная модернизация китайских вооруженных сил²⁶.

Между тем рост опасений основан скорее на ожиданиях, нежели на реальных шагах китайского руководства. Военно-политическая линия Китая в регионе в корне отличается от стратегии США и основывается на постулате о невмешательстве КНР во внутренние дела других стран. В контексте этой позиции можно рассматривать также факт отсутствия китайских военных баз на территории других государств. Даже шаги по созданию серии стратегических пунктов в Индийском океане (порты Гвадар в Пакистане, Ситтве в Мьянме, Хамбантога в Шри-Ланке и Читтагонг в Бангладеш) пока не выходят за рамки этой доктрины²⁷. В своем стремлении закрепить пояс добрососедства с малыми и средними странами по всему периметру своих границ Китай до недавних пор гораздо более активно действовал не на тихоокеанском направлении, а в Центральной Азии в рамках ШОС, пытаясь таким образом

стратегически исключить опасность возникновения «второго фронта» конкуренции с США.

Интересам малых и средних стран региона отвечает поддержание диалога со всеми крупными региональными и внерегиональными игроками. Именно для целей развития подобного диалога ими используются как АРФ и Восточноазиатский саммит, так и другие структуры, созданные вокруг АСЕАН. Их интересам отвечает конкуренция разных центров силы без однозначного преобладания какого-либо из них.

В отличие от Японии, в своей Стратегии обороны 2010 г. ориентирующейся на восприятие Китая как потенциальной внешнеполитической угрозы²⁸, малые и средние региональные игроки вряд ли будут столь однозначно идентифицировать Китай как военно-политическую проблему²⁹. Военное сотрудничество с США не определяется ими открыто как способ реакции на усиление Китая. Взаимодействие с Вашингтоном объясняется множественностью целей и необходимостью совместной борьбы с транснациональными проблемами (морское пиратство, террористические угрозы морским линиям коммуникации в регионе, стихийные бедствия). Примеры такого сотрудничества — совместные военно-морские учения США с Сингапуром, Филиппинами, Брунеем, Индонезией, Малайзией, Таиландом, американско-тайландские военные учения «Кобра голд» (*Cobra Gold*), военные связи США и Вьетнама.

Это важно

За последние два десятилетия в регионе произошло смещение приоритетов от проблем «жесткой» безопасности к вопросам взаимосвязи политики и экономики³⁰. Производственные сети и взаимные инвестиционные потоки стали реальными факторами укрепления региональной взаимозависимости, а любой крупный межгосударственный конфликт — экономически невыгодным.

Представителями стран Восточной Азии на самом высоком уровне подчеркивается, что характер угроз трансформировался. Хотя хронические очаги нестабильности (ситуация на Корейском полуострове, проблема Тайваня, комплекс территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, двусторонние межгосударственные противоречия в Юго-Восточной Азии) сохраняют значение, а иногда, как в случае со спором по поводу островов в Южно-Китайском море, намеренно раздуваются для создания напряженной ситуации в регионе, новые угрозы стали актуальнее традиционных.

В то же время необходимо понимать, что акцент на новых аспектах безопасности позволяет избегать открытого обсуждения военно-стратегических угроз и одновременно использовать стратегию создания

ограниченных альянсов без полномасштабных обязательств³¹. Например, Таиланд, активно развивающий связи с Китаем, одновременно обладает статусом «союзника США вне НАТО». Имеет место и обратный процесс развития военных контактов стран Юго-Восточной Азии с КНР на разных уровнях. При этом, как отмечает бывший президент Филиппин Фидель Рамос, в лице США хотят видеть «доброе соседя», который будет сохранять свое присутствие, но не будет вмешиваться, пока другие страны сами решают свои внутренние проблемы³². Такой же подход позволяет малым и средним странам развивать военные связи не только с Соединенными Штатами и Китаем, но и с Россией, Индией, Австралией и Великобританией.

В сложившейся ситуации в качестве гарантии своей безопасности странам АСЕАН определенно хотелось бы сохранить свое промежуточное положение между внерегиональными игроками в Восточной Азии. Не случайно в своем обращении к лидерам стран региона на открытии 14-го саммита АСЕАН в феврале 2009 г. тогдашний премьер-министр Таиланда Апхисит Ветчачива подчеркнул, что АСЕАН продолжит занимать особое положение между полюсами роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе³³.

В 2000-х годах в экспертном сообществе обсуждалась идея о том, что страны региона не стремятся уравновесить рост влияния Китая за счет развития отношений с другими державами, а наоборот, пытаются извлечь собственные выгоды из экономического усиления КНР³⁴. События 2010 г. в Южно-Китайском море, напротив, стали основой для целой серии публикаций об опасности активности Китая, которая толкает страны региона искать союзничества с внерегиональными игроками³⁵.

Страны АСЕАН пока полагаются на свои диалоговые структуры и стараются придерживаться нормативных принципов, известных под собирательным названием «путь АСЕАН» (*ASEAN Way*)³⁶. Именно в этом контексте следует оценивать приглашение России и США к участию в ВАС, оформленное решением 5-го Восточноазиатского саммита в Ханое в 2010 г.

* * *

Сложившаяся посткризисная ситуация в регионе характеризуется тактической активизацией Китая как в экономической, так и в политической сфере, а также новым разворотом США в Азию, отчасти призванным ограничить активность Китая. В обозримой перспективе КНР вряд ли сможет иметь полную свободу маневра в Восточной

Азии. В военно-политическом плане превосходство США в регионе сохраняется, однако способы его поддержания претерпевают изменения. Впервые многосторонние форматы сотрудничества начинают казаться США более эффективным механизмом, чем система традиционных союзов, поскольку позволяют наладить диалог с Китаем. Соединенные Штаты готовы согласиться с присутствием в них России. В этих условиях малым и средним странам выгодно поддерживать конкуренцию Китая, США и других игроков в регионе в контролируемых рамках, поскольку это позволяет решать задачи экономического развития и сохранения собственной политической автономности. Их усилия по поддержанию такой конкуренции способствуют консолидации политической субъектности АСЕАН и формированию безлидерской системы в Восточной Азии.

Дефицит лидерства в данном случае означает отсутствие ярко выраженной борьбы за политическое влияние в регионе среди самых сильных игроков. При этом, однако, внутри Восточноазиатской подсистемы происходит перераспределение экономических возможностей. К тому же экономическая конкуренция, разворачивающаяся на фоне пока еще умеренно выраженного политического противоборства, до определенной степени смягчается экономическими интеграционными процессами. В общей сумме отмеченные аспекты не дают оснований рассматривать конфликтный сценарий регионального развития как вероятный.

Ключевые слова

Восточная Азия, США, Китай, Япония, Россия, ЕС, АСЕАН, региональное лидерство, региональная подсистема.

Контрольные вопросы

1. Какие параметры определяют сохраняющееся преобладание США и Японии в АТР?
2. В чем особенность стратегии КНР по укреплению своих позиций в АТР?
3. Какова роль АСЕАН в региональных процессах?
4. Почему США прибегают к диверсификации военно-политических связей со странами АТР, а не делают акцент на общих институтах коллективной безопасности?
5. Какую роль играют страны региона в активизирующейся военно-политической конкуренции США и КНР?
6. В чем состоят возможности и угрозы в регионе для интересов России?

Примечания

¹ В частности, по данным Всемирного банка, темпы роста экономики КНР в 2008 и 2009 гг. равнялись соответственно 9,6 и 9,1%, пережив падение более чем на 4% по сравнению с докризисным годом. Темпы роста экономики

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

США в этот же период составляли соответственно 0,0 и $-2,6\%$ (сокращение на $4,5\%$ по сравнению с 2007 г.; данные Всемирного банка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worldbank.org>). Рост ВВП в ЕС составил 0,1 и $-4,5\%$ (данные Евростата. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home/>). Рост ВВП Японии $-1,2$ и $-5,2\%$ (Всемирный банк). Оценочные данные уровня экономического роста Восточной Азии в 2010 г. составляют $8,9\%$ (Всемирный банк), США — $2,9\%$ (Бюро экономического анализа Департамента торговли США. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bea.gov>), ЕС — $1,5\%$ (Евростат). Таким образом, в 2010 г. темпы роста экономики стран Восточной Азии в 3 раза превышали аналогичные показатели США и почти в 5–6 раз — показатели стран ЕС.

²Подробнее об этом см.: Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 6–90, 349–568.

³В этой связи не случайно появление таких новых терминов, как, например, «Центрально-Восточная Азия», отражающего параметры взаимосвязи процессов, происходящих в Восточной и Центральной Азии (см.: *Богатуров А. Д.* Центрально-Восточная Азия в современной международной политике // Восток (Oriens). 2005. № 1. С. 102–119) или «Большая Восточная Азия», акцентирующего внимание на росте взаимозависимости Восточной Азии и окружающих ее регионов (см.: «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под общ. ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010).

⁴Данной тенденции противоречила политическая линия США при Дж. Буше-младшем, однако кризис, совпавший с приходом к власти правительства Б. Обамы, как раз представляет собой реакцию на данное противоречие.

⁵Подробнее об этом периоде см.: *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997.

⁶*Hatch W.* Asia's Flying Geese: How Regionalization Shapes Japan. Ithaca: Cornell University Press, 2010. P. 2–7.

⁷*Ibid.* P. 96.

⁸Термин «реальная (или “глубокая”) интеграция» введен в научный оборот А. А. Рогожиным (*Рогожин А. А.* Юго-Восточная Азия и интеграция // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002. С. 358–359).

⁹*Hatch W.* *Op. cit.* P. 5.

¹⁰*Pempel T. J.* How Bush Bungled Asia: Militarism, Economic Indifference and Unilateralism Have Weakened the United States Across Asia // *The Pacific Review*. Vol. 21. No 5. P. 566–569.

¹¹*Hatch W.* *Op. cit.* P. 4.

¹² *Lin G.* China's "Good Neighbor" Diplomacy: A Wolf in Sheep's Clothing? / G. Lin, J. Garver, D. Hickey, M. Chambers // Woodrow Wilson International Center for Scholars Asia Program Special Report. 2005. No 126.

¹³ Так, опросы общественного мнения, проведенные в середине 2000-х годов в Таиланде, показали, что 76% опрошенных идентифицировали Китай в качестве доброго соседа и союзника, в то время как Соединенные Штаты таким образом оценили лишь 9% (*Keliher M.* Dragon seizes market share // *Asia Times*. 10.02.2004).

¹⁴ Подробнее см.: *Галенович Ю. М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 7–12; *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая // *Pro et Contra*. 2007. Т. 11. № 6. С. 42.

¹⁵ В 1990 г. произошла нормализация отношений с Индонезией и Сингапуром, в 1991 г. — с Вьетнамом и Брунеем. В 1991 г. Китай также отказался от поддержки «красных кхмеров» в Камбодже.

¹⁶ *China Sets Up \$10 bn Fund for SE Asia* // *The Bangkok Post*. 18.04.2009; ASEAN-China Dialogue Relations. URL: <http://www.asean.org/5874.htm>.

¹⁷ Дискуссия в рамках второй трехсторонней конференции МГИМО—ИФАНС—КИМП (Сеул, 22.11.2010).

¹⁸ MOU Signed on Myanmar-China Oil Pipeline. 19.06.2009. Сайт Китайской национальной нефтегазовой корпорации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cnpc.com.cn/en/press/newsreleases/MOU_signed_of_Myanmar%EF%BC%8DChina_Oil_Pipeline.htm.

¹⁹ *Pomfret J.* China's Billions Reap Rewards in Cambodia // *The Washington Post*. 20.11.2010.

²⁰ *Asia Development Outlook 2010: Macroeconomic Management beyond the Crisis*. Mandaluyong City: ADB, 2010. P. 15.

²¹ На это обстоятельство автору любезно указал директор Центра АСЕАН МГИМО доктор исторических наук В. В. Сумский.

²² *Japan Vows \$5,5 bn. Aid to Mekong Region at Summit* // *Reuters*. 6.11.2009.

²³ *Capling A.* Multilateralising Regionalism: What Role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? / A. Capling, J. Ravenhill // *The Pacific Review*. 2011 (December). Vol. 24. No 5. P. 553–575.

²⁴ *Ciorciari J.* The Balance of Great-Power Influence in Contemporary Southeast Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2009. Vol. 9. P. 166; *Sheridan G.* Keeping US Interests in Place Suits Us // *The Australian*. 06.11.2010.

²⁵ Позднее вопрос островов в Южно-Китайском море уже открыто не включался китайским руководством в число «стержневых интересов» КНР (*Decoding China's Core Interests* // *China Daily Mail*. 08.11.2012).

²⁶ По данным Международного института стратегических исследований, в 2008 г. 25% военно-морских сил КНР (по сравнению с 7% в 2004 г.) и 46% парка подводных лодок (по сравнению с 10% в 2004 г.) могли рассматриваться как современные. 20% китайских военно-воздушных сил составляли истребители четвертого поколения, что вдвое превышает показатели 2004 г. (*The Military Balance*. L.: IISS, 2010. P. 377). Резонанс вызвали также сообщения о разработке

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

Китаем истребителя пятого поколения J-20, появившиеся как раз в канун визита в КНР министра обороны США Роберта Гейтса (Пентагон поднял в воздух китайский истребитель // Независимая газета. 12.01.2011).

²⁷ *Kostecka D. J.* Places and Bases: The Chinese Navy's Emerging Support Network in the Indian Ocean // *Naval War College Review*. 2011 (Winter). Vol. 64. No 1. P. 59–78.

²⁸ Summary of National Defense Program Guidelines. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010 (provisional translation) // Prime Minister of Japan and His Cabinet web-site. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/kakugikettei/2010/summary_ndpg_e.pdf.

²⁹ Еще в конце 1990-х годов малайзийский премьер-министр Махатхир Мохамад отмечал по этому поводу: «Почему мы должны бояться Китая? Если вы определяете какую-либо страну как своего будущего врага, она станет вашим сегодняшним врагом» (цит. по: *Ciorciari J.* Op. cit. P. 166).

³⁰ Подробнее см.: *Bitzinger R. A.* Why East Asian War is Unlikely / R. A. Bitzinger, B. Desker // *Survival*. 2008. Vol. 50. No 6. P. 105–128.

³¹ *Ciorciari J.* Op. cit. P. 168.

³² *Ramos F.* Obama, the Pacific President // *The Guardian*. 08.02.2009.

³³ Statement by His Excellency Abhisit Vejjajiva Prime Minister of the Kingdom of Thailand at the Opening Ceremony of the 14th ASEAN Summit Cha-am/Hua Hin. 2009. February 28. Сайт АСЕАН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asean.org/22319.pdf>.

³⁴ *Kang D. C.* China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 3–17.

³⁵ См., например: *Caryl C.* Panda-Hugger Hangover // *Foreign Policy*. 2010. August.

³⁶ Понятие «путь АСЕАН» обозначает особый подход стран Юго-Восточной Азии к межгосударственным отношениям и основывается на принятии ими двух основных поведенческих норм, выраженных индонезийскими терминами «мушаварах» (консультации) и «муфакат» (консенсус). Такой подход не подразумевает создание механизма решения проблем, а направлен скорее на избежание конфликтных ситуаций как в отношениях между самими странами ассоциации, так и в отношениях ассоциации с внешними игроками. Подробнее см.: *Weatherbee D. E.* International Relations in Southeast Asia: the Struggle for Autonomy. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2009. P. 128–129.

19

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР

На рубеже 2010-х годов в Пекине активизировались дискуссии о необходимости трансформации внешнеполитической стратегии страны. Дополнительными катализаторами этой дискуссии стали международные (превращение КНР во вторую после США экономическую державу мира, самого крупного мирового экспортера и держателя золотовалютных резервов; решение США о «стратегическом возвращении в Азию»; эскалация территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях), а также национальные (приход к власти в Китае нового, «пятого поколения руководителей», усиление в КНР тенденции к либерализации общественной, в частности научной, мысли) процессы.

Этапы формирования новой внешнеполитической доктрины КНР

Об изменениях — нарождающихся или уже реальных — во внешнеполитических воззрениях китайской элиты можно судить не только по конкретным шагам Пекина, но и по меняющемуся языку китайских официальных лиц и аналитиков, ответственных за выработку внешней политики КНР. Конечно, выявляемые изменения не революционны. В духе традиции «доктринальной преемственности» они являются логическим продолжением эволюции теории и практики китайской внешней политики, начавшейся с реформ Дэн Сяопина. Этот процесс в целом подразделялся на три этапа, укладывающиеся в традицию рассмотрения внешней политики КНР сквозь призму десятилетних циклов¹.

Первый этап (1978–1989) характеризовался ростом прагматизма в международном поведении Китая. Совокупность вновь поставленных Дэн Сяопином стратегических целей и избранных для их реализации инструментов можно назвать *доктриной обеспечения внешних источников экономической модернизации страны*.

Второй этап (1989–1999) стал для КНР шоковым периодом адаптации к радикальным изменениям мирового порядка в результате рос-

пуска СССР. Внешнеполитическую доктрину Пекина той поры (не формализованную в рамках какого-либо единого документа) можно условно назвать *доктриной консолидации стратегической периферии Китая* — той опоясывающей части мира вблизи китайских границ, дестабилизации которой в Пекине опасались в первую очередь по причине общего разрушения прежнего силового равновесия в Евразии.

Третий этап модификации внешнеполитических доктрин КНР происходил в 1999–2007 годах. Международный курс Пекина стал мыслиться как комплекс мер, ориентированных на «реализацию задачи обретения страной статуса *великой державы, которая участвует в формировании международной системы, а не просто реагирует на происходящие в ней процессы*»². Если в концепциях второго этапа заметно преобладала «защитная» составляющая, то теперь больше внимания уделялось подготовке своего рода дипломатического наступления.

С начала 2000-х годов влиятельные китайские аналитики стали внедрять в общественное сознание идею о необходимости формирования в Китае «психологии великой державы» (*даго синьтай*). Поскольку как раз в это время к власти стало приходить «четвертое поколение» руководителей (официально смена поколений была закреплена в 2003 г.), момент уточнения внешнеполитических ориентиров был благоприятным. В Китае была разработана идея «глобального добрососедства», которая явно указывала на появление у КНР круга общемировых интересов. Китай фактически уже переставал считать себя, как прежде, *только* региональной державой. Старая концепция «пояса добрососедства», условно говоря и с соответствующими поправками, распространялась на весь мир.

На третьем этапе в приоритеты КНР стали входить такие задачи, как формирование сети двусторонних партнерств не только в АТР и Центральной Азии, но и в более отдаленных частях мира (Африке, Латинской Америке), а также существенное повышение роли китайской многосторонней дипломатии (в рамках ООН, АТЭС, институтов взаимодействия с АСЕАН, ВТО). Особое значение в этот период приобрели для КНР сотрудничество с ШОС, участие в шестисторонних переговорах по урегулированию ситуации на Корейском полуострове, а также взаимодействие в рамках Восточноазиатского саммита. Следует отметить, что Китай был в ряду *учредителей* этих механизмов, а не просто одним из их участников — настороженность Пекина по отношению к многосторонним международно-политическим инструментам, бывшая отличительной чертой дипломатии Китая прежде, стала ослабевать. Руководство КНР работало над укреплением потенциала влияния на содержание существующего международного порядка.

Важным элементом модификации приоритетов были политико-психологические сдвиги в сознании образованных китайцев, принявших представление о Китае как великой или по крайней мере незаменимой региональной державе.

В китайских СМИ стали чаще писать о наступлении «периода стратегических возможностей», вероятно, аналогичного западному понятию «*window of opportunities*». В ноябре 2002 г. Цзян Цзэминь, выступая с докладом на XVI съезде компартии Китая, подчеркивал: «...первые 20 лет XXI века — это для нас период великих стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать»³. Действительно, в первые пять лет XXI в. КНР добились впечатляющих успехов в деле экономического строительства⁴. Это позволило председателю КНР Ху Цзиньтао в докладе на XVII съезде КПК в 2007 г. официально поставить цель — увеличить к 2020 г. среднедушевой валовой внутренний продукт вчетверо против 2000 г.»⁵. Ранее подобные задачи оглашались только неформально.

Рост экономического могущества Китая способствовал укреплению его международных позиций. Расширились круг и масштаб внешнеполитических задач, обогащался инструментарий для их решения. На XVII съезде была официально закреплена концепция «гармоничного мира»⁶, представленная как интеллектуальный вклад четвертого поколения руководителей в развитие теории «социализма с китайской спецификой». С данным теоретическим нововведением было связано понятие «великая ответственная держава», которое китайское руководство стало применять к Китаю, подчеркивая (в отличие от западных политиков и политологов⁷) ограничительный, точнее, *самоограничительный характер термина «ответственная» в этом словосочетании*.

⇒ В китайской интерпретации термин «ответственная держава» — явно в согласии с известной сентенцией Г. Киссинджера — подразумевал «великую державу, способную ограничивать свои амбиции». Конечно, имелась в виду и косвенная критика США как великой державы, явно к такому самоограничению неспособной.

Но даже в сдержанной трактовке новая концепция ориентировала на существенное повышение международной роли Китая. Китайское руководство начинало мыслить категориями ответственности за развитие не только самого Китая, но и мира в целом. При этом, естественно, подразумевалось, что расширение ответственности влечет за собой и расширение прав и возможностей для участия КНР в формировании облика современной международной системы. В Пекине осознали, что оставаться державой, выступающей только за сохранение статус-кво

в условиях высокой динамики изменений системы международных отношений, неэффективно.

Изменения международной среды и трансформация представлений Пекина о мире и своем месте в нем

Заметное влияние на эволюцию китайских концептуальных построений оказал мировой финансовый кризис 2008–2010 годов. С одной стороны, он переключил внимание основных государств на решение экономических проблем, что привело к *разрыхлению мирополитической среды и открыло новые возможности для Пекина*. С другой стороны, ввиду сравнительно невысокой степени вовлеченности КНР в мировую финансовую систему кризис сказался на комплексной национальной мощи Китая слабее, чем на потенциале более развитых государств. Он продолжал демонстрировать более высокие темпы роста ВВП, чем развитые западные страны. Продолжали расти золотовалютные запасы Китая, по этому показателю КНР вышла на первое место в мире⁸. Столь впечатляющие результаты убедили руководство страны в правильности внешнеполитической стратегии.

Благоприятно для КНР складывалась и политическая конъюнктура — в Соединенных Штатах к власти пришла демократическая администрация, заинтересованная в восстановлении партнерских связей с ведущими мировыми державами, подорванных в годы правления республиканцев. Кроме этого, США, занятые ведением двух региональных войн (в Ираке и Афганистане), могли позволить отвлечение лишь ограниченных ресурсов на укрепление своих позиций в других регионах мира, включая АТР.

Решение администрации Б. Обамы перенести акцент военных усилий Америки на Афганистан, а дипломатических — на Иран обусловило, по оценкам ведущих китайских аналитиков, заинтересованность США в Китае как политической силе, способной содействовать стабилизации ситуации в обоих конфликтах⁹.

Важной новой чертой мировой ситуации, по мнению китайских исследователей, стал российско-грузинский вооруженный конфликт 2008 года. С одной стороны, он способствовал отвлечению внимания мирового сообщества от действий КНР, а с другой — показал избирательность США в вопросах вмешательства или невмешательства в конфликты, неприоритетные с точки зрения американских интересов. «С военной точки зрения эффективность механизмов устрашения во внешней политике США снизилась — доказательством этому стал российско-грузинский конфликт — *впервые со времени “холодной войны”*»

незападное государство решилось осуществить боевые действия против соседней страны и занять ее территорию, при этом избегав военных или экономических санкций... Отсутствие прямого вмешательства США в российско-грузинский конфликт демонстрирует пределы готовности США использовать свои вооруженные силы за рубежом и *применить силу против ядерного государства»*¹⁰ — вот каким образом воспринималась ситуация китайскими специалистами-международниками.

Заключение о том, что военное вмешательство США не является автоматическим во всех региональных конфликтах, ущемляющих хотя бы в малой степени американские амбиции, было для КНР очень важным. Оно впервые за много лет давало дополнительный материал для прогнозирования вероятности вовлечения американских вооруженных сил в случае эскалации конфликта КНР с Тайванем. Успокоению Китая способствовали и сдвиги в самой тайваньской ситуации: в 2008 г. на выборах президента на Тайване потерпел поражение сепаратистски настроенный президент Чэнь Шуйбянь, а его место занял намного более умеренный представитель Гоминьдана Ма Инцзю. Китай получил существенные сравнительные преимущества для реализации своих внешнеполитических интересов в целом.

Официальные документы внешней политики КНР предлагают рассматривать ее развитие исключительно в контексте развития международного сообщества в целом. Признание взаимозависимости внешних и внутренних аспектов ситуации в КНР неоднократно подтверждалось на официальном уровне: «Будущее и судьба Китая становятся теснее связанными с международным сообществом. Китай не может развиваться в изоляции от остального мира, а мир не сможет стать стабильным и развиваться без Китая»¹¹.

Повышение международной роли Китая мыслилось возможным не только благодаря активной внешней политике, но и ввиду роста способности КНР влиять на мировую экономику и глобальную финансовую систему¹². В китайском экспертном сообществе стали появляться осторожные высказывания, что Китай не может и далее «не становиться лидером», «скрывая свои возможности»¹³. Начались новые сдвиги в системе внешнеполитических приоритетов Пекина.

Новое значение приобрела задача обеспечения *финансовой безопасности страны*. Это было явно новым ориентиром. Конечно, он возник в связи с мировым финансовым кризисом, хотя потребность в укреплении устойчивости китайской валютно-финансовой системы по мере роста зависимости экономики страны от мировой финансовой конъюнктуры стала актуальной уже с начала 2000-х годов.

Становилось все более очевидным, что Китай не сможет сильнее влиять на мировые финансовые процессы, пока не решит следующие задачи: расширение присутствия в ключевых глобальных финансовых институтах, активизация роли в принятии ключевых финансовых решений в рамках БРИКС и «группы двадцати», увеличение числа альтернативных долларовых средств накопления золотовалютных резервов и, наконец, переход на использование национальной валюты в двусторонних расчетах с другими странами.

Для их решения Китай начал активно использовать новый инструмент внешней политики — финансовую дипломатию. Это было особенно заметно на саммите «группы двадцати» в Лондоне в апреле 2009 года. В выступлении на саммите Ху Цзиньтао констатировал, что, несмотря на финансовый кризис, «базовые условия развития китайской экономики и долгосрочные позитивные тенденции не претерпели коренных изменений». Он выразил готовность увеличить финансовый вклад КНР в Международный валютный фонд (МВФ) при пропорциональном увеличении полномочий Китая в этой организации. Было также выдвинуто предложение о создании международного органа «раннего оповещения», в обязанности которого вошел бы мониторинг деятельности крупнейших финансовых центров и ТНК. В своих выступлениях представители КНР говорили о необходимости расширить права развивающихся стран при принятии решений в МВФ и Мировом банке, в частности в вопросах распределения международной финансовой помощи¹⁴.

➤ Мировой финансовый кризис дал повод Китаю настойчивее говорить о важности создания «новой международной финансовой архитектуры»¹⁵. Пекин стал активнее переходить на использование юаня в двусторонних торговых и валютно-финансовых расчетах с Республикой Корея, Индонезией, Малайзией, Аргентиной, Белоруссией¹⁶.

Важным последствием кризиса, сказавшимся на внешней политике КНР, стало временное снижение экономической активности развитых государств на зарубежных рынках. Оно позволило Пекину более динамично осуществлять свою стратегию «*цзоу чуцюй*» — выхода китайских предприятий на внешние рынки¹⁷ и приобретения Китаем зарубежных активов. При этом основной акцент китайское правительство сделало на обеспечении *ресурсно-энергетической безопасности*. Это объяснимо: зарубежные и китайские эксперты неоднократно отмечали высокий уровень зависимости КНР от внешних источников минеральных ресурсов, в первую очередь энергетических. По данным «Дойче банк», с 2006 по 2020 г. потребности Китая в импорте железной руды могут возрасти на 380%, меди — на 600%, угля — на 7400%¹⁸.

Китай — второй по величине импортер нефти в мире и уступает только США¹⁹. Причем, по оценкам китайских экспертов, импорт нефти Китаем достигнет к 2020 г. 270–430 млн т в год²⁰.

В руководстве КНР осознают риски зависимости от внешнего мира в импорте сырья и топлива. Задача сырьевой безопасности для Пекина включает в себя необходимость диверсификации источников ресурсов и обеспечение безопасности путей их транспортировки. В определенной степени современная сырьевая дипломатия Китая напоминает ту, которую начиная с «первого нефтяного шока» 1973–1974 гг. стала проводить Япония.

Потребность в диверсификации источников ресурсов сказалась на географии интересов китайской дипломатии. КНР концентрирует внимание на богатых ресурсами государствах Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. С 2007 по 2009 г. китайские лидеры побывали с визитами практически во всех государствах Африки и приняли у себя целый ряд глав африканских стран²¹.

Это важно

Новой чертой китайской экономической дипломатии стало активное участие КНР не только в торговле, но и в инвестировании в ресурсодобывающие страны, в том числе в инфраструктурные проекты.

Взамен китайские представители стремятся получить от принимающих стран гарантии доступа Китая к местному сырью.

В Ираке в 2009 г. КНР в обмен на финансовую помощь и списание долгов получила право на разработку нефтяных месторождений, а в ходе визита в КНР президента Афганистана Хамида Карзая в марте 2010 г. был подписан ряд соглашений, реализация которых позволит Китаю стать крупнейшим инвестором в афганские недра. В западных работах высказываются предположения о том, что КНР ищет пути приобретения за рубежом военно-политических плацдармов²².

Другим инструментом сырьевой дипломатии является прямая помощь, которую КНР оказывает развивающимся государствам, в том числе вызывающим недовольство Запада: Ирану, Зимбабве и Судану. В целом в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке Китай постепенно теснит интересы других потребляющих сырье государств.

В контексте сырьевой дипломатии несколько иначе выглядят и отношения КНР с центральноазиатскими странами²³. Китай постепенно смещает акценты с обеспечения безопасности в рамках ШОС на вопросы экономического развития и энергообеспечения. В том же ключе он перестраивает двусторонние связи с государствами региона. КНР способна выступать на сырьевых рынках Центральной Азии успешным

экономическим конкурентом России²⁴. При этом сама Российская Федерация выступает для КНР поставщиком энергоресурсов²⁵.

Тяготение к центральноазиатскому и каспийскому «энергетическим бассейнам» логично для КНР. Поставки из этой части мира позволяют уменьшить зависимость от беспокойного региона Персидского залива, а транспортировка по трубопроводам проще и безопаснее поставок по морю. Однако Китай не отказывается и не может отказаться от ближневосточных поставок, хотя они осуществляются через Малаккский пролив, что само по себе сопряжено с дополнительными рисками: китайские аналитики считают, что безопасность пролива обеспечивается военно-морскими силами, неподконтрольными Китаю²⁶.

Это соображение дает дополнительный повод стремиться к расширению возможностей Военно-морского флота КНР и обеспечению его постоянного военного присутствия в регионах пролегания стратегических морских коммуникаций. В марте 2009 г. министр обороны КНР Лян Гуанле сообщил своему находившемуся в Китае с визитом японскому коллеге Ясукацу Хамаде, что народно-освободительная армия Китая (НОАК) продолжает развивать программу строительства авианосного флота²⁷, а в сентябре 2012 г. первый китайский авианосец был передан ВМФ НОАК²⁸.

В официальной печати была развернута дискуссия о первоочередных задачах военно-морского строительства. В газете вооруженных сил КНР «Цзефанцзюнь бао» появилась публикация, в которой говорилось: «С учетом нашей новой исторической миссии вооруженные силы должны оберегать не только территориальные границы страны, но и границы ее национальных интересов... мы должны обеспечивать не только интересы в сфере национальной безопасности, но и интересы в области национального развития»²⁹.

Это важно

Однако пока преждевременно ожидать перехода КНР к действиям по реализации подобных идей. Скорее всего, в кратко- и среднесрочной перспективе не произойдет повышения конфликтности курса Китая даже в таких чувствительных зонах, как территории в Южно-Китайском море. Но расширение китайского военного присутствия перестает быть таким же маловероятным, как это было 10 лет назад.

Сторонники активизации военного строительства КНР призывали КНР отказаться от принципа невступления в союзные отношения с другими государствами: «Отныне необходимо поставить перед собой цель повысить свой стратегический престиж (*чжаньлюэ синюй*), дать международному сообществу понять, что Китай надежный [партнер]

и на него можно опереться. Если мы захотим себе союзников, то на наших границах есть по меньшей мере 12 государств, с которыми можно заключить союзнические отношения»³⁰.

Новой чертой внешней политики Пекина стал *акцент на экологическом измерении международных отношений*. Руководство КНР заинтересовалось проблематикой глобального потепления и сохранения среды обитания человека. В Китае заговорили о готовности к «экологическому самоограничению», приведении темпов роста китайской экономики в соответствие с потребностями охраны окружающей среды, необходимости утверждения экокультуры. Высказывалась мысль о том, что лидерство в вопросах управления климатом, «возможно, станет необходимым условием глобального лидерства».

Это важно

Пекин стремится формировать повестку дня в еще не полностью оформившихся многосторонних — экологических — механизмах, где у КНР остается значительно больше возможностей для маневра, а его активность пока не вызывает явного противодействия более сильных конкурентов.

Заметно *повышение внимания Пекина к проблематике «нетрадиционных угроз»*. В первую очередь речь идет о целях «невоенного использования вооруженных сил» Китая. К ним относятся: контртеррористические операции, миротворческие усилия ООН, кампании по эвакуации гражданского населения в зонах конфликтов и оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях, международное гуманитарное содействие и патрулирование в целях противодействия пиратству.

Показательно участие КНР с декабря 2008 г. в операции по противодействию пиратству у берегов Сомали, продемонстрировавшей возросшие возможности ВМФ КНР (это первая операция такого рода в истории КНР), а также стремление Пекина к созданию предпосылок для проецирования мощи в районах стратегических морских коммуникаций.

Пекин расширяет участие в миротворческих операциях ООН. В декабре 2008 г. контингент КНР превысил по численности миротворцев четырех других постоянных членов Совета Безопасности. При этом основной акцент Пекин делает на кампаниях в Африке (Судан, Демократическая Республика Конго, Либерия)³¹.

⇒ В специальной выходящей в КНР литературе перечень угроз национальной безопасности Китая трактуется предельно расширительно. В ней ощущается влияние аналогичных американских работ, написанных авторами консервативно-патриотического направления.

К числу угроз в КНР относят «ситуации, при которых в каком-либо государстве происходит разрушение основных властных институтов, что создает серьезную угрозу интересам КНР в этом государстве; случаи проведения конфискации и экспроприации зарубежных предприятий, наносящие ущерб промышленным и внешнеполитическим интересам Китая; действия организованной преступности».

В Китае продолжается обсуждение вопроса о соотношении принципа невмешательства во внутренние дела и принципа защиты жизни и интересов своих граждан за рубежом. Есть все основания полагать, что приоритетным для Пекина окажется второй принцип. США, а в последние несколько лет и Россия тоже неформально ориентируются на него.

Новая ипостась Китая: «избирательно глобальная держава»

Отношения с великими державами — особый аспект китайской дипломатии. Пекин ведет себя с ними все более уверенно, хотя речь не идет о кардинальной смене акцентов или политических установок. Роль этой группы государств отражена в старой официальной внешнеполитической формуле «четырёх главных опор» внешней политики КНР: «отношения с великими державами являются ключом, с окружающими странами — приоритетом, с развивающимися странами — основой, а многосторонние институты — трибуной»³².

Но все-таки видение Пекином роли больших держав меняется. Авторы официальной «Белой книги по национальной обороне КНР» утверждают: «Международная конкуренция в военной сфере продолжает нарастать»³³. Китайские исследователи выражаются откровеннее: «...в стратегических отношениях между великими державами, возможно, произойдет переход от уменьшения конфликтности на фоне сотрудничества к обострению конкуренции под видом сотрудничества... Термин “стратегическое партнерство” станет деликатным способом описания отношений “ни друг, ни враг”. Любое государство, не являющееся полномасштабным противником, можно будет назвать стратегическим партнером»³⁴. Очевидно, что это словосочетание утрачивает характер «позитивного знака», которым оно обладало около 15 лет. У лидеров КНР наблюдается «синдром усталости от стратегических партнерств».

Как и Россию (и, вероятно, по сходным причинам), кризис 2008–2010 гг. поразил КНР слабее, чем наиболее развитые страны мира. Как и России, он придал Китаю немного больше уверенности в устойчивости своего развития и позволил настойчивее заявить о себе на международных форумах, посвященных борьбе с кризисом³⁵.

Это важно

Проявлением «новой уверенности» стало обогащение внешнеполитического словаря Пекина понятием «дипломатия красных линий» (*хунсянь вайцзяо*). Это означает, что Китай наметил несколько проблем, по которым он намерен занимать предельно жесткую позицию³⁶.

Китай движется по пути превращения в одну из ключевых мировых держав медленно и осмотрительно. В недавнем прошлом главный поборник интересов третьего мира, он сегодня начинает все чаще с ним конкурировать, рассматривая развивающиеся государства уже не столько как партнеров, сколько как объекты своей внешней политики: «Быстрое развитие Китая, с одной стороны, ослабило естественную основу согласия сотрудничать, достигнутого им и другими развивающимися странами, с другой стороны, оно также дало развивающимся странам возможность и предлог посеять раздор в стане развивающихся государств и развезть их силы» — косвенно подтверждают такой вывод известные китайские исследователи³⁷. Окружающий мир сложен и не во всем благоприятен для повышения международной роли КНР. Например, ведущие державы пристально наблюдают за космической программой Китая³⁸ и недовольны его активностью на мировых рынках вооружений. В последние годы Пекин проявляет удивительный интерес к освоению географически столь далекой от него Арктики³⁹.

КНР стремится к модернизации своего ядерного потенциала, увеличению производства ядерного оружия, но не проявляет склонности присоединиться к российско-американским усилиям в сфере ограничения вооружений. В вопросах нераспространения ядерного оружия КНР тоже держится особняком от России и США, подчеркивая, что «МАГАТЭ, а не отдельное государство или группа западных стран должно играть руководящую роль в вопросах ядерной безопасности»⁴⁰.

В Китае осознают трудности, сопряженные с его превращением в державу с глобальными интересами. В преддверии прихода к власти нового поколения руководителей в КНР была проведена обширная работа по сведению в единую платформу многочисленных высказываний по международным вопросам и вопросам развития китайской дипломатии, содержавшихся в речах и выступлениях Ху Цзиньтао, с целью обобщения его идейно-теоретического наследия⁴¹. В разное время китайский лидер сформулировал пять ключевых положений, касающихся внешней политики: это «теории» «глубинных изменений в международной ситуации», «гармоничного мира», «совместного развития», «совместной ответственности» и «активного участия в международных делах». Даже при беглом обзоре видно, что определенную целостность

они образуют. Можно с высокой долей достоверности указать на две новые черты, которые проявляются в идейно-философской платформе внешней политики китайского руководства.

Во-первых, *Китай неуклонно преодолевает внешнеполитическое сознание развивающейся страны и соответствующее восприятие мировой политики*. Не только географически, но и политически, экономически и идейно китайская дипломатия становится дипломатией страны с глобальными интересами, хотя еще и не вполне глобальными устремлениями. В повестке дня внешней политики КНР — борьба с мировым финансовым кризисом, противодействие терроризму, решение всемирных экологических проблем, энергетическая безопасность, борьба с эпидемиями и даже пиратством. Возросшая уверенность Китая проявляется также в постепенном отказе его руководства от ментальности «осажденной крепости», когда любые действия западных государств воспринимались в Пекине как заговор с целью ослабления КНР. Весьма хладнокровно воспринимается факт «возвращения» США в Азию. Признавая, что «в процессе наращивания оборонного потенциала КНР ее соседи и Соединенные Штаты не только выражают сомнение в миролюбивых намерениях Китая, но и расширяют направленные против него оборонительные меры и вдобавок к этому координируют свои стратегии на китайском направлении»⁴², ведущие китайские эксперты-международники стремятся опровергнуть распространенное в кругах «ястребов» и прессе мнение, что ключевая цель «возвращения США в Азию» — сдерживание Китая, а сами Соединенные Штаты проводят всестороннюю подготовку к прямому военному конфликту с Пекином. Отмечается, что возвращение США в Восточную Азию, «по сути, является защитой нападением, это реакция США на стратегические процессы возвышения Китая и превращения Азии в мировой геополитический центр», поэтому не следует сводить стратегию США к попыткам ограничить развитие Китая⁴³.

Во-вторых, просматривается осторожное *стремление нового поколения китайских руководителей постепенно преодолеть в международной политике КНР жесткость так называемых максим Дэн Сяопина*. Известно, что патриарх китайских реформ в свое время сформулировал семь принципов, от которых он призывал никогда не отходить. Этими принципами были: «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад»⁴⁴. Установки вождя в целом ориентировали КНР на проведение «незаметной дипломатии».

Китай должен был мало говорить и много делать, не вступать в споры, а развивать экономику, не претендовать на формальный статус лидера, а наращивать реальное международное влияние.

Но в современных текстах китайского руководства акценты звучат несколько иначе. В них говорится о том, что в долгосрочной перспективе следует *придерживаться* принципа «скрывать свои возможности, выигрывая время». Но делать конкретные дела надо *«активно и инициативно»*⁴⁵. Вполне очевидно, что вести инициативную международную политику — это далеко не то же самое, что «не привлекать к себе внимание». В Китае понимают, как развивать положения классиков, прямо их не опровергая.

* * *

Вряд ли есть основания ожидать революционного поворота в китайской внешней политике, как о том иногда пишут американские коллеги-алармисты. Особенностью политического процесса в Китае остается принципиальный отказ от резких шагов. Внешняя политика КНР становится более активной, оставаясь невызывающей. «Международную ответственность» трактуют в Пекине гибко и прагматично. О ней в Китае говорят громче, когда в случае принятия ее на себя не будет риска ущемить китайские интересы. В иных ситуациях ответственность предпочитают не упоминать.

Но международная ответственность для КНР не означает, что во внешнеполитические приоритеты Пекина входит выражение при всяком возможном случае солидарности с «авангардом» международного сообщества. В таких вопросах Китай избирателен, разборчив и при необходимости разумно эгоистичен. Поэтому Пекин не стесняется заявлять о своем особом мнении по иранскому, северокорейскому или суданскому сюжетам — и открыто осудил вмешательства во внутренние дела Ливии и Сирии. Видимо, в русле этой же прагматичной логики Китай решительно избегает любых форм союзнических отношений с любыми иностранными государствами.

КНР держит курс на расширение участия в глобальных делах. Но это расширение избирательно, подконтрольно руководителям и, вероятно, еще обратимо. Обладая глобальным спектром внешнеполитических интересов, но ограниченными внешнеполитическими ресурсами, страна концентрирует силы лишь на приоритетных направлениях мировой политики.

Ключевые слова

Внешиполитическая стратегия КНР, безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, экономическая дипломатия КНР.

Контрольные вопросы

1. Как меняющаяся международная среда влияла на эволюцию внешнеполитической доктрины КНР в последние десятилетия?
2. Каким видится китайским экспертам и политическому руководству страны современный мировой порядок?
3. Как мировой финансово-экономический кризис отразился на внешнеполитических позициях КНР?
4. Как складываются отношения Китая с другими великими державами?
5. Почему политика КНР вызывает растущее беспокойство других стран?
6. В чем заключается преемственность китайской внешней политики?

Примечания

¹ Одним из первых на цикличность «выбросов» теоретических построений в Китае указал В. А. Корсун (см.: *Корсун В. А.* Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО, 2002. С. 4).

² *Goldstein A.* The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*. December 2001. Vol. 168. P. 836. Суйн и Теллис называют эту стратегию Китая «расчетливой» (*calculative*). См.: *Swaine M. D., Tellis A. J.* Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present and Future. Santa Monica, CA, RAND, 2000. P. xi.

³ Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (*на рус. яз.*). Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2002. С. 23.

⁴ Подробнее см.: *Мамонов М.* «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // *Международные процессы*. 2007. Сентябрь—декабрь. Т. 5. № 3 (15).

⁵ Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (полный текст). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511579.htm.

⁶ Там же. Теория «гармоничного мира» проходила апробацию с апреля 2005 г., когда она была впервые оглашена. Поворотным моментом стала презентация теории международному сообществу на саммите ООН, посвященном 60-летию этой организации.

⁷ *Gil B. L., Blumenthal D., Swaine M., Mathews J. T.* China as a Responsible Stakeholder. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.carnegieendowment.org/events/?fa=eventDetail&id=998>.

⁸ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/15/rezervy.html>.

⁹ См., например, итоговые материалы семинара Центра стратегических исследований Фонда исследования международных вопросов Китая. Выводы о международной ситуации в 2009 г. и перспективах ее развития. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zgjfh.org/news-100208.html>.

¹⁰ *Янь Сюэтун.* Шицзе гэцзю цзосян цзи чжунгоди цзиюй. [Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая] // *Дандай ятай [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]*. 2008. № 5. Более того, Янь Сюэтун полагает, что происходящие в мире изменения столь значительны, что

по аналогии с событиями 11 сентября 2001 г. мировую архитектуру можно назвать «архитектоникой 8 августа» (*баба гэцзю*). См.: Шицзе гэцзю цзосян цзи чжунгоди цзюйю. Анализ последствий этого конфликта приводится в: *Цин-лун У. Эгэ чунту цзи дуй мэй-э гуаньси цзосян юй гоцзи чжанью гэцзюди инсян* [Российско-грузинский конфликт и его влияние на развитие российско-американских отношений и международную стратегическую архитектуру] // Гоцзи чжанлю цзунхэн [Международный стратегический обзор] / Чэнь Пэй-сяо, Ся Липин (ред.). Пекин: Шиши чубаньшэ, 2009. С. 204–210.

¹¹ 2008 Чжунго гофан байпишу [Белая книга по национальной обороне Китая. 2008]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mil.news.sina.com.cn/2009-01-20/1059539494.html>; см. также: *Цай То. Цюаньцюхуа гайнянь дуй Чжунго дуйвай чжаньюди инсян — дуй гайгэ кайфанди линь ичжун шэньши* [Влияние концепции глобализации на внешнеполитическую стратегию Китая — другой взгляд на политику реформ и открытости] // Цюаньцю дабяньгэ юй Чжунго дуйвай дачжанью [Глобальные перемены и внешнеполитическая стратегия Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2009. С. 3–16.

¹² *Foster P. G20: China Faces Calls to Play a Greater Role in Global Recovery* // Telegraph. 17.03.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/financetopics/g20-summit/5005946/G20-China-faces-calls-to-play-a-greater-role-in-global-recovery.html>.

¹³ Необходимость нового прочтения максим Дэн Сяопина в Пекине признали еще в 2004 г. См.: *Ваншань Юйшэн. Чжунго «таогуан янхуэй» чжаньюди цзай сыкао* [Переосмысляя стратегию «сокрытия своих возможностей»] // Ху-анью. 8.07.2004.

¹⁴ Ху Цзиньтао G 20 фэнхуэй фабяо цзянхуа: сешоу хэцзо, тунчжоу гунци [Выступление Ху Цзиньтао на саммите «группы двадцати»: сплотиться для сотрудничества, единство судьбы диктует необходимость совместных действий] // Чжунго синьвэнь ван [Новостная сеть Китая]. 03.04.2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.chinanews.com.cn/gn/news/2009/04-03/1630688.shtml>; также *Si Tingting. China urges voices for developing nations* // China Daily. 24.07.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/24/content_8466358.htm.

¹⁵ Данный термин неоднократно использовал в выступлениях и статьях вице-президент Международной торговой палаты Китая Чэнь Юань — см.: *Чэнь Юань. Синь гоцзи цзиньжун гэцзю чжунди Чжунго цзюэсы* [Роль Китая в новой мировой финансовой архитектуре] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://finance.jtj.com.cn/2008/12/1213043050899.shtml>.

¹⁶ *Gamham P. China Plans Global Role for Renminbi* // Financial Times. 14.07.2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/0/e161ea5c-70a2-11de-9717-00144feabdc0.html>.

¹⁷ Три крупнейшие нефтяные монополии КНР — *Petrochina, Sinopec* и *CNOOC* — в первой половине 2009 г. были вовлечены в сделки, связанные со слиянием и поглощением за рубежом, на общую сумму 12 млрд долл. — на 80% больше аналогичного показателя 2008 г. В июне 2009 г. *Petrochina* приобрела

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

канадскую нефтяную компанию *Addax*, владевшую нефтедобывающими предприятиями в Западной Африке и на Ближнем Востоке.

Менее удачной оказалась вылившаяся в скандал попытка китайской государственной компании *Aluminum Corp of China's (Chinaico)* выкупить часть британско-австралийской ресурсодобывающей корпорации *Rio Tinto*, третьей по величине компании такого рода в мире. В случае совершения этой сделки Пекин мог получить доступ к разработке огромных запасов железной и медной руды в Австралии. Проект не состоялся, однако заинтересованность в нем Пекина наглядно демонстрирует его возросшие экономические аппетиты.

¹⁸ *Alden C., Rothnjan A.* China and Africa: Special Report, CLSA Asia-Pacific Markets, September 2008. P. 4.

¹⁹ US Energy Information Administration. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=CH>.

²⁰ Чжунго шию гуньин мяньлинь насе яли [Где Китай сталкивается с трудностями в вопросах поставки нефти] // Хуагун бао [Вестник химической промышленности]. 09.02.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cheminfo.gov.cn/ZXZX/page_info.aspx?id=259973&Tname=hgyw&c=13; см. также: *Е Цзычэнь*. Чжунго хэпин фачжаньди гоци хуаньцин фэньси [Анализ международной среды мирного развития Китая]. Пекин: Цзинци кэсюэ чубаньшэ, 2009. С. 100–101.

²¹ Изучение связей Пекина с государствами Юга становится отдельной субдисциплиной китаеведения. См.: *Alden C.* China in Africa. L., UK: Zed Books, 2007. Обзор отношений КНР со всеми развивающимися странами см.: Чжунго вайцзяо: 2009 няньбань [Китайская дипломатия: выпуск 2009 г.]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2009.

²² *Erikson D. P.* China in the Carribean: The New Big Brother // China Brief. 16.12.2009. Vol. IX. Issue 25. P. 4.

²³ *Богатуров А. Д.* Новая структура геопро пространственных отношений в Центральной Евразии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 70–72; Интересный анализ финансовой ситуации в Центральной Азии проделан исследователями Китайского института международных отношений. См.: *Ли Цыго*. Гоци цзиньжун вэйци дуй Чжунья дицьюйди инсян [Влияние международного финансового кризиса на Центральную Азию]. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ciis.org.cn/indexnews.asp?NewsID=20090223101120566&d=4&classname=%C9%EE%B6%C8%B7%D6%CE%F6&classid=9>.

²⁴ Это признают в Пекине. См.: *Чжэн Юй* (ред.). Чжун Э Мей цзай Чжунья: хэцзо юй цзинчжен (1991–2007) [Китай, Россия, США в Центральной Азии (1991–2007)]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэнсяоань чубаньшэ, 2007. С. 291–342; *Чжао Хуаиэн* (ред.). Чжунгоди Чжунья вайцзяо [Внешняя политика Китая в Центральной Азии]. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2008. С. 268–323.

²⁵ *Winning D., Oster S., Wilson A.* China, Russia Strike \$25 Billion Oil Pact // The Wall Street Journal. 18.02.2009. URL: <http://online.wsj.com/article/SB123488153527399773.html>.

²⁶ *Craig S. L.* Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats // Strategic Studies Institute. March 2007. P. 121.

²⁷ China News Service. High Echelons of the Chinese Military Say the Country Cannot Do Without Aircraft Carriers // Chinanews.com. 2009. March 23. URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/news/2009/03-23/1613085.shtml>.

²⁸ China's First Aircraft Carrier Commissioned // Xinhua. 25.09.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-09/25/c_131871538.htm.

²⁹ Хуан Куньлунь. Чжунго цзюньдуй бисюй чаоюэ линту кунцзянь вэйху гоцзя аньцюань [Китайская армия должна выйти за пределы национальной территории для обеспечения национальной безопасности] // Цзефанцзюнь бао. 01.04.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hlkml.com/news/milcn/200901/20090104093409.html>.

³⁰ Ян Сюэту. Чжунго цзюэци ци мяньлиньди гоцзи тиси яли [Давление международной среды, с которым сталкивается Китай с начала своего возвышения] // Саньянь шэнхо чжоукань. 2012. № 48.

³¹ *Gill B. and Huang Chin-hao.* China's Expanding Presence in UN Peacekeeping Operations and Implications for the United States // Roy Kamphausen, David Lai, and Andrew Scobell (eds.). PLA Missions Other Than Taiwan. Carlisle, Pa.: US Army War College, 2009. P. 99–126.

³² Цзинь Жэньцин. Мо хули гунбинб цзянь хэсе шицзе [Стремиться к взаимной выгоде и взаимному выигрышу, строить гармоничный мир]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/5287651.html>.

³³ 2008 нянь Чжунго гофан байпишу [Белая книга по национальной обороне КНР в 2008 г.]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mil.news.sina.com.cn/2009-01-20/1101539495.html>.

³⁴ Ян Сюэту. Шицзе гэцзю цзюсян цзи чжунгоди цзиюй [Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая] // Дандай ятай [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]. 2008. № 5.

³⁵ См.: Жэнь Чжунпин. Инчжань гоцзи цзиньжун вэйцзиди «Чжунго дацзюань» [Дать бой мировому финансовому кризису — «ответ Китая»] // Жэньминь ван. 05.01.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opinion.people.com.cn/GB/10703781.html>. China Unveils Massive Stimulus Plan Amid Global Crisis; Premier Calls For Confidence // Xinhua net. 06.03.2009. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-03/06/content_10952638.htm; Ministry of the Foreign Affairs of the PRC, Premier Wen Jiabao's Interview with the Financial Times. 02.02.2009. URL: <http://www.mfa.gov.cn/eng/zxxx/t535971.htm>.

³⁶ К их числу относятся, например, вопросы о далай-ламе и контрабанде наркотиков. Пекин приостановил (хотя и на краткий период) развитие отношений с Парижем после встречи президента Франции Н. Саркози с далай-ламой в декабре 2008 г. Также КНР решила ввести санкции против крупных американских компаний в ответ на решение Вашингтона о крупномасштабных поставках оружия Тайваню в январе 2010 г.

В апреле 2010 г. в Китае за контрабанду наркотиков, несмотря на резкие протесты японской общественности, были казнены четверо граждан Японии. В декабре 2009 г. по такому же обвинению в Китае был осужден и расстрелян

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

гражданин Великобритании, который стал первым иностранцем, в отношении которого за последние 50 лет была применена смертная казнь. Очевидно, в дальнейшем Китай будет все менее склонен ставить иностранцев, будь то отдельные граждане или компании, в привилегированное положение.

³⁷ *Е Цзычэн, Ду Пэн.* Шицзе синши да тяочжэн да бьяньгэ чжунди Чжунго вайцзяо [Китайская дипломатия в условиях глобальных перемен и трансформаций международной обстановки] // Гоцзи чжаньван [Взгляд на мир]. 2012. № 3.

³⁸ *Tkacik J. J., Jr.* China Space Program Shoots for Moon // The Washington Times. 08.01.2010. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2010/jan/08/china-eyes-high-ground/>; *Brown P. J.* China's Space Program Poised to Surge // Asia Times online. 06.01.2010. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/LA06Ad02.html>.

³⁹ См.: *Spears K. J.* China and the Arctic: The Awakening Snow Dragon // China Brief. 19.03.2009. Vol. IX. Issue 6.

⁴⁰ Чжуаньця: Ху Цзиньтао хэфэнхуэй цзянхуа чуаньди сыдянь чжуняо сяоси [Мнение специалистов: Ху Цзиньтао, выступая на ядерном саммите, озвучил четыре важные новости] // Чжунго синьвэнь ван. 04.14.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chinanews.com.cn/gn/news/2010/04-14/2225264.shtml>.

⁴¹ «Ляо Ван» цафвэнь чаньшу Ху Цзиньтао шидайгуаньди вуда Чжунго чжучжан [«Ляован» собрал материалы для изложения пяти инициатив Китая, содержащихся во взглядах Ху Цзиньтао на современную эпоху] // Ляован. 24.11.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2009-11/24/content_12530093.htm.

⁴² *Ван Цзиси.* Чжунго ди гоцзи хуаньцзин вэйхэ цю юй яньсу [Почему международная среда стала для Китая более суровой] // Хуаньцю шибао. 13.06.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.sina.com.cn/pl/2012-06-13/07162458_3486.shtml.

⁴³ *Линь Лиминь.* И гун вэй шоу: Мэйго «чжаньлюэ дунь» ди чжаньлюэ бэньчжи пинси [Защита нападением: анализ сущности «стратегического возвращения в Азию» Соединенных Штатов Америки] // Дандай шицзе [Современный мир]. 2012. № 9.

⁴⁴ *Дэн Сяопин.* Шань юй лиуон шицзи цзецзю фачжань вэньти [Совершенствоваться в использовании момента для разрешения вопросов развития]: Дэн Сяопин вэньсюань [Избранные труды Дэн Сяопина]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. Т. 3. С. 363.

⁴⁵ *Сяо Фэн.* Цэнмэян лицзе Дэн Сяопин тунчжиди «таогуан янхуэй» сысян [Как понимать сформулированную товарищем Дэн Сяопином идеологию «скрывать свои возможности, выигрывая время»] // Бэйцзин жыбао. 06.04.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjdt/zdggz/201004/t20100406_45802_1.html.

20

СЦЕНАРИИ ЭВОЛЮЦИИ МЕЖАМЕРИКАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Вашингтон уходит из Латинской Америки

В 1990-х годах межамериканская подсистема современного миропорядка, образовавшаяся после Второй мировой войны, обрела «новое дыхание». В тот момент казалось, что ключевой идеей ее возрождения и трансформации станет суперпроект Общеамериканской зоны свободной торговли (АЛКА). Добиваясь осуществления этой идеи, администрация Дж. Буша-младшего нередко прибегала к политике «*hard power*», что часто имело эффект бумеранга. К намеченному сроку — 2005 г. — проект, по сути, так и не состоялся.

Не особенно удачной была в эти годы судьба еще одного важного начинания — «системы безопасности демократии», создание которой было провозглашено к концу XX в. в рамках Организации американских государств (ОАГ), когда в 2001 г. была подписана Демократическая хартия. Заверения латиноамериканских стран в приверженности ее идеалам не помешали военному перевороту в небольшом центральноамериканском государстве Гондурас в июне 2009 г., осуществленному в «лучших» латиноамериканских традициях середины прошлого века. Несмотря на посреднические усилия группы латиноамериканских лидеров во главе с генеральным секретарем ОАГ М. Инсульсой по восстановлению конституционного строя в этой стране, межамериканское сообщество, по существу, так ничего и не добилося.

⇒ К началу второго десятилетия нового века на Капитолийском холме вновь, как это было в 70-х годах прошлого века, рядом конгрессменов был поставлен вопрос о том, нужна ли Соединенным Штатам ОАГ как таковая, в которой «правят левые режимы». Было и предложение вдвое сократить финансирование этой организации, на которую ежегодно США тратят в среднем около 40 млн долл.

В 2005 г. с новой крупной международной инициативой выступила Бразилия. Президент этой страны И. Лула да Силва выдвинул проект формирования в Южной Америке автономного центра мировой поли-

тики — Союза южноамериканских государств (УНАСУР). В его рамках было предусмотрено создание собственного Совета обороны. Это в еще большей степени поставило под вопрос будущее ОАГ. Существующий в ее рамках Межамериканский совет обороны более чем за полвека так и не превратился, по существу, в дееспособный орган.

Тенденция к формированию общеконтинентальных структур без участия США и Канады получила дальнейшее развитие на саммите лидеров Латинской Америки и Карибского бассейна в Канкуне (Мексика, февраль 2010 г.). На форуме было принято решение о создании единой интеграционной группировки — Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК). В 2012 г. на саммите в Каракасе (Венесуэла) было заключено соглашение об официальном создании нового объединения.

К оценке перспектив новой группировки и превращения ее в полноценную международную организацию следует подходить осторожно. Необходимо учитывать громадную разницу в уровнях развития входящих в нее государств и наличие конфликтов между странами-членами, в том числе территориальных.

Нельзя исключать и иной подтекст этой новой геополитической «мозаики». Хотя Вашингтон и не участвовал в создании СЕЛАК, он мог быть в известном смысле в этом заинтересован.

⇒ Тенденция разделения Западного полушария на два полюса — Север и Юг — в начале XXI в. просматривалась достаточно отчетливо, и этому США мало что способны были противопоставить. Не исключено, что данные проекты, и особенно СЕЛАК, как раз и были направлены на противодействие этой тенденции, а активность Мексики, учитывая союзнические отношения с Соединенными Штатами, в этом случае выглядела отнюдь не случайной.

Новой инициативой Мексики стало провозглашенное в 2012 г. образование Тихоокеанского альянса четырех примыкающих к АТР государств — Мексики, Колумбии, Перу и Чили. Объединение четырех крупнейших тихоокеанских стран (с возможным присоединением государств Центральной Америки) — безусловно, значимое явление в случае, если речь пойдет о реальных интеграционных проектах и совместных действиях на азиатско-тихоокеанском направлении. Во всяком случае альянс обладает существенным демографическим и экономическим потенциалом, являясь в совокупности девятой экономикой мира, объединяя 206 млн потребителей и обладая ВВП в 1,7 млрд долларов. Это 36% ВВП всей Латинской Америки, в то время как экспорт

группировки составляет 55% общерегионального, почти вдвое превосходя МЕРКОСУР¹ — самое развитое до сих пор интеграционное объединение в Латинском регионе².

Как представляется, сильный импульс этой инициативе дало заявление Б. Обамы в конце 2011 г. о том, что в целом внешняя политика США в ближайшие десятилетия должна быть смещена в АТР в направлении создания проекта Транстихоокеанского партнерства, тем более что каждая из четырех указанных латиноамериканских стран уже имеет соглашения о свободной торговле с Вашингтоном. С геополитической точки зрения это может создать тенденцию к своеобразному делению Латинской Америки на Тихоокеанский и Атлантический субрегионы, и, по мнению испанского эксперта К. Маламуда, альянс может выглядеть более гибким и менее бюрократизированным, чем ранее созданные МЕРКОСУР и Андское сообщество наций (АСН), а также недавно образованные УНАСУР и СЕЛАК, которые неизбежно столкнутся с противоречиями при формировании единой политической линии³.

«Левый дрейф» в Латинской Америке и его геополитические последствия

Одним из наиболее заметных явлений первого десятилетия XXI в. стал так называемый левый дрейф в Латинском регионе, когда в считанные годы в целой группе стран к власти, причем легитимным путем, пришли левонационалистически ориентированные лидеры. Соединенные Штаты не в силах были что-то противопоставить этому явлению. Во-первых, потому, что не знали как, а во-вторых, просто не в состоянии были одновременно реагировать сразу на несколько «горячих точек», возникших в зоне традиционного американского влияния.

Однако «левый поворот» имел весьма неоднозначный эффект. Он спровоцировал очевидное размежевание между режимами, объединяемыми, на наш взгляд, не самым удачным и, главное, научно не обоснованным понятием «левые». При этом среди «левого блока» обозначились две группировки: леворадикальная во главе с Венесуэлой и Кубой и социал-демократически ориентированная, возглавляемая Бразилией, Аргентиной и Чили. В первые годы после прихода «левых» перспектива для них выглядела оптимистично, порождая надежды на то, что «латиноамериканское единство», о котором столько говорили на протяжении почти двух столетий, наконец реализуется на практике. Но вскоре на деле это привело к появлению новых разделительных линий в регионе, что существенно осложнило общую международно-политическую картину.

⇒ Стали заметнее кризисные явления в существовавших интеграционных группировках латиноамериканских стран и в возникавших новых. Ведущую роль в этих процессах сыграл леворадикальный режим У. Чавеса в Венесуэле. Официально «подняв знамя» С. Боливара, ратуя за воплощение в жизнь идеи единства стран региона, венесуэльский президент начал активную перекройку интеграционных схем, по сути разрушая некоторые из существовавших прежде.

Венесуэла в 2003 г. заявила о выходе из «группы трех» (Мексика, Колумбия и Венесуэла). В 2005 г. правительство У. Чавеса официально заявило о выходе из АСН (Колумбия, Эквадор, Боливия и Венесуэла), мотивируя это тем, что обе группировки основаны на неолиберальных рыночных принципах, в то время как Венесуэла встала на путь построения «социализма XXI века».

В декабре 2004 г. Венесуэла совместно с Кубой провозгласила создание принципиально нового интеграционного объединения — Боливарианская инициатива для народов Америки (АЛБА)⁴ как альтернатива Общеамериканской зоне свободной торговли (АЛКА), переговоры по которой в тот момент как раз вступали в завершающую стадию. Первоначально объявленные цели нового объединения выглядели расплывчато. Провозглашались некапиталистические принципы отношений, основанные на экономической взаимодополняемости и взаимной солидарности.

Своеобразным экономическим фундаментом новой группировки стали венесуэльские нефtedоллары. Режим У. Чавеса снабжал нефтью своих союзников по льготным ценам и оказывал им иную финансовую помощь. К началу 2010-х годов, по оценкам экспертов, Венесуэла потратила в общей сложности более 200 млрд долл. на инвестиции, субсидии и дотации, предоставленные 14 государствам. При этом, согласно данным расположенного в Каракасе Центра экономических исследований, на субсидии по нефтепоставкам только Кубе режим У. Чавеса потратил почти 25 млрд долл., ежедневно отгружая Гаване около 100 тыс. баррелей.

В начале 2010-х годов Венесуэлой была создана организация «Петрокарибе», призванная обеспечивать нефтью на льготных условиях малые карибские государства и превратить Карибский бассейн в зону геополитического влияния этой страны, к чему Венесуэла стремилась на протяжении второй половины XX в.

Однако не все планы У. Чавеса по расширению влияния в регионе оказались реализованными. Несмотря на принятое еще в 2006 г.

решение присоединиться к самой мощной интеграционной группировке Латинской Америки — Общему рынку стран Южного Конуса (МЕРКОСУР), оно формально реализовалось лишь в 2012 году. Этому в известном смысле «помог» конституционный кризис в Парагвае, в результате которого был смещен законно избранный президент Луго. МЕРКОСУР приостановил членство Парагвая в этой организации, что позволило Венесуэле вступить в качестве полноправного члена. Напомним, что именно конгресс Парагвая выступал категорически против присоединения Венесуэлы, обвиняя режим У. Чавеса во вмешательстве в выборные процессы в регионе.

В поисках новой стратегии

Ситуация для Вашингтона могла бы быть значительно хуже, если бы Латинская Америка выступала «единым фронтом». Но в новой ситуации появлялась возможность «точечными ударами» раскалывать до конца не сформировавшийся «единый фронт» и гасить напряженность в отношениях с отдельными странами.

Это проявилось уже в ходе первой предвыборной кампании Б. Обамы и его будущей команды. Обслуживавшие ее «мозговые центры», в том числе такие консервативные, как Институт Брукинса, настойчиво рекомендовали новому президенту в первую очередь снять остроту в отношениях с леворадикальными режимами, принять ряд мер по смягчению политики эмбарго в отношении Кубы.

Администрация Б. Обамы предприняла немалые усилия, чтобы выправить ситуацию. На саммите президентов Америк в Тринидаде и Тобаго в апреле 2009 г. президент США заявил о недопустимости политики односторонних действий, практиковавшейся предшествующей республиканской администрацией, а также о готовности искать пути нормализации связей с левонационалистическими режимами, с которыми у США отношения «не складывались».

Попытка адаптации к сложившимся условиям и отход от жесткой линии на латиноамериканском направлении косвенно выявились в завершившемся к середине 2010 г. процессе смены послов США в странах Андского субрегиона, уже получившего устойчивое название «андская дуга нестабильности». Как справедливо отметил один из наиболее авторитетных экспертов США по Латинской Америке Б. Бэгли (Университет Майами), Вашингтон решил отойти от практики наделения послов неформальными функциями «проконсулов». Те нередко напрямую вмешивались во внутренние процессы в Боливии, Венесуэле, Колумбии и Перу, открыто их комментируя. Вместо

них были назначены функционеры с «менее креативным» почерком работы, которые должны были строго выполнять указания Государственного департамента без «самостоятельности», проявляемой их предшественниками, что часто осложняло отношения с латиноамериканскими партнерами.

Несмотря на попытки «оживить» латиноамериканское направление (госсекретарь Х. Клинтон совершила несколько турне по странам региона), оно распалось на отдельные довольно разнородные сложные блоки двусторонних отношений.

Начать следует с **Кубы**, так как именно на этом направлении администрация демократов ввела ряд существенных новшеств. Б. Обама выполнил практически все свои предвыборные обещания и начал диалог на высоком уровне по вопросам миграции, возобновления почтовой связи, снятия ограничений на поездки на Кубу кубиноамериканцев, а также на перевод ими денежных средств родственникам в этой стране.

Однако сторонники либерализации отношений с Кубой, и в первую очередь фермерское лобби в конгрессе, уже подготовившее законопроект, запрещающий президенту наказывать американских граждан за поездку на Кубу и облегчающий торговлю с этой страной, неожиданно получили «удар в спину». В конце февраля 2010 г. после двухмесячной голодовки скончался один из кубинских заключенных. Это вызвало острую антикубинскую полемику в США и реакцию американских властей, обвинивших в случившемся Гавану. Последовали непривычно жесткие заявления Б. Обамы. Законопроект был отложен. Более того, в апреле 2010 г. Б. Обама распорядился разморозить замороженные в декабре 2009 г. 46 млн долл. на поддержку кубинских диссидентов, что привело к очередному обострению отношений с Кубой.

Определенное смягчение отношений между Кубой и США началось с июля 2010 г., после того как в результате посреднических усилий Ватикана, кубинского кардинала Х. Ортеги и министра иностранных дел Испании М. Моратиноса кубинские власти начали процесс депортации из страны политических заключенных, подавляющее большинство которых было арестовано в марте 2003 года. Однако подобная «мини-разрядка», как это бывало в прошлом, могла оказаться временной, тем более что возобновившиеся публичные появления Ф. Кастро, противника нормализации отношений с Вашингтоном, были направлены главным образом на то, чтобы продемонстрировать, кто на самом деле принимает решения на Кубе.

Прогноз дальнейшего развития ситуации в этих по-своему уникальных двусторонних отношениях осложнен невозможностью получить достоверную информацию о борьбе, несомненно идущей в высших эшелонах власти Кубы.

Главной проблемой для Б. Обамы было положение в соседней **Мексике**, которое потенциально сложнее ситуаций и в Ираке, и в Афганистане. Появились признаки «колумбизации» этой страны, что вскоре может превратиться в угрозу национальной безопасности США, сковывающую активность Вашингтона на других региональных направлениях.

В северных районах этой страны по нарастающей шла настоящая война между наркокартелями и введенными туда воинскими подразделениями, унесшая с 2006 по 2013 г. жизнь почти 70 тыс. человек, в том числе более 80 американских граждан.

Очевидна неспособность мексиканских властей сдерживать волну беспрецедентного роста преступности, могущей в перспективе перекинуться на пограничные штаты США. Экстремистские предложения «о минировании границы с Мексикой», нередко звучавшие в конгрессе, лишь «подливали масла в огонь», обостряя и без того сложные двусторонние отношения.

Б. Обама первым из американских президентов признал ответственность США за происходящее в соседней стране, так как наркокартели вооружаются главным образом за счет контрабанды оружия из американских штатов. Администрация демократов приняла решение продолжить финансирование «плана Мерида», по которому Вашингтон с 2007 г. ежегодно выделяет Мексике сотни миллионов долларов на реорганизацию сил безопасности.

Однако высокий уровень коррупции в руководстве антинаркотического ведомства этой страны, а также в армейской верхушке резко снижает эффективность предпринимаемых мер. Гипотетически это может привести к прямому вмешательству Вашингтона в конфликт. Принятое Б. Обамой решение о размещении на границе с Мексикой 1200 национальных гвардейцев подкрепляет реалистичность такого сценария.

Подтверждением своеобразного признания Соединенными Штатами растущего ограничения собственных возможностей в Латинской Америке стал интенсивный поиск стратегического партнерства с **Бразилией**, в основе которого лежало стремление переложить на очевидного лидера региона ответственность за стабильность ситуации и управляемость. Эта тенденция обозначилась еще в последние годы республиканской администрации, когда США предложили Бразилии совместно возглавить общерегиональный энергетический проект по

производству биотоплива — этанола, причем с использованием именно бразильских технологий.

Впрочем, говорить о формировании геополитической оси «Вашингтон—Бразилия» преждевременно. В просматривавшейся в американо-бразильских отношениях формуле «сотрудничество — соперничество» последняя ее составляющая опережала первую.

Это выразилось не только в противоречиях, возникших по конкретным вопросам (война в Ираке, переворот в Гондурасе, иранская ядерная программа, отношения с Кубой), но и в том, что именно Бразилия, по существу, поставила под вопрос необходимость существования самой межамериканской системы, инициировав создание УНАСУР.

Не в интересах взаимодействия с США могут сыграть и настроения Бразилии в пользу наращивания своего международного влияния, ее стремление в предстоящие десятилетия превратиться в великую державу. В своих внешнеполитических интересах эта страна вышла за региональные рамки. Об этом свидетельствуют не только открытое столкновение с США по Ирану в ООН, активность в рамках группы БРИКС, стремление освоить лидерство в южной части Атлантического океана путем наращивания военно-морской мощи, но и высказывания лидеров страны о заинтересованности во вхождении в «ядерный клуб».

Это важно

В целом Бразилия успешно осваивает роль второго центра силы Западного полушария, а само его геоэкономическое пространство делится на две части. Центральная Америка и Карибский бассейн вслед за Мексикой (через механизм Североамериканской зоны свободной торговли — НАФТА) все глубже втягиваются в американскую «экономическую воронку». Государства, сгруппировавшиеся вокруг Бразилии в рамках УНАСУР, наоборот, стремятся не только укреплять связи между собой, но и создавать внерегиональные механизмы сотрудничества.

Тенденция к формированию в Западном полушарии двух центров силы и к их размежеванию в ближайшие два десятилетия будет укрепляться. Этому в немалой степени способствует рельефное присутствие в Латинской Америке как традиционных внерегиональных партнеров (ЕС, Япония), так и относительно новых участников — в первую очередь КНР, а также России, Ирана, Индии, ЮАР, в меньшей степени стран АСЕАН⁵.

Новые игроки на латиноамериканском поле

Особого внимания заслуживает активное наступление *Китая*. КНР, которая еще несколько лет назад демонстративно стремилась

проводить в Латиноамериканском регионе политику «низкого профиля», в последние годы не скрывает своих экономических и политических планов. При этом ставка делается на ресурсообеспеченные страны — Бразилию, Аргентину, Венесуэлу, Боливию. Китай уже обошел США в качестве главного торгового партнера Бразилии. Привлекает внимание не только динамика проникновения на латиноамериканские рынки (за прошедшее десятилетие объем торговли возрос почти в десять раз). На саммите АТЭС в Сантьяго (Чили, 2004 г.) китайский лидер Ху Цзиньтао заявил о намерении инвестировать в этот регион в течение десяти лет 100 млрд долл.

⇒ Формирование геополитического «моста» между Поднебесной и южноамериканскими гигантами, предусматривающего создание трансокеанских коридоров с использованием в качестве своеобразной тихоокеанской «платформы» Чили и Перу, — вопрос времени. Это способно не только повлиять на интеграцию региона, но и в целом повысить его экономический и политический статус в мировой иерархии.

В немалой степени этому будет способствовать и вступление евро-латиноамериканских отношений после саммита в Сантьяго в декабре 2012 г. в новую фазу. *Европейский Союз* стремится также выйти на уровень стратегического партнерства между двумя регионами, и в первую очередь с наиболее мощной интеграционной группировкой МЕРКОСУР, о чем свидетельствует принятое решение о возобновлении после почти десятилетней паузы переговоров о формировании экономического союза.

Не следует забывать и о созданном еще в начале 1990-х годов Иberoамериканском сообществе (ИАС) в составе 19 латиноамериканских и трех иберийских стран (Испания, Португалия и Андорра). На 15-м саммите сообщества в Саламанке (Испания, 2005 г.) была окончательно оформлена его структура. В целом ИАС может рассматриваться как одна из конструкций «атлантического моста» между двумя регионами.

Евросоюз работает на «поле соперника», стремясь нарастить позиции в Центральной Америке и Карибском бассейне, интенсифицируя структуру связей, которая стала складываться еще в 80-х годах XX века.

Более заметным игроком на «латиноамериканском поле» постепенно становится и *Россия*. Обозначившаяся к концу первого десятилетия XXI века тенденция к наращиванию позиций России в Латиноамериканском регионе (товарооборот вырос с 5,5 млрд долл. в 2000 г. до 15 млрд долл. в 2012 г.) в предстоящие два десятилетия способна получить дальнейшее развитие. Этому способствует ряд факторов.

Своеобразное «возвращение» России в Латинскую Америку во многом обеспечивалось «левым дрейфом» в регионе, приведшим к появлению группы государств, увидевших в расширении связей с нашей страной важный рычаг укрепления своих позиций в условиях конфликтных отношений с США. И хотя политический маятник в регионе, резко качнувшийся «влево» в рассматриваемый период, может вернуться в нейтральное положение, дивиденды, уже полученные от налаживания партнерских отношений с державой Востока, вероятно, сыграют роль долговременного фактора.

Усиление позиций России в регионе в немалой степени было обусловлено отказом руководства страны от доставшихся в наследство от Советской эпохи стереотипов («в табели о рангах» Латинская Америка традиционно стояла на последнем месте после Азии и Африки), влиявших на внешнеполитическое мышление на протяжении 1990-х годов. В случае сохранения преемственности во внешнеполитических подходах тенденция к поиску партнерства с государствами региона может получить дополнительный импульс.

Близость позиций России и ведущих государств региона по вопросам укрепления многополярного мира имеет шансы сохраниться. Российской стороной были предприняты меры по созданию в Латинской Америке имиджа «надежного партнера» и преодолению стереотипов негативного восприятия нашей страны, сформировавшихся в 1990-х годах.

Существенно не только то, что рост торговли способствовал определенному облагораживанию структуры российского экспорта, но и имевшее место наращивание инвестиционных возможностей России в регионе. Представляется, что в случае расширения государственной поддержки отечественного бизнеса его интерес к этому региону может обрести долговременный характер.

Растет понимание необходимости смещения центра тяжести экономического взаимодействия со странами региона в область научно-технического сотрудничества. Именно в сфере высоких технологий Россия наиболее конкурентоспособна. В апреле 2010 г. с Аргентиной был подписан пакет документов о сотрудничестве именно в этой области, в том числе предусмотрены миллиардные российские инвестиции в передовые отрасли аргентинской промышленности

Вместе с тем сохраняются и ограничители, нейтрализация которых — одна из главных задач на латиноамериканском направлении. *Во-первых*, Россия пока не в полной мере использует такие перспективные «площадки» для увеличения своего политического веса в регионе, как, например, инициированный в начале XXI в. Испанией и Турцией Альянс цивилизаций. На 3-м саммите этого объединения в мае 2010 г.

в Рио-де-Жанейро, на котором присутствовало немало президентов и глав правительств стран-участниц, с российской стороны был лишь специальный представитель МИД России, участие которого осталось практически незамеченным.

Во-вторых, требуется более активная и содержательная политика в отношении Бразилии, с которой Россия в 1997 г. подписала соглашение о стратегическом партнерстве. Вместе с тем есть и позитивные сдвиги. В феврале 2013 г. был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в военно-технической области и, в частности, о закупке бразильской стороной нескольких видов российских вооружений. Более активно развивается взаимодействие в рамках группы БРИКС.

В-третьих, сохраняется в целом слабая конкурентоспособность России по сравнению с государствами, предпринимающими усилия по наращиванию своих политических и экономических позиций в этом районе мира. Инвестиционные возможности нашей страны уступают и США, и Китаю, и ЕС.

Наконец, *в-четвертых*, не решена проблема вступления России в Межамериканский банк развития (МАБР) — второй по значимости региональный банк мира. Это существенно ослабляет позиции российского бизнеса, фактически обрекая его на проигрыш крупных тендеров, спонсируемых МАБР.

* * *

В ближайшие десятилетия Латиноамериканский регион, и в первую очередь его ведущие государства, в случае укрепления взаимодействия и отказа от традиций соперничества способен окончательно преодолеть состояние периферийности. Заметно расширились перспективы превращения Латинской Америки в самостоятельный центр мира. В отличие от США и Западной Европы регион сумел без особых потерь преодолеть последствия мирового экономического кризиса начала второго десятилетия XXI в. Согласно оценкам ряда специалистов, в предстоящие десятилетия Латинская Америка, опираясь на громадный ресурсный и демографический потенциал, имеет все шансы занять в мировой таблице о рангах более высокое место по сравнению с «нарождающимися рынками» Азии.

Ключевые слова

Межамериканская подсистема, интеграция в Латинской Америке, «левый поворот», политика США (ЕС, КНР, России) в странах Латинской Америки, БРИКС.

Контрольные вопросы

1. Какие проявления получают интеграционные процессы в Латинской Америке?
2. В чем амбивалентность влияния венесуэльской политики на региональные процессы?
3. Какие новации во внешнюю политику США по отношению к другим государствам Западного полушария внесла администрация Б. Обамы?
4. Какое влияние на региональные процессы оказывают отношения США и Бразилии?
5. В чем особенности стратегий других глобальных центров силы в регионе?
6. Почему сотрудничество со странами Латинской Америки становится в настоящее время более привлекательным для России?

Примечания

¹ Основан в 1991 г. Бразилией, Аргентиной, Уругваем и Парагваем. Позднее в качестве ассоциированных членов к МЕРКОСУР присоединились Боливия, Чили, Перу и Венесуэла.

² El Nuevo Herald. 06.10.12.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.infolatam.com/2012/06/05>.

⁴ На начало 2013 г. в АЛБА входили восемь государств: Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Эквадор, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины.

⁵ О ситуации в Латиноамериканской подсистеме см. следующие работы: *Давыдов В. М., Бобровников А. В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике. (Шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении.) М.: ИЛА РАН, 2009; *Мартынов Б. Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки (XX – начало XXI вв.). М.: Навона, 2008; *Мартынов Б. Ф.* «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Т. 7. № 1. (январь–апрель 2009). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru>; *Сударев В. П.* Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. М.: МГИМО-Университет, 2012; *Сударев В. П.* Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XX – начало XXI века). М.: МГИМО-Университет, 2008; *Сударев В. П.* Страны Латинской Америки в современных международных отношениях. М.: Наука, 2006; *Сударев В. П.* Две Америки после окончания «холодной войны». М.: Наука, 2004; *The Bush Doctrine and Latin America / Ed. by G. Prevost and C. Oliva Campos.* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007; *Riordan R.* The New Brazil. Wash.: The Brookings Institution, 2011; *Rising States, Rising Institutions. Challenges for Global Governance / A. S. Alexandroff and A. F. Cooper (eds).* Wash.: Brookings Institution Press, 2010.

21

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ АРЕАЛЕ

Дискуссии о будущем Содружества Независимых Государств (СНГ) обычно упираются в неумение разобраться в назначении этого международно-политического образования. В учредительных документах СНГ и в соглашениях, подписанных за первые годы его существования (1992–1994), предпочтение отдавалось термину «интеграция». Очевидно, сказывался «демонстрационный эффект» западноевропейского опыта. В сущности, об интеграции говорили тогда, когда на деле осуществлялись процессы *дезинтеграции высокоинтегрированного пространства*.

Характерные для первой половины 1990-х годов ссылки на опыт западноевропейской интеграции заложили основы для искаженного видения ситуации в постсоветском пространстве, которую отличает кардинально иное соотношение центробежных и центростремительных тенденций. На момент создания Содружества происходили процессы разрушения старого единого хозяйственного комплекса. Вместе с тем в ЕС той степени консолидированности в экономической, таможенной и военно-оборонительной областях, которая наблюдалась между постсоветскими республиками в начале 1990-х годов, пока нет и не предвидится. Даже сегодня в СНГ сохранено пространство общего рынка труда и социально-культурная общность, к достижению которой Европейский Союз только стремится. При этом в социальной сфере уровень сплоченности (благодаря культурным и языковым элементам) сохраняется часто вопреки действиям правительств отдельных стран, а ведь именно в плане социальной интеграции в ЕС существуют наиболее серьезные трудности.

Это важно

Фактически исчезновение организации начали предсказывать с конца 1990-х годов, когда на постсоветском пространстве стала развиваться субрегиональная интеграция. Важно пояснить, что субрегиональные интеграционные форматы создавались не за счет ослабления СНГ: в них стал перетекать собственно интеграционный импульс (ЕврАзЭС, Союзное государство России и Белоруссии и т.д.), в то время как роль СНГ как «зонтичной организации» сохранялась.

Правильным было бы рассматривать СНГ не в контексте интеграционных объединений (в каких-то аспектах Содружество перевыполнило интеграционные задачи), а в ряду других международных образований, более похожих на СНГ условиями возникновения. Такими примерами могут быть Британское содружество или Франкофония. Рассмотренное в таком сопоставительном контексте СНГ предстает не как неудавшийся интеграционный проект, а как **механизм сохранения преференциальных внутрирегиональных связей в условиях распадающегося политического (государственного) пространства**. При таком подходе деятельность СНГ следует оценивать не по принятым критериям интеграции, а по степени эффективности координации позиций группы стран, входящих в Содружество. При этом внутри СНГ происходят процессы разной направленности, как интеграционной, так и дезинтеграционной.

Казус интеграции на постсоветском пространстве: факторы сближения и отталкивания

Экономическое взаимодействие стран СНГ также характеризуется противоречивым сочетанием интеграционных и дезинтеграционных процессов. Причем первые в основном сводятся к мероприятиям по институциональному оформлению сближения без стимулирования микроэкономических факторов.

Под **региональной интеграцией** предлагается понимать постепенное сближение национальных хозяйств нескольких стран с целью формирования определенного качества экономического пространства. Эффективное интегрирование достигается между странами на основе сращивания (прямого взаимодействия) предприятий, частных банков, торговых фирм и других субъектов микроэкономики.

Комплекс проблем экономического сближения-отталкивания может быть рассмотрен через призму анализа эволюции межгосударственных экономических отношений.

С момента распада Союза ССР наряду с декларациями о воссоздании в той или иной форме общего экономического пространства национальные хозяйства стран Содружества, в частности наиболее сильных в экономическом смысле государств, стали развиваться дивергентно, в русле сознательного экономического обособления. Россия, формально призывая к сохранению кооперационных связей, судя по принимавшимся документам, сосредоточилась на радикальной экономической реформе без «груза союзных республик». Украинское руководство полагало, что,

избавившись от спуда директивной политики союзного центра, Украина сможет создать привлекательную в инвестиционном отношении экономическую модель. Беларусь и Казахстан, которые, между прочим, не стремились к экономической независимости в рамках Союза, после распада СССР тоже были вынуждены в срочном порядке выстраивать новую экономическую структуру. Так или иначе, с начала 1990-х годов каждая из бывших республик попыталась самостоятельно включиться в мирохозяйственные связи.

В 1990-х годах все члены Содружества столкнулись с резким падением ВВП. Основной причиной сжатия внутреннего продукта стал «процесс дезорганизации», кумулятивной фрагментации производственных связей между предприятиями. Производственные цепочки, включавшие множество предприятий, распались, после того как самые жизнеспособные из них с наступлением экономической либерализации получили возможность выстраивать торговые связи на стороне. Как следствие возникла виртуальная экономика, которой были свойственны неплатежи и бартер, сдерживавшие экономический динамизм, и которая разделила всех хозяйствующих субъектов на победителей и аутсайдеров, — ситуация, невозможная в условиях командной экономики. Новые условия выявляли изъяны менеджмента предприятий, парализованных непривычностью ситуации, и порождали роковую череду просчетов и ошибок.

⇒ Изначально прозрачные границы способствовали развитию тесного и достаточно эффективного трансграничного сотрудничества, которое со временем стало основой для межгосударственных интеграционных инициатив. В первую очередь это касается российско-белорусских и российско-казахстанских отношений.

За период с 1991 по 2011 г. доля новых независимых государств во внешней торговле России сократилась с 54,6 до 14,9%¹. При этом взаимный товарооборот стран СНГ за первое десятилетие независимого существования значительно уменьшился — с 60 до 28,5%, в том числе в экспорте — с 71,8 до 20,2%, а в импорте — с 50,6 до 45,4%². Большинство стран постсоветского пространства направило усилия на переориентацию своих внешнеторговых связей. Активный поиск альтернатив внешнеэкономического сотрудничества стал следствием как неспособности молодых государств модернизировать экономику самостоятельно, так и отсутствия у России средств и воли, чтобы помочь им сделать это.

Сокращение взаимных связей наглядно выразилось в падении межстранового товарооборота. Только за первое десятилетие после

ропуска СССР, с 1991 по 2001 г., объем взаимной торговли снизился с 138 млрд до 59 млрд долл., т.е. в 2,3 раза, а суммарный ВВП стран Содружества — примерно в два раза. Для России процесс хозяйственной дезорганизации в масштабах бывшего всесоюзного рынка подразумевал полную перестройку внешнеэкономических потоков.

⇒ Если в начале 1990-х годов во внешнеторговом обороте России доля государств СНГ составляла 60%, то в 2001 г. — уже 18%. При этом качественно изменился характер связей. Если ранее преобладала кооперация производства, то к началу XXI в. — простой обмен товарами, который характерен для начальной формы развития внешней торговли. И это при том, что СССР был высокоинтегрированным пространством.

На разъединение также «работали»:

- формирование самостоятельных макроэкономических режимов суверенных постсоветских государств со своими налогово-бюджетными, валютными и таможенными механизмами;
- обнаружившаяся неравномерность распределения экономического потенциала, сглаживавшаяся согласованной политикой Госплана в годы существования Союза ССР.

Сложившаяся в эпоху СССР система вертикальных экономических связей до сих пор влияет на ориентацию внешнеторговых и производственных обменов новых независимых государств. Попытки нарушить эту логику были проведены в сфере экспорта энергоресурсов, когда при помощи США и Европейского Союза построили новые маршруты транспортировки углеводородов из Каспийского региона в обход территории России. Но это изменение не привело к активизации горизонтальных экономических связей между государствами, включенными в «обходной» проект. Импортозамещающий характер экономик государств постсоветского пространства, основанный на использовании традиционных технологий, делал для них российские рынки едва ли не единственно возможными в плане торгового обмена. Однако, несмотря на заложенную базу для сближения, для его реального наполнения делалось недостаточно. Эффективная интеграция экономических систем возможна только при условии их модернизации, выравнивания уровней экономического развития, взаимовыгодной целесообразности унификации процедур и практик. Показатели экономического сотрудничества на пространстве СНГ не позволяли делать оптимистические выводы с точки зрения мировой конкурентоспособности группы. Доля партнеров России по Содружеству в мировом ВВП до сих пор составляет чуть более 1%, а в мировой торговле — 0,8%.

Вместе с тем можно определить несколько ключевых факторов экономической консолидации внутри СНГ. *Во-первых*, без кооперации с десятью государствами СНГ Россия может выпускать около 67% прежних объемов продукции, а другие страны—члены Содружества значительно меньше: Казахстан — 48%, Украина — до 33%, Белоруссия — 16%, Азербайджан — 15%. Особенно значительны кооперационные связи в машиностроении. Автозаводы в Запорожье, Луцке, Львове и Кременчуге (Украина) работают, используя поставку узлов и деталей из России (Ярославский моторостроительный завод). Основными потребителями этих машин являются российские нефтяники, лесозаготовители, строители. На Украине из российских комплектующих собираются автомобили «Волга», «Газель», УАЗ. Прочные кооперационные связи остались в судостроении, где Россия сотрудничает с предприятиями Украины, Белоруссии, Казахстана. В авиастроении — с предприятиями Киргизии, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии, Украины.

Во-вторых, неоспорим интегративный эффект взаимосвязей стран СНГ в поставках сырья. Россия поставляет в страны Содружества многие виды сырья, особенно топливно-энергетические ресурсы. Кроме России, только Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан могут полностью обеспечить свои потребности в топливе и энергии за счет собственного производства, а также экспортировать энергоносители. Остальные члены СНГ завозят из России от 80 до 100% потребляемого топлива.

В-третьих, к сближению парадоксальным образом подталкивает и феномен «негативной селекции»: экономика государств СНГ слабо подготовлена к интеграции в рамках мирового хозяйства из-за неконкурентоспособной продукции своих производств. *Товары, выпущенные на базе устаревших технологий, могут быть востребованы только на своем рынке — рынке государств СНГ.* В значительной степени сохранилась технологическая комплементарность национальных экономик, унаследованная с советских времен, модернизация в ряде отраслей даже не начиналась.

В-четвертых, фактором облегчения экономического обмена выступает эффективность транспортно-коммуникационных систем, которая в СССР была в несколько раз выше, чем в США и Китае. По железным дорогам перевозили половину всех грузов и четверть пассажиров общемирового объема. По территории СНГ проходит самый короткий сухопутный и морской (через Северный Ледовитый океан) путь из Европы в Юго-Восточную Азию, где сегодня набирают силу и экономическую мощь страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

По мнению экспертов, пространство Содружества может получать большие прибыли от эксплуатации своих транспортно-коммуникационных систем, осуществляя связь между странами Европы и странами АТР. Добавим к этому, что помимо сложившейся системы железнодорожных и морских путей СНГ имеет в пределах своей общей территории Единую энергетическую систему, Единую систему газоснабжения, Единую водно-транспортную систему морей и рек европейской части бывшего пространства СССР.

В-пятых, интегрирующую роль играют схема миграционных потоков в СНГ, замкнутая на Россию, и объективно возникающий запрос на усиленное регулирование социально-экономических и трудовых отношений в связи с этим. Россия стала вторым по величине реципиентом трудовых мигрантов в мире. Большинство из них приезжают в Россию из стран СНГ. Например, по данным западных изданий, каждый третий мужчина в Молдавии или Таджикистана работает в России. Это дало основание аналитикам сформулировать провокационный тезис: если и существуют однозначно фиксируемые процессы экономической интеграции между странами СНГ и России при центральной роли последней, то они происходят на рынке труда. К началу 2010-х годов совокупный заработок трудовых мигрантов из СНГ подошел к отметке в 10 млрд долл. Часть этих средств была репатриирована в страны происхождения, став фактором накопления капитала в соответствующих государствах.

Объективная особенность экономической конфигурации постсоветского пространства — очевидное доминирование России. На Российскую Федерацию приходится 72% совокупного регионального валового внутреннего продукта (в сопоставимых ценах), 76–77% нефте- и газодобычи, 67–68% суммарного экспорта товаров и услуг (2010 г.).

Вместе с тем этот фактор не «конвертируется» автоматически в большую сплоченность пространства. Анализ товарооборота стран СНГ позволяет зафиксировать следующую тенденцию: чем больше страна обеспечена сырьевыми ресурсами, тем скорее она отходит от России и начинает переориентировать свою экономическую деятельность на дальнее зарубежье. Объединяют прежде всего высокие технологии. Если же теми или иными странами не достигнут определенный уровень технико-экономического развития, то их объединение не имеет экономической основы. Страны, входящие в эти «объединения», выпускают низкотехнологичный продукт сходной номенклатуры. Вместо того чтобы взаимно дополнять друг друга, они, наоборот, ищут пути диверсификации потребителей своей продукции. Ведущие страны СНГ производят однотипные товары, причем в основе своей — сырье-

вые. Высокотехнологичную продукцию они приобретают в дальнем зарубежье. Отсюда — отсутствие экономической мотивации интеграции.

Это важно

Вот почему роль России в развитии кооперационных процессов в СНГ высока и продолжает расти. Ей принадлежит технологическое лидерство. Данное обстоятельство предопределяет ее ведущую роль в стимулировании интеграционных процессов на постсоветском пространстве в дальнейшем.

Перспективы конвергенции экономик государств СНГ

Интеграционные процессы на пространстве СНГ продолжают развиваться в зависимости от страновых экономических показателей. По данным Евразийского банка развития³, за последние 10 лет резко возрос уровень интеграции бывших советских республик в сфере трудовой миграции и взаимодействия на рынках образовательных услуг. При этом происходило свертывание интеграции в сфере торговли, энергетики и сельского хозяйства, а также дивергенция макроэкономических показателей постсоветских стран.

⇒ Наибольшей интегрированностью⁴ страновых хозяйственных комплексов в экономические процессы в СНГ отличаются небольшие страны: Киргизия, Армения и Таджикистан. Для государств с более крупными экономиками, с диверсифицированными структурами экономических обменов относительная роль взаимосвязей с бывшими советскими республиками гораздо менее значима.

При этом динамика интеграционных процессов напрямую определяется географической близостью стран друг к другу. Наиболее интенсивные связи в сфере торговли, трудовой миграции, образовательных обменов, сельского хозяйства формируются между соседними государствами.

Отдельной проблемой в процессах экономического сближения в СНГ является *кризис модели закрытого регионализма*. Предлагаемые Россией интеграционные форматы закрытого типа не могут удовлетворить потребности независимых государств во внешнеторговой дифференциации. Наиболее остро проблема закрытого регионализма проявляется на западном фланге СНГ, где наглядно ощущается соперничество двух конкурентных моделей интеграции. Такое конкурентное взаимодействие ярко иллюстрируется борьбой за влияние на внешнеполитическое ориентирование Украины.

Вместе с тем закрытый характер региональных объединений обусловлен исходными условиями их создания: существование (полу)

прозрачных границ между новыми независимыми государствами при достаточно жесткой общей внешней границе. При этом, став государственными, бывшие административные линии выделились в отдельный блок проблем международных отношений на постсоветском пространстве. Оформление новых границ проходило медленно, и, по существу, они остались прозрачными. С одной стороны, это создает фон «общности» постсоветского пространства, с другой — влечет обострение проблем безопасности (инфильтрация террористов, наркотрафик).

Вопросы, связанные с прозрачностью границ, тревожно звучат в Центральной Азии, где их юридическое закрепление сопровождалось межгосударственными противоречиями. С целью переведения урегулирования конфликтных отношений на многосторонний уровень был создан механизм «Шанхайской пятерки» (Китай, Казахстан, Россия, Киргизия и Таджикистан, 1996), впоследствии Шанхайская организация сотрудничества — ШОС (после вступления в 2001 г. Узбекистана). В отличие от других субрегиональных объединений на постсоветском пространстве ШОС, в котором лидирующую роль играют Россия и Китай, вышла за географические рамки бывшего СССР. Постепенное развитие экономической и военно-политической составляющих сотрудничества свидетельствует об определенном потенциале азиатского вектора регионализации. Однако сложные отношения России и Китая применительно к перспективам развития организации и роли каждого из лидеров в ней⁵ не позволяют пока говорить о кардинальных изменениях векторов развития центрально-азиатского порубежья России. В ответ на экономическую экспансию Китая Россия настаивает на развитии механизмов экономического сближения только в рамках ЕврАзЭС, при этом Китай отказывается форсировать военно-политическое сотрудничество, преследуя внешнеполитические цели глобального уровня.

Трудный выход постсоветских стран из глобального кризиса заставляет думать о том, что они не смогут вернуть свои экономики хотя бы к докризисному состоянию без кардинальной экономической трансформации⁶. Попытки России воспользоваться ситуацией и расширить свое влияние на постсоветском пространстве можно пока считать лишь отчасти успешными и последовательными. Ни одна из российских инициатив — например, предложение перейти на расчеты в национальных валютах и создать резервную валюту — не была в полной мере реализована, несмотря на существенные материальные затраты со стороны Москвы⁷. Тогда как и экономисты, и политологи склонны думать, что окрепшая Россия может стать «ресурсным центром» (не

в сырьевом значении) экономической, правовой и политической модернизации соседей по Содружеству.

Энергетический аспект международных отношений на пространстве СНГ

Каспийские углеводороды шельфа и территории прибрежных государств стали предметом активного международного торга с середины 1990-х годов. Разделенное до 1991 г. между СССР и Ираном Каспийское море долгое время оставалось, по сути, закрытым для освоения, и его ресурсы разрабатывались весьма ограниченно. После распада СССР наибольшие выгоды от возросшего внимания к каспийским углеводородам извлек Азербайджан. Подписанный в 1993 г. «контракт века», который открыл для крупнейших международных нефтяных компаний доступ к месторождениям на азербайджанской части каспийского шельфа, казался залогом успешного экономического развития страны.

Грузия стремилась наиболее выгодно реализовать свой «транзитный потенциал», настаивая на экспорте каспийских углеводородов через грузинские земли в Турцию в обход территории России по новым маршрутам, в первую очередь по нефтепроводу Баку—Тбилиси—Джейхан. США демонстрировали крайнюю заинтересованность в проекте этого нефтепровода, поскольку сохранение контроля России над поступлением энергоресурсов из региона Каспия рассматривается в США как фактор, негативно влияющий на глобальную энергетическую безопасность⁸. Россия, напротив, не желала появления обходного экспортного маршрута и новых конкурентов.

⇒ Стремясь укрепить позиции сторонников расширения сферы экономической независимости от России, западные страны помогли в 1997 г. оформиться новой организации ряда стран Черноморско-Каспийского пояса. Так появилась ГУАМ, задуманная как организация государств—экспортеров каспийских энергоресурсов и стран, через которые проходили главные транзитные артерии транспортировки нефти и газа из России и соседних с ней восточных и южных стран в западном направлении. В новую организацию вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. В 1999 г. к этой структуре примкнул на время Узбекистан, остававшийся ее членом до 2005 года.

Молодые государства стремились использовать свой экспортный и транзитный потенциал для того, чтобы усилить свои позиции на региональной арене и по возможности повысить геополитический статус. Есть основания полагать, что регулярно происходящие с середины 2000-х годов «газотранзитные кризисы» между Россией, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией — с другой имеют в основе стремление

Киева и Минска привлечь к себе международное внимание, подчеркнуть в глазах стран ЕС свою геополитическую значимость и, наконец, вынудить Запад предоставить Украине и Белоруссии заемные средства и инвестиции с целью модернизации украинской и белорусской газотранспортных сетей. Тем не менее бурная политическая полемика в связи с «кризисами» негативно влияет на отношения России с ЕС, провоцирует между ними разногласия, извлечь дивиденды из которых стараются транзитные страны.

Во многом в ответ на действия Украины и Белоруссии в связи с «газовыми кризисами» российская дипломатия с середины 2000-х годов стала активно проводить политику диверсификации экспортных маршрутов. Ее цель — найти обходные пути доставки энергоносителей на Запад, минуя украинские и белорусские территории.

Новым фактором развития энерготранспортной проблематики на постсоветском пространстве стало активное вовлечение Китая в сырьевой сегмент экономики стран Центральной Азии. Строительство новых трубопроводов из Центральной Азии в Китай существенно повлияло на политический расклад в регионе. Появление в лице Китая крупного импортера энергоносителей сократило возможности российского экономического давления на центральноазиатские страны.

Это важно

Энерготранспортный фактор оказывает существенное влияние и на формирование еще одного аспекта международных отношений на пространстве СНГ: борьбы за утверждение своей способности к независимости действий в региональной политике по отношению как к России, так и к соседним малым и средним государствам. В этом контексте обладание собственными энергоресурсами или транзитным потенциалом служит дополнительным экономическим или политическим козырем.

Энергетическая тематика, присутствующая в современных международных отношениях, во многом определяет рамку объектно-субъектного соотношения на постсоветском пространстве. С одной стороны, обладание ресурсными и транзитными возможностями позволяет государствам по периметру новых границ России постоянно находиться в фокусе внимания крупнейших мировых игроков. С другой — конъюнктура мирового кризиса отчасти стала «работать» на понижение международного значения молодых государств, поскольку активизировались попытки импортеров энергоносителей сократить их потребление.

Стремление к повышению энергоэффективности, поиск новых источников энергии намечает в долгосрочной перспективе тенденцию к уменьшению «энергосырьевой ценности» постсоветского простран-

ства для импортеров газа и нефти, в первую очередь в Европе. Появление у России и стран Центральной Азии «восточного вектора» экспорта энергоносителей укрепляет внешние поступления в бюджеты богатых сырьем стран, однако дестимулирует попытки модернизации молодых государств в западном понимании этого слова.

Спектр внешнеполитических ориентаций новых независимых государств

Ключевой характеристикой, определяющей векторы развития стран постсоветского пространства, является поиск новыми независимыми государствами по периметру России привлекательного интеграционного ядра. С одной стороны, очевидно, что их автономное развитие невозможно в условиях глобальной тенденции к сближению экономических и политических региональных комплексов. С другой — для большинства стран пояса периметра новых границ России характерно осознание собственной периферийности по отношению к ней и стремление найти новый системообразующий центр.

Это важно

Ряд стран этой группы активно стремится обыграть «пограничность» своего нового геополитического положения («маргинальность» — *marginality* — по неточному словоупотреблению некоторых авторов). Имеются в виду попытки сделать географически промежуточное положение некоторых молодых государств (между Россией и ЕС, отчасти между Россией и Турцией и т.п.) основой международно-политической идентичности и даже базой международно-экономической ориентации.

Это полностью относится к странам Прибалтики. В таком ключе в значительной степени строится логика внешней политики Украины (ее фактический статус «транзитной страны» с точки зрения поставок российских энергоносителей на Запад). Подобные тенденции характерны для Грузии и в меньшей степени для Белоруссии⁹.

Обретение новой **внешнеполитической идентичности** имеет ряд характерных черт. *Во-первых*, за последние два десятилетия постсоветское пространство стало зоной, открытой для всех видов деятельности внерегиональных игроков. Притязания России на особую роль воспринимаются как необоснованные. Новые независимые государства нередко оказываются перед необходимостью выбора между конкурирующими моделями интеграции в Евросоюзе или СНГ.

Однако политика лавирования и игры на конкуренции ограничивается объективными факторами, которые продолжают определять

взаимозависимый характер отношений между новыми независимыми государствами и Россией (см. выше). В первую очередь это экономическая зависимость, а шире — взаимозависимость от транзита энергоносителей. Немаловажной остается проблема русского населения вне России и общего исторического наследия как досоветской, так и Советской эпохи.

Дополнительную сложность процессам внешнеполитического самоопределения придает проблема **регионализации**. Возникнув во многом в результате советской политики этнического размежевания 1920–1930-х годов и изменения границ после Второй мировой войны, новые независимые государства испытывают объективные трудности при формировании региональной идентичности. На сегодняшний день в политический лексикон вошли более или менее устойчивые формулировки для разделения стран бывшего СССР по региональному принципу: государства Прибалтики; новая Восточная Европа (Украина, Белоруссия, Молдавия); страны Закавказья и государства Центральной Азии.

Ни один из этих «условно-политических» субрегионов, за исключением, пожалуй, Прибалтики, не имеет как четких внешних географических рубежей, так и достаточно мощных внутренне интегрирующих факторов. Напротив, *внутри ряда названных выше зон существуют более или менее жесткие двусторонние противоречия*.

Украину, Белоруссию и Молдавию не связывает ничего, кроме сходного положения между Россией и Европейским Союзом. Существующий комплекс конфликтов и противоречий в Закавказье — это единственное, что заставляет рассматривать три страны в связи друг с другом. Между Грузией, Арменией и Азербайджаном не существует устойчивых трехсторонних торгово-экономических связей, они придерживаются различных внешнеполитических ориентиров, на международные отношения в этом условном регионе оказывают существенное влияние внешние факторы (тесные связи с российским Северным Кавказом, тюркская составляющая в отношениях с Ираном и Турцией).

Центральная Азия — более целостный субрегион с точки зрения внешних географических ограничителей. Однако состояние отношений между пятью государствами, разный уровень их экономического и политического развития, различное отношение к интеграции на пространстве СНГ не позволяют рассматривать Центральную Азию как сформировавшийся международно-политический регион. Заметно разрастающаяся «связка» развития Таджикистана, Узбекистана, Афганистана и Пакистана еще более осложняет определение параметров регионализации в этой части мира.

Продолжает углубляться тенденция к размыванию единого «постсоветского» видения границ субрегионов и к усилению **субрегионализации** — преимущественному взаимодействию между государствами, находящимися в непосредственной политико-географической близости.

Этот феномен постепенно находит отражение на уровне экспертного анализа происходящих процессов и утверждения новых терминологических единиц. Термин «новая Восточная Европа» демонстрирует высокую степень вовлеченности Украины, Белоруссии и Молдавии в европейские процессы. Новый региональный контекст на Кавказе делает очевидной невозможность замыкаться в рамках традиционной «закавказской» призмы. Анализ политико-экономических тенденций в Центральной Азии чаще включает в себя рассмотрение ситуации в Афганистане, Иране и Китае. Одновременно внешнеполитические стратегии новых независимых государств определяют не региональный принцип, а их отношение к России, которая выступает в качестве оси их внешнеполитических координат. По этому признаку очевидно разделение на три группы: страны, активно отторгающие преференциальные отношения с Россией (Прибалтика, Грузия, отчасти Украина, Узбекистан); государства, стремящиеся частично сохранить специфику связей с Москвой при сохранении свободы внешнеполитического маневра (Молдавия, Азербайджан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан); страны, согласные с принадлежностью к ядрам ориентированных на Россию интеграционных процессов (Казахстан, Белоруссия, Армения). В целом можно говорить о завершении процесса формирования более или менее устойчивой системы внешнеполитических связей стран СНГ. Такое положение определяет преобладание вектора избирательной интеграции, которая проявляется в том, что на передний план выдвинулось сотрудничество по линии Таможенного союза — Единого экономического пространства (в составе России, Белоруссии и Казахстана) при очевидном снижении внимания к более широким форматам взаимодействия¹⁰.

Внерегionalные игроки на постсоветском пространстве: элементы «расширения демократии»

Одной из причин нестабильности малых и средних стран СНГ (в том числе с точки зрения транзита энергоносителей из России в ЕС) западные страны видят в несовершенстве моделей политического устройства бывших советских республик. Отсюда — отчасти объяснимое стремление западной общественности «помочь» демократическому развитию соответствующих молодых государств и в чем-то «подтолк-

нуть» его. При этом желание ускорить либерализацию в ряде случаев мало соотносится с местными условиями и основано не столько на изучении конкретных условий в каждой стране, сколько на идеализированной вере в демократизацию как универсальный инструмент преодоления экономических и политических трудностей модернизации. С подобными настроениями было отчасти связано преобразование в 2006 г. блока ГУАМ в Организацию за демократию и экономическое развитие, членами которой остались Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. Символическое переименование объединения с подчеркиванием «демократической» компоненты стало следствием «цветных» революций, произошедших на пространстве СНГ и открывших здесь новый этап политических отношений¹¹.

Отчасти «цветные революции» произошли в русле реализации американской концепции «распространения демократии»¹² и были простимулированы гражданской активностью неправительственных организаций в Грузии, Украине и Киргизии, создававшихся на средства западных благотворительных фондов и организаций. Вместе с тем «революции» отражали глубинные трансформационные процессы в соответствующих странах. Начавшийся с распадом СССР переходный период в них в основном завершился, и накопившееся недовольство отражало явное отставание политических и экономических реформ от реальных потребностей общественного развития молодых государств.

Важно иметь в виду, что ни в одной из названных стран «цветные революции» не привели к радикальной смене политических моделей, хотя внесли определенные коррективы в правила функционирования этих моделей и повлекли замену одних правящих элитных групп на другие. Более заметными на институциональном уровне эти сдвиги оказались в Киргизии, менее — в Украине и Грузии.

При этом Киргизия, по сути, не изменила своей внешнеполитической ориентации, продолжив линию осторожного лавирования между Россией, Китаем и США с акцентом на отношениях с Москвой. Внешние политики Украины и Грузии со второй половины 2000-х годов стали демонстративно прозападными. В них — ситуативно — усилилась антироссийская составляющая.

Но в целом перехода стран СНГ на антироссийские позиции не происходит. Прозападные, прорумынские тенденции части общества в Молдавии скованы нерешенностью проблемы Приднестровья, население которого придерживается воинственной пророссийской ориентации. Вместе с тем «отсеченность» Молдавии от России территорией

Украины не позволяет реализоваться и вектору промосковских настроений в молдавском обществе.

Азербайджан в целом сохраняет конструктивные отношения с Москвой по всему комплексу двусторонних отношений. Расхождения между Россией и Азербайджаном по вопросу о Карабахе остаются препятствием для более тесного сближения, но пока не блокируют вполне конструктивного диалога Москвы и Баку.

Страны Центральной Азии в целом тщательно избегают «анти-российских перегибов», случавшихся в политике некоторых из них в 1990-х годах. Казахстан, существенно расширив за последние два десятилетия пространство независимого действия во внешней политике, стремится развивать отношения с США, ЕС и Китаем не в ущерб «особым связям» с Россией. Таджикистан, сознавая свою уязвимость в контексте обширного международного конфликтного узла Иран—Афганистан—Пакистан, старается проявлять предельную осмотрительность, развивая партнерство с Россией, Индией, США и Китаем, но не отходя от курса приоритетности связей с Москвой.

Узбекистан последовательно идет линией максимально возможной независимости в региональных делах. Утратив надежды стать привилегированным региональным партнером США, узбекское руководство не стремится более связывать себя никакими жесткими партнерскими обязательствами, пробуя выстроить курс «равноприближенности» в отношениях одновременно со многими влиятельными странами.

Наконец, Туркмения, сохраняя статус нейтрального государства, в конце 2000-х годов стала осторожно, но более активно развивать сотрудничество с Россией и другими государствами СНГ, не отказываясь от возможностей углубления отношений с Ираном, Азербайджаном, а потенциально — с Афганистаном.

Таким образом, *для новых и «совсем новых» независимых государств характерна прагматизация внешней политики.* Базой их прагматизма остается стремление выиграть на лавировании между ведущими силами. Такая позиция характерна как для «лимитрофных» государств (Белоруссия, Украина, Грузия), так и для стран, «как будто» не имеющих альтернативы союзу с Россией. Попытки Армении выйти из политической и экономической изоляции в регионе за счет развития своего транзитного потенциала могут стать активнее, если произойдет нормализация отношений между Ереваном и Анкарой, начало которой было положено в 2009 году.

На фоне общей тенденции к прагматизации внешней политики в условиях глобального финансово-экономического кризиса заметно

понижение приоритетности постсоветского направления во внешне-политических стратегиях внерегиональных игроков. Развитие восточного вектора внешнеполитической активности Европейского Союза обусловлено его внутренними институциональными преобразованиями и накопившимися проблемами. Основное внимание сосредоточено на непосредственной периферии и воплощено в политику Восточного партнерства, локомотивом которой выступает Польша.

Политика Соединенных Штатов на пространстве СНГ также претерпевает модификации. Стала более умеренной внешнеполитическая риторика. Утрачена заинтересованность в развитии не доказавшего свою жизнеспособность ГУАМ: сложная внутривосточная ситуация в Украине и Грузии подтвердила искусственность данного образования. Пересмотру подвергается центральноазиатский вектор политики Вашингтона, характер которого в предыдущее десятилетие определялся военными кампаниями в Афганистане и Ираке.

Китай расширяет свое влияние не только в Центральной Азии, где взаимодействие Москвы и Пекина институционализировано в рамках ШОС. Пекин активизирует и дифференцирует свое присутствие — в первую очередь экономическое — в отдаленных от него географически постсоветских государствах.

Во многом в контексте внешнего влияния приходится анализировать продвижение процессов интеграции в сфере безопасности. Несмотря на преодоленные препятствия и определенные успехи (решение 4 февраля 2009 г. о создании Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ), *внутренние проблемы в странах-участницах и межгосударственные трения между ними вынуждают характеризовать состояние сотрудничества в области безопасности как инертное.*

Существующие структуры — ШОС и ОДКБ, будучи представлены широким составом участников, демонстрируют фрагментированность позиций стран-участниц. Шанхайская организация сотрудничества, увеличившая состав участников¹³, стала меньше интересоваться вопросами безопасности, концентрируясь на экономическом, гуманитарном, образовательном, культурном взаимодействии. ОДКБ испытывает объективные трудности с формированием единой позиции в отношении кризисных ситуаций в государствах-участницах. Одним из первых и наиболее иллюстративных показателей стало отсутствие единой точки зрения на события 2010 г. в Киргизии. Деятельность этой организации по существу блокирована наличием в числе участников конфликтующих сторон (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан), которые в случае необходимости не в состоянии прийти к конструктивному

решению. Вопрос внешнего вмешательства в урегулирование конфликта в Ферганской долине не может быть быстро решен силами ни одной из существующих на постсоветском пространстве организаций, что подчеркивает слабость механизма конфликтного урегулирования. Остается непроясненным вопрос о российском миротворческом потенциале — прежде всего с точки зрения его международно-правового оформления и легитимации. Даже в рамках ОДКБ нет единого понимания того, каким образом может быть реализовано заявленное намерение России обеспечивать экстратерриториальную защиту российских граждан, положенное в основу внешнеполитической доктрины РФ после конфликта в Южной Осетии 2008 года.

Констатация слабости институциональных структур безопасности позволяет перейти к более общему положению о «вакууме безопасности» на постсоветском пространстве. Страны ОДКБ столкнулись с необходимостью пересмотра принципов ее функционирования. Сложная бюрократическая структура принятия решений не позволяет рассматривать Содружество в целом в качестве действенной структуры обеспечения безопасности. Между тем латентная нестабильность в Центральной Азии, растущая дестабилизация в армяно-азербайджанских отношениях снова формируют дискуссии о военной роли России в Центральной Азии и рассуждения об «исключительности российского фактора» как гаранта стабильности на пространстве СНГ.

Это важно

В целом можно говорить о формировании определенного равновесия влияний региональных и внерегиональных игроков на пространстве СНГ. С учетом существующих глобальной и внутренних конъюнктур сложилась ситуация определенной «позиционной симметрии». Складывается консенсус во взаимном восприятии, признающий за каждой из сторон самостоятельное поле для маневра¹⁴.

Наряду с заметной интернационализацией процессов конфликтного урегулирования Россия по-прежнему является инициатором ключевых этапов этих процессов и во многом формирует международно-политическую рамку, в которой они разворачиваются. После событий на Кавказе летом 2008 г. заинтересованные игроки так или иначе признали право России определять механизмы и уровень внешней вовлеченности в ситуации конфликтного и постконфликтного урегулирования. На уровне политических деклараций приветствуется расширение круга посредников, поддерживается деятельность существующих многосторонних форматов и создание новых¹⁵. Однако спектр инструментов российской внешней политики здесь вполне самодостаточен.

Это важно

Ситуацию в сфере безопасности на постсоветском пространстве можно характеризовать как «негативную стабильность». Любая дестабилизация чревата разбалансировкой всей системы. Сложившийся баланс влияний подчеркивает тенденцию воспринимать роль России скорее как естественного гаранта безопасности. Вопрос в том, насколько концептуально оформлено и целостно российское целеполагание. Возврат глобальных игроков на арену СНГ может легко и быстро поменять формат ситуации.

* * *

При анализе основных процессов, институциональных структур и моделей поведения на постсоветском пространстве необходимо тщательно учитывать соотношение центробежных и центростремительных тенденций. На этом пространстве более или менее свободно и не всегда достаточно стабильно идет процесс дифференциации, в результате которого одни фрагменты оказываются в векторе дистанцирования от России, а другие — в векторе сближения с ней. Пояс стран — соседей России является зоной открытой международной конкуренции, временами приобретающей особую остроту в связи с сырьевыми или военно-политическими проблемами. Кроме того, вопрос развития политического пространства по периметру границ России тесно связан с ее стремлением не только усилить свои региональные позиции, но и закрепить и повысить свой статус ведущей мировой державы.

Образовав за минувшие 20 лет отдельную, во многом самостоятельную платформу международной деятельности, политико-географический комплекс новых независимых государств восприимчив почти ко всем основным тенденциям мирового развития. Нынешний этап развития новых независимых государств характеризуется их очевидной включенностью в континентальные и глобальные процессы в качестве как объектов внешнего воздействия, так и субъектов со значительным потенциалом самостоятельного действия.

Ключевые слова

СНГ, постсоветское пространство, интеграция, «новая Восточная Европа», «вовлечение без признания», «негативная стабильность», многовекторность.

Контрольные вопросы

1. Каким образом и по каким основаниям происходит структурирование постсоветского пространства?
2. Каково соотношение конвергентных и дивергентных процессов на постсоветском пространстве?

3. В чем особенность интеграционных процессов на постсоветском пространстве?
4. В чем политическое значение энергетического экспорта и транзита для постсоветских стран? Какова роль России в процессах, происходящих на постсоветском пространстве?

Примечания

¹ *Вардомский Л. Б.* Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. М.: Ин-т экономики РАН, 2012. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР-2009. Алматы, 2009.

⁴ Аналитики ЕАБР применяют здесь термин «лидеры интеграции», который, как представляется, не является корректным.

⁵ Подробнее см.: *Лукин А. В.* Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2007. Май—июнь. № 3.

⁶ *Хейфец Б. А.* Влияние кризиса на сотрудничество России со странами ЕвразЭС // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия / Под общ. ред. Л. Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2009.

⁷ Россия и мир: 2010. Экономика и политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 138.

⁸ *Боровский Ю. В.* Мировая система энергоснабжения. М.: Навона, 2008. С. 115.

⁹ В стремлении извлечь выгоды из своего «промежуточного» положения молодые государства склоняются к проведению лимитрофной политики, основная особенность которой — использование своего транзитного статуса в игре на обострение отношений.

Термин «лимитроф», появившийся в политическом лексиконе XX в. после распада Российской империи и применявшийся в 1920-х годах по отношению к Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, в 1990-х годах получил новое дыхание. Он стал часто использоваться для характеристики едва ли не всех государств бывшего СССР за вычетом России. В большей степени лимитрофный характер политики характерен для государств, избравших путь полного разрыва сложившихся связей с Россией и использующих географическое положение для повышения своей привлекательности для государств Евросоюза и НАТО.

¹⁰ См., например: *Ушколова Д. И.* Формирование таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана: проблемы и предварительные итоги. М.: Ин-т экономики РАН, 2012. С. 9.

¹¹ Смена правящих элит в трех государствах — Грузии, Украине и Киргизии — происходила по схожему сценарию. Оппозиция при широкой массовой поддержке опротестовывала результаты очередных выборов и при невмешательстве органов внутренней безопасности приходила к власти в результате силового захвата государственных органов («революция роз» в Грузии, ноябрь 2003 г. — январь 2004 г.; «тюльпановая революция» в Киргизии, март 2005 г.) или проведения нового тура голосования с необходимым результатом («оранжевая революция» в Украине, ноябрь—декабрь 2004 г.).

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

¹² Предложена в 1993 г. советником по национальной безопасности США Э. Лейком, в 1994-м оформлена в директиву Совета национальной безопасности «Стратегия национальной безопасности вовлеченности и расширения» (*A National Security Strategy of Engagement and Enlargement*).

¹³ Помимо государств-членов в Шанхайской организации сотрудничества существует статус стран-наблюдателей и «государств-партнеров по диалогу с ШОС».

¹⁴ Со стороны Запада такой негласный консенсус сформировался в отношении вопроса о территориальной целостности Грузии. Не признавая независимость Абхазии и Южной Осетии, и Европейский Союз, и США практически убрали этот вопрос из актуального политического дискурса, давая повод думать, что смирились с невозможностью кардинальным образом повлиять на ситуацию.

¹⁵ Например, Мезербергский меморандум о создании Комитета Россия—ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на министерском уровне.

«НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА» В СТРУКТУРЕ МЕЖДЕРЖАВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Завершение серии войн на Балканах в конце 1990-х годов, а также войны 2000-х годов (в Афганистане и Ираке), не связанные напрямую с захватом и присвоением территорий, подтверждают предположение, закрепившееся в умах дипломатов и политиков, о том, что в пределах земной поверхности «все в основном поделено». Очередной тур территориального переустройства может быть связан только с военным конфликтом высокой степени интенсивности или иными чрезвычайными обстоятельствами общемирового масштаба. На таком политико-психологическом фоне в последние десять лет стремительно возростал интерес к освоению общих пространств человечества (*common spaces*) — океанического, воздушного, космического, информационного и приполярного¹. Эти пространства воспринимаются ведущими государствами мира как «неразделенные», и в каком-то смысле их пока в самом деле можно считать таковыми.

Океанические пространства

Наиболее жесткому переделу подвергаются океанические пространства. После Первой мировой войны в основу международного морского публичного права был положен принцип свободы морей и мореплавания. После Второй мировой войны он получил свое подтверждение². Женевские конвенции по морскому праву (1958) постулировали принципы свободы открытого моря, исключительной юрисдикции государства над судами своего флага, мирного использования Мирового океана и суверенитета государства над внутренними морскими водами и территориальными морями. Генеральная Ассамблея ООН создала в 1970 г. режим «океанического соуправления» (*international ocean governance*), в рамках которого все государства имеют равные права на эксплуатацию открытого моря и несут одинаковую ответственность за судьбу его ресурсов. Эти положения были конкретизированы

Конвенцией о международных правилах предупреждения столкновения судов в море (1972) и Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море (1974).

Это важно

Режим правового регулирования Мирового океана был окончательно оформлен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (вступила в силу 16 ноября 1994 г.). Государственный суверенитет распространялся на внутренние (*internal*), территориальные (*territorial*) и архипелажные (*archipelagic*) воды. Открытое море (океанические пространства) было объявлено нейтральным пространством, на него не распространяется суверенитет государств.

Особый правовой режим получили:

- закрытое море (*inland sea*) — море, не используемое для транзитного прохода в другое море или океан;
- прилегающая зона (*contiguous zone*) — 12 морских миль от территориальных вод, на которые распространяется суверенитет государства в области экологии, налогообложения, таможенного контроля и миграции населения;
- особая экономическая зона (*exclusive economic zone*) — 200 морских миль от береговой линии, где государство имеет исключительные права на эксплуатацию всех природных ресурсов;
- континентальный шельф (*continental shelf*) — 350 морских миль от береговой линии, в пределах которых прилегающие государства имеют исключительное право на эксплуатацию природных и биологических ресурсов.

Отдельный режим был создан для международного района морского дна. Конвенция ООН установила, что ни одно государство не может претендовать на суверенитет над морским дном далее своих территориальных вод. Дно морей и океанов было объявлено «общим наследием человечества», от имени которого стал действовать созданный при ООН Международный орган по морскому дну.

Для соблюдения «океанического соуправления» были созданы Межправительственная океанографическая комиссия при ЮНЕСКО, Международный совет по изучению моря, Международное гидрографическое бюро, Международная ассоциация физических наук об океане и Специальный комитет по изучению моря при ООН. В 1994 г. для разрешения территориальных споров на море был сформирован Международный трибунал по морскому праву (МТМП). Великие державы также согласились частично ограничить военную деятельность в океанических пространствах³.

Система «океанического соуправления» была усилена экологическими соглашениями⁴. В 1972 г. была принята Конвенция по предотвращению загрязнения морской среды путем сброса веществ с судов и летательных аппаратов. В 1980-х и 1990-х годах она была дополнена конвенциями о защите биоресурсов отдельных участков Мирового океана. В 1992 г. участники Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро заявили о важности совместной защиты экосистемы Мирового океана.

Постепенно в политике морских держав намечалась тенденция к пересмотру Конвенции ООН по морскому праву. Еще в 1983 г. СССР заявил, что не принимает процедур, влекущих за собой обязательные решения при рассмотрении находящихся в юрисдикции ООН споров. (Подобную оговорку сделала и Россия, для которой Конвенция ООН по морскому праву вступила в силу 11 апреля 1997 года⁵.) 3 августа 1984 г. страны «группы семи» приняли «Временные договоренности по вопросам глубоководных районов морского дна». В них фиксировалась необязательность решений Международного органа по морскому дну по отчуждению добытых природных ресурсов.

В 1990-х годах эта тенденция усилилась⁶. Ведущая океанская держава — США — не ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву. После серии переговоров Вашингтон и Подготовительный комитет ООН подписали в 1994 г. дополнительное соглашение к этому документу. Комитет пообещал дать Соединенным Штатам ряд привилегий: не ограничивать их экономическую деятельность на дне спорных участков шельфа и перейти к системе группового голосования в Совете Международного органа по морскому дну. В 2007 г. президент США Дж. Буш-младший вновь предложил сенату ратифицировать этот документ, и комитет сената по иностранным делам согласился с этим предложением. Но сенат США пока отказывается провести голосование по вопросу о ратификации. Неясно также, ратифицирует ли Вашингтон Конвенцию ООН по морскому праву как отдельный документ или в пакете с дополнительным соглашением 1994 года⁷.

На это обстоятельство накладывается неопределенность принципов раздела континентального шельфа⁸. В конце прошлого века Международный суд ООН урегулировал серию межгосударственных споров вокруг участков шельфа⁹. Но полномочия по разрешению этих споров постепенно переходят к МТМП. Возникает вопрос о правомочности трибунала выносить решения в отношении государств, не ратифицировавших Конвенцию ООН по морскому праву. Не ясно, имеет ли МТМП право пересматривать решения Международного суда ООН или ранее принятые соглашения.

- ⇒ Дальнейшие дискуссии о пересмотре Конвенции ООН, по-видимому, будут связаны со спорами о правовом статусе отдельных морских пространств¹⁰. Речь идет прежде всего об окраинных морях (*marginal sea*) — прилегающих к матерiku водных пространствах, слабо отделенных от океана полуостровами и островами. Это позволяет сопредельным государствам объявлять подобные пространства своими территориальными водами. Возможен вариант раздела окраинных морей между несколькими странами.

Прецеденты подобного раздела существуют. Страны Карибского бассейна учредили в 1983—1990 гг. для Карибского моря правовой режим «автономного соуправления». Это море стало территориальными водами прилегающих к нему стран. В будущем «Карибский прецедент» может быть распространен на ряд спорных морей — Северное море, Норвежское море, Баренцево море, Чукотское море и море Беллинсгаузена у побережья Антарктиды. Австралия и Новая Зеландия рассматривают вопрос о создании подобного режима для Тасманова моря. Большое количество окраинных морей существует в Средиземноморском бассейне, причем правомерность выделения некоторых из них (например, Балеарского или Критского моря) признается далеко не всеми государствами.

Существует также практика объявления великими державами окраинных морей своими территориальными морями (*territorial sea*). Советский Союз объявил в 1920—1924 гг. своими внутренними морями Белое море, Карское море, море Лаптевых и Восточно-Сибирское море. После присоединения в 1945 г. Южного Сахалина и Курильских островов СССР объявил Охотское море своим территориальным морем. В 1969 г. Австралия, несмотря на протесты Индонезии и Франции, объявила своей территорией Коралловое море. С 1 января 1985 г. Канада ввела в отношении приарктических проливов, образующих Северо-Западный проход, режим внутренних морских вод.

Другая проблема — внутренние моря (*mediterranean sea*). Конвенция ООН 1982 г. определяет их как моря, глубоко вдающиеся в сушу и сообщающиеся с океаном одним или несколькими проливами. В зависимости от гидрологического режима (циркуляция ветра, течений и уровень солености) они подразделяются на внутри- и межматериковые. При смене гидрологического режима эти моря и связанные с ними проливы могут менять географический, а следовательно, и правовой статус¹¹.

В международном праве существуют прецеденты создания режимов особого управления внутренними морями. В 1857 г. была принята Копенгагенская конвенция об открытом статусе Балтийского моря. В 1936 г. последовала Конвенция Монтрё об особом статусе проливов Босфор и Дарданеллы и находящемся между ними Мраморном море. Возможна

активизация дискуссий о разработке особых международно-правовых режимов для Черного, Азовского, Эгейского, Адриатического, Тирренского и Ионического морей. В Индийском океане могут быть созданы особые системы управления для Персидского залива и Красного моря. Большой интерес представляет также пространство между Индийским и Тихим океанами — море Банда, море Сулу, море Сулавеси и Яванское море. Австралийские и индонезийские географы часто обозначают этот комплекс термином «Австрало-Азиатское средиземное море» (*Australasian Mediterranean*)¹², что обосновывает претензии на введение особого правового статуса для этого бассейна. Иногда к нему добавляют Южно-Китайское море, что вызывает протесты со стороны КНР.

Особую проблему представляют закрытые моря (*inland sea*), не имеющие выхода в Мировой океан. Конвенция ООН по морскому праву не дает четкого определения их правового статуса, хотя и фиксирует наличие у неприбрежных стран права допуска к подобным пространствам в коммерческих или научных целях. С научной точки зрения не всегда можно понять критерии выделения водных пространств в закрытые моря, а не озерные пространства. Это создает правовые коллизии для дискуссий о пересмотре их правового статуса. Большой интерес представляет прецедент Каспийского моря, связанный с определением его статуса. (Между Россией, Азербайджаном, Ираном, Туркменией и Казахстаном с 1991 г. продолжается спор о том, считать ли Каспий морем или озером и, следовательно, можно ли применить к нему базовые принципы Конвенции ООН по морскому праву.) Решающую роль этот прецедент может сыграть для Аральского моря — бессточного соленого озера на границе Казахстана и Узбекистана¹³.

Большое значение имеет прецедент Саргассова моря. Оно представляет собой район антициклонического круговорота вод в Атлантическом океане. От остальной части океана оно отделено не берегами, а серией течений. Это порождает два правовых вопроса. Первый — возможен ли пересмотр статуса Саргассова моря в случае колебания траектории движения течений. Второй — можно ли на этой основе объявлять части Мирового океана отдельными морскими пространствами. (Достаточно вспомнить дискуссии в США о возможности объявления Гудзонова залива или Персидского залива особыми морями.)

Новое значение приобретает **экологический фактор**. Еще в 1995 г. была принята Глобальная программа действий по защите морской среды от загрязнения в результате осуществляемой на суше деятельности. В 2002 г. участники Всемирного форума по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (ЮАР) рекомендовали всем странам, во-первых, ввес-

ти к 2010 г. экосистемный подход к управлению прибрежными и океаническими районами и, во-вторых, помочь государствам третьего мира разработать морскую политику и механизмы комплексного управления прибрежными районами. Это открывает возможности для проведения каждым государством своей экологической политики в прибрежных районах.

Особый комплекс проблем возникает из-за обострившейся в 2008–2009 гг. проблематики **пиратства**. Возвращение этого явления порождает сомнения в способности великих держав обеспечить функционирование режима свободной торговли в Мировом океане. Основные зоны активности пиратов (побережье Сомали, Малайзии, Западной Африки) находятся на перекрестке путей транспортировки энергоносителей. Борьба с пиратством ставит вопрос о милитаризации международных транспортных путей и закреплении за государствами особых «зон ответственности» на море. Возникает предлог для закреплении в международном праве принятой на Лондонском саммите стран «группы семи» (1984) концепции «разблокировки проливов»: использования военной силы для обеспечения бесперебойных морских поставок энергоносителей.

Борьба с транснациональным терроризмом и пиратством усиливает **милитаризацию морских пространств**. Еще в 2002 г. в США был принят Закон о безопасности морского транспорта, ужесточающий систему береговой охраны. Международная морская организация приняла в 2002 г. более жесткий Кодекс охраны судов и портовых сооружений. В 2008 г. последовали резолюции Совета Безопасности ООН № 1816 и 1846 об усилении мер по борьбе с пиратством. Для решения этих задач были созданы Малайзийское агентство береговой охраны, «Инициатива четырех»¹⁴, Инициатива безопасности портов Юго-Восточной Азии. На повестку дня выходит создание региональных «зон ответственности» государств — прежде всего в ключевых с точки зрения транзита энергоносителей Ормузском, Малаккском и Сингапурском проливах¹⁵.

Конвенция ООН по морскому праву была принята в 1982 г., когда у США существовал противовес в виде советского военно-морского флота¹⁶. В 2000-х годах Соединенные Штаты занимают преобладающие позиции в области военного и торгового флотов, но не присоединяются к нормативному документу о принципах использования Мирового океана. Другие морские державы (прежде всего Россия и КНР) вынуждены наращивать морские вооружения или усиливать контроль над принадлежащими им морскими пространствами. Возникает тенденция к замене режима «океанического соуправления» менее кооперационной системой отношений в Мировом океане.

Приполярные территории

Неопределенность статуса океанических пространств обострила соперничество за раздел приполярных территорий. Подвижки в системе «океанического соуправления» поставили вопрос о разделе морских пространств, под определение которых попадают морские акватории около Северного и Южного полюсов¹⁷. Появился пласт экспертной литературы о быстром таянии полярных льдов и возможности добычи больших (правда, достоверно не доказанных) залежей углеводородов на шельфе приполярных морей¹⁸. Свое значение сохраняет и стратегический аспект проблемы. В Арктике были развернуты компоненты российской и американской систем предупреждения о ракетном нападении, базы для атомных подводных лодок, стратегической авиации. Антарктида занимает важное место в строящейся Международной системе мониторинга за ядерными испытаниями.

Еще в начале XX в. Франция, Британия, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Аргентина и Норвегия заявили свои претензии на ряд антарктических территорий¹⁹. Но 1 декабря 1959 г. был подписан Международный договор об Антарктиде, который запретил объявлять государственный суверенитет над любой частью антарктической территории и вести на ней военную деятельность, включая проведение ядерных испытаний и захоронение радиоактивных отходов. Государствам запрещалось также вести в Антарктике экономическую деятельность, т.е. добывать полезные ископаемые. Антарктику разрешалось использовать исключительно в научно-исследовательских целях. Под давлением СССР и США большинство держав-претендентов были вынуждены присоединиться к этому договору, сняв открытые претензии на обладание антарктическими территориями. (Москва и Вашингтон сделали при этом оговорку, что в принципе могут выдвинуть свои территориальные претензии в Антарктике, хотя пока отказываются от этого.) 23 июня 1961 г. Договор об Антарктиде вступил в силу.

Параллельно с подписанием Международного договора об Антарктиде СССР и США договорились о нейтрализации антарктических морей. Еще в 1937 г. Международная географическая комиссия выделила Южный океан, границей которого стало Антарктическое циркумполярное течение, проходящее между 40 и 50° южной широты. В 1953 г. Международная географическая комиссия подтвердила факт выделения нового океана. (Хотя Международная географическая комиссия пока не принимала принцип обязательного разделения Мирового океана на пять океанических пространств.)

Но страны-претенденты не отказались от своих претензий. Соперничество между ними развернулось за пограничные территории между 40° и 60° южной широты (приантарктические территории)²⁰. Претензии на них выдвинули Аргентина и Британия (Фолклендские острова, Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова), Аргентина и Чили (острова архипелага Огненная Земля). Норвегия, несмотря на протесты СССР и США, сохранила в силе королевский указ 1927 г. о присоединении к себе «сектора Буве». К французским приантарктическим владениям относятся острова Крозе, остров Кергелен, острова Сен-Поль и Амстердам. Австралия владеет островами Херд и Макдоналд, островом Маккуори; Новая Зеландия — островами Окленд и Кэмпбелл; ЮАР — островами Принс-Эдуард. Британия относит к своим приантарктическим территориям находящиеся севернее 60° южной широты острова Тристан-да-Кунья и остров Гоф. Борьба вокруг этих островов и связанного с ними континентального шельфа поставила вопрос о том, что считать границей Южного океана — Антарктическое циркумполярное течение (район 40° южной широты) или зону действия Договора об Антарктике (район 60° южной широты). Скрытой формой территориальных претензий на Антарктику стала также антарктическая филателия — публикация заинтересованными странами марок, на которых ряд территорий Антарктиды обозначается как принадлежащие им территории.

⇒ Толчком к обострению антарктического вопроса стала британо-аргентинская война за Фолклендские острова 1982 г. Она создала прецедент вооруженной борьбы за пересмотр правового статуса приантарктических территорий.

Одновременно был поставлен под сомнение безъядерный статус Антарктики. (В 2003 г. Британия подтвердила факт наличия ядерного оружия на борту своих судов в ходе Фолклендской войны.) Использование британской авиацией американской военной базы на острове Вознесения (центр Атлантического океана) поставило вопрос о возможности использования для военной деятельности в Антарктике территорий за пределами континента. Бразилия под влиянием итогов конфликта заявила в 1986 г. о наличии у нее зоны интересов в Антарктике между 28 и 53° западной долготы. Поэтому после окончания Фолклендской войны американские исследователи Джон Киган и Эндрю Виткрофт в работе «Зоны конфликтов: Атлас будущих войн» (1986) доказывали возможность новых конфликтов за ресурсы Антарктиды и Южного океана²¹.

В таких условиях Москва и Вашингтон в 1980-х годах предприняли шаги по укреплению международного статуса Антарктиды. Еще в 1980 г. была подписана Конвенция по сохранению антарктических морских ресурсов, подтверждавшая статус этого континента как международного заповедника. В 1986 г. Антарктика была официально объявлена безъядерной зоной. В 1991 г. был подписан Мадридский протокол об охране ее окружающей среды (вступил в силу в 1999 г.), подтвердивший положения конвенции 1959 года. Он ввел пятидесятилетний мораторий на добычу полезных ископаемых в Антарктике.

⇒ Международная географическая комиссия в 2000 г. определила Южный океан как особое водное пространство ниже 60° южной широты. На Южный океан стали распространяться положения Конвенции ООН по морскому праву, а также положения Договора об Антарктиде 1959 г.

Британия, Чили и Аргентина подняли вопрос о принадлежности широты южнее мыса Горн — границы антарктических плавучих льдов и поверхностных вод. Ситуация обостряется в связи с появившимися в 2005–2007 гг. прогнозами о возможном изменении границ Антарктического циркумполярного течения. Подтверждение этого факта возродит дискуссии об изменении границ Южного океана. На фоне обострения конфликта вокруг шельфа приантарктических территорий²² это усилит соперничество за пересмотр международного статуса Антарктики²³.

Более жесткое соперничество развернулось за статус Арктики. В отличие от Антарктиды межгосударственного договора о статусе Арктических территорий нет²⁴. Границы были проведены по результатам «первой арктической гонки» рубежа XIX–XX веков. В 1925–1926 гг. Канада и СССР провозгласили своими владениями треугольные секторы по сходящимся азимутам от восточной и западной точек своего побережья Северного Ледовитого океана до Северного полюса. Сложнее было положение США, Норвегии и Дании. Статус арктических стран они приобрели через изолированные от основной части территории страны и не могли создать в Арктике крупных национальных секторов. Вместе с тем в 1920-х годах СССР, Норвегия, Дания, США и Канада условились считать свои арктические секторы постоянными границами.

Международная конвенция по морскому праву 1982 г. ограничила владения каждого арктического государства территорией в 200 морских миль. Документ был ратифицирован всеми приарктическими странами, кроме США. Северный полюс и прилегающие к нему территории были объявлены нейтральными водами. Для осуществления принципа «океанического соуправления» в 1996 г. была создана международная

организация Арктический совет. Попытки применить этот принцип в Северном Ледовитом океане вызвали серию неразрешенных международно-правовых конфликтов.

Во-первых, Россия, Канада, Дания и Норвегия постановили, что часть арктических морей является их территориальными или внутренними водами. С этими решениями не согласились США и страны ЕС, которые выступили за принцип свободного судоходства во всем Северном Ледовитом океане. Особую активность в этой сфере проявляют Финляндия, Швеция и Исландия — страны, неудачно претендовавшие в прошлом на создание своих арктических секторов. Под их влиянием институты ЕС предлагают подписать международное соглашение по Арктике наподобие Договора об Антарктиде 1959 года. Это предложение вызвало в апреле 2009 г. резкое возражение со стороны Канады, которая видит в нем угрозу для введенного в 1952 г. внутреннего статуса Канадского арктического архипелага и прилегающих к нему водных пространств.

Во-вторых, отход от принципа секторального деления Арктики породил конфликты вокруг статуса Северного полюса. Еще в 1958 г. Международный суд постановил, что эта территория может отойти к Канаде, если в течение 100 лет никакая страна не докажет прав на дно Северного Ледовитого океана. В апреле 2004 г. претензии на Северный полюс выдвинула Дания, мотивируя его связью с Гренландией подводным хребтом Ломоносова. В начале 2000-х годов в СМИ обсуждался тезис о формировании коалиции России, Дании и Канады за сохранение секторального раздела Арктики при условии перехода Северного полюса к Канаде. Однако Москва выступила за сохранение международного статуса приполярной территории. 2 августа 2007 г. российская экспедиция «Арктика-2007» установила российский флаг на дне под Северным полюсом. Другие приарктические страны — Канада, Дания и США — восприняли этот шаг России как претензию на присоединение Северного полюса к предполагаемому российскому континентальному шельфу.

В-третьих, ратификация Конвенции ООН по морскому праву поставила перед Россией вопрос о сохранении статуса Северного морского пути. С 1926 г. он считался национальной транспортной коммуникацией СССР, статус которой регламентировался внутренним законодательством. 27 апреля 1965 г. Совет министров СССР постановил, что в Северном Ледовитом океане воды проливов Карские Ворота, Югорский Шар, Маточкин Шар, Вилькицкого, Шокальского и Красной Армии являются территориальными, а проливов Дмитрия Лаптева и Санникова — историческими владениями Советского Сою-

за. 31 июля 1998 г. был принят закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», который подтвердил статус Северного морского пути как внутренней транспортной артерии России. Распространение на Северный Ледовитый океан принципов «океанического соуправления» меняет ситуацию. Другие арктические страны (особенно США) могут поставить вопрос о свободном судоходстве на восточной ветке Северного морского пути от Маточкина Щара до Берингова пролива.

В-четвертых, между арктическими странами возник вопрос о пересмотре границ полярных секторов. Канада приняла 27 июня 1952 г. Закон о северных территориях, который распространил канадский суверенитет на прилежащие к континентальной части Канады арктические земли и острова. Это вызвало территориальные споры Канады с Данией (остров Ханс и пролив Нарес в Канадском Арктическом архипелаге) и США (участки моря Бофорта). Между СССР и Норвегией с начала 1970-х годов длится спор по поводу 155 тыс. кв. км шельфа Баренцева моря. Новым фактором стало провозглашение расширенной автономии Гренландии 21 июня 2009 года. Теоретически возможно появление ситуации, когда возникнет вопрос о праве Копенгагена быть участником Арктического совета.

Особую роль играют пограничные споры между Россией и США. В 1979 г. Верховный Совет СССР решил отодвинуть восточную границу, разделяющую Евразийский и Североамериканский континенты, к западу до 168°58' западной долготы. Это решение вызвало территориальный спор Советского Союза и Соединенных Штатов из-за шельфовых участков в Беринговом и Чукотском морях. 1 июня 1990 г. США и СССР подписали соглашение о разграничении морских пространств в Беринговом море («соглашение Шеварднадзе—Бейкера»), по которому спорная территория в 50 тыс. кв. км площади была передана Вашингтону. Государственная дума РФ не ратифицировала это соглашение. Конгресс США, напротив, ратифицировал его 18 сентября 1990 г., и Вашингтон не признает российских претензий на сектор в Беринговом море.

В-пятых, активизировались дискуссии вокруг проблемы глобального потепления²⁵. В 1994 г. Международный комитет ученых по Арктике запустил проект «Последствия изменения климата в Арктике». 24 ноября 2004 г. его участники представили доклад «Последствия потепления в Арктике», в котором фиксировалось уменьшение толщины ледового покрова Арктики и ускоренное таяние арктических льдов. Аномально теплая зима 2006/07 г. в Северном полушарии придавала этим прогнозам катастрофический оттенок. Межправительственная группа

экспертов по изменению климата 14 марта 2007 г. сообщила о возможном установлении полноценного судоходства в Арктике к 2070 году. Европейское космическое агентство 4 сентября 2007 г. заявило, что потери льда открыли Северо-Западный проход (Канада) в первый раз после 1978 года. В 2008–2010 гг. эти модели стали вызывать сомнения. Но *преобладающим трендом пока остаются разработки на тему быстрого таяния арктических льдов.*

Более реалистична проблема разрушения арктических островов из ископаемого льда. Эти острова — обломки ледяного покрова времен последнего оледенения, которые «накрыты» грунтом, принесенным ветрами с материка. Подобные острова периодически гибнут из-за повышения среднегодовых температур (острова Меркурия, Диомида, Васильевский, Семеновский в море Лаптевых, остров Фигурин в Восточно-Сибирском море). В 1955–1958 гг. советские исследователи установили, что ископаемым льдом сложена часть площади острова Большой Ляховский (Новосибирские острова), мысов Крестовский и Большой Чукочий (север Якутии). Подобные тенденции теоретически могут частично изменить географическую карту Арктики.

В-шестых, в России крепнет ощущение, что цель других арктических стран — не гипотетическая добыча энергоресурсов, а утверждение своих стратегических интересов. Активизация арктической политики США, Канады, Дании и Норвегии началась после вступления в силу Договора СНВ-1 (1994 г.). В его рамках действовала «Программа совместного уменьшения угрозы», по которой они помогали России ликвидировать на Кольском полуострове атомные подводные лодки. В мировых СМИ появились недоказанные сообщения об «экологической катастрофе» на российском Севере. Требования распространить на Северный Ледовитый океан систему «океанического соуправления» могут означать попытку США, Норвегии, Дании и Канады сузить акваторию действия российского Северного флота.

В-седьмых, арктические страны подали заявки в Комиссию ООН по континентальному шельфу на обладание определенными арктическими пространствами. 20 декабря 2001 г. Россия подала заявку в комиссию на самый крупный сектор в Северном Ледовитом океане (1,2 млн кв. км), утверждая, что подводный хребет Ломоносова служит продолжением Сибирской континентальной платформы. 28 июня 2002 г. России было рекомендовано доработать обоснования своей заявки ввиду отсутствия карт подводных хребтов Ломоносова и Менделеева. Поэтому Россия в 2005 г. организовала ряд экспедиций по изучению подводного рельефа Северного Ледовитого океана. Летом 2007 г. последовала полярная экспедиция «Арктика-2007» под руководством депутата Го-

сударственной думы РФ А. Чилингарова. По ее результатам 20 сентября 2007 г. Минприроды России объявило, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева служат продолжением континентального шельфа Российской Федерации. Дополнительные обоснования по российской заявке должны быть представлены в Комиссию ООН по континентальному шельфу в 2013 году.

Это событие вызвало болезненную реакцию других арктических государств. Норвегия подала 27 ноября 2006 г. свою заявку в Комиссию ООН по континентальному шельфу на 250 тыс. кв. км арктического шельфа. (15 апреля 2009 г. ООН признала суверенитет Норвегии только на 235 тыс. кв. км.) Канада и Дания заявили о намерении представить подобные заявки в 2013–2014 годах. Представители США, Канады, Дании и Норвегии выступили с рядом жестких заявлений по поводу российской экспедиции «Арктика-2007»²⁶. К Северному полюсу были организованы датская (сентябрь 2007 г.) и две совместные американо-канадские экспедиции (сентябрь 2008 г. и август 2009 г.). Для снижения вероятности конфликтов 27–29 мая 2008 г. представители арктических стран на саммите Арктического совета в городе Илулиссат (Гренландия) подписали декларацию по проблемам Арктического циркумполярного региона²⁷. Участники саммита договорились блокировать попытки установления всеобъемлющего международно-правового режима управления Северным Ледовитым океаном и урегулировать проблемы Арктики мирными средствами.

2009 год принес, однако, новую гонку арктических стратегий. 9 января 2009 г. президент Дж. Буш-младший подписал документ «Региональная политика США в Арктике»²⁸, который рекомендовал конгрессу ускорить процесс ратификации Конвенции ООН по морскому праву. 8 февраля 2009 г. в Осло на саммите министров иностранных дел Дании, Норвегии, Исландии, Финляндии и Швеции экс-министр иностранных дел Норвегии Турвалд Столтенберг выступил с докладом о необходимости расширения военно-морского сотрудничества Скандинавских стран в Арктике²⁹. В феврале 2009 г. был опубликован документ Совета безопасности РФ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу»³⁰. Правительство Канады опубликовало 18 августа 2009 г. «Северную стратегию»³¹, в которой провозгласило необходимость развивать свою арктическую инфраструктуру и препятствовать распространению на Арктику принципов «океанического соуправления».

Наложение подобных стратегий друг на друга усиливает конфликтный потенциал. 20 марта 2010 г. президент России Д. А. Медведев отметил, что «наблюдаются попытки других стран ограничить доступ

России к разработке и освоению арктических месторождений». Это вызвало негативную реакцию со стороны Норвегии и Канады. Попытки распространить на Арктику Конвенцию по морскому праву 1982 г. остались неудачными.

Воздушное пространство

Не менее жесткое соперничество разворачивается в воздушном пространстве. В первой половине XX в. государства провозгласили суверенитет над принадлежащими им слоями атмосферы. Но на Женевском саммите ООН 1955 г. США предложили принцип «открытого неба», согласно которому авиация всех стран могла совершать беспрепятственные инспекционные полеты над территорией других государств. СССР опасался, что в условиях превосходства Вашингтона в стратегической авиации реализация этого принципа приведет к бесконтрольному наблюдению за советскими военными объектами. Поэтому, хотя Соединенные Штаты и страны Западной Европы приняли идею «открытого неба», она не была оформлена в правовой режим.

При М. С. Горбачеве СССР согласился пойти на компромисс. На Парижской сессии СБСЕ (19–21 ноября 1990 г.) доработанный текст договора одобрили европейские страны НАТО и Варшавского договора как механизм верификации соглашений по контролю над вооружениями. 24 марта 1992 г. на саммите СБСЕ в Хельсинки был открыт для подписания Договор по открытому небу (ДОН — *Treaty on Open Skies*). Документ зафиксировал: а) принцип государственного суверенитета над воздушным пространством; б) возможность государств договора совершать инспекционные полеты над территориями друг друга; в) право на равное количество наблюдательных полетов и г) детальное описание процедур проверок самолетов наблюдения. Участники ДОН создали в Вене Консультативную комиссию по открытому небу, которая принимает решения на основе консенсуса. При комиссии был создан банк данных, куда поставляется информация, поступившая от инспекционных полетов. Договор вступил в силу 1 января 2002 года.

⇒ В конце 2000-х годов наметились дискуссии о пересмотре ряда принципов ДОН. Документ был подписан в условиях, когда Россия фактически отказалась от регулярных полетов своей стратегической авиации. Ситуация изменилась в 2007 г., когда Россия возобновила регулярные полеты своей стратегической авиации. (8–9 марта 2007 г. российская авиация совершила, в частности, инспекционные полеты над Канадой.)

Американские аналитики заговорили о несовместимости ряда положений ДОН с интересами национальной безопасности США. Похожие голоса зазвучали и в Канаде, где возобновление регулярных полетов стратегической авиации РФ увязали с дипломатическим конфликтом вокруг российской экспедиции «Арктика-2007».

Эти дискуссии могут получить юридическое обоснование. ДОН был подписан в формате саммита СБСЕ и в этом отношении уязвим для критики. Политики говорят о нарастающем кризисе ОБСЕ и необходимости ее реформы. Большинство крупных азиатских и латиноамериканских стран чувствуют себя ущемленными при разработке этого режима. Это создает правовой задел для возможного пересмотра базовых принципов ДОН.

Особую роль в пересмотре принципа «открытого неба» может сыграть политика ЕС. Еще в 1987 г. началось создание «Единого европейского неба». В 2006 г. Совет министров транспорта стран ЕС потребовал переводить двусторонние соглашения государств ЕС с другими странами в горизонтальные соглашения с Евросоюзом. Параллельно Европейская комиссия начала составлять «черный список» авиакомпаний, нарушающих экологические стандарты или ценовую политику. Возникают предпосылки конфликта между Евросоюзом и другими странами (Россией, КНР, отчасти Индией), рассматривающими его действия как нарушение ДОН³².

Похожие проблемы существуют и в отношении космического пространства. Нормы космического права закреплены в Договоре о принципах исследования и использования космического пространства («Договор о Луне») 1967 года. Основными принципами космической политики³³ стали исследование и использование космоса в интересах всего человечества, равенство всех стран при проведении космических исследований, ведение космической деятельности в соответствии с международным правом и запрет на присвоение космического пространства государствами. Особую роль играли статьи об использовании небесных тел исключительно в мирных целях и запрещении вывода в космос оружия массового поражения (ОМП). Однако внутри договора существуют серьезные правовые лакуны³⁴, которые в условиях начавшейся с 2003 г. «второй космической гонки»³⁵ могут привести к распаду режима «космического соуправления».

Это важно

В международном праве отсутствует определение космического пространства. Большинство государств вслед за Международной федерацией аэронавтики считает, что граница между воздушным и космическим простран-

ством проходит на высоте 100 км над уровнем моря. США придерживаются иного — функционального — подхода.

В соответствии с ним нет необходимости устанавливать четкую границу между двумя пространствами. Лучше различать авиационную и космическую деятельность в зависимости от типа используемого аппарата. Это открывает возможности для провозглашения государствами суверенитета над пограничными слоями космоса и атмосферы.

Сложный комплекс проблем порождает **коммерциализация космической деятельности**. Основные проекты изучения космоса традиционно реализовывали государства. С развитием телекоммуникационных технологий и коммерческих запусков орбитальных аппаратов все более весомую роль приобретает космический бизнес. Коммерческие компании выводят свои спутники или покупают у государства услуги, предоставляемые его орбитальной группировкой. Новый ракурс эта проблема получила в связи с появлением проектов космического туризма на основе частных суборбитальных аппаратов и космодромов. Международных правил ведения коммерческой деятельности в космосе нет. Применимы ли нормы «Договора о Луне» к транснациональным корпорациям, если они не являются его участниками?

Особую проблему представляет растущее **соперничество государств за первенство в освоении небесных тел**³⁶. Среди космических держав наблюдается возвратный интерес к организации пилотируемых полетов на Луну. США, Россия, страны ЕС и Япония выдвигают конкурентные проекты изучения планет Солнечной системы. В ближнем космосе Россия и страны ЕС пытаются развернуть альтернативные американской GPS системы навигации и связи. Соперничество усиливается на рынке космической метеорологии, где Япония, Европейское космическое агентство и отчасти Россия пытаются потеснить НАСА. «Договор о Луне» 1967 г. запрещает государствам провозглашать суверенитет над небесными телами. Но юридические коллизии вокруг «Соглашения о Луне» 1979 г. создают задел для пересмотра в будущем этого положения³⁷.

Это важно

Особую опасность представляют попытки **милитаризации космического пространства**. Во второй половине XX в. сформировалось понятие «военно-космическая деятельность», которое включает в себя использование спутников в интересах разведки, связи, наблюдения, целеуказания, навигации и раннего предупреждения о ракетном нападении.

Дважды (в 1960-х и 1980-х годах) в США и СССР наблюдался подъем интереса к проектам «космического оружия» в виде серии авто-

номных космических перехватчиков и противоспутниковых систем³⁸. В 1990-х годах Пентагон разработал системы ПРО «заатмосферного перехвата» *THAAD (Theater High Altitude Area Defense)*. Они способны действовать за пределами нижней границы космического пространства, но по американской классификации относились к ПРО ТВД. Вопрос о размещении подобных систем в Японии и на Тайване во многом привел к Тайваньскому ракетному кризису 1996 года. Возникла опасность вывода ударных боевых систем в космическое пространство без формального нарушения базового договора 1967 года³⁹.

В начале XXI в. тенденция к милитаризации космоса усилилась. С 2001 г. Соединенные Штаты постоянно повышают роль космического компонента своей создающейся системы ПРО. В России, судя по заявлениям руководства РВСН и Военно-космических сил, разрабатываются новые перспективные проекты в области развития средств преодоления космического эшелона ПРО. В 2007–2008 гг. прошли испытания китайского и американского противоспутникового оружия. Эти тенденции повышают опасность столкновения космических объектов. Показательным стало столкновение 11 февраля 2009 г. американского телекоммуникационного спутника «*Iridium 33*» с выведенным из строя российским военным спутником «Космос-2251».

Отдельного внимания заслуживает **проблема вывода в космос ударных боевых платформ**. «Договор о Луне» запрещал выводить в космос все виды ОМП. Но в документе не говорилось о запрете на размещение в космосе обычных вооружений или оружия на новых физических принципах. В соответствии с функциональным подходом к определению космоса боевые платформы можно выводить в ближний космос, выдавая их за системы «высоковоздушного» («заатмосферного») перехвата. В 2007 г. Россия и КНР разработали проект Договора о запрещении вывода в космос ударных боевых систем. Но на Женевской конференции ООН 12 февраля 2008 г. США заблокировали проект этого документа. Москва и Пекин, напротив, подписали 23 мая 2008 г. совместную декларацию, в которой обязались содействовать продвижению этого договора.

В краткосрочной перспективе центром дискуссий станет, по-видимому, вопрос о верхних слоях атмосферы и пограничных слоях «ближнего» космоса. Формально государственный суверенитет распространяется на все атмосферное пространство до высоты 100 км. Фактически используемым было только пространство до высоты 45 км — верхней границы полета реактивных самолетов. Разработка новых систем вооружений меняет ситуацию. Мезосфера и термосфера попадают в не-

посредственное поле государственных интересов. Возникает опасность пересмотра «Договора о Луне» или даже распада этого документа, как это произошло с Договором по ПРО 1972 года.

Информационное пространство

Новой сферой международных отношений стала борьба за раздел информационного пространства. До создания глобальной информационной сети понятие «информационная борьба» означало исключительно ведение пропаганды через СМИ. Ситуация изменилась с появлением Интернета (*Interconnected Networks*) — глобальной телекоммуникационной сети информационных и вычислительных ресурсов⁴⁰. Эта система возникла в результате слияния трех сетей:

- американской экспериментальной сети *ARPANET (Advanced Research Projects Agency Network)*;
- сети Научно-исследовательского фонда США (*National Science Foundation Network — NSFNet*);
- системы Всемирной паутины, разработанной Европейским советом по ядерным исследованиям.

Технологический фундамент для функционирования этой сети был заложен в 1970-х годах. В то время был разработан принцип электронных протоколов, на основе которого возникли первые электронные услуги — электронная почта и списки рассылки информации. В 1991 г. появилась основная услуга сети — Всемирная паутина (*World Wide Web*). Она упростила поиск информации и позволила обслуживать графические, видео- и аудиофайлы. В 1993 г. ведущие мировые СМИ начали использовать электронную сеть для размещения электронных версий своих изданий. На этой основе к 1997 г. окончательно сформировалось понятие «Интернет», включающее в себя Всемирную паутину, услуги электронной почты, списки рассылки и услуг.

Это событие сделало технически решаемой проблему управления информационным пространством. Управление Интернетом означает установление контроля над ключевыми ресурсами (доменные имена, *IP*-адреса, интернет-протоколы, система корневых серверов), контентом, регистрационными операциями и системой присвоения доменов и адресов. В начале 1990-х годов возникли международное сообщество *IETF (Internet Engineering Task Force)* и международная профессиональная организация *ISOC (Internet Society)*. В 1998 г. ведущие функции перешли к международной некоммерческой организации *ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers)*. Формально она независима

от государственных структур, хотя в ее создании участвовал Департамент торговли Соединенных Штатов.

- ⇒ В конце 1990-х годов компания *ICANN* подверглась реорганизации. Возникла дочерняя от нее организация *IANA* (*Internet Assigned Numbers Authority*), которая занимается управлением пространствами *IP*-адресов, доменов верхнего уровня, типами данных *MIME* и параметрами протоколов Интернета. *IANA* делегирует свои полномочия по распределению *IP*-адресов региональным регистраторам. Появилась серия интернет-организаций *RIR* (*Regional Internet Registry*), занимающихся вопросами адресации и маршрутизации в Интернете и получающих свой статус от *ICANN*.

Такая система управления Интернетом привела к разногласиям между великими державами. Страны ЕС и США выступают за сохранение лидирующих позиций *ICANN* как автономной компании. КНР, страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки требуют передать *ICANN* под контроль Международного союза электросвязи. Более гибкую позицию занимает Россия, сумевшая создать свой домен Интернета — Рунет.

Дискуссии о создании международно-правового режима управления Интернетом начались во второй половине 1990-х годов⁴¹. В 1998–2001 гг. была принята серия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, которые постулировали необходимость начать разработку понятия «информационная безопасность» и учредить международные стандарты обеспечения безопасности глобальных информационных систем. Часть этих положений была зафиксирована в принятой на саммите «группы восьми» на Окинаве (2000) хартии «Глобального информационного общества». 22 ноября 2002 г. последовала программная резолюция ГА ООН № 57/53, которая указала на недопустимость использования информационно-телекоммуникационных технологий и средств для оказания негативного воздействия на инфраструктуру государств. В то время она была воспринята как косвенное осуждение политики США по подготовке военной операции в Ираке.

В начале XXI века на смену спорам о принципах осуществления информационной безопасности пришел вопрос о непосредственном управлении Интернетом⁴². Дискуссии начались на Международном саммите 2003 г. по проблемам информационного общества в Женеве. Генеральному секретарю ООН было поручено организовать Рабочую группу по проблемам информационного общества для выработки определения термина «управление Интернетом» и подготовки отчета к Тунисскому саммиту 2005 г. 8 декабря 2003 г. последовала резолюция ГА ООН № 58/32 «Достижения в сфере информатизации и телекомму-

никаций в контексте международной безопасности». В соответствии с ней в 2004 г. была создана Группа правительственных экспертов для изучения комплекса вопросов информационной безопасности.

Доклад Рабочей группы (июнь 2005 г.) определил «управление Интернетом» как «разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своей соответствующей роли, общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение Интернета». Это определение подвергалось критике за неясность формулировок. Достичь конкретных результатов на Международном саммите по информационному обществу в Тунисе (ноябрь 2005 г.) не удалось.

В 2006–2009 гг. крупных подвижек в сфере управления Интернетом не было. Но в данный период возникла серия прецедентов по усилению государственного контроля над этой системой. В 2006 г. США приняли «Стратегию национальной безопасности в киберпространстве», в которой было объявлено об усилении роли спутникового Интернета как наименее уязвимого для нападения террористов. В мае 2007 г. серверы Эстонии подверглись массированным хакерским атакам, в которых страны НАТО обвинили Россию. В июне 2008 г. в Швеции был принят закон об усилении контроля над поступающим из РФ интернет-трафиком. В том же 2008 г. КНР подтвердила свои требования убрать из Интернета расширение Тайваня «*tw*» и заявила о возможности перехода на национальные *IDN*-домены. Эти события показали, что государства рассматривают возможность усиления национального регулирования Интернета.

Особый интерес заслуживает концепция проведения возможных военных операций в киберпространстве. В Соединенных Штатах в 2006 г. была принята «Национальная стратегия борьбы с кибертерроризмом». 19 сентября 2007 г. было объявлено о создании в составе ВВС США Киберкомандования (*Air Force Cyber Command — AFCYBER*), специального отдела министерства обороны, отвечающего за обеспечение военных действий в виртуальном пространстве и безопасности военных информационных систем. 23 июня 2009 г. приказ о его формировании был подписан министром обороны США Робертом Гейтсом. Повышение роли операций в киберпространстве предусмотрено также изданным 1 февраля 2010 г. «Четырехлетним обзором оборонной политики США». Закрепление этой тенденции подрывает единство мировой информационной сферы⁴³.

* * *

Борьба за передел «общих пространств» отражает фундаментальный сдвиг в структуре среды международной безопасности. Понимание пространства вышло за пределы «территориальной» геополитики XIX в. Помимо физико-географических территорий оно включает в себя перетоки информации, коммуникации, механизмы формирования общественного мнения, контроль над водными ресурсами. Но одновременно понимание пространства вышло также за пределы геоэкономических концепций конца XX в. В то время освоение «новых пространств» считалось фактором объединения государств перед лицом «новых вызовов». В XXI в. взаимодействие в рамках «общих пространств» предполагает не столько межгосударственное сотрудничество в их освоении, сколько соперничество за принципы их раздела. Увеличение числа пространств порождает новые формы межгосударственных или даже транснациональных конфликтов. В этом смысле переход к «сферической» модели парадоксальным образом возрождает теории «жесткой силы» и геополитического соперничества.

Ключевые слова

Неразделенные пространства, Мировой океан и океанические пространства, «океаническое соуправление», Арктика, воздушное пространство, «открытое небо», космическое пространство, информационное пространство.

Контрольные вопросы

1. Какие аспекты международного морского права требуют более детальной проработки и уточнения?
2. В чем проявляется конкуренция за антарктические и приантарктические территории?
3. Какие международно-политические противоречия в отношении раздела Арктики остаются неразрешенными?
4. Каковы истоки и современное состояние режима «открытого неба»?
5. Почему в 2000-х годах возросла опасность милитаризации космоса?
6. Какую позицию занимает Россия в отношении проблемы управления Интернетом?

Примечания

¹ *Walton D. Geopolitics and the Great Powers in the 21st Century: Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective. L.: Routledge, 2009; Dolman E. C. Astropolitik: Classical Geopolitics in The Space Age. L.: Frank Cass, 2002; Косола-*

Раздел 3. Великие державы и региональные подсистемы

пов Н. А. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Сентябрь—декабрь. Т. 5. № 3 (15). С. 57—65.

² Анализ этой проблемы см. в не устаревшей и сегодня монографии: Барсегов Ю. Г. Мировой океан: политика, право, дипломатия. М: Международные отношения, 1983.

³ Эти ограничения были зафиксированы в Московском договоре о запрещении ядерных испытаний в трех сферах (1963) и Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов ОМП (1971). СССР и США дополнили их Соглашением о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ними (1972) и Соглашением об уведомлении о пусках МБР и БРПЛ (1988).

⁴ См.: Писарев В. Д. Дипломатия океанического соуправления // Международные процессы. 2007. Май—август. Т. 5. № 2 (14). С. 4—16.

⁵ См.: Корзун В. А. Россия в Мировом океане: новые геополитические условия. М.: Наука, 2003.

⁶ Мировой океан и стратегическая стабильность / Под ред. В. Г. Барановского. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

⁷ Подробный анализ этой проблемы см.: Писарев В. Д. Управление прибрежными зонами Мирового океана: подход США и международные отношения // США—Канада: экономика, политика, идеология. 2002. № 7.

⁸ Ward M. *New Geopolitics*. L.: Routledge, 1992.

⁹ Международный суд ООН рассматривал в 1969—1993 гг. споры Германии с Данией и Нидерландами, Ливии с Тунисом и Мальтой, США с Канадой, Дании с Норвегией. В 1992 г. Международный суд ООН урегулировал спор о морских границах между Сальвадором и Гондурасом. В 2009 г. Международный суд ООН урегулировал конфликт между Украиной и Румынией относительно спорных шельфовых пространств вокруг острова Змеиный в Черном море. В ближайшее время можно прогнозировать обострение проблемы раздела континентального шельфа. 13 мая 2009 г. истек срок подачи заявок в Комиссию ООН по континентальному шельфу. Государства подали 46 индивидуальных и коллективных заявок на освоение шельфовых территорий в разных уголках Мирового океана.

¹⁰ Интересные наблюдения см.: Rumley D. *The Geopolitics of Australia's Regional Relations*. Springer, 2007.

¹¹ См.: Tomczak M., Godfrey J. S. *Regional Oceanography: An Introduction*. N.Y.: Pergamon, 1994.

¹² Ibid. P. 215.

¹³ В 1989 г. Аральское море распалось на Северное (Малое) и Южное (Большое) Аральское море. В 2001 г. Южное Аральское море разделилось на западную и восточную части, и остров Возрождения стал полуостровом. В 2009 г. произошло резкое снижение уровня воды в Южном Аральском море. Выделение новых водных пространств может поставить вопрос о пересмотре казахстанско-узбекской границы, усилив конфликтный потенциал в отношениях между этими государствами.

¹⁴ «Инициатива четырех» — действующая с 2007 г. система координации военно-морской деятельности США, Австралии, Японии и Индии.

¹⁵ *Kaplan R.* Center Stage for Twenty-first Century // *Foreign Affairs*. March/April 2009. Vol. 88. No 2. URL: <http://www.foreignaffairs.com>.

¹⁶ Этот вопрос был подробно проработан еще в советской литературе. См.: *Международная безопасность и Мировой океан* / Отв. ред. Л. А. Иванашенко, Ю. М. Колосов. М.: Наука, 1982; *Мировой океан* / Под ред. Е. М. Примакова. М.: Мысль, 1986. Из новейших работ см.: *Steinberg Ph. E.* The Social Construction of the Ocean. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

¹⁷ *Kliot N.* Geopolitics at the End of the Twentieth Century: The Changing World Political Map. L.: Routledge, 2007; *Zellen B. S.* Breaking the Ice: From Land Claims to Tribal Sovereignty in the Arctic. Lanham: Lexington Books, 2008.

¹⁸ См.: *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy* / J. H. Kalicki and D. L. Goldwyn (eds.). Washington — Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 2005.

¹⁹ Британия заявила в 1908 г. о создании Британской антарктической территории (20–80° западной долготы). Новая Зеландия провозгласила в 1923 г. суверенитет над Землей Росса (150° западной долготы — 160° восточной долготы) и Землей Эдуарда VII (77° южной широты — 155° западной долготы). Норвегия провозгласила в 1927–1929 гг. суверенитет над приантарктическим островом Петра I, островом Буве и прилегающими к нему территориями севернее 60° южной широты («сектор Буве»), а в 1939 г. — над антарктической Землей Королевы Мод (20° западной долготы — 44° восточной долготы). Австралия выдвинула в 1933 г. претензии на Землю Виктории (между 44 и 136° восточной долготы) и Землю Эндерби (между 142 и 160° восточной долготы). Франция в 1924 г. объявила о своих правах на Землю Адели (136–142° восточной долготы) и учредила в 1955 г. новое образование — Французские южные и антарктические территории. Германия заявила в 1939 г. о своих претензиях на Новую Швабию (10° западной долготы — 20° восточной долготы). Чили провозгласила в 1940 г. создание Чилийской Антарктики (53–90° западной долготы). Аргентина объявила в 1943 г. о создании Аргентинской Антарктики (25–74° западной долготы).

²⁰ *Dodds K.* Geopolitics in Antarctica: Views from the Southern Oceanic Rim. Chichester. N.Y.: Published in association with Scott Polar Research Institute, University of Cambridge by J. Wiley, 1997.

²¹ *Keegan J., Wheatcroft A.* Zones of Conflict: An Atlas of Future Wars. N.Y.: Simon and Schuster, 1986.

²² В октябре 2007 г. в британских СМИ появились сообщения, что Лондон планирует заявить о своих суверенных правах на часть континентального шельфа в районе Фолклендских островов. 19 октября 2007 г. министр иностранных дел Аргентины Хорхе Тайана заявил, что его страна предъявит права на Аргентинскую Антарктику, а также на экономическую зону вокруг нескольких приантарктических островов, включая Фолклендские. Аргентина (22 апреля 2009 г.) и Британия (11 мая 2009 г.) подали заявки в Комиссию ООН по континентальному шельфу. В декабре 2009 г. Аргентина законодательно объявила Фолкленды

своей территорией. На региональном саммите государств Латинской Америки и Карибского бассейна в Канкуне (Мексика) 24 февраля 2010 г. ее поддержали все латиноамериканские государства. В феврале 2010 г. Британия начала бурение экспериментальных скважин на шельфе Фолклендских островов.

²³ *Lorraine E.* International Environmental Politics: Protecting the Antarctic. L.: Macmillan, 1994.

²⁴ Сравнительный анализ см.: *Chaturvedi S.* The Polar Regions: A Political Geography. Chichester: John Wiley and Sons, 1996.

²⁵ См.: *Zellen B. S.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Praeger, 2009.

²⁶ См.: Лавров осадил недовольных российским флагом Канаду и США // Известия. 2007. 3 августа.

²⁷ Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илуиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 года // Официальный сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

²⁸ National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive. January 9, 2009 // The White House Gov. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov>.

²⁹ *Stoltenberg T.* Nordic Cooperation Foreign and Security Policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on 9 February 2009. URL: <http://www.regjeringen.no/upload/UD/Vedlegg/nordicreport.pdf>.

³⁰ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета. 30.03.2009.

³¹ Canada's Northern Strategy. URL: <http://www.northernstrategy.ca/index-eng.asp>.

³² *Banfi F.* The EU-US open sky agreement: a decisive first step. An analysis of the agreement. URL: <http://www.thenewfederalist.eu>.

³³ См.: *Moltz J. C.* The Politics of Space Security. Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests. Stanford: Stanford University Press, 2008; *Temple P.* Shades Of Gray: National Security And The Evolution Of Space Reconnaissance. Washington: American Institute of Aeronautics, 2004.

³⁴ Civil Space Programs and Global Utilities. Key Trends and 2004 Developments // Space security 2004. URL: <http://www.spacesecurity.org>.

³⁵ *Samson V.* Could U.S. Missile Defense Policy Restrict Access to ISS? October 1, 2008 // CDI Center for Defense Information. URL: <http://www.cdi.org>. См. также: *Фененко А. В.* Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Сентябрь—декабрь. Т. 6. № 3 (18). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru>.

³⁶ *Krepton M., Clary Ch.* Space Assurance or Space Dominance? The Case Against Weaponisation of State. Washington: Henry L. Stimson Center, 2003; *Detlev W.* Common Security in Outer Space and International Law. Geneva: United Nations Publications, 2006.

³⁷ Подписанное в 1979 г. Международное соглашение о статусе Луны определяло это небесное тело как «общее достояние человечества». С таким под-

Глава 22. «Новые политические пространства»

ходом не согласились США, увидев в нем противоречие с «Договором о Луне» 1967 г. (Договор фиксировал запрет на присвоение государствами небесных тел, но не прописывал возможность объявления их чьей-либо собственностью.) Поэтому в 1984 г. соглашение не вступило в силу ни для одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН.

³⁸ См.: Космическое оружие — дилемма безопасности / Под ред. Е. П. Вехова, Р. З. Сагдеева, А. А. Кокошина. М.: Мир, 1986; *Ознобищев С. К., Потанов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный» ответ на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. М.: ЛЕНАНД, 2008.

³⁹ *Freeze J. J.* Space as a Strategic Asset. N.Y.: Columbia University Press, 2007; *DeBlois D. M., Garvin R. L., Kemp R. S., Marwell J. C.* Space Weapons: Crossing the U.S. Rubicon // *International Security*. Fall 2004. Vol. 29. No 2. P. 50–84.

⁴⁰ *Mathiason J.* Internet Governance. The new frontier of global institutions. L.; N.Y.: Routledge, 2009. Рецензию на эту работу см.: *Международные процессы*. 2009. Январь—апрель. Т. 7. № 1 (19).

⁴¹ См.: *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. М.: Рефл бук, 2000; *Расторгуев С. П.* Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2001.

⁴² См.: *Натсак О. Д.* «Технополитика» Интернета // *Международные процессы*. 2008. Январь—апрель. Т. 6. № 1 (16). С. 71–75. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru>.

⁴³ Quadrennial Defense Review Report. 01.02.2010. URL: www.defense.gov.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Прагматизм и этика в мировой политике. Куда мы идем?

Хотя проблема **этического измерения международных отношений** довольно живо обсуждается в современной науке¹, на фоне большого объема литературы, посвященной этическому измерению политики (в целом)², работы, касающиеся ее международного аспекта, выглядят весьма скромно. Между тем вопрос о «должном», «справедливом», «моральном» в отношениях между государствами и народами и в поведении их правителей по отношению друг к другу интересовал людей за много столетий до появления и науки о международных отношениях, и политической науки. Этими людьми были философски мыслящие политики и политически мыслящие философы, такие как Конфуций, Каутилья, римские стоики, Макиавелли, Монтескье, Кант, Гегель, Маркс с Энгельсом, Ницше, Ленин, Троцкий, Рассел и многие другие.

У отмеченного измерения имеются и нефилософские аспекты (достойные внимания исследователя), о чем свидетельствует существующая научная литература. П. А. Цыганков, посвятивший отдельную главу своей «Теории международных отношений» их «этическому измерению», выносит на обсуждение такие вопросы, как «взаимодействие права и морали в сфере международных отношений, общее и особенное в их содержании и проявлении; ...специфика трактовок международной морали представителями различных теоретических школ и направлений в истории и в настоящее время; ...императивы международной морали в свете процессов глобализации, свойственных современному этапу мирового развития»³. И это далеко не весь круг проблем «международной морали», которыми могли бы заняться наряду с философами историки, социологи, правоведы.

С учетом междисциплинарного характера затронутой проблемы одна из задач заключается в том, чтобы выделить несколько групп вопросов или аспектов вопросов, касающихся этического измерения международных отношений и имеющих *более или менее отчетливо*

выраженный философский характер. Это по большей части не новые вопросы: некоторые из них не единожды ставились и обсуждались в рамках общей проблемы «политика и мораль». Было бы, однако, полезным, во-первых, исследовать их применительно к сфере международных отношений (это если и делалось, то редко и бессистемно) и выявить возможную специфику их проявления в пределах данной сферы, а во-вторых, рассмотреть проблему философии морали на базе опыта, накопленного народами и государствами мира за долгие годы их общения друг с другом.

Первый вопрос, который следовало бы поставить при философском анализе этического измерения международных отношений, — это вопрос о *сущности и генезисе* этого измерения. Подавляющее большинство исследователей, высказывая несовпадающие суждения о рассматриваемом предмете, не отрицают сам факт наличия в международных отношениях морального аспекта. Более того, появилось и получило распространение в научной и учебной литературе такое понятие, как «*международная мораль*»⁴, в содержании и смысле которого следовало бы разобраться с самого начала. Вопрос тем более закономерный, что единого толкования понятия «международная мораль», насколько можно судить по литературе, пока не выработано⁵, и это крайне затрудняет понимание смысла высказываний, в которых оно используется.

Теоретически возможно несколько вариантов его толкования.

1. «Международная мораль» — это просто *фигура речи*, более лаконичный синоним выражений типа «моральное (нравственное) измерение международных отношений», «проявление морали в международных отношениях» и т.п.
2. «Международная мораль» — это *совокупность нравственных категорий* («добро», «зло», «справедливость», «долг» и т.п.), допускающих разное толкование, но одинаково приемлемых и принимаемых (в качестве пустых форм) всеми или почти всеми субъектами международных отношений.
3. «Международная мораль» — *это совокупность одинаково истолковываемых и принимаемых всеми, почти всеми или только некоторыми членами международного сообщества (а значит, и действующих в разных пределах) нравственных норм, своего рода международный моральный кодекс*, сближающийся по статусу с кодексом норм международного права.
4. «Международная мораль» — это своего рода *международный моральный императив* (что-то вроде кантовского категорического императива), т.е. свод норм, не обязательно принимаемых чле-

нами международного сообщества, но обозначающих ту нравственную планку, до которой они должны были бы «дотянуться».

5. «Международная мораль» — это *реальное состояние нравственных отношений и нравственного сознания (в их нормативном и ненормативном аспектах)*, сложившихся между субъектами международных отношений.

Некоторые исследователи выделяют в рамках «международной морали» (в качестве ее разновидности) «межгосударственную мораль», которая создается и реализуется в процессе межгосударственного общения⁶. Однако и в этом частном случае остаются непроясненными или не вполне проясненными вопросы о содержании, генезисе, масштабах распространения, действительности и других характеристиках «международной морали». Многозначность этого понятия настораживает на крайне осторожное обращение с ним, тем более что оно рождает иллюзию реального существования того, чего человечество на самом деле пока еще не выработало и, возможно, не выработает никогда, — масштабного и действительного нравственного аналога и дополнения международного права.

Несмотря на отсутствие однозначного определения, мы будем пользоваться понятием «международная мораль», во-первых, как более экономным синонимом понятия «моральное, нравственное измерение международных отношений» (в этом случае оно берется в кавычки) и, во-вторых, имея в виду совокупность нравственных норм (правил поведения), которые к настоящему времени получили распространение в международном сообществе в качестве общепризнанных. «Международная мораль» — разновидность более общего, родового понятия морали⁷, которое и поныне остается предметом философских дискуссий⁸. Его различные толкования — это зачастую следствие различия философских течений (направлений), в рамках которых формировались соответствующие понятия и концепции морали. В этой связи

мы ограничимся операциональным определением **морали** (в духе Дж. Ст. Милля и Э. Дюркгейма) как исторически сложившейся и действующей в рамках данного социума совокупности «правил поведения» — нормативных и ненормативных, регулирующих отношения между его членами.

В соответствии с таким пониманием «международной морали» мы будем исходить из представления о существовании нормативных и ненормативных «правил поведения», регулирующих отношения между субъектами международных отношений. Как сложились и как действуют эти «прави-

ла», каковы их состав и содержание, как влияют они на международные отношения, как изменяются с течением времени — эти и другие вопросы из того же ряда и могли бы, как представляется, стать в первую очередь предметом рассмотрения философии международных отношений.

Первая группа вопросов — о генезисе международной морали. «Специфика развития международного права состоит в том, что его нормы создаются *путем согласования позиций различных государств мира*. Ни одно государство, независимо от его влияния в мире, не может самостоятельно создать нормы международного права или навязать свое законодательство международному сообществу»⁹. А как складываются нормы международной морали? Ясно, что ни о каком «согласовании позиций различных государств» тут не может быть речи.

Международная мораль многослойна: ее архаичные слои насчитывают не одно тысячелетие, причем со времени возникновения они не раз подвергались модификации и на них накладывались все новые и новые слои, так что теперь уже совершенно невозможно найти их авторские истоки. И все же: как рождаются нравственные нормы международного общения — прежде всего те из них, которые провозглашаются в качестве общепризнанных? Действует ли тут только стихия или она дополняется и корректируется какими-то целенаправленными «согласованиями»? Как осуществляется (если осуществляется) такое согласование и кем? Кто освящает международную мораль своим авторитетом, без коего ни о какой морали не может быть и речи?

Это важно

Международная мораль — это не проекция какой-то одной национальной системы нравственных норм на международное сообщество, а *производное* от целого ряда таких систем. Говоря иначе, это *продукт взаимодействия, рожденный в опыте* — сложном, противоречивом опыте — *их общения*. Вместе с тем совершенно очевидно, что генетически современная международная мораль восходит к *западной цивилизации и культуре*.

Последнее не значит, что международная мораль противоречит культуре стран Востока или вовсе не имеет восточных корней, однако принципы ее имеют западное происхождение, а следовательно, несут на себе печать либерально-буржуазной и буржуазно-демократической идеологии, что можно сказать и об основных нормах международного права.

Вторая половина XX в. отмечена ростом воздействия американской культуры (а значит, и американского нравственного сознания) на

формирование международной морали. Именно американский опыт и американские национальные интересы сыграли, как представляется, решающую роль в придании «демократии» и «правам человека» статуса «общепризнанных моральных ценностей», который они обрели сегодня. Это лишний раз подтверждает, что страна, выступающая в качестве политического и военного гегемона (лидера) на том или ином этапе мирового исторического развития, оказывает определяющее воздействие на развитие и коррекцию действующей международной морали. Было бы интересно проследить в исторической ретроспективе внутреннюю логику изменения состава и содержания норм этой морали. Например, за счет *взаимодействий между нормами морали и нормами права*, которые не только обогащали друг друга, но в ряде случаев переходили друг в друга. («Права человека» стали элементом морального измерения международных отношений, уже обладая статусом нормы международного права.)

Вторая группа вопросов, которую не может обойти вниманием философия международных отношений, касается *соотношения и принципиальной совместимости международных отношений (мировой политики) и нравственности*. Поскольку в современном — в основе своей все еще анархичном, как скажет представитель реалистского направления в политической науке, — мире национальная внешняя политика, т.е. политика, проводимая на международной арене нациями-государствами, строится на основе *приоритета национальных интересов*¹⁰, то поставленный выше вопрос следовало бы перевести в плоскость *соотношения и принципиальной совместимости национальных интересов и нравственных принципов*. Иначе говоря, *могут ли государства, отстаивая свои национальные интересы, руководствоваться нравственными императивами или все рассуждения иных политиков о приверженности морали в международных отношениях — не более чем дымовая завеса?*

Ответы современных политиков и теоретиков на поставленный вопрос укладываются в три основные формулы. **Формула первая:** *внешняя политика государства может быть нравственно ориентированной* (радикальный вариант этой формулы предполагает, что она не только может, но и должна иметь нравственную ориентацию). А поскольку ни одно государство не отрицает своей функции защиты национального интереса, то формулу эту следовало бы читать следующим образом: *защита национального интереса может (и должна) согласовываться с ориентацией на нравственные ценности*. В этом духе высказывается абсолютное большинство государственных деятелей¹¹. В этом же духе выдержаны и все основные международные политические документы современности¹².

Формула вторая: *внешняя политика государства должна быть неморально ориентированной.* Иначе говоря, субъект международных отношений не отрицает моральных норм как таковых, но строит — совершенно осознанно — свою внешнюю (а в большинстве случаев и внутреннюю) политику без их учета. Он не пытается ни подчинить свой национальный интерес моральной догме, ни противопоставить его морали. Едва ли не классическое выражение этой позиции мы находим у Маркса и Энгельса. «Коммунисты, — объясняли они в “Немецкой идеологии”, — не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезнет сама собой. Коммунисты вообще не проповедают никакой морали... Они не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т.д.; они, наоборот, отлично знают, что как эгоизм, так и самоотверженность *есть* при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»¹³.

Формула третья: *внешняя политика государства не может быть морально ориентированной, поскольку политика и нравственность в принципе несовместимы.* Последовательная защита национального интереса неизменно приходит в противоречие с общепринятыми (или считающимися таковыми) нормами нравственности. В более радикальном (например, ницшеанском) варианте эта формула допускает отрицание морали как таковой, как института культуры. На первый взгляд может показаться, что это повторение второй формулы, однако при более внимательном ее прочтении различие становится очевидным: непризнание морали и отрицание морали — вещи разные. И если второй формулы придерживается меньшинство политиков, то о своей приверженности третьей формуле говорят вообще единицы, хотя есть основания полагать, что думают так многие.

Политики и политологи бьются и, конечно, будут и дальше биться над доказательством истинности той или иной из названных формул. Однако и сам факт длительного, хотя и немирного сосуществования названных формул, и их структура, и характер доказательной базы свидетельствуют о том, что мы имеем дело с суждениями *антиномического порядка*.

Третья группа вопросов касается критериев нравственного и безнравственного в международных отношениях. Некоторые из категорий этики заключают моральную оценку в самих себе: «добро» — нрав-

ственно, «зло» — безнравственно; «справедливость» — нравственна, «несправедливость» — безнравственна и т.п. Однако этот категориальный абсолютизм носит ограниченный, а главное — формальный характер. Что именно считать «нравственным» и что — «безнравственным»? Ответы на эти вопросы носят относительный характер: то, что для одного — «добро» и «справедливость», для другого — «зло» и «несправедливость». Этот нравственный релятивизм, связанный с различием культур, социальных статусов, собственного опыта, а в конечном счете — частных потребностей и интересов, явственно обнаруживается внутри отдельных обществ.

Еще более отчетливо проявляется он в сфере международного общения, где нравственные различия часто оказываются более радикальными и нередко способствуют возникновению международных противоречий и конфликтов¹⁴. Это связано с рядом обстоятельств. *Во-первых*, с более радикальным различием культур (и порождающих их цивилизаций), присущих разным народам. *Во-вторых*, с более существенным разрывом в характере и содержании потребностей и интересов разных народов и государств, которые в условиях глобальной анархии не могут быть нивелированы (как это обычно происходит внутри отдельных государств) единой властью. *В-третьих*, с возможностью силового обеспечения своей нравственной позиции и стоящего за ними национального интереса.

В связи с этим возникают два вопроса, требующие философско-теоретического осмысления: о природе критериев нравственного и безнравственного в международных отношениях и о составе круга общих (общепризнанных) нравственных ценностей.

Если эти понятия релятивны, т.е. проявляются через отношения между взаимодействующими субъектами, то не означает ли это, что таковыми должны быть и их критерии: нравственно то, что соответствует общим целям и потребностям вступающих во взаимодействие субъектов? Если они образуют систему, то следует ли отсюда, что и критерии нравственного приобретают системный характер: нравственно то, что соответствует целям и потребностям системы как целого? Вопрос тем более не простой, что при этом открывается пространство для возникновения диссонансов (противоречий) между интересами и потребностями целого и образующих его элементов.

Что касается состава общих нравственных ценностей и расширения их круга, то и тут не все просто. Расширение этого круга налицо, но происходит оно при сохранении противоречий, пути решения которых выглядят проблематичными в современных условиях.

⇒ В качестве примера можно сослаться на такие ценности, как «мир между народами» и «права человека», которые в XX в. обрели статус универсальных. В этой связи следует напомнить, что, хотя многие крупные мыслители прошлого рассматривали состояние мира в качестве одной из высших политических и нравственных ценностей, у них были не менее сильные противники, считавшие таковой войну. Сегодня практически общепризнано, что война — зло и что она безнравственна, а мир между народами — благо, имеющее высоконравственную природу. Сравнительно недавно появились в числе общепризнанных моральных ценностей и «права человека». А среди самых последних приобретений — «защита (сохранение) окружающей среды», «нераспространение оружия массового уничтожения» и другие социально-политические ценности с отчетливо выраженной нравственной окраской.

Есть ли основания утверждать, что эти и другие ценности, провозглашенные в качестве общепризнанных, приобрели характер нравственного императива; что они приняты политиками в качестве руководящих к действию; что они отражают состояние общественного сознания всех или большинства народов мира?

Четвертая группа вопросов касается функций и роли нравственности в международных отношениях. Отличаются ли они от функций, выполняемых моралью внутри отдельных обществ, и если да, то в чем эти отличия?

Это важно

Очевидно, что подобно тому, как внутри отдельных обществ мораль выполняет функцию регулятора отношений между их членами, так и на международной арене она выступает в качестве *одного из элементов системы регуляции отношений между акторами, действующими на международной арене.* Мы говорим «одного из элементов», имея в виду, что наряду с моралью функцию регуляции выполняют *международное право* и не регламентируемая правом *сила*, принимающая разные и порой весьма изощренные формы (агрессия, санкции, блокада и т.п.) и представляющая собой проявление анархии в международных отношениях.

К сказанному следует тут же добавить, что и право, и мораль оказываются действенными лишь при условии опоры на силу в том или ином ее проявлении. Международное право опирается на силу государств и международных организаций, прибегающих в случае необходимости к международным санкциям. Мораль опирается на силу авторитета в лице международного общественного мнения, носителями которого могут выступать общественные и государственные организации, институты (например, пресса, церковь) и даже пользующиеся международным признанием частные лица.

На наш взгляд, главной и определяющей в международных отношениях является нормативная функция, которая, как показывает ее название, заключается прежде всего в предписывании субъектам мировой сцены норм их взаимоотношений. Каких именно норм — вопрос по самой своей природе открытый: конкретные потребности государств, определяющие в итоге содержание этих норм, меняются от эпохи к эпохе, а вместе с ними меняется и представление о конкретном содержании моральных ценностей.

⇒ Отечественный исследователь Э. А. Поздняков, иронизируя по поводу морализаторов-«заклинателей», настаивающих на том, «что политика должна быть нравственной», утверждает: «Можно побиться об заклад, что, если спросить любого такого заклинателя и горячего сторонника моральности политики, что означает словосочетание “нравственная политика” и каковы те принципы, коих должна держаться политика, чтобы быть моральной, вряд ли мы получим вразумительный ответ. Сошлются непременно на общечеловеческие моральные ценности, не без труда припомнят две-три из десяти заповедей, вроде: “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”, к политике в общем-то не имеющих прямого отношения, и это, наверное, все»¹⁵.

Возможно, в большинстве случаев было бы именно так: припомнили бы кое-что из библейских заповедей, а наиболее «продвинутые» сослались бы даже на категорический императив Канта. Но думается, что в нынешних условиях, говоря об «общечеловеческих» ценностях, сослались бы еще на конвенциональные ценности, представленные в первую очередь ценностями социально-политическими — как «вечными», так и главным образом теми, что стали актуальными во второй половине XX в. Это все тот же *«мир между народами»*. Это *«ненасилие»*. Это *«толерантность»*. Это, разумеется, *«свобода»* и *«справедливость»*¹⁶. Возможно, упомянули бы о *«нераспространении ядерного оружия»*, *«защите окружающей среды»*, а то и о *«плюрализме»*. Но в центр поставили бы конечно же «демократию» и «права человека». И все это — в качестве ценностей, составляющих «международную мораль».

Мы оказываемся, таким образом, свидетелями любопытной метаморфозы: политические ценности (часть из которых, как, например, «права человека», были до поры до времени объектом защиты внутригосударственного права стран, следовавших по пути либеральной демократии) становятся объектом защиты еще и со стороны международного права, обретают статус международных моральных ценностей со всеми вытекающими отсюда последствиями — не только моральными, но и политическими. Например, «гуманитарная интервенция» против той или иной страны, осуществляемая под предлогом защиты прав

человека, нарушаемых в этой стране, получает теперь не только международно-правовое обоснование, но и моральное оправдание. Нечто подобное происходит ныне и с таким понятием, как «демократия».

Все это может служить лишним подтверждением того, что общечеловеческие моральные ценности, оказывающиеся на поверку зачастую трансформированными политическими ценностями, являются (по крайней мере в большинстве своем) продуктом творчества лишь части человечества — а именно той его части, которая на данном этапе исторического развития обладает превосходящей силой, и отражают лишь частные национальные интересы и потребности, выдаваемые за общие.

Это важно

Предписание определенных норм поведения есть одновременно и обозначение (пусть косвенное) границ применения насилия одними субъектами международных отношений против других. Международная мораль, таким образом, выполняет функцию *ограничения произвола* в этих отношениях. Формируя поле консенсуса, регулируя их, нравственные нормы если и не примиряют национальные интересы, то до какой-то степени *смягчают противоречия*, существующие между пусть и не всеми, но многими членами мирового сообщества.

Дюркгейм видел «характерную черту моральных правил» в том, что «они выражают основные условия социальной солидарности»¹⁷. Нравственность, по его словам, «имеет существенной функцией сделать из индивида неотъемлемую часть целого и, следовательно, отнять у него кое-что из свободы его действий»¹⁸. Вывод Дюркгейма справедлив и применительно к международным отношениям: мораль и в этой сфере выполняет *интегративную функцию*, способствуя включению членов международного сообщества в мировую политическую систему.

А как обстоит дело с *ролью морали в международных отношениях*? В литературе — как отечественной, так и зарубежной — высказываются разные суждения по поводу роли, экстремумы которых, как и следовало ожидать, представлены пессимистами и оптимистами¹⁹. При этом и те и другие находят достаточно весомые аргументы в подтверждение своих позиций.

Это важно

На наш взгляд, *роль морали в международных отношениях не имеет (в целом) фиксированной динамики и меняется в зависимости от изменения ее роли в системе регуляции последних* — системе, элементами которой являются, как отмечалось выше, сила (и «мягкая», и «жесткая»)

и международное право. Когда «молчит» (вынуждена «молчать») сила, громче звучат голоса международного права и морали. Когда сила выходит на передний план, то мораль и право нередко превращаются в жалкое прикрытие силовых акций. Но сила чаще всего «молчит» тогда, когда ей противостоит более или менее равная сила, т.е. в условиях баланса сил. И напротив, нарушение этого баланса ведет в итоге к ослаблению моральных и правовых «сил сдерживания».

Степень влияния нравственных норм в международных отношениях прямо пропорциональна балансу сил между ведущими державами и их союзниками. Чем ближе этот баланс к идеальному и чем меньше возможностей применить силу, не оставаясь при этом безнаказанным, тем больше государства вынуждены считаться с нормами морали и международного права. И напротив, если государство, защищая свой национальный интерес, не сталкивается со сдерживающей силой другого государства (других государств), оно мало прислушивается к повелениям нравственных норм. Лучше других об этом сказал И. Кант: «Государство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно отстаивает по отношению к ним свои права...»²⁰

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о *перспективах эволюции роли морали в международных отношениях* в контексте тех социальных, политических, экономических и культурных процессов, которые охватили мир в последние десятилетия и продолжают нарастать сегодня. Это **глобализация**, которая одновременно и объединяет мир, и разрывает его на части, разрешая одни противоречия между народами и порождая другие (что, собственно, и находит отражение в таких контрпроцессах, как антиглобализм и альтерглобализм). Это, как ее называют иногда, **глобальная релятивизация суверенитета**, связанная с изменением функций, роли и места государств в международном сообществе и порожденным им изменением представлений об их моральном долге, обязанностях и ответственности. Это **формирование нового политического порядка**, который пришел на смену Ялтинско-Потсдамскому порядку, но оказался на поверку не менее, а в некоторых отношениях более проблемным и конфликтным, чем прежний.

Возникает вопрос: а возможно ли в этих условиях повышение эффективности международной морали хотя бы до такого уровня, какой характерен для морали внутриобщественной, и если да, то как этого добиться?²¹ Могут ли в новых условиях быть найдены пути к смягчению противоречий между моралью и политикой в сфере международных отношений? Вопросы тем более актуальные, что есть, как представляется,

все основания говорить о *моральном кризисе в современных международных отношениях*, проявляющемся в том, что на фоне усилившейся моральной риторики и под предлогом защиты прав человека, предотвращения гуманитарных катастроф, освобождения человечества от тиранических режимов, недопущения накопления и распространения оружия массового уничтожения и т.п. предпринимаются ширококомасштабные акции, принципиально противоречащие тем самым нормам международной морали, именем которых оправдываются эти операции.

При всем многообразии обсуждаемых путей решения проблемы (повышение международной ответственности всех государств, и в первую очередь членов «восьмерки»; усиление роли глобальных и региональных институтов и т.п.) дело сводится, в сущности, к одному: *как разрешить противоречия между национальными интересами (а применительно к мировой системе — противоречия между интересами отдельных государств как элементов этой системы и системой в целом)?* Как повысить степень доверия государств друг к другу?

В последние годы теоретики международных отношений и даже политики все чаще обращают свои взоры к Канту, предложившему в свое время путь к «согласию политики с моралью»²². Согласию, непосредственной целью которого было бы обеспечение «вечного мира», но которое открывало бы более широкую перспективу разрешения фундаментального конфликта между эгоистическими интересами отдельных государств без использования насилия.

Этот путь Кант видел в создании «союза народов» в рамках «федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру»²³: «...согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе... и вся дипломатия государств имеет в качестве правовой основы установление такого союза в возможно большем размере»²⁴.

Можно, наверное, не спорить с традиционной оценкой идеи федерации, предлагаемой Кантом, как утопической. Но можно ли расценить как утопическое представление философа о том, что единственный радикальный путь к разрешению противоречий между национальными интересами, а в идеале и к победе власти морали над властью силы в международном масштабе — это создание союза свободных народов, будь то в рамках федерации или в иных, качественно подобных формах? И разве не ее своеобразными модификациями (порой, впрочем, далеко от нее отходившими) были идеи «мирового государства», предлагавшиеся в XX веке?

Сегодня, когда идут процессы интеграции в Европе (Европейский Союз), Северной Америке (НАФТА), Восточной Азии (ВАС) и других

регионах мира, когда все громче начинают говорить о необходимости создания «глобальной либеральной империи», не обретает ли кантовская идея федерации контуры реального плана, наконец-таки открывающего путь к преодолению противоречий между национальными интересами и глобальными потребностями, к победе морали над силой? И не подтверждается ли все-таки истинность идеи Канта о создании международной федерации или ее аналога как единственного пути к такой победе?

Думается, что создание глобального союза народов *a la* Кант выглядит ныне столь же нереальным, как и создание «мирового государства», «мирового правительства», «всемирного парламента» и даже «глобальной либеральной империи». И сожалеть об этом в нынешних условиях не стоит. Если бы вдруг эти проекты оказались осуществимыми, то в современном мире они, вероятнее всего, имели бы следствием не разрешение, а новое обострение мировых противоречий, ибо в условиях не сбалансированного в силовом отношении и культурно разнородного мира привели бы не к гармонизации интересов внутри соответствующей глобальной структуры, а к усилению насильственного навязывания интересов более сильных ее членов более слабым со всеми вытекающими отсюда драматическими, а возможно, и трагическими последствиями.

Что касается идеи Канта о союзе свободных народов как единственном радикальном пути к разрешению противоречий между силой и правом, силой и моралью в пользу права и морали, то резонно, несколько перефразируя известного политического деятеля, заметить: возможно, это слишком радикальная и потому далекая от осуществления идея, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Все остальное — паллиативы. Но именно с ними, скорее всего, нам и жить в обозримом будущем. А значит, именно из них и исходить при построении политических планов и представлений о возможной роли морали в международных отношениях и об их перспективах.

Примечания

¹ См.: *Дмитриева Г. К.* Мораль и международное право. М., 1991; *Поздняков Э. А.* Философия политики. М., 1994. Т. 1–2; *Баталов Э. Я.* Политическое — «слишком человеческое». М., 2000; Индивиды в международной политике / Под ред. М. Жирара. М., 1996; *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2002; *Carr E. H.* The Twenty Year's Crisis (1939) // Contemporary Theory in International Relations / S. Hoffmann (ed.). New Jersey, 1960; *Morgenthau H.* In Defence of National Interest. N.Y., 1951; *Osgood R. E.* Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953; Ethics and World Politics: Four

Perspectives / E. W. Lefever (ed.). Baltimore; L., 1972; *Hoffmann S.* Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics. N.Y., 1981; *Holmes R. L.* On War and Morality. Princeton, 1989; *Finnemore M.* National Interests in International Society. Ithaca; N.Y., 1996.

² См., в частности: *Бурдые П.* За политику морали в политике // Бурдые П. Социология политики. М., 1993; *Рикер П.* Мораль, этика и политика // Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995; *Капустин Б. Г.* Критика политического морализма // Вопросы философии. 2001. № 2; *Он же.* Различия и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. 2001. № 9; *Бикбов А. Т.* Мораль в политике: насилие над господствующими // Полис. 2002. № 4; *Ерохов И. А.* Возможности политической морали // Полис. 2002. № 4; Мораль в политике: Хрестоматия / Отв. ред. Б. Г. Капустин. М., 2004. Примечательно, что в последней из названных, довольно обширной по объему книге, представляющей подборку текстов Сартра, Фанона, Че Гевары, Ганди, Нибура и других известных политиков и теоретиков, не нашлось места для работ, посвященных внешнеполитической проекции морального.

³ *Цыганков П. А.* Указ. соч. С. 378.

⁴ См., например: *Дмитриева Г. К.* Указ. соч.; *Цыганков П. А.* Указ. соч.

⁵ Единственное справочное издание, в котором удалось отыскать понятие «международная мораль», — «Словарь мировой политики» под ред. Г. Эванса и Дж. Ньюема, — предлагает довольно расплывчатую его трактовку: «Традиционный (?) термин... который подразумевает, что международные отношения осуществляются или должны (!) осуществляться на основе некоторых пространственных (*shared*) этических ценностей, допущений или норм, которые не обязательно находят воплощение в международном праве» (Dictionary of World Politics. A Reference Guide to Concepts, Ideas and Institutions / G. Evans and J. Newnham (eds.). N.Y., 1990. P. 189). Составители словаря, впрочем, оговариваются, что идею «международной морали» разделяют далеко не все политики и философы. Среди ее приверженцев называют Иммануила Канта, Вудро Вильсона и сторонников политического идеализма.

⁶ См., например: *Дмитриева Г. К.* Указ. соч. С. 57 и др.

⁷ Мы оставляем в стороне (как не имеющую прямого отношения к рассматриваемой теме) проблему соотношения «морали», «нравственности» и «этики». А это именно проблема, ибо единого мнения на сей счет в истории философии не существовало никогда. Правда, большинство философов рассматривают «мораль» («моральность», «моральное») как синоним «нравственности» («нравственного»), а под «этикой» понимают науку о «морали» («нравственности»).

⁸ Из множества работ, посвященных исследованию феномена морали, выделим не утратившую научной ценности книгу. См.: *Дробницкий О. Г.* Понятие морали: историко-критический очерк. М., 1974.

⁹ Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996. С. 417.

¹⁰ В литературе по международным отношениям часто цитируют приписываемое разным политикам (особенно британским) высказывание, смысл кото-

рого примерно таков: у страны не бывает постоянных друзей и врагов — у нее могут быть только постоянные национальные интересы.

¹¹ В философии нового времени наиболее глубокое и полное обоснование возможности осуществления морально ориентированной политики мы находим у И. Канта.

¹² Яркое тому подтверждение — преамбула и некоторые статьи Устава ООН. «**МЫ, НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

Или статья 1, обязывающая страны — члены ООН действовать «в согласии с принципами справедливости и международного права», развивать между ними «дружественные отношения». Статья 55 декларирует содействие ООН созданию «условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между народами...». Статья 73 говорит, что члены ООН «как священный долг принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих (несамоуправляющихся. — Э. Б.) территорий...». А в статье 2 Статута Международного суда говорится о том, что «суд состоит из коллегии независимых судей, избранных, вне зависимости от их гражданства, из числа лиц высоких моральных качеств...».

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 236.

¹⁴ Часто можно слышать о так называемых двойных (моральных) стандартах в политике, особенно в международных отношениях. Природа этой двойственности не так проста, как кажется на первый взгляд. Отчасти раздвоение порождается сознательным стремлением обелить Своих и очернить Чужих, что может быть прямым следствием политического заказа, направленного на защиту корпоративного интереса. Но существование двойных стандартов связано и с относительностью моральных критериев, порождаемой различием культурных и социальных сред и преследуемых целей, равно как и со спецификой оценивающего сознания. С точки зрения либерально-демократического (т.е. буржуазного по сути) сознания все, что способствует утверждению демократических и либеральных ценностей, — благо, все, что, по его представлению, препятствует ему, — зло. Естественно, что иным типам сознания присуща иная

Прагматизм и этика в мировой политике. Куда мы идем?

ценностная ориентация. Любопытно, что «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова толкует понятие «честный» не только как «правдивый», «прямой», но и как «не преступающий *принятых* правил морали» (Т. IV. М., 1940. С. 1267) (курсив наш. — Э. Б.).

¹⁵ Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 149.

¹⁶ Вопрос о справедливости в международных отношениях представляет тем больший интерес, что Джон Ролз, автор нашумевшей теории справедливости (изложенной им в одноименной книге), оставил этот аспект исследованной им проблемы без должного внимания. Судя по некоторым отрывочным его высказываниям, он полагал, что в отношениях между государствами и другими акторами мировой сцены «справедливое» и «несправедливое» будут проявляться в принципе так же, как и в отношениях между членами отдельных обществ. Но это надо еще доказать (или опровергнуть). А пока вопрос остается открытым. В этом убеждает, в частности, депонированная в ИНИОН РАН рукопись небольшой статьи Е.Б. Сваровской «Справедливость в международных отношениях в свете “теории справедливости” Джона Ролза» (Новосибирск, 2000).

¹⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественной жизни. Метод социологии. М., 1991. С. 369.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Итак, краткое резюме из сказанного выше, — включает свою главу “Политика и нравственность” Э. А. Поздняков, — можно свести к следующему: в межгосударственном общении нормы индивидуальной морали не действуют, поскольку они строятся на иных принципах отношений. За всеми декларациями о необходимости следовать универсальным, “общечеловеческим” нормам морали обычно скрывается либо наивный политический дилетантизм, либо претензии на гегемонию какой-либо одной, особенной системы нравственных ценностей, а также мессианский интервенционизм» (Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 209). А вот совершенно иной взгляд и тоже — итоговый. «Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что проблема моральных ценностей и норм в международных отношениях является одной из наиболее сложных и противоречивых. Однако при всей относительности роли моральных ценностей в регулировании взаимодействия акторов на мировой арене, в социализации международных отношений, в преодолении присущей им некоторой аномии их роль, несомненно, возрастает» (Цыганков П. А. Указ. соч. С. 404).

²⁰ Кант И. К вечному миру. М., 1989. С. 39.

²¹ Его органически дополняет другой вопрос, не имеющий прямого отношения к теме нашего разговора, но внутренне связанный с ней: а возможно ли (и если возможно, то как к этому прийти) повышение роли и действенности международного права до уровня, характерного для национальных систем права?

²² Там же. С. 54.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 54.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Азиатские энергетические сценарии 2030 / Под ред. С. В. Жукова. М.: Магистр, 2012.
- Алинов В. М.* Политические проблемы международных экономических отношений. М.: Восток—Запад, 2009.
- Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.
- Байков А. А.* Сравнительная интеграция / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс Традиция, 2014.
- Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005.
- Баталов Э. Я.* О философии международных отношений. М.: НОФМО, 2005.
- Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945—1995. М.: Сюита, 1997.
- Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010.
- Борищполец К. П.* Национальное измерение глобального мира. М.: Навона, 2009.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Эдиториал-УРСС, 2001.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / Под ред. Т. А. Шаплеиной. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса / Анн де Танги / Пер. с фр. М. Майзульса, И. Мироненко-Маренковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008.
- Винокуров Е. Ю., Либман А. М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012.
- Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: Хрестоматия в четырех томах. Исследования и документы / Сост. Т. А. Шаплеина. М.: РОССПЭН, 2002.
- Войтоловский Ф. Г.* Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940—2000-е годы. М.: ИМЭМО РАН — Крафт +, 2007.
- Воскресенский А. Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток—Запад, 2004.
- Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002.
- Восток и политика: Политические системы. Политический культуры. Политические процессы / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.
- Глобализация и крупные полупериферийные страны. М.: Международные отношения, 2003.

- Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов / Под ред. А. И. Смирнова. М.: Общество «Знание» России, 2011.
- Давыдов В. М., Бобровников А. В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике. (Шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении.) М.: ИЛА РАН, 2009.
- Демографические перспективы России / Под ред. Г. В. Осипова и С. В. Рязанцева. М.: Экон-информ, 2008.
- Дипломатия ресурсов. Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / Отв. ред. А. В. Торкунов; Пер. с итал. М.: Навона, 2008.
- Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004.
- Звягельская И. Д.* Специфика этнополитических конфликтов и подходы их урегулированию. М.: Навона, 2008.
- Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М.: Весь мир, 1997.
- Кокوشي А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке. М.: Медиа-Пресс, 2003.
- Колдунова Е. В.* Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М.: Навона, 2010.
- Корзун В. А.* Изменения климата: причины, прогнозы, возможные последствия для мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
- Кременюк В. А.* Международный конфликт: проблемы управления и контроля. М.: ИСКРАН, 2006.
- Кузнецов А. В.* Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига (URSS), 2007.
- Кулагин В. М.* Современная международная безопасность. М.: КноРус, 2012.
- «Левый поворот» в Латинской Америке / Отв. ред. В. П. Сударев. М.: ИЛА РАН, 2007.
- Лидерство и конкуренция в мировой политической системе: Россия и США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2009.
- Мегатренды мирового развития / Под ред. М. Ильина, В. Иноземцева. М.: Экономика, 2001.
- Международные отношения и мировая политика: УМК / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: РОССПЭН, 2014.
- Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатuroва. М.: Аспект Пресс, 2010.
- Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А. А. Кокوشин, А. Д. Богатуров. М.: КРАСАНД, 2004.
- Мировая энергетика — 2050 (Белая книга) / Под ред. В. В. Бушуева (ГУ ИЭС), В. А. Каламанова (МЦУЭР). М.: ИЦ «Энергия», 2011.
- Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр, ИНФРА-М, 2014.
- Могилевкин И. М.* Новый взгляд на мировую экономику и общественное развитие. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
- Наука и инновации: выбор приоритетов / Отв. ред. Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
- Наушкин В. В.* Ближний Восток в мировой политике и культуре. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011.
- Наушкин В. В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. М.; Нижний Новгород: Медина, 2008.
- Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.
- Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 1: Европа; Т. 2: Азия; Т. 3: Америка. Австралия и Океания / Под ред. А. В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2012.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014.

Российская политическая наука: В 5 т. М.: РОССПЭН, 2008.

Россия в глобальном мире 2000–2011: Хрестоматия в 6 томах / Рос. совет по межд. делам [под ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012.

Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / Под ред. А. А. Кокошина. М.: УРСС, 2008.

Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения / Под ред. А. Д. Богатунова и А. А. Кокошина. М.: УРСС, 2008.

Россия и дилеммы ядерного разоружения / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО, 2012.

Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика / Рук. проекта А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО, 2012.

Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007.

Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. М.: Экономика, 2010.

Салмин А. М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Форум, 2009.

Системная история международных отношений / Под ред. А. Д. Богатунова: В 2 т. М.: Культурная революция, 2006.

Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0». Вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем, 2012.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатунова. М.: Аспект Пресс, 2010.

Современные глобальные проблемы / Под ред. В. Г. Барановского и А. Д. Богатунова. М.: Аспект Пресс, 2010.

Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012.

Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2011.

Стрежнева М. В. Европейский Союз и СНГ: сравнительный анализ институтов. М.: МОНФ, 1999.

Сударев В. П. Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. М.: МГИМО, 2012.

Сударев В. П. Межамериканская система: генезис и эволюция. М.: МГИМО, 2008.

Темников Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой политике. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2010.

Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция: Этносоциологические очерки. М.: РГГУ, 1997.

Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М. В. Стрежнева. М.: Весь мир, 2011.

Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

Троицкий М. А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО; Ин-т США и Канады РАН, 2004.

Фененко А. В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013.

-
- Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, В. А. Веселов. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Социология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Цымбурский В. Л.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.
- Чешков М. А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005.
- Чуфрин Г. И.* Очерки евразийской интеграции. М.: Весь Мир, 2013.
- Шаклеина Т. А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Шаклеина Т. А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002.
- Экономика и политика в современных международных конфликтах* / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Anglo-America and Its Discontents. Civilizational Identities Between East and West / P. Katzenstein (ed.). N.Y.: Routledge, 2012.
- ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects / Ed. by V. Sumsky, M. Hong and A. Lugg. Singapore: ISEAS, 2012.
- Bacevich A.* Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books, 2010.
- Barnett Th.* The Pentagon's New Map. War and Peace in the Twenty-First Century. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 2004.
- Brooks S., Wohlforth W.* World Out of Balance. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Brzezinski Zb.* Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N.Y.: Basic Books, 2012.
- Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.
- China's Ascent: Power, Security, and the Future of International Politics / Ross, Robert S. and Zhu Feng (eds.). Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior / Suisheng Zhao (ed.), N.Y.: East Gate Book, 2004.
- Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives / P. Katzenstein (ed.). N.Y.: Routledge, 2010.
- Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / V. Nadkarni and N. C. Noonan (eds.). N.Y.: Bloomsbury, 2013.
- Etzioni A.* From Empire to Community. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
- Friedberg A. L.* A Contest for Supremacy. China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2011.
- Global Energy Governance. The New Rules of the Game / A. Goldthau and J. M. Witte (eds.). Wash.: Brookings Institution Press, 2010.
- Haas M.* Asian and Pacific Regional Cooperation. Turning Zones of Conflict into Arenas of Peace. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
- Handbook of International Relations / W. Carlsnaes, T. Risse, B. Simmons (eds.). L.: SAGE Publications Ltd., 2013.
- Hordeski M. F.* Megatrends for Energy Efficiency and Renewable Energy. L.: The Fairmont Press, Taylor & Francis Ltd., 2011.
- International Relations of Asia / D. Shambaugh and M. Yahuda (eds.). N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2008.
- International Relations Theory and the Asia-Pacific / G. J. Ikenberry, M. Mastanduno (eds.). N.Y.: Columbia University Press, 2003.

-
- Jones B.* Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Wash., D.C.: The Brookings Institution Press, 2014.
- Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. N.Y.: Praeger, 1965.
- Kegley Ch. W., Jr. and Raymond G.* A Multipolar Peace? Great Power Politics in the Twenty-first Century. N.Y.: St. Martin's Press, 1994.
- Khanna P.* The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. N.Y.: Random House, 2009.
- Kupchan Ch.* The End of the American Era. U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the 21st Century. N.Y.: Vintage Books, 2003.
- Layne Ch.* The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Mandelbaum M.* The Road to Global Prosperity. N.Y.: Simon & Schuster, 2014.
- McDougall D.* Asia Pacific in World Politics. Boulder (Col.): Lynne Rienner Publishers, 2007.
- Moravcsik A.* The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca: Cornell University Press, 1998.
- Naisbitt J.* Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y.: Warner Books, 1982.
- New Challenges for Contemporary Regionalisms / L. Fioramonti (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- Nye J., Jr.* The Future of Power. N.Y.: PublicAffairs, 2011.
- Regional Powers and Regional Orders / N. Godehardt and D. Nabers (eds.). N.Y.: Routledge, 2011.
- Rising States, Rising Institutions. Challenges for Global Governance / A. S. Alexandroff and A. F. Cooper (eds.). Wash.: Brookings Institution Press, 2010.
- Roett R.* The New Brazil. Wash.: Brookings Institution Press, 2011.
- Rosecrance R.* The Resurgence of the West: How a Transatlantic Union Can Prevent War and Restore the United States and Europe. New Haven: Yale University Press, 2013.
- Sinicization and the Rise of China. Civilizational Processes Between East and West / P. Katzenstein (ed.). N.Y.: Routledge, 2012.
- Steele B. J.* Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State. N.Y.: Routledge, 2008.
- The Bush Doctrine and Latin America / G. Prevost and C. Oliva Campos (eds.). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- The Global Agenda. Issues and Perspectives / Ed. by Ch. W. Kegley, Jr. and E. R. Wittkopf. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995.
- Worldview of Aspiring Powers. Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Japan, and Russia / H. R. Nau and D. M. Ollapally (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Yergin D.* The Quest. Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. N.Y.: The Penguin Press, 2011.
- Zakaria F.* The Post-American World. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2008.

Научные журналы

Международные процессы. Журнал теории мировой политики и международных отношений.

Политические исследования (ПОЛИС).

Мировая экономика и международные отношения.

Сравнительная политика.

Свободная мысль.

Россия в глобальной политике.

Социологический исследования (СОЦИС).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азия** 117, 126, 130, 155–156, 186, 269–270, 281, 322
- АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) 150, 162, 310–322, 326, 329–332, 337–338
 - АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) 162, 312–313, 332, 369
 - Восточная 151, 159, 160, 162, 309–312, 319, 320, 325–326, 330, 331, 335, 337
 - Тихоокеанская 150, 153, 248, 261, 309
 - Центральная 35, 82, 349, 380, 382, 384–385, 389
 - Юго-Восточная 30, 155, 161, 310, 328–329, 332, 335
- Америка**
- Латинская 64, 85, 153, 168, 186, 293, 363, 365–366, 368–370
 - левый поворот (дрейф) 214, 363, 369
 - межамериканская (всеамериканская) система 83, 85, 293, 361
 - Центральная 197, 362, 370, 369, 370
- Анклавизация** 16, 32, 112, 167, 196,
Антарктида 75, 399–402
Арктика 75, 353, 399, 401–406
Аутсорсинг (см. *Экономика*)
- Баланс сил** 62, 82, 200, 249, 390, 428
Безопасность 33, 73, 78, 143, 177–180, 200, 207, 214, 243, 295, 337, 389
- гарантии безопасности 34, 338
 - информационная 247–249, 411
 - коллективная 68, 315
 - колумбизация 367
 - международная 14, 81, 235
 - национальная 13, 117, 226, 228, 239, 297, 350, 351, 367, 407
 - ОМУ/ОМП (оружие массового уничтожения/поражения) 75, 78, 212, 223, 225–226, 291, 407, 409
 - режим безопасности 75
 - ресурсная (ресурсно-энергетическая/сырьевая) 268, 279–281, 348–349, 381
 - финансовая 347
 - ядерная 353
- Бразилия** 85, 292–293, 361, 367–368, 371
Бреттон-Вудские институты 73, 104, 117, 118
БРИКС 30, 86, 240, 371
- Великая держава** (ведущая мировая держава) 14, 48, 62, 64–66, 75–81, 86, 287–290, 294–296, 299, 344–345, 352–353, 390
- великодержавные амбиции 46
 - космическая 408
 - морская 394–396, 398
 - супер/сверхдержава 12, 23, 27, 69–70, 287, 297, 298
 - ядерная 222, 225, 227, 231
- Вмешательство**
- внешнее 52, 64, 66, 74, 80, 291, 346–347, 367, 389
 - государственное 51–52, 117
 - невмешательство 91, 96, 101, 320, 336, 352
- Гегемония** 12, 29, 30, 296, 422
- американская 70, 118
- Гибридизация** 167–168, 176
Глобализация 16–17, 26, 47, 52, 98, 110, 113, 122, 129–130, 167, 179, 246, 258, 428
- антиглобализм/альтерглобализм 47–48, 70, 428
 - нелиберальная 48
- Государство** 14–15, 29, 51–52, 58–61, 64–67, 73, 78–79, 89–91, 95–96, 102, 138, 156, 175, 120, 245, 248–250, 306, 394
- нация (национальное государство) 18, 48, 51, 67, 74, 106, 148, 422, 428
 - государственное строительство 59, 61–62, 148
 - государство-изгой 226

- государство-потребитель 271
- неудавшееся 113
- непризнанное 69
- полисубъектное 74
- постсоветские государства (государства СНГ) 295, 373–390
- признание 58–59, 62–64
- развивающиеся государства (см. *Развитие*)
- развитие государства (см. *Развитие*)
- фрагментация государств 77
- Группа двадцати 15, 25, 30, 46, 50, 98, 118, 288, 300, 348
- Группа семи/восьми 14, 15, 25, 30, 49–50, 104, 411, 429

ДВЗЯИ (Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний) 75, 230

Двойные стандарты 76–77

Двухслойная экономика (см. *Экономика*)

Демография 130

- демографические диспропорции 130, 133
- демографическая политика 136
- демографические процессы 133
- демографический переход 187
- демографический потенциал 137

Демократизация 68, 79, 82, 106

- волна демократизации 67–70
- политического порядка 67

Демократия 33–34, 79, 172, 174, 299, 422, 426–427

- западная 79
- распространение демократии 385–386
- современная 68

Дефицит 25, 59, 132, 201, 297

- демократический 305
- дефицитарная мотивация (мотив дефицита) 202–203, 205–206, 209–212, 214
- торговый 118, 261
- трудовых ресурсов 140, 187

Диаспора 136, 174–175

- диаспоризация экономики 136
- мусульманская 170, 172, 173–175, 177–178
- научная 240

Дивергенция 152, 374, 379

Диверсификация 45, 85, 152, 251, 293, 295, 349, 378, 382

Дипломатия 82, 250, 344, 348, 349, 382, 429

- красных линий 353
- экономическая 349

ДНЯО (Договор о нераспространении ядерного оружия) 77

Доктрины/концепции 23, 153, 167–168, 179, 200, 214, 223, 225, 226, 229–230, 235, 241, 306, 315, 328, 336, 343–345, 389, 398, 412

- безъядерного мира (ядерный ноль) 77, 227–228, 233
- взаимного гарантированного уничтожения 200
- глобального удара 226
- сдерживания (ядерного, минимального, наступательного) 206, 222, 224–229, 231–235
- стратегической стабильности 230

Европа 30–31, 59, 64, 66, 110, 111, 120, 142, 151, 155, 173, 309, 377–378

- Восточная 86, 184, 384, 385
- европейский концерт 13, 65–66
- Западная 31, 111, 131, 147, 148, 151, 153–156, 159, 169–170, 176, 306, 406
- Европейский Союз 30, 80–81, 85–86, 104, 133, 140–142, 153–160, 170–175, 234, 258–261, 272–275, 279, 304–309, 318–322, 369, 376, 388, 407, 408, 411

Запад 30–31, 50, 66, 151, 167, 169–171, 173, 178–179, 232, 327, 382–383

Золотой миллиард 48, 54

Зона свободной торговли (см. *Интеграция*)

Идентичность 32, 149, 168, 170–171, 178, 265, 318

- международно-политическая (внешнеполитическая) 383
- общая 151, 161
- региональная 160–162, 319, 384

Изоморфизм 150

Инвестиции 112, 139, 184, 190–191, 273–275, 279, 331

- инвестиционная политика 255
- торгово-инвестиционные потоки 258, 263

Индия 80–81, 86, 124, 130, 137, 189, 240, 260, 270, 274, 291, 292–293, 297

Инновации 117, 123, 124, 239–242, 253–265

- базовые (подрывные) 241, 256, 260, 262, 264
- ГИС (глобальная инновационная система) 253–259, 261–265
- инновационный процесс 240, 242, 245

- Интеграция 31, 140–141, 147–151, 153–157, 161, 170, 303–304, 309–310, 376
— азиатская (восточноазиатская) 312–313, 316–317, 320–321, 327
— гармонизация 211
— европейская (западноевропейская) 153–154, 158, 305–307, 318, 373
— дезинтеграция 373
— зона свободной торговли 159, 160, 313, 320, 329, 332, 361, 364
— интеграционное ядро 303, 320
— латиноамериканская 362–365, 369
— международная 154
— политическая 149, 151, 159, 160
— постсоветская 371, 375, 377–379, 384–385
— региональная 374, 429
— социальная 149, 151, 160, 373
— субрегиональная 373
— теории интеграции 149–151, 157, 159, 162
— финансовая 48, 150
— экономическая 149, 151, 159, 160
- Интервенция 35, 76, 118, 147, 288
— гуманитарная 66, 76, 96, 209, 426
— интервенционизм 82
- Интернационализация 96, 110–111, 240, 245, 250, 253, 255–256, 335, 389
- Интернет 34, 93, 249–250, 410–412
- Информация 94–95, 130, 244
— глобальное информационное пространство 12, 243, 248, 249, 410–412
— информационная борьба 79, 247, 410
— информационная война 35, 243, 249–250, 300
— информационная (коммуникационная) революция 188, 195, 239, 253, 287
— информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) 34, 93–94, 111–112, 122, 242, 243, 246, 248, 250
— информационное общество 246–251, 411
- Ислам 200–179
— детерриториализация 170
— джихадизм 179
— исламские ценности (см. *Ценности*)
— исламский мир 169–171, 173, 177–178
— мусульманская диаспора (община) (см. *Диаспора*)
— мусульманская реформация 172
— радикализм 173, 196, 210, 212
— экстремизм 173
- К**итай 30, 40, 80, 83, 86, 115–117, 121–126, 234–235, 240–241, 248–249, 255–256, 269–270, 272, 274, 279–280, 291–292, 297, 325, 328–330, 330–333, 336–337, 343–355, 370–369, 382, 388
- Колонизация 66–67, 184
— деколонизация 59, 66
— колониализм 123, 169
— колониальные завоевания 111
— колониальная система 111
— неоколониализм 111
- Колумбизация (см. *Безопасность*)
- Коммуникация 34, 98, 149, 185, 188, 350, 377–378
— глобальные 195
- Конкуренция 14, 35, 97, 204, 205, 206, 258, 271, 281, 332, 337, 352
— конкурентная среда 18, 295
— конкурентоспособность 265, 370–371, 376
- Континентальный шельф 381, 394–395, 370, 404, 405
- Конфликт 13, 133, 141–142, 200–216, 222, 225, 387–389, 400–402
— асимметричный 206
— конфликтное поведение 200–201, 203–204, 207–209, 212, 215
— конфликтное урегулирование 201, 289
— управление конфликтом 203, 208, 214–217
- Кремниевая долина 112, 123–124, 195, 242
- Кризис 26, 41–44, 45, 49–51, 70, 382
— глобальный 40–41, 52, 121, 268, 325–326, 380
— институтов 29–30, 40
— мировидения 44–47
— модели глобализации 26, 41, 47
— сознания 41
— мировой 40, 44
— нравственный 52, 429
— политический 42, 48, 52
— структурный 115, 117
— финансово-экономический 40, 45, 48, 102–103, 118–121, 240–241, 268, 274–275, 325–326, 346–348
- Культурная диффузия 168
- Л**аицизм 172
- Левый поворот (см. *Латинская Америка*)
- Легитимность 103
— легитимация 70
— принцип легитимизма 64

- Либерализм 51
- либеральная модель 52, 117, 119–120
 - либеральная теория 120–201
 - неолиберализм (неолибералы/неолиберальная идеология) 26, 41, 50–51
 - либерализация 311, 332, 343, 375, 386
- Лидер (лидерство) 29, 122, 130, 133, 147, 204, 206, 261–265, 269, 331, 351–353, 379
- глобальный 29–30, 47, 204, 264, 282, 296–298, 351
 - политический 48–50, 292, 307, 349, 362–363
 - региональный 204, 319, 325, 327–330, 367
 - страна-лидер 84–86, 111–112, 249, 422
- М**алая Евразия 86, 293–296
- МВФ (Международный валютный фонд) 103–104, 118, 175, 348
- Международная мораль 419–421, 425–427
- Международная организация 14–15, 42–43, 49–50, 60–61, 68, 74–75, 103, 248, 288, 314, 381
- ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) 245
 - ВТО (Всемирная торговая организация) 79, 117, 119, 175, 210
 - МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) 77, 223, 353
 - Мировой банк (Всемирный банк) 103
 - Международная организация по миграции (МОМ) 133, 144
 - Международная организация труда (МОТ) 193
 - НАТО (Организация североатлантического договора) 248, 15, 77, 79, 232–233, 288
 - ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) 68, 69, 406–407
 - ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности) 248, 388–389
 - ООН (Организация объединенных наций) 25, 79, 102–104, 143, 245, 250, 288, 293–298, 411
 - ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) 100, 190–192, 194–195, 240–241, 261
 - Совет Безопасности ООН 69, 288
 - СНГ (Содружество независимых государств) 369–370
 - ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) 70, 249, 336, 380, 388
 - ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) 103, 245, 394
 - ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) 103, 245
 - ЮНИКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) 103
- Международное право (международные нормы) 65, 76, 103, 244, 288, 393, 407–408, 422–425, 428
- ответственность по защите 76
 - права человека 143, 178, 210–211, 422, 425
- МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) 363, 365, 369
- Миграция 129, 133–134, 142
- выборочная иммиграция 177
 - глобальная 31, 129–130, 134–138, 141–142
 - замещающая 135–136
 - инвестиционная 134, 139
 - интеграция мигрантов 169–170
 - квалифицированные мигранты 194–195
 - миграционная политика 135–136, 139–140, 142–144, 197
 - миграционные потоки 16, 31–32, 130, 133–136, 167, 378
 - мусульманская миграция 167, 171–173, 179, 196
 - нелегальная 135
 - трудовая 135, 137–140, 185, 187–193, 295, 378
- Милитаризация 398, 408–409
- Мировой рынок 97–98, 121, 258, 280
- Мировой океан 393, 395, 397, 398
- Модерн 59–60, 150
- зрелый 60
 - ранний 60, 61–63
 - средний 60, 63–67
- Модернизация 61, 66, 104, 113, 137, 139, 148–149, 172, 264–265
- демодернизация 331
 - модернизация индустриального типа 113
 - модернизация ядерного потенциала 227, 230, 353
 - немодернизованная периферия 67–70
- Мультикультурализм 170–171

Наднациональность (см. *Нация*)

Научно-техническая революция 243, 264

НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли) 104, 158, 368

Нация (см. *Государство*)

— наднациональность 87, 156, 174, 303–307, 317, 320

— национальный интерес 14, 19, 46, 76, 289, 422–423, 427–430

— ресурсный национализм 280

— титульная 74

Негосударственные субъекты 15, 246, 248, 287

НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) 124, 240–241, 255–259

НИС (новые индустриальные страны) 93, 169, 327

Общество 26, 89–90, 139, 168, 185, 425

— гражданское общество 105, 249–250, 412

— общественное сознание 15, 23, 25, 106, 344

— массового потребления 25

— мировое сообщество 73–75, 91, 102–103, 288, 427

— политическая система общества 42, 90

Ответственность по защите (см. *Международное право*)

Офшор 98, 188–189

Партнерство 234, 295, 332, 333, 344, 370, 387

— Восточное партнерство 388

— стратегическое 281, 329, 352, 367, 369, 371

Периферия 26, 61, 66–68, 192, 259–263, 388

— периферийность 371, 383

— полупериферия 259

— социальная периферия 67

— стратегическая периферия 344

Пиратство 244, 351, 354, 398

Плави́льный котел (тигель) 32, 142

Подсистема 84–86, 256, 287

— межконтинентальная (трансокеаническая) 83, 361

— региональная 12, 84, 86, 293

Полиархия (см. *Система*)

Признание (см. *Государство*)

— фактическое признание 63–64, 69–70

— формальное признание 64–65, 69–70

Полос 27–28

— однополосный (моноцентричный) мир 15, 28, 45–46, 298

— многополосный (полицентричный) мир 15, 27, 28, 70, 76, 287

— полюсный / бесполосный мир 28, 29

Порядок 97

— биполярный 69, 74, 203, 292, 326

— мировой (миропорядок) 12–15, 27–28, 30, 47, 73–74, 76, 81–83, 265, 287–288, 428

— нормативный 65, 75

— политический 60, 62–63, 67–68

— Ялтинско-Потсдамский 27, 29, 48–49

Постиндустриализм 89, 110, 112, 119, 269, 272, 281

Пояс добрососедства 328, 336, 344

Пространство 84–85, 303, 373

— атмосферное (воздушное) 406, 409

— большие пространства 85–86

— космическое 85, 407–409

— морское (океаническое) 393–398, 399, 401–403

— общие пространства 393, 413

Развитие 12–13, 24–25, 60, 66–70, 91, 97, 110, 117, 133, 149–151, 254–261, 264–265, 272, 278–279, 310, 348, 383

— гармоничное 328

— глобальное 17, 70, 241

— демографическое 130, 136

— догоняющее 111, 125

— капитализма 111, 119, 122

— официальная помощь развитию 190, 332

— развивающиеся страны 40, 101, 111, 124, 130–131, 185–187, 190–194, 241, 264–265, 269–272, 292–293, 313, 349, 353

— развитые страны (развитые государства) 40–41, 93, 104, 119, 131–133, 135–136, 141–143, 185, 191–194, 239, 269–272, 313, 348

— региональное 325, 328

— технологическое 92–93, 106, 240–250, 279, 378

— центр мирового развития 30–31

Регион

— модель закрытого регионализма 379

— регионализация 155–157, 328, 380, 384

— регионализм 149, 155–157

— субрегион 310, 328, 332, 363, 365, 373, 384, 385

— теории нового регионализма 157, 160, 162

- Режим 65, 70
- политический 211–212, 223, 291, 306, 363–365
 - международный 75–78, 175, 249, 291, 311, 393–394, 396–398, 405, 406–407, 411
- Ресурсы 44, 101, 136, 140, 203–205, 400–401, 410
- ВИЭ (возобновляемые источники энергии) 273–274
 - креативный 95
 - организационный 205
 - природные 36, 55, 99, 268, 280, 291, 348–349, 294–295
 - трудовые 113, 140, 187–189, 192–193, 195
 - сланцевая революция 275–278
 - финансовые 190
 - человеческий (капитал) 16
 - энергетические (энергоресурсы) 93, 268, 270–274, 276–279, 291, 377–382
- Россия 17, 51–52, 79, 86, 126, 132, 169, 223–231, 248–250, 275–278, 281–282, 289–291, 293–296, 326, 369–371, 374, 377–385, 402–406
- Рынок труда 15, 134, 140, 184, 187, 188, 198, 295, 378
- Самоопределение** 64, 206, 384
- Сеть 16, 53, 136, 168, 242, 269, 273, 282, 332, 335, 410
- глобальная 93, 98, 242, 410
 - международная производственная 97–98, 254, 327, 337
 - валютно-финансовых отношений 98
 - сетевое управление 105
 - сетевые взаимодействия (связи) 242, 254, 256–257, 262–264, 312, 344
 - социальная 34
 - террористическая 222, 226
- Сила (мощь) 18, 44–45, 287, 290, 297, 328, 346–347, 424–430
- жесткая 13, 82, 413, 427
 - мягкая 13, 82, 428
 - производительные силы 89–91, 95–96, 110–112, 115
 - распределение (соотношение/баланс) сил 27–28, 62, 82, 200, 249, 325–326, 330–333, 344, 428
 - умная 82
- Система 27, 42–43, 92, 111, 201, 258, 318, 335, 421
- международная 13, 17–18, 28, 58–70, 250, 300, 344–345, 427
 - мировая 12–13, 117, 123–127, 206, 246
 - многополярная (полицентричная) 15
 - однополярная (униполярная/моноцентричная) 70
 - полиархия 174
 - политическая 42, 58, 304–306
 - политика 58–62, 69
 - финансовая система 119–120, 311, 346–347
- Стратегия 45, 70, 105, 118, 122, 208, 210, 211, 216, 223–231, 231–235, 263, 281, 292, 296–297, 310, 313, 336, 348, 354, 365–368, 405
- внешнеполитическая (международная) 47, 74, 82, 322, 343, 346, 385, 388
 - внешнеэкономическая 47, 322
 - унилатерализм 46
- Суверенитет 60, 66, 76, 91, 106, 210, 319–321, 393–394, 399, 403–405, 406, 409, 428
- суверенное равенство 69–70, 317, 321
- Соединенные Штаты Америки 27, 29–30, 32, 33, 44–46, 70, 79–83, 85–86, 111–112, 114–121, 131–132, 141, 171, 211, 222–229, 249, 257, 274–278, 290, 296–299, 325, 328, 333–335, 346–347, 361, 363, 365–368, 381, 395, 397–398, 403, 406–408, 410–412
- Территория** 58
- приполярные территории (см. *Арктика* и *Антарктида*)
 - территориальная переконфигурация мира 73–74, 86
 - территориальная целостность 91
 - территориальное размежевание 59, 63
 - территориальный спор (территориальная претензия) 321, 336, 343, 394, 399–400, 403
- Терроризм 34, 76–77, 179–180, 211, 213, 233, 243–244, 334–335
- глобальный (транснациональный) 70, 398
 - международный 36, 78, 298–299
 - террористическая сеть (см. *Сеть*)
 - террористическая угроза 33
- Технологии 116–117, 138–140, 194, 239–240, 243, 254, 273
- биотехнологии 94, 239, 242, 243
 - информационно-технологический (технологический) уклад 91–94, 97, 110–112, 279
 - информационные (информационно-коммуникационные) (см. *Информация*)

-
- нанотехнологии 94, 239
 - научно-технологический прогресс 239, 241, 244, 269, 279, 310
 - научно-технологическое сотрудничество 245–246, 327
 - трансфер технологий 242
- ТНК** (транснациональные корпорации/компании) 15, 97, 105, 112, 124, 188–189, 255, 265, 281
- Унилатерализм** (см. *Стратегия*)
- Управление** 29, 35, 104, 246, 248, 264, 273, 320
- глобальное (глобальное регулирование) 34, 49, 102–104, 198, 251, 263, 296
 - государственное (государственное регулирование) 34, 98, 103, 249
 - управление Интернетом 250, 410–412
 - мировое правительство 103
 - океаническое соуправление 393–405
 - сетевое 105
 - управленческие альянсы 105
 - управляемость 42–43, 263–264, 308, 367
 - федерализм 103, 305, 307
- Федерализм** (см. *Управление*)
- Фундаментализм**
- рыночный 51
 - религиозный 171–172
- Холодная война** 27, 29, 41, 48–49, 222, 333, 346
- Ценности** 14, 33, 142, 176, 201, 206, 212, 320, 427
- исламские 177
 - система ценностей 32, 177
 - универсальные 54, 79, 298, 422, 424–425, 427–428
- Центр силы** 27–28, 45, 62, 81, 85, 174, 325
- Цивилизация** 54, 96, 133, 167, 176, 180–181, 421, 424
- Экология** 36, 99, 244, 351, 397
- глобальное потепление (изменение климата) 101, 245, 351, 403
 - окружающая среда 41, 55, 244, 351
 - энергоэффективность 122, 269, 382
- Экономика**
- аграрная революция 89
 - аутсорсинг 116, 188–190
 - гиперпотребление 25, 54
 - глобальная 46
 - двухслойная 112, 115
 - знаний 89, 94–96, 105
 - индустриальное чудо 125–126, 262
 - кластер 242
 - комплементарность национальных экономик 377
 - промышленная революция 91, 95, 110
- Энергоэффективность** (см. *Экология*)
- ЯО** (ядерное оружие) 222–235, 291, 353
- контрраспространение 223
 - нераспространение 228, 291, 299, 353
 - ПРО (противоракетная оборона) 222, 225, 230, 409–410
 - разоружение 223, 233–234, 243
 - СЯС (стратегические ядерные силы) 224–228, 229–230, 232–234
 - ядерное планирование (политика/стратегия) 222–235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байков Андрей Анатольевич – кандидат политических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы»

Баталов Эдуард Яковлевич – доктор политических наук, профессор Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Богатуров Алексей Демосфенович – доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Научно-образовательного форума по международным отношениям, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования, лауреат Премии им. Е.В. Тарле Российской академии наук

Болгова Ирина Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО (У) МИД России, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России, заместитель главного редактора журнала «Восточная Европа. Перспективы»

Данилин Иван Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Зиновьева Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России

Ильин Михаил Васильевич – доктор политических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Колдунова Екатерина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент Кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Крутских Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России

Мамонов Михаил Васильевич – старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Наумкин Виталий Вячеславович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, руководитель Центра Института социально-политических исследований РАН, профессор Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Симония Нодари Александрович – академик РАН, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Кафедры международных проблем ТЭК МГИМО (У) МИД России

Сударев Владимир Петрович – доктор политических наук, заместитель директора Института Латинской Америки РАН, профессор Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России

Сушенцов Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Томберг Игорь Ремуальдович – кандидат экономических наук, директор центра Института востоковедения РАН, профессор Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Фененко Алексей Валериевич – кандидат исторических наук, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Шаклеина Татьяна Алексеевна – доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России, лауреат Премии им. Е.В. Тарле Российской академии наук

Шишков Юрий Викторович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Учебное издание

МЕГАТRENДЫ
Основные траектории эволюции
мирового порядка в XXI веке

Учебник

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 28,0.

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71.

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495) 988-63-87
